

Андрэ НОРТОН

ЖЕЛЕЗНЫЕ
БАБОЧКИ

НОРТОН

ЖЕЛЕЗНЫЕ
БАБОЧКИ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Железные бабочки
Удача Рэйлстоунов

романы

Издательство «Сигма-Пресс»
г. Москва

1994г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ

Железные бабочки. Романы/Пер. с англ. — М.: Издательство «Сигма-пресс», 1994 г. — 448 стр. Вып. 24.

Старинные замки с потайными ходами... Сокровища и клады, оставленные в наследство... Романтическая любовь... Всё это можно найти в не фантастических, но тем не менее увлекательных приключенческих романах известной писательницы-фантаста Андрэ Нортон.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.

**Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена.**

**Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.**

Н $\frac{4701000000 - 25}{\text{ОД4(03)-94}}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5-85949-27-6

IRON BUTTERFLIES

© 1980 by Andre Norton

RALESTONE LUCK

© 1966 by Andre Norton

© Издательство «Сигма-пресс», 1994 г.

© Пер. с англ. «Железные бабочки» Д. Арсеньева, 1994 г.

© Пер. с англ. «Удача Рэйлстоунов» В. Щербаковой, 1994 г.

© Художник Д. Аввакумов, 1994 г.

ЖЕЛЕЗНЫЕ БАБОЧКИ

*Доктору Кэрол Бернетт,
без одобрения которой этот рассказ
никогда не появился бы*

Глава первая

Бабушка умерла в последний день марта, когда свежий ветер пробивался в щели окон и шевелил занавеси, которые она никогда не разрешала задёргивать. Как и величайшая из королев, грозная Елизавета Английская, Лидия Виллис Харрач отказалась встречать смерть беспомощной жертвой в постели. Она сидела в кресле с высокой спинкой, сидела прямо, поддерживаемая одной лишь своей железной волей, и смотрела на грязный снег подъездной дороги к нашему имению, как будто считала, что её судьба придёт именно по этому пути.

Её закаляли — как мастер закаляет материал для своих изделий — скандал, бесчестье и мелочная злоба, пока она не превратилась в живую легенду.

Хотя все последние часы я провела рядом с бабушкой, она ни разу не протянула мне руку, не повернула головы, а только смотрела на дорогу. А я не решалась тревожить её. Иногда напряжённость её взгляда заставляла меня вздрагивать и плотнее запахиваться в шаль. Как будто она силой воли приказывала чему-то — или кому-то — появиться.

И когда наконец бабушка нарушила молчание, голос её не утратил властности.

— Амелия... — прозвучал приказ.

— Я здесь.

— Принеси ящик...

Я так долго просидела неподвижно, что ноги затекли и, вставая, я чуть пошатнулась. Это мог быть только один «ящик» — небольшая шкатулка, которую я никогда не видела открытой, но которую бабушка всегда держала рядом с собой, а ночью прятала под подушку. Я принесла

шкатулку со столика у кровати, но бабушка так и не подняла к ней руку. После недолгого колебания я поставила ящичек ей на колени.

— Времени... времени всё-таки не хватило... — говорила она торопливо, по-прежнему глядя на дорогу. Но вот медленно повернула голову, и взгляд её сосредоточился на мне. — Твоё... — она лёгким жестом указала на шкатулку. — И всё остальное — тоже. Придёт посыльный... — она помолчала, напрягая волю. — Твоё наследие... Возьми то, что тебе предложат, — по праву, по праву! — голос её зазвенел, повторяя эти слова. И в нём прозвучали гнев и гордость. Потом тень протеста появилась на её лице.

Тело её ещё больше выпрямилось на поддерживающих подушках. Она высоко держала голову, словно в короне, а не в ночном чепце с оборками. И встретила наконец смерть, не сдаваясь ей.

Я подхватила её, крикнула: «Бабушка!» С другого конца комнаты подбежала Летти, служанка. Её чёрное лицо было искажено горем и любовью. Она делила с бабушкой годы и воспоминания, которых я не знала. Я даже почувствовала себя лишней.

— Ящичек, мисс Амелия, — Летти передала мне шкатулку. Ещё плотнее завернувшись в шаль, я прошла в свою комнату по коридору.

Жизнь в «Сотне» Виллисисов никогда не была ни лёгкой, ни особенно счастливой. Ребёнком я принимала жёсткий уклад жизни в доме без вопросов. И лишь пойдя в школу семь лет назад, я обнаружила, что жизнь за пределами нашего мэрилендского поместья совсем другая. Рассказы подруг о жизни в их семьях казались мне экзотическими и нереальными. И их свободу я никак не могла усвоить.

К нам домой не приезжали соседи, и мы сами никого не посещали. Отец мой погиб во второй войне с Англией, он был убит в битве при Бланденсбурге. Мама, тихая женщина, болезненная и, как я поняла позже, жившая в постоянном страхе перед свекровью, вскоре тоже умерла, почти не оставив воспоминаний о себе.

Слухи о нашей семье и самоизоляция объяснялись ста-

рым скандалом, очернившим наше имя. В своё время бабушка вышла замуж за одного из пленных гессенских офицеров, расквартированных в Мэриленде после сдачи у Саратоги. Когда война закончилась, он вернулся к себе домой за море. Обещал ли он прислать за ней? Никто не знал. Поговаривали, что брак оказался незаконным, что она на самом деле ему не жена, а сын её — незаконнорожденный. О капитане фон Харраче больше никто ничего не слышал.

То, что брак показался людям сомнительным, и то, что она вышла замуж за врага, — всё это буквально заклеимило Лидию Виллисис и сделало её затворницей. Потом последовал новый удар. Отец бабушки вызвал на дуэль оскорбившего её соседа, убил его, но остаток жизни прожил калекой.

И тут бабушка показала, из какого металла она выкована. Она приняла на себя обязанности, которые больше не мог исполнять отец, и оказалась такой проницательной и практичной, что состояние семьи весьма значительно увеличилось. «Сотня» Виллисисов превратилась в процветающее имение, которое способно было дать содержание всей семье и слугам. Бабушка владела также кораблями, а когда наша молодая нация погрузилась в мир коммерции, занялась и торговлей. Постепенно и я стала принимать в этом участие. Когда ревматизм искривил руки бабушки, я стала вести её переписку и записывать инструкции и указания. Но некоторые письма она по-прежнему, хоть и с трудом, писала сама, и я их никогда не читала.

По сравнению со своими сверстницами, я вела не совсем обычную жизнь. Я не имела подруг, не бывала на приёмах и вечеринках. Возможно, это уберегло меня от разочарований, потому что я далеко не красавица и на меня наверняка не обратили бы внимание, если бы я оказалась в обществе. Для женщины я слишком высока и худа, хотя научилась не быть неуклюжей и неловкой. Волосы у меня светлые и очень тонкие, завитков не выдерживают. Поэтому я просто укладывала их вокруг головы. Брови у меня тёмные и расположены таким образом, что выражение

лица получается постоянно серьёзное, почти мрачное. Короче, я не свеча, к которой слетались бы мотыльки-мужчины.

Так что, закончив школу, я об этом и не думала. Как помощница бабушки, я со временем приобретала её именем всё большую и большую власть. И дела и обязанности доставляли мне немало интересного. Думала ли бабушка обо мне как о молодой девушке? Она окружила себя такой бронёй, сквозь которую не пробивались никакие чувства, что иногда казалась мне всемогущей и была центром моего мира. И в тот мартовский день, когда она меня покинула, я была подобна кораблю, неожиданно потерявшему рулевого.

В последние мгновения жизни она говорила о посылном, о наследии и об ящичке. Я вновь взяла шкатулку в руки. Она была очень старая, деревянная; дерево давно почернело от времени или было специально зачернено. Резьба на крышке совсем стёрлась. Но луч солнца позволил мне разглядеть почти исчезнувший рисунок — геральдический щит, причём герб там был явно не Виллисисов.

В замок был вставлен маленький ключ. Бабушка всегда носила его на шее на цепочке. И я неохотно повернула этот ключик.

Внутри лежали бумаги, набитые в шкатулку так плотно, что сами собой откинули крышку. Сверху оказалось письмо, написанное бабушкой с огромным трудом, потому что в последнее время руки совсем отказались служить ей. Я развернула листок и принялась читать.

Так разбился и разлетелся на части мой маленький благополучный мир. Это была не воображаемая история, но правда. Я уронила письмо и принялась лихорадочно рыться в остальных бумагах, просматривая одно за другим письма, пока не нашла лист пергамента с юридическим документом, скреплённым печатью.

Так я узнала правду об Иоахиме фон Харраче, чья кровь текла в моих жилах. Но имя, которое он передал мне, было неверным.

Он оказался младшим сыном (шестым из семи братьев), но тем не менее принцем из высокомерной Виттельсбахс-

кой династии, родственником упрямого германо-английского короля Георга, который пытался подчинить нас своей воле. Поссорившись с отцом, принц бежал и вступил офицером в армию гессенцев. Отец его был курфюрстом и самодержавным правителем Гессена. Но потом в княжеской семье начались смерти: от лихорадки, от несчастного случая на охоте, при падении с лошади. И Иоахима призвали домой, чтобы он возглавил княжество.

Отцу Иоахима оказалось очень легко отбросить неблагоразумный брак сына. Достаточно было подписи на листе пергамента. И Иоахима ждала подлинная принцесса, тщательно подготовленная к династическому браку.

Внутри документа, который сделал мою бабушку любимицей, а моего отца — незаконнорожденным, нашлось ещё одно письмо: довольно сильно измятый и потрёпанный листок: его не только много раз читали и перечитывали, но и мяли в руках, а потом разглаживали.

Читая его, я испытала настоящий гнев. Это было предложение, бесчестное предложение для такой женщины, как Лидия Виллисис. Но по сообщениям из Европы, которые получала бабушка, и со слов учительницы-немки в школе я знала о существовании такого обычая при германских дворах. Правитель может одновременно иметь законную жену своего ранга и морганатическую, даже две сразу... Для меня выражения любви в этом письме прозвучали оскорблением. Руки мои дрожали, я отбросила от себя листок, словно пропитанный ядом.

Но тут я вспомнила о письме бабушки. Взяла его и перечла. Теперь я понимала, что стало целью всей её жизни.

Всё, что я делала для умножения нашего состояния и прославления имени, я делала, чтобы стереть с нас пятно. Я не могла вернуть Иоахима; я думаю, что на него оказали такое давление, что он, с его воспитанием, не смог воспротивиться. По законам нашей страны я его законная жена, и у меня есть доказательства этого. И я работала, чтобы получить дальнейшие доказательства, если это ещё возмож-

но. И если известие, которое я ожидаю, придёт, прошу тебя, Амелия, сделать всё, чтобы добиться такого подтверждения. У тебя будет независимое состояние, и ты сможешь поступать по своему желанию.

Но я не связываю тебя никаким обещанием. Время хоронит многое. Если это дело не покажется тебе важным, поступай, как захочешь. Если ожидаемый мною посланец появится, прими его, выслушай и потом решай. Больше я ничего у тебя не прошу...

Подписи не было, как будто перо выпало из её руки. Бабушка никогда ничего у меня не просила, кроме помощи в переписке и в делах. Да и теперь не пыталась связать меня своим предсмертным желанием. Но меня заполнял гнев — не за себя, а за неё. Пусть только появится посыльный. Я решу, что делать. Я готова была сделать то, о чём она просила меня. И докажу, что она была благородной женщиной, с которой жестоко обошлись!

Подгоняемая этим решением, я прочла все остальные письма — по большей части отчёты из Гессена. Сжато описывался династический брак. Единственный сын, родившийся в этом браке, погиб в наполеоновских войнах. Дочь, незамужняя, жива. От самого Иоахима никаких писем не было. Так мне казалось, пока я не нашла под всеми бумагами кусочек светло-жёлтой парчи, прошитой поблекшей золотой нитью. Я взяла парчу, и она словно начала распадаться у меня в руках. И мне на колени упало ожерелье с подвеской, целиком чёрного цвета. А к нему был прикреплён бумажный листок. Я развернула его.

«Лидия... Лидия... Лидия...» Только имя, написанное снова и снова, с такой силой, что перо прорвало бумагу, оставив пятно, словно каплю крови из вены. Сила, с которой это писалось, проникла даже в моё, бедное чувствами сердце. Я не сомневалась в том, кто это написал, и знала, с каким глубоким чувством писалось это имя.

Ожерелье было изготовлено с величайшим мастерством, хотя материалом послужило самое обычное железо. Резных бабочек с необычайно тонкими крыльями, словно сделан-

ными из паутины, соединяли розетки, в которых сверкали искорки; но это были не драгоценные камни, а ограненные кусочки стали.

Не задумываясь, я приложила ожерелье к шее и посмотрела в зеркало своего туалетного столика. Оно выглядело как-то странно прекрасным, но одновременно показалось мне каким-то отталкивающим. Почему самые нежные насекомые сделаны из такого твёрдого металла? Какое сознание могло подумать о таком соединении несоединимого?

Я стала заворачивать ожерелье, но оно выскользнуло у меня из рук, и только теперь я заметила надпись, выправленную на обратной стороне подвески:

«Em get aushet zum Wolh des Faderland».

— В обмен на богатства Родины, — перевела я.

Что это значит? Пока я не могла разрешить эту загадку. Сложив всё назад в шкатулку и закрыв, я спрятала её под подушку.

Пять дней спустя адвокат бабушки ввёл меня в курс дел. Я была уже совершеннолетней, и бабушка действительно сделала меня полностью независимой. В завещании имелся пункт, который заставил Джеймса Вестона недовольно нахмуриться.

— Если вы выйдете замуж, мисс Харрач, ваше состояние будет помещено в особый фонд, которым сможете распоряжаться только вы одна. Мадам Харрач настаивала, чтобы вы всегда могли без каких-либо помех полностью распоряжаться своим состоянием.

Я с тайной усмешкой подумала, что это условие наверняка отобьёт охоту у искателей богатства. Жена, настолько независимая от мужа, конечно, чудовище, которого следует опасаться. И отношение Вестона только утвердило меня в этой мысли. Но, как и пообещала бабушка в своём последнем письме, она действительно оставила меня свободной и предоставила возможность действовать.

Оставалось ждать обещанного посыльного. Последние сообщения из Гессена (я время от времени перечитывала бумаги в шкатулке) были подписаны П.Ф. и давали такое подробное описание придворной жизни, что не могли быть

написаны купцом или капитаном морского корабля. Их автор явно занимал какое-то видное положение при дворе. Я перечитывала последнее из этих сообщений после ухода Джеймса Вестона, когда ко мне пришла Летти.

— Мисс Мелия, пришёл джентльмен, он говорит, что вы его ожидаете, и хочет поговорить с вами... — она стояла в двери, разглаживая передник. Я знала Летти: после смерти бабушки она всю свою преданность перенесла на меня.

Человек, которого я ожидаю. Посыльный! Я чуть не вскочила, но заставила себя сдержаться.

— Он назвался, Летти?

— Нет. Сказал только, что у него важное дело к старой мисс. Я ему говорю: она умерла. Тогда он сказал, что хочет поговорить с вами.

— Проводи его в гостиную, Летти.

Но она даже не двинулась.

— Мисс Мелия, вы уверены, что хотите его видеть?

— Конечно.

Она скомкала край передника.

— У меня предчувствие, девочка, просто предчувствие.

Я знала и предчувствия Летти. Очень часто в прошлом они служили предостережениями. Но на этот раз... если это посыльный... Я покачала головой, и Летти со вздохом вышла.

Войдя в комнату, я увидела только спину посетителя: он стоял у окна, глядя в сад. Высокий, в плотно облегающем, как вторая кожа, тёмно-зелёном костюме. В его позе ощущалась какая-то напряжённость, как у военного в стойке смирно.

— Вы хотели меня видеть?... — должно быть, я вошла очень тихо, потому что пока я не заговорила, он не поворачивался. Но теперь повернулся, и очень легко и быстро, с проворством, противоречившим прежней напряжённой позе. Я ожидала увидеть моряка или купца, которые не раз навещали бабушку. Но он оказался человеком совсем другого класса.

Загорелое лицо выдавало человека, много времени про-

водящего под солнцем; а взгляд, которым он наградил меня, принадлежал командиру, привыкшему приказывать. Я не назвала бы его красивым, но в лице его сквозила решительность, которая привлекает. Волосы у него тёмные, одна прядь спускалась на лоб, не совсем закрывая старый шрам. Этот шрам разрезал бровь, приподнимая её, и придавал лицу вопросительное выражение. Человек поклонился.

— Мисс Харрач? — вопрос был задан глубоким голосом с еле заметным акцентом.

— Да, это я.

— Я Прайор Фенвик, — он помолчал, как будто я должна была узнать это имя. Потом, должно быть, по моему выражению догадался, что я не узнала. Чуть нахмурившись, он сказал:

— Разве мадам Харрач не говорила вам обо мне?

— Сэр, перед смертью она сказала, что ожидает посылки. Но причину мне не сообщила.

— Значит, она не говорила вам, что я должен проводить вас в Гессен?

Настала моя очередь недоумённо посмотреть на него.

— Бабушка не оставила мне таких указаний, сэр. Что касается Гессена... зачем мне туда ехать?

Его уверенность раздражала меня. Он вызывал у меня впечатление, которое я не могла пока определить, но к которому отнеслась недоверчиво. Он подошёл ближе, и мне пришлось заставлять себя остаться на месте. Когда хотелось убежать.

— Насколько вы знакомы с ситуацией? — вопрос его прозвучал требовательно. Я испытала сильное негодование, и какая-то часть моего сознания удивилась полноте этого чувства. Может, как и Летти, я ощутила «предчувствие»? Размышляя над этим, я ответила на его вопрос уклончиво.

— Сэр, я должна попросить вас выразиться яснее, — я контролировала голос и надеялась, что внешне моё смущение не проявляется. — Что именно я должна знать?

Он нетерпеливо посмотрел на меня. Лицо его стало хмурым.

— Когда я упомянул Гессен, вы не удивились. Готов поручиться, что вы знаете и остальное, мисс Харрач.

Он назвал Прайор Фенвик. «П.Ф.», корреспондент бабушки, который подписывался только инициалами.

— Сэр! — я постаралась сохранить спокойствие, помня правило бабушки никогда не действовать по первому порыву. — Вы, наверное, и есть тот самый П.Ф., который написал последнее письмо из Аксельбурга десятого ноября?

Он кивнул.

— Но если это так, то что изменилось с того времени? Пожалуйста, садитесь, сэр, — я указала на кресло и с радостью сама опустилась на скамеечку и сложила руки на коленях, как школьница, чтобы не выдать лёгкой дрожи. Я видела, что взгляд у него очень внимательный. Неужели то, с чем всю жизнь боролась бабушка, приближалось и ко мне?

— В январе умерла курфюрстина Каролина, — мой посетитель не сел, он положил сильные руки на спинку кресла, внимательно смотря на меня, и мне трудно было выдерживать его взгляд. Ни разу раньше при встрече с мужчинами я не испытывала такой трудности. — Сам курфюрст болен. Его давним желанием было...

Я испытывала неловкость и потому прервала его.

— Исправить причинённое зло, мистер Фенвик? И как он собирается это сделать? Пришлёт ещё один официальный документ с печатью, в котором будет сказано, что у него здесь законная жена и законный сын? Он прислал вас сюда с таким документом, мистер Фенвик? — в голосе моём прорвался гнев.

— Он послал за вами, мисс Харрач, получив письмо вашей бабушки. Он стар и болен и хочет увидеть вас...

Он замолчал, как будто ожидал, что я тут же соглашусь. Но меня поразило упоминание о письме бабушки. Зачем она это сделала? Зачем унизила себя (так мне тогда показалось), написав человеку, так жестоко обошедшемуся с ней? Это не в её характере, я не могла в это поверить. Я молчала, и он продолжил.

— Я знаю, что положение вашей бабушки в этой стране было трудным...

— Как вы проницательны, мистер Фенвик! — вспыхнула я. А он, человек, явно привыкший командовать, теперь растерялся, потому что не мог распоряжаться ситуацией.

— Моя бабушка, сэр, была опорочена. Законный муж бросил её, объявив любовницей, её сын оказался человеком без имени. Вот положение, в какое ваш курфюрст поставил людей, которыми должен был бы гордиться. Отец бабушки вынужден был защищать её доброе имя на дуэли и в результате умер калеккой. Таково наше положение, и таким оно было в течение почти пятидесяти лет. Как он смеет теперь посылать за мной? И какова ваша роль в этом деле?

Он с явным усилием сдержался. Я заметила, как дёрнулась у него угол рта, как напряглись губы, прежде чем он ответил.

— Я полковник гвардии курфюрста, его доверенный посыльный. Это ответ на ваш последний вопрос. Он доверил мне переписку с вашей бабушкой. Ситуация такова, что он может доверять лишь немногим. Меня он выбрал, возможно, потому, что моя семья происходит из этой страны, и он считал, что тем самым облегчит моё задание. В вашем положении невозможно правильно понять требования долга, — он словно читал мне лекцию. — Курфюрст несёт долг перед династией, перед народом...

— Но не перед семьёй? — прервала я его. — Ваша речь очень поучительна, полковник Фенвик. Но он сделал в прошлом свой выбор. Почему же вдруг изменил его? Что меняет смерть курфюрстины? — сила гнева помогла мне справиться с дрожью рук. Я неожиданно поняла, что до боли сжимала ладони.

— Пока её высочество была жива, курфюрст не мог писать... — Фенвик полуобернулся. Мне показалось, что он искал слова, которые я поняла бы. — Интриги расцветают при любом дворе. Он... он выполнял клятву, данную у постели умирающего отца. Но теперь он свободен... и сильно болен. И врачи не обнадёживают. Однако его сила

воли, я думаю, посрамит их предсказания. Он доживёт до встречи с вами.

Положение таково, мисс Харрач: он не в состоянии дать вам наследство, на которое вы имеете полное право, но у него есть частное состояние, которое он может завещать по своему желанию. Хотя больше всего он хочет увидеть вас, потому что вы его внучка.

— Итак, вы предлагаете, сэр, чтобы я немедленно отправилась за море, чтобы увидеться с человеком, которого не знаю и о котором я невысокого мнения. Отправиться, чтобы унаследовать состояние. Сэр, благодарю вас за такую оценку моего характера. До сих пор я не относилась алчность к своим грехам. Отличное предложение, сэр. Я нахожу его оскорбительным! — я встала. — Прошу меня простить, но я вынуждена уйти. Этот разговор кажется мне отвратительным. Давайте на этом закончим.

Он выпустил спинку кресла и сделал нетерпеливый жест.

— Мисс Харрач, кажется, я неудачно выразился. Наверное, я неподходящий посыльный. Но правда состоит в том, что я единственный, кому курфюрст может полностью доверять в этом деле. Заболев, он попал в зависимость от других, а верность при дворе — очень непрочное свойство. Могу вам сказать, что правитель теперь не связан обязательствами, которые в прошлом заставляли его поступать вопреки желанию. Теперь он свободен и нуждается... он стар и хочет мира.

Голос его буквально звенел, и я воздержалась от повторения своего ответа. Вспомнила листок бумаги, в который завернуто ожерелье. Надпись на нём — словно проникнутый болью голос.

— Но вы хотите, чтобы я предприняла с вами такое путешествие...

Он снова сделал нетерпеливый жест, отбросив мои возражения.

— Конечно, мы отправимся не одни. В Балтиморе вас ждут граф и графиня Црейбрюкен. Графиня ваша отдалённая родственница. А теперь, мисс Харрач, я должен задать

вам вопрос... Какова была неизменная цель жизни вашей бабушки?

Я перевела дыхание.

— Но вы ведь не можете обещать, что она будет признана... открыто... с уважением...

Из внутреннего кармана своего облегающего верхового камзола он извлёк сложенный листок бумаги, вернее пергамент. Протянул мне, и такова была сила его взгляда, что я взяла листок и прочла то, что было написано сухим канцелярским почерком.

— Бабушка... но почему о ней говорится как о графине Священной Римской империи? Это...

— Это первый шаг к установлению её истинного места при дворе.

— Места законной жены курфюрста? — надеюсь, он расслышал сарказм в моём голосе. — К сожалению, это опоздало...

— Титул переходит к вам, поскольку вы её единственная наследница. Курфюрст подписал этот документ три месяца назад. Он не знал, что она больна, близка к смерти... Он надеялся... — Фенвик пожал плечами. — Время и судьба никогда не жаловали его.

Я сложила пергамент, вспомнив другой, тот, что в шкапулке. Один отбирает, другой даёт. Титул ничего не значил бы для Лидии Виллисис — честное имя гораздо больше. Но она просила меня об этом, просила очистить её имя. Есть ли у меня выбор? Тот человек стар, болен, некоторые даже могут подумать, что у меня перед ним долг. Его состояние — для меня оно ничего не значило. Но то, о чём говорил этот пергамент, другое дело.

Должно быть, мысли отразились на моём лице. А может, полковник считал, что женщина всегда может быть убеждена мужчиной. Потому что он резко сказал:

— Необходимо торопиться, графиня. Курфюрст не может ждать долго. В Балтиморе ждёт корабль. Он отплывает через пять дней...

— Сэр! Это невозможно!

— Мадам, — ответил он, — это не только возможно, мы

обязаны это сделать. Я ведь вам сказал: курфюрст умирает
Такова правда!

Сила, с которой он говорил, выдавала его нетерпение. Неожиданно у меня захватило дыхание, как у человека, которого подхватила неодолимая сила. Вопрос целесообразности. Но пять дней... На мгновение я почувствовала себя беспомощной, словно потеряла контроль над своими делами. Полковник поклонился и направился к двери.

— Я поговорю с вашим адвокатом, мистером Вестоном. Надо отдать распоряжения для вашего удобства.

Я упрямо хотела сказать, что не желаю иметь ничего общего с его «распоряжениями», что не собираюсь плыть в Гессен. Но уже поняла, что согласилась на участие в этом необыкновенном приключении.

Глава вторая

Я занялась делами имения; я знала, что отплываю в Европу и в неизвестность, но не собиралась оставаться там, когда будет выполнен долг перед памятью бабушки. Летти просилась со мной, но я ей сказала, что ей будет трудно в стране, языка которой она не знает и где люди с её цветом кожи неизвестны. По вынужденным замечаниям мадам Манцель, немецкой гувернантки в старших классах, я знала, какая пропасть между классами существует у неё на родине. В одном из её любимых (а для меня — ужасных) рассказов говорилось о великом герцоге, который хладнокровно застрелил крестьянина, чтобы доказать гостю, что он свободно распоряжается жизнью и смертью своих подданных.

Поэтому я считала, что и передо мной возникнут проблемы касты и ранга. Моя единственная защита — пергамент, который передал мне полковник Фенвик. Но впервые я почувствовала, что меня ожидает, лишь встретившись через два дня в чопорной и тесной гостиной дома Джеймса Вестона в Балтиморе с двумя людьми, которые должны были сопровождать меня, в респектабельности которых поручился полковник Фенвик. Меня больше инте-

ресовала графиня, которая, оказывается, моя родственница. В рассказах мадам Менцель много говорилось о высокомерии и самонадеянности придворных, и я без всякого тёплого чувства ожидала знакомства.

Граф был одет как джентльмен, но держался так прямо и скованно, что я всё время подсознательно ожидала услышать звон шпаги или стук шпор, которых, конечно же, не было на его штатских ботинках. Высокий человек с коротко стриженными светлыми волосами. Такие же короткие бакенбарды торчали под ушами и вдоль подбородка. Нос напоминал хищный клюв, но подбородок слабой линией уходил назад к горлу, закрытому шейным платком. Граф вошёл на шаг впереди жены и резко поклонился мне, не глядя в глаза.

Жена его, впрочем, оказалась совсем другой. Прежде всего она была почти моей ровесницей, гораздо моложе своего худого мужа, и такой же живой и проворной, как он — сдержанный и отчуждённый. Небольшого роста, с хорошо развитой грудью. Из-под шляпы с плюмажем и лентами выбивались золотые пряди, яркие, как монеты только что из чеканки. Ленты окружали лицо с голубыми глазами, большими и будто бы невинными. Маленький, круглый, ярко-красный рот напоминал нераспустившийся бутон. Графиня быстро оглядела комнату, как актриса, проверяющая состояние сцены, потом ответила на мой поклон.

— Графиня... — голос её прозвучал мягко, говорила она по-английски с едва заметным акцентом. — Большая честь быть вам полезной...

Я не строила иллюзий по поводу предстоящего приёма при гессенском дворе. Полковнику Фенвику не обязательно было предупреждать меня, что там меня ждёт гораздо больше врагов, чем друзей. Следовательно, мне требовалось с самого начала вести себя соответственно статусу, который я унаследовала от бабушки. Поклон мой был чуть менее глубоким. И, к явному удивлению графини, я ответила на немецком. Глаза её округлились, мы обменялись ничего не значащими любезностями. Но я заметила, что

чопорный граф и его жена подождали, пока я сяду, прежде чем самим занять указанные мною кресла.

Полковник Фенвик, который сопровождал их и представил, снова остановился у окна, полуотвернувшись, словно с нетерпением ожидая возможности уйти. Я плотнее запахнулась в шаль, опять почувствовав холод, как в день смерти бабушки. Но я сделала свой выбор и должна его держаться.

Полковник и граф оставались в комнате всего несколько минут, потом попросили разрешения уйти, оставив меня с графиней. Она оказалась одной из тех женщин, которые непрерывно говорят, молчание приводит их в ужас. Она болтала не потому, что нервно пыталась нарушить тишину, а просто по привычке.

Она говорила о корабле, на котором мы поплывём, о том, какие там удобства. Я очень скоро обнаружила, что мне достаточно лишь кивать головой и время от времени вставлять «да» или «нет». Но вот она замолчала и прямо и критично взглянула на меня. Во всяком случае я так оценила её взгляд.

— Леди фон Црейбрюкен, — произнесла я на своём родном языке, — вы должны меня простить, если я нахожу своё положение странным и необычным, может, даже слегка пугающим...

Она энергично кивнула, взмахнув красными перьями шляпы (от её выбора цвета у меня болели глаза; если окажусь при дворе, мои наряды действительно будут там самыми тусклыми).

— Поэтому, — я приготовилась играть роль, которую избрала с того времени, как мне навязали эту поездку, — поэтому я рассчитываю на вашу помощь. Полковник Фенвик сообщил мне, что мы родственницы...

Ответ её последовал немедленно; графиня словно была обрадована моим отношением.

— Конечно, — она ответила тоже по-английски. — Мой отец тоже из династии, — улыбка её теперь не была выражением хорошенькой фривольной женщины, в ней появилась какая-то хитрость. — Из династии... — повторила она. — Его светлость принц Аксель был покровителем

моей матери, понимаете. Это брат курфюрста, убитый при Ватерлоо.

Итак, графиня тоже плод внебрачной связи. Похоже, правящий дом Гессена увлекается подобными связями. Я кивнула, словно уже знала это.

— Курфюрст очень добр: он выбрал вас, чтобы вы сопровождали меня в таком долгом путешествии.

— Это не только наш долг, миледи, но и удовольствие. Ах, вам понравится наша страна, она такая прекрасная, люди такие добрые, а Аксельбург — замечательный город! У нас есть опера, прекрасные сады, сокровищница его высочества. Он позволяет даже простолюдинам в праздничные дни любоваться великолепием его собрания. Вы не поверите, пока сами не увидите, что такое может существовать.

Я решила, что не поверю ничему относительно Гессена, пока не увижу сама. В последующие два дня графиня постоянно была рядом со мной, хотя ни графа, ни полковника Фенвика я почти не видела. К своему изумлению — и отчаянию — я обнаружила, что сожалею об отсутствии последнего. Мне он казался оплотом надёжности в моём столь быстро изменившемся мире.

В день отплытия я переживала расставание с Летти, с жизнью, которую всегда знала. Я понимала, что пускаюсь в авантюру, и рядом нет друга, на которого можно рассчитывать. Графиня настояла, чтобы я пользовалась услугами её молчаливой кислой служанки, добавив, что как только появится возможность, мне следует завести свою собственную.

Но я не хотела услуг Катрин, само её присутствие в моей маленькой каюте действовало мне на нервы. И я даже не смотрела с палубы, как исчезают берега моей родины, сомневаясь в своей храбрости в этот критический момент. Я смотрела вниз по течению реки, в море; почувствовав, как качнулась под ногами палуба, я сохранила равновесие и поняла, что кто-то стоит рядом.

— Ветер свежий, может, слишком холодный для вас, миледи...

Да, свежий. Мне приходилось придерживать шляпку. Но всё же я смогла повернуть голову и посмотреть на полковника Фенвика. Он отказался от модной высокой шляпы, теперь на нём была натянутая на уши вязаная шапочка и морская куртка. И выглядел он уютно и по-домашнему, таким раньше я его никогда не видела.

— Слишком холодный? Но я впервые в море и не хочу пропустить начало нового приключения.

Он насмешливо посмотрел на меня, и мне показалось, что он собирается флиртовать со мной. Во мне снова вспыхнул гнев. Болтовня графини и напряжённое молчание графа заставили меня скучать по обычному разговору, но я не могла надеяться, что смогу так разговаривать с полковником.

— Вы любите приключения, миледи? — голос его прозвучал холодно, как брызги, иногда касавшиеся моих щёк.

— Разве их не любят все, сэр? Вы должны согласиться, что для меня это приключение...

Он не смотрел мне в глаза, взгляд его был устремлён в море.

— Будьте настороже!

Эти два слова прозвучали с такой силой, словно вырвались из его уст против воли. И прежде чем я смогла задать вопрос, он исчез, большими шагами ушёл на корму.

Удивительно, но графиня переносила море гораздо лучше своего мужа. Граф оставался в каюте, а она летала по всему кораблю, наслаждаясь деликатесами, которые мы прихватили с собой. Я научилась не только терпеть её болтовню, но и извлекать из неё полезную информацию о Гессене.

Очевидно, покойную курфюрстину не любили. В ней в высокой степени проявлялись высокомерие, вспыльчивость, гордость своим происхождением, недовольство тем, что она жена относительно незначительного властителя. Она, впрочем, выполнила свой долг, произведя на свет наследника и двух дочерей, на которых не обращала никакого внимания. Когда её сын был убит, она заболела. И не от горя, как я поняла, а от досады, что теперь титул

перейдёт к младшей ветви династии, которую она презирала.

Несмотря на всем известный дурной характер жены, курфюрст всегда обращался с ней вежливо. Тот факт, что он не завёл себе фаворитку, был отмечен как особенность характера, необычная для его класса. Всю энергию он направил на собирание того, что графиня назвала «сокровищем». Башню во дворце в Аксельбурге перестроили, удалив все внутренние переборки и соорудив один большой зал на каждом этаже. И разместили в этих залах сокровища, либо заказанные курфюрстом, либо купленные его агентами, рыскавшими по всей Европе.

Там была лаковая комната, стены её украшали панели с нишами, в которых стояли статуэтки из драгоценных металлов, слоновой кости, дорогих камней. Дальше серебряная комната, в которой демонстрировалось столовое серебро, собранное предками курфюрста и его собственными усилиями.

Графиня с жадностью рассказывала обо всём этом. Пальцы её шевелились, словно она ощупывала эти сокровища, и я вспоминала необычное ожерелье из бабочек, оставленное мне бабушкой.

Если курфюрсту Иоахиму принадлежат такие богатства, почему он послал своей американской жене украшение из самого обычного металла? Не желая открывать гарфине свою тайну — ожерелье лежало в потайном кормане моей юбки, — я пыталась каким-то образом получить решение этой загадки.

Ответ я получила из её рассказов о наполеоновском периоде, когда двору пришлось бежать, а сокровища оказались успешно спрятанными. Графиня описывала, в каком трудном положении оказались тогда многие дворы (хотя превосходное собрание гессенской династии не пострадало), когда обратились с призывом к женщинам из благородных сословий. Те, кто отдавал свои драгоценности для общего дела, получали взамен специально изготовленные художниками железные украшения с такой надписью,

как на моём ожерелье. И их носили с гордостью, как мужчины носят боевые награды.

Получила ли моя бабушка украшение за такую «честь», как доказательство того, что она значит для курфюрста? Или он был уверен, что настоящую драгоценность она никогда не примет?

Помимо описания сокровищ курфюрста, я слышала и рассказ о дворе, который меня никак не ободрил. Преувеличенная формальность манер в обращении с низшими совмещалась с нелепым поведением у людей, волю которых почти ничто не ограничивает. Интриги и подглядывания, попытки улучшить своё положение или погубить врага — таковы основные занятия придворных.

Мне много раз приходилось вспоминать просьбу бабушки, чтобы укрепиться в своей решимости, чтобы чувство долга не дало мне прервать путешествие и вернуться домой, прежде чем я увижу границы Гессена.

Я испытывала такое отвращение к предстоящему, что даже не заметила, когда графиня впервые упомянула в разговоре имя фон Вертерна; впрочем она стала повторять его так часто, что я вынуждена была наконец вслушаться в её слова о поразительных достоинствах этого придворного.

Со слов графини выходило, что этот молодой человек обладает всеми качествами романтического героя. Она так лихорадочно расхваливала его, что я заподозрила в графине не просто родственный интерес к барону. Он будто бы так красив, что при первой же встрече привлекает внимание любой женщины, а его с восторгом описанные манеры показались мне присущими опытному соблазнителю. Но он вроде бы ещё и боец, известный всадник, охотник, дуэлянт — образец совершенства, который каждую женщину заставляет вздыхать и падать в обморок.

То, что графиня так явно высказывала своё восхищение им, меня слегка удивляло. Неужели она так влюблена в него, что должна постоянно о нём говорить? Настолько потеряла голову, что не заботится о том, что я могу повторить некоторые её замечания?

В то утро, когда мы наконец-то высадились на землю

после утомительного морского перехода и началась последняя часть пути, графиня с застенчивым видом показала мне миниатюру этого Аполлона.

Нарисованное лицо действительно было красиво, хотя, на мой взгляд, что-то неприятное сквозило в его выражении. Одет он был в исключительно яркий мундир со множеством орденов, золотых галунов и лент. Я высказала несколько общих замечаний, когда графиня потребовала моего мнения, но мне он не показался привлекательным.

Я всё ещё неохотно держала миниатюру, которую сунула мне в руки графиня, когда полковник Фенвик сообщил, что готова наша карета. Обрадовавшись предлогу, я сунула миниатюру назад графине и заметила, что полковник взглянул на неё. Лицо его осталось бесстрастным. Он лишь бросил на меня взгляд, и я почувствовала, что меня судили и признали виновной. Может, он решил, что я поддерживаю страстное увлечение графини. Но сам-то он определённо не попытался лучше узнать меня за всё время пути, держался в стороне, а графиня всегда была рядом. Для него я ещё одна пустоголовая женщина, всего лишь ответственность, от которой он с радостью избавится, когда мы приедем.

Мне не нравилось такое отношение. Я очень хотела дать ему понять, что для меня посещение Гессена означает только одно: моя бабушка должна занять почётное место в мире, которое всегда заслуживала.

Полковник резко отвернулся, а графиня капризно поджала губы.

— Он слишком много о себе думает, — пожаловалась она. — Его отец когда-то служил с курфюрстом в Америке, его высочество стал крёстным отцом полковника, и поэтому Фенвик считает себя важной персоной. А на самом деле он всего лишь наёмник! Вы... — она немного помолчала, потом продолжила: — Ваши соотечественники когда-то изгнали его семью после вашей революции, посчитали их предателями. И потому они продавали свои шпаги за морем. Но он узнает, что о нём думают, — и скоро!

До отъезда из Мэриленда я не догадывалась о том, что полковник — потомок тори; мне сообщил об этом мистер

Вестон в разговоре наедине. По моей просьбе он передал мне некую сумму в золоте; я хранила её в тайне, благо-разумно решив, что золото может мне понадобится. Но тори больше не чудовища из моего детства. И я считала его просто изгнанником, наконец-то нашедшим для себя место.

Презрительная нотка в голосе графини напомнила мне моих соотечественниц поколение назад. Это была жёсткая и отвратительная нотка, она не соответствовала характеру графини, которая на мгновение показалась совсем не такой, какой старается представиться мне.

Поездка по суше оказалась не удобнее морского плаванья. Мы с графиней долгие часы проводили в большой громыхающей карете, Катрин сидела перед нами спиной к лошадям; карета раскачивалась и подпрыгивала на рытвинах плохих дорог. Полковнику и графу было лучше; они ехали верхом и держались перед нашей качающейся тюрьмой вместе с охраной. Другой небольшой отряд стражников ехал за процессией повозок и каретами с багажом и ожидавшими нас слугами.

Эти слуги по утрам уезжали вперёд, занимали гостиницу, изгоняли всех других посетителей, заправляли постели нашим бельём, готовили нам еду и ожидали нашего прибытия. Меня удивляло, что мы останавливались только в гостиницах; в моей стране в обычае навещать ближайшее имение или плантацию у дороги, где путников всегда встречают с открытым гостеприимством. Однако, решила я, европейские обычаи, по-видимому, совсем другие.

В конце концов, пережив тошноту от долгого заключения в карете, скуку бесконечных дней за плотно задёрнутыми занавесями (графиня утверждала, что от света у неё болит голова), мы в начале вечера с грохотом въехали на булыжные улицы Аксельбурга.

Графиня, которая большую часть последнего дня дремала, выпрямилась и отвела занавеску. Я увидела фонари и иногда стены домов. Карета остановилась, открыли дверцу, в лицо ударил ослепительный свет, нас встречало множество слуг в ливреях.

Разминая затёкшие ноги, я осмотрелась и увидела, что

мы въехали во двор, окружённый стенами, и что перед нами внушительный дом, а вовсе не гостиница. Графиня поправила свои юбки и сделала реверанс.

— Миледи, — сказала она по-английски, — прошу входить. Это Гуттерхоф, наш дом.

Дворец был по меньшей мере трёхэтажный и, хотя во множестве окон горели огни, напоминал скорее крепость, чем жилой дом. Но то, что путешествие наше наконец окончилось, заставило меня с радостью посмотреть на один из древних домов Аксельбурга, хотя он и показался мне уродливым и угрожающим. Внутри мы вслед за лакеем, несущим подсвечник с целой кучей свечей, прошли через обширный зал. К лакею сразу же присоединились две женщины. Одна в богатом платье пошла впереди, другая, в переднике служанки, сзади. В таком сопровождении я поднялась по лестнице и прошла по коридору. И вот меня с церемониями ввели в огромную комнату, где даже четыре подсвечника, такие же, как у нашего лакея, не разгоняли тьму.

Комната показалась мне поистине королевской. Сама кровать была большой пещерой, закрытой занавесями, свисавшими со столбов. Кроме того, у кровати имелся пол и у изголовья размещался резной герб с фантастическими животными; огонь свечей отражался в их яростных глазах, на клыках и других частях бронированных тел.

Занавеси, толстый ковёр под ногами, шторы, за которыми должны скрываться окна, — всё синее, потускневшее от времени. Те участки стен, которые я увидела, покрывали панели, разрисованные цветами, которые переплетались, как в джунглях или в лесу, окружавшем в старых сказках спящую красавицу.

Небольшой туалетный столик из слоновой кости с позолотой словно задержался здесь по ошибке, а потом был слишком напуган, чтобы сбежать. Он жался к стене у кровати. Несколько древних стульев, похожих на трон с высокой спинкой, и других, более современных, стояли возле больших и малых столов.

Лакей, поклонившись, вышел. Одетая в шелка женщи-

на, которая могла бы быть сестрой Катрин, с тем же застывшим и правильным выражением лица, сообщила, что еда и питьё скоро придут, и что Труда — тут она указала на девушку, стоявшую со скрещенными под передником руками, — полностью в распоряжении благородной высокопородной леди.

Я поблагодарила её, и она боком, как краб, ушла, сделав по пути три реверанса, каждый чуть менее глубокий, чем предыдущий. Наконец она исчезла за дверью. Я осталась с Трудой, и невозможно было себе представить кого-то менее похожего на Летти. Меня охватила тоска по дому. Захотелось оказаться в своей комнате, на своём месте. И я чуть не заплакала, как девочка, оставленная в пансионе.

В комнате не пахло плесенью, но мне показалось, что я не могу свободно дышать. Массивная кровать скорее угрожала, чем приглашала отдохнуть...

Вздор! Я должна была сдерживать своё воображение. Это всего лишь кровать, а у девушки, которая стояла, опустив глаза, с бесстрастным лицом, не могло быть причин встречать меня по-дружески. Лицо у неё круглое, почти детское, волосы плотно заплетены и убраны под чепчик; казалось, что волосы просто вырваны и уложены надо лбом.

— Горячая вода есть? — нарушила я молчание.

Она вздрогнула и впервые посмотрела мне в глаза. Покраснела и указала на ширму.

— Да, благородная леди. Вода — и всё остальное к вашим услугам. Пожалуйста, взгляните, и если что-то не так, я исполню ваши пожелания.

За ширмой выше моей головы оказался большой, похожий на альков камин. В нём горел жаркий огонь. Тут же стояла ванна и множество кувшинов с водой, от некоторых поднимался пар. Я облегчённо вздохнула. Такой роскоши ни в какой гостинице не найдёшь.

Немного погодя, почти избавившись от боли и усталости в теле, с влажными волосами (их искусно промыла Труда, расчесала и протёрла полотенцем), я надела самое тёплое домашнее платье и села поесть. И так успокоилась, что даже кровать не казалась мне больше угрожающей.

Еда оказалась очень хорошей: суп, утка с горохом, небольшие пирожки с фруктами, сыр, трюфели с кремом. Я выпила немного вина и, возможно, от этого ещё больше захотела спать, потому что начала непрерывно зевать.

Но не настолько устала, чтобы не позаботиться о свёртке, который берегла всю дорогу. Ложась в постель, я сунула его под подушку. В нём хранилось золото, выданное мне Вестоном, пергамент, привезённый Фенвиком, последнее письмо бабушки и ожерелье — талисман, который заставлял помнить о том, что привело меня сюда. Таковы были мои тайные сокровища.

Ширму, за которой скрывался камин, свернули, так что я могла видеть огонь. Труда хотела задёрнуть постельные занавеси, но я отказалась. Глядя на огонь, я задремала.

Но не настолько я устала, чтобы не видеть сны.

Снова я сидела в комнате бабушки, завернувшись в шаль, как в день её смерти. Она тоже сидела здесь, но не опираясь на подушки, а гордо выпрямившись и глядя мне в глаза. Её бледные губы не шевелились, но настойчивый и требовательный взгляд явно пытался сообщить мне что-то. Мне стало холодно, но не от холода в комнате, а от ледяного страха, наполнившего меня, не позволяющего ни говорить, ни двигаться.

И тут стена за креслом бабушки изменилась. Вместо знакомого рисунка обоев, который я всегда знала, показалось что-то серое, каменные блоки. И света из окон пропал.

Окна превратились в узкие бойницы, сквозь которые пробивались редкие бледные лучи. Я по-прежнему сидела и смотрела на бабушку, а она смотрела на меня, безуспешно пытаясь, я видела это, что-то сообщить мне. Я увидела, как она приподняла с колен руку, подняла медленно, с огромными усилиями, безрассудно тратя остатки быстро покидающей её энергии.

Между её бледными пальцами блеснула чёрная цепочка, медленно раскачиваясь, как маятник часов, отсчитывая минуты и часы жизни. Я увидела, что бабушка держит

ожерелье из железных бабочек. Их тонкое очарование исчезло, теперь они напоминали зловещих летучих мышей или другие злые существа, которые охотятся по ночам.

Рука поднималась медленно, но бабочки раскачивались всё быстрее, пока не превратились в сплошное пятно. И вырвались из её руки, полетели ко мне, как нож, нацеленный в горло. Я не могла ни пошевелиться, ни крикнуть, меня держал в своих тисках ледяной ужас. И так велик был этот ужас, что мне показалось, будто сердце вот-вот перестанет биться и разорвётся в груди.

И сделав величайшее в жизни усилие, я умудрилась поднять руку, выставить её как щит перед вращающейся угрозой. Но цепь так и не коснулась меня. Я открыла глаза. Я лежала в тёмной обширной пещере, глядя вверх.

Глава третья

Лежала в пещере? Вся в поту, тяжёлые простыни огромной постели сбились в кучу. Повернув голову, я увидела на столике желобчатую свечу в подсвечнике в форме замка, вернее башни, сквозь узкие окна которой пробивался слабый свет.

Огонь в камине догорел, видны были только несколько углей. Я откинулась на широкую подушку, прижала руки к горлу, оттянула край ночной рубашки и принялась растирать кожу. Хотелось убедиться, что вертящиеся чёрные бабочки не добрались до меня.

Бабушка — нет, я была уверена, что даже во сне она не бросила бы в меня эту угрозу. Цепь полетела сама... А бабушка пыталась предупредить... конечно, это так!

Но меня не нужно было предупреждать. Слишком поспешно согласилась я приехать сюда, слишком была уверена в себе. И оказалась за пределами того, что знала и понимала. И позвать было некого. Графиня? Я не доверяла ей. Граф... я так редко его видела. И то, что он делал, не производило на меня впечатления. Курфюрст? Человек, которого я в сущности тоже не знала, с которым меня ничто не связывало, кроме случайного рождения.

Я влажными руками сжимала край простыни. Мысли смешивались. А полковник Фенвик?

Он человек курфюрста, и очень преданный... в этом я была совершенно уверена. То, чего захочет курфюрст, для полковника закон.

Я сунула руку под подушку и нащупала свёрток. Мне хотелось убедиться, что ожерелье по-прежнему там. Слишком уж разыгралось у меня воображение: украшение не может причинить вред, разве только вызвать кошмарный сон.

Держа свёрток в руке, я добралась до края обширной постели и спустила ноги на ковёр, покрывавший возвышение, на котором стояла кровать. За этими стенами могло быть начало лета, но в тёмной комнате, с почти погасшим огнём, сохранялась зима. Я не стала отыскивать халат, подошла к свече, заключённой в башне, и, обжигая пальцы, подняла крышку. Мне необходимо было убедиться, что свёрток не тронут.

Верёвка оказалась на месте. Я развязала её, развернула пергамент, потом парчу. Даже в тусклом свете ожерелье хорошо было видно.

Я не стала извлекать его из мягкой обёртки, только убедилась, что оно не могло стать оружием, приснившимся мне. Раньше я не считала, что у меня болезненное воображение, однако теперь ни за что не надела бы это ожерелье. Вспомнилась отчаянная мольба, которую я прочла в глазах бабушки. Предупреждение?

Да это просто суеверие. Неужели Летти так подействовала на меня, что её любовь к знакам и предзнаменованиям затмила мой здравый смысл? Я завернула ожерелье в парчу, потом в пергамент, сделавший меня графиней — ненужный мне титул, — и вернулась к кровати.

Решительно снова сунула свёрток под подушку и заставила себя лечь. Крышку башни я не закрыла и теперь, повернувшись, смотрела на свет.

Я не собиралась больше спать, не хотела снова видеть кошмары. Но уставшее тело подвело меня, и я снова погрузилась туда, где обитают сны. Однако кошмары боль-

ше не тревожили меня. Или если и тревожили, я об этом не помню. Почувствовав, что кто-то движется рядом, я открыла глаза и увидела отдёрнутые занавеси окон и солнечный свет, тёплый и приветливый.

И с этим светом комната, которая ночью показалась такой угрожающей, совершенно переменилась, хотя и не утратила своего королевского достоинства. На стенах красовались зеркала в резных позолоченных рамах, таких же нарядных, как панели в цветах и листьях, которые я заметила вечером. Весь угол занимала огромная раскрашенная кафельная печь. Напротив неё, в другом конце комнаты, стоял большой шкаф-гардероб. На нём резвились резные купидоны, а другие купидоны, меньшего размера, образовывали ручки.

Комната представляла собой странное сочетание старого и нового. Великолепная кровать явно принадлежала прошлому, ей было не меньше нескольких сот лет. Но остальная мебель, кроме одного или двух массивных стульев, более поздняя.

Послышался скребущий звук у двери, к ней прошла Труда, приоткрыла створку, приняла поднос и отнесла его на один из столов. На подносе я увидела серебряную кастрюлю с ручкой в виде дракона, который прижимался к стенке и, подняв голову, заглядывал внутрь. Остальное — накрытые тарелки.

Я умылась тёплой водой и в домашнем платье села завтракать. На все мои попытки завязать дружескую беседу Труда отвечала односложно и сдержанно, она даже не смотрела на меня прямо. Я не привыкла к такому отношению, хотя догадывалась, что здесь хорошим вкусом считается не замечать слуг, считать их только руками и ногами, которым не стоит уделять внимание.

Под конец завтрака Труда налила густой горячий шоколад, я пила его и думала, что здешним слугам господа могут казаться куклами, которых нужно наряжать и отправлять в какой-то совершенно иной мир. Я же привыкла к образу жизни в имении, где любые, даже самые незначительные, житейские подробности открыты и известны всем, и такое

жёсткое разделение смушало меня. Летти, появляясь в моей комнате, беспрестанно рассказывала о десятках дел, которые, по её мнению, я должна знать. А эта девушка старалась двигаться бесшумно, краснела, когда я обращалась к ней. Она походила на призрак, и это меня тревожило.

Она уже разобрала мою одежду, умело прибрала остальное моё имущество. И теперь стояла поблизости, готовая открывать тарелки, подавать хлеб, нарезанный кусочками размером с палец и уже намазанный маслом, небольшую баночку с красным вареньем, разные печенья. Я с тоской вспомнила домашнюю ветчину и другие сытные блюда, которые обычно подавали мне на завтрак дома. Они должны были дать силы для целого дня, занятого напряжённой работой.

А как вообще проводит время графиня Священной Римской империи? Конечно, решила я, она не пишет многочисленные инструкции и указания своим деловым корреспондентам, не объезжает верхом поля, проверяя всходы, не навещает маслобойню, кухню, буфетную, комнаты прислуги — не исполняет все эти хорошо знакомые мне обязанности. Победит ли скука моё чувство долга? Я не собиралась сидеть с пустыми руками и головой.

Часы пробили девять. Дома я бы уже два часа как работала. Но здесь... Оглядывая комнату, я не увидела ни одной книги, никаких других возможностей отвлечься.

Держа чашку в руке, я подошла к ближайшему окну. Мне любопытно было взглянуть на Аксельбург. Из рассказов графини я уже знала, что курфюрст Адольф (мой прапрадед, вот как!) с безжалостной энергией снёс унаследованный от предков дворец и перестроил его — с огромными затратами, — превратив в уменьшённую копию Версаля, так что теперь дворец в форме веера отходил от старого (ОЧЕНЬ старого) города.

И я действительно увидела за черепичными крышами и колокольнями этот дворец. Бросались в глаза две башни по обеим сторонам здания, совершенно не соответствующие стилю всего сооружения.

Эти башни — всё, что осталось от первоначального

дворца, и графиня объяснила, почему их сохранили. Курфюрст Адольф, гордившийся своими современными взглядами и покровительствовавший нескольким известным учёным, поселил у себя тем не менее некоего графа Ладислава Варкова, человека загадочного происхождения. Он исполнял роль личного пророка курфюрста, и несколько его предсказаний оказались на удивление точными. Так вот, он утверждал, что если снесут две древние сторожевые башни дворца, старинная правящая династия Гессена тоже прекратится. Поэтому башни остались и теперь хмуро смотрели на вольности, которыми курфюрст украсил свой новый дом.

Графиня рассказала, что действительно вслед за тем, как мой дед вынул все внутренности из одной башни, умер его единственный прямой наследник. И теперь власть перейдёт к младшей ветви династии, не такого благородного происхождения.

Я заметила, что Труда стоит рядом, и спросила, что она хочет.

— Какое платье наденет благородная высокорожденная леди? Графиня ждёт её в золотом зале... — это была самая длинная речь, произнесённая Трудой, и говорила девушка торопливо, сливая слова. Я почти ожидала, что она вздохнёт с облегчением, закончив вопрос.

Действительно, какое платье? Впервые я серьёзно задумалась над содержимым своего гардероба. Бабушка заботилась, чтобы наша одежда была современной, соответствующей моде, дошедшей до нас из Парижа или Лондона, но я подозревала, что здесь это уже не модно. Судя по нарядам графини, я должна казаться одетой тускло и безвкусно. Я не упустила взгляды, которые она бросала на меня, когда считала, что я не вижу. Но я не собиралась тратить свои деньги на наряды. Какое-то время поможет утверждение, что я всё ещё ношу траур.

— Серое шёлковое с лиловыми лентами...

Теперь я была уверена, что и Труда искоса с сомнением взглянула на меня.

— Я соблюдаю траур, — решительно заявила я. Навер-

ное, по её представлениям, высокороденная леди не должна давать объяснения, но мне это показалось естественным. В прошлом мне не раз приходилось спорить с Летти об уместности того или другого наряда.

Серое платье было извлечено, и мне не без труда удалось убедить Трудю, что я не кукла и могу одеться сама. Платье было простое, с небольшой полоской кружева у горла и маленькими бантами у корсажа; внизу, по краю юбки, проходила узкая лента. В роскошной комнате я теперь казалась бродягой из другого мира, может быть, скромной гувернанткой, заглядывающей в зеркала хозяйки.

Трудя по моим указаниям заплела мне волосы, как я их обычно укладываю. Отражение в зеркале сообщило, что я выгляжу аккуратной и респектабельной. Но можно ли такие определения прилагать к внучке правящего князя? Аккуратность, конечно, добродетель, а вот респектабельность, судя по взглядам и замечаниям графини, качество, которое не очень культивируется при дворе.

Лакей с напудренными волосами, в ливрее с гербом, с бантами на плечах, поклонился мне и провёл через несколько комнат, потом по главной лестнице к двери, которую раскрыл с картинным поклоном.

Лучи солнца падали на толстый ковёр, вышитый цветами; казалось, под ногами раскинулся настоящий сад. Здесь не ощущалось даже намёка на мрачность, мебель вся белая и золотая, крытая позолоченным бархатом. Росписи на панелях стен тоже были позолоченные, так что роскошные груды фруктов сверкали на солнце.

По контрасту с окружающим великолепием графиня предстала в светло-голубых тонах. На мой взгляд, её платье было намного сложнее тех, что надевают на балы в Мэриленде. Очень низкое декольте с прозрачной сетчатой вставкой-шифоньеркой, прикрывающей вырез, почти обнажало роскошную пышную грудь графини.

Поверх этого прозрачного покрытия лежало тяжёлое ожерелье, а в ушах покачивались бриллиантовые капли. Вдобавок сверкающая драгоценностями лента пояса подчёркивала тонкую талию и привлекала внимание к

великолепным возвышениям над ней. На мой взгляд это было так вульгарно, что я внутренне чуть не закричала. Если такова мода в Гессене, я сознательно останусь немедной.

— Дорогая графиня! — она прямо-таки подпрыгнула, как живая девочка, и пошла мне навстречу с протянутыми руками, словно я её лучшая подруга. Но я не упустила нотку отчаяния в её взгляде, которым она окинула меня с ног до головы. — Я думаю, вы хорошо отдохнули. Трудой вы довольны? Уверяю вас, её тщательно проинструктировали. Она знает даже самые последние модные причёски...

— Она очень искусна и полезна, — я не смогла сдержать нотку раздражения: ведь я явно не служила образцом искусства Труды. — Но, как вы, должно быть, помните, графиня, я всё ещё соблюдаю траур...

— Но нельзя же продолжать носить его — не здесь! — её резкое возражение удивило меня. — Так не полагается при дворе. Личный траур должен прекращаться, когда выходишь в общество. Но ничего, вы скоро поймёте наши обычаи.

— Когда я встречусь с курфюрстом? — я хотела знать, когда совершится то, ради чего я сюда приехала. — Когда это можно организовать, графиня?

— Пожалуйста, — надула она губы, — не будем такими резкими друг с другом. Мы родственницы, но я хочу, чтобы мы стали друзьями. Зовите меня Луизой, не графиней. Вы увидите, как всё будет приятно. Его высочество... — лицо её посерьёзнело. — Ваша встреча с ним должна быть тщательно подготовлена. Он болен, и доктора не разрешают его волновать. Есть такие, кто может причинить неприятности. Нужно подождать...

Её слова абсолютно не соответствовали словам полковника Фенвика о необходимости торопиться, его утверждению, что здоровье курфюрста в таком состоянии, что мы должны двигаться с максимальной скоростью, чтобы добраться до постели умирающего, пока не станет уже поздно. Со времени приезда я не видела полковника. Конечно, он не живёт здесь, но мне казалось, что он будет

поддерживать со мной связь... присылать сообщения... И тут мне пришло в голову, что я даже не знаю, как с ним связаться, если возникнет такая необходимость.

— Нам сообщат, когда это станет возможно, — продолжала графиня. — Вы должны понять, что дело это очень деликатное. Только очень немногие близкие к курфюрсту люди знают об его первом браке... и ещё меньше таких, кому он сообщил в своё время о намерении объявить его мorganатическим...

Я пристально взглянула на неё.

— По законам моей страны у него только один законный брак — с моей бабушкой. И единственным законным его наследником был мой отец...

Графиня вскинула пухлые белые руки в жесте, означавшем либо крайнее удивление, либо раздражение моей тупостью.

— Законы вашей страны здесь ничего не значат, вы должны понять это. К тому же... — голос её зазвучал резко... — к тому же есть немало таких, кто не захочет, чтобы курфюрст даже сейчас оказывал милость... — она замялась.

— Сомнительной наследнице? — закончила я за неё.

— Но вы же на самом деле не... в вас княжеская кровь, — она выразительно кивнула головой. — Разве курфюрст уже не присвоил вам титул графини Священной Римской империи? Вы имеете полное право на высокое положение. Но вам следует опасаться принцессы Аделаиды. Она единственная оставшаяся в живых дочь, и она не вышла замуж. Она слишком горда, чтобы выйти замуж не за владетельного принца, а таких предложений не поступало. Хотя, — она злорадно рассмеялась, — когда так торопились женить сыновей короля Георга, чтобы появился наследник, она посчитала, что имеет на это право. Теперь ей приходится утешаться религией. Она назначена аббатиссой Гуэрна, хотя больше времени проводит при дворе. Как она утверждает, пытается направить отца на путь набожности.

Я подумала, почему раньше в своих пространных рассказах о дворе графиня никогда не упоминала об этом

препятствии на моём пути. И собиралась уже нарушить своё правило никогда не задавать прямых вопросов, как открылась дверь золотой комнаты и лакей провозгласил:

— Барон фон Вертерн.

Человек, вошедший с лёгкостью и небрежностью, как в свой собственный дом, действительно напоминал миниатюру, которую показывала мне графиня. Но художник польстил ему, сделав не такой тяжёлой нижнюю челюсть и чуть шире расставив маленькие глаза. Барона вообще-то можно было назвать красивым — в особом, грубоватом стиле; а своё полное тело он нёс с изяществом, которого трудно было ожидать. К тому же сразу привлекал внимание его мундир. Он пересёк комнату походкой, гораздо более тяжёлой, чем у полковника Фенвика, и поднёс руку графини к своим толстым губам.

— Конрад! А мы считали, что вы на маневрах, — графиня вся превратилась в трепещущие ресницы и улыбки. — Какой замечательный сюрприз!

Но я была уверена, что для неё это не сюрприз. Графиня уже повернулась ко мне.

— Графиня фон Харрач, позвольте представить вам барона Конрада фон Вертерна, — она как будто привлекала моё внимание к сокровищу, не менее ценному, чем те, что хранятся в знаменитой башне курфюрста.

— Благородная леди, — барон поклонился мне. Английский его звучал гортанно, с гораздо более сильным акцентом, чем у графини. — Мы с нетерпением ожидали вашего прибытия.

Я поклонилась, как при всяком знакомстве. Но не протянула руки. При одной мысли, что его губы коснутся моей кожи, я испытала отвращение. Он смотрел на меня дерзко, и это мне тоже не понравилось.

Прожив большую часть жизни затворницей, я почти не знала привычек мужчин и не думала, что способна вызвать мгновенное восхищение у незнакомого человека. И не хотела, чтобы меня разглядывали, как рабыню на рынке — а только так я могла бы описать обращённый ко мне взгляд барона. Я отошла к дивану и встретила его взгляд холодно,

с самообладанием, которое, как я надеялась, унаследовала от бабушки.

Графиня пустилась в лихорадочную болтовню: похоже, результат представления оказался не таким, как она ожидала. Неужели она считала своего друга таким неотразимым, что я должна была тут же начать жеманно хихикать? Я думала, вежливо ли будет сразу уйти и оставить графиню развлекать своего любимого гостя наедине.

Но прежде чем я смогла осуществить своё желание, графиня, словно почувствовав его, села рядом со мной на диван и схватила меня за руки. Возможно, мне предназначалась роль компаньонки, или же графиня просто хотела на моём тусклом тоне подчеркнуть своё сходство с этой сверкающей комнатой.

У меня не было времени размышлять над этим, потому что барон придвинул свой стул к моей стороне дивана, сел и, слегка наклонившись, разразился целой серией напыщенных и тупых вопросов.

Устала ли я во время путешествия? Каковы мои впечатления от Аксельбурга? Каждый раз он ждал моего ответа, как учитель ждёт правильного ответа от тупого ученика. Я была уверена, что он играет какую-то роль, и что на самом деле ему скучно. Графиня переводила взгляд с него на меня, как будто смотрела пьесу. И не казалась раздражённой тем, что её кавалер сосредоточил всё своё внимание на мне.

Я отвечала коротко, сообщая только отдельные подробности нашего путешествия. А что касается Аксельбурга, я ответила чистую правду.

— Что касается этого, сэр, то я видела так мало, что не могу составить никакого впечатления.

Он чуть оживился.

— Ну, это можно изменить, графиня. Мне доставило бы огромное удовольствие познакомить вас с нашим городом. Городом, которым мы справедливо гордимся, — в голосе его отчётливо прозвучал сарказм, и мне не нравилось, как он всё больше и больше наклонялся ко мне, создавая впечатление, что мы говорим наедине. Я скорее почувство-

вала, чем увидела, что графиня Луиза шевельнулась. Может быть, она призовет своего кавалера на его законное место?

— Вам это понравится, Амелия, — впервые она назвала меня по имени, и я ощутила негодование. — Мы это организуем. Но, конечно, не сейчас. Помните, Конрад, графиня фон Харрач должна оставаться — вернее, мы с ней должны оставаться здесь, пока её не примет его светлость и не станет известна его воля.

Для меня это прозвучало так, словно графиня извлекла украшенную драгоценными камнями заколку в виде кинжала из своей высокой прически и использовала её как настоящее оружие. Я так глупо позволила привести себя в этот дом, в этот город, в эту... з а п а д н ю?

Я была так поглощена собственными причинами, побудившими меня приехать сюда, что совсем не думала о том, что может ожидать меня по другую сторону границы. Это же чужая страна, которую я не знаю и в которой меня никто не знает. Неужели мне следовало верить в с е м у, что мне говорили? Наверное, кому-то... может быть, курфюрсту... я нужна, иначе полковник Фенвик и граф и графиня фон Крейбрюкен не были бы отправлены за мной. Но, может быть, я имею ценность инструмента, фигуры в какой-то сложной интриге? Первоначальный страх соединился с гневом — не только против этих двоих, но и против себя самой, против собственной глупости. Мне пришлось использовать всю силу воли, чтобы не вскочить и не выбежать из дома, просто чтобы проверить, позволят ли мне это сделать. Черпая силы в этом гневе, я ответила графине самым спокойным тоном:

— Меня никто не знает, так что какая разница? Если меня увидят в городе, всё равно не узнают, — вопрос-испытание, лучший, какой я могла придумать за короткое время раздумья.

Я увидела, как на мгновение сверкнули её белые зубы, впившись в нижнюю губу. Она сделала вид, что глубоко задумалась, как будто мои подозрения не имеют никаких оснований.

Потом она рассмеялась.

— Вы говорите правду, Амелия! Действительно, кто вас тут узнает? Ведь наша тайна сохранена, не так ли, Конрад? Вы не слышали никаких сплетен или рассуждений? Не задавала ли в последнее время леди с куриными мозгами, служащая нашей преподобной аббатисе, подозрительных вопросов? Вы увидите, Амелия, — тут она повернулась ко мне, не ожидая ответов барона, — что двор хватается за слухи и сплетни, как голодный за мясо. Скука — наша величайшая ноша, мы разгоняем её болтовнёй, правдивой или же нет. Сплетня может пробежать по городу со скоростью огня. Конрад, успокойте нас. Что говорилось, что вы слышали?

Барон улыбнулся.

— Ах, Луиза, пока никаких слухов. Тайна сохранена так хорошо, что можно подумать, что кто-то оживил великого колдуна и тот волшебством запечатал губы...

Графиня вздрогнула и, к моему удивлению, сразу стала серьёзной, хотя именно такого ответа, видимо, ожидала. А барон продолжал:

— Все поверили, что наш достойный полковник был вызван к умирающему родственнику в страну, из которой произошло его семейство, а вы с графом отправились на юг, чтобы проконсультироваться у известного врача по поводу подагры графа. Вас, во всяком случае, всем недоставало, дорогая леди; скука, на которую вы только что пожаловались, серой тучей затянула наше небо. Не стану отрицать, что ходили и некоторые... рассуждения, которые, как джентльмен, не буду вам повторять. Но относительно истинной цели вашей поездки — нет, абсолютно ничего! — начал он свою речь в тяжеловато игривом тоне, но закончил совершенно серьёзно и так выразительно смотрел при этом на графиню, как будто ему было очень важно, чтобы она поверила.

Она снова приняла легкомысленный тон.

— Ну, в таком случае, если я привезла с собой новую подругу, почему бы не показать ей город? Так как моя подруга в трауре, никто не будет ожидать, что она появится

со мной в обществе. Разве это не соответствует нашим желаниям?

— Конечно, — но барон не улыбался. — А что скажет о ваших планах достойный полковник?

— Этот! — Графиня щёлкнула пальцами. — А что он может сказать, если мы никому не сообщим, а просто поступим, как хотим? Он не посмеет привлекать к нам внимание, иначе то, что поручено ему сохранить в тайне, станет предметом сплетен. Он всегда слишком много о себе думал, особенно в последнее время, когда курфюрст попал в такую зависимость от него. Скажите мне, Конрад, почему... — в голосе её проскользнуло раздражение. — Как и почему этот — этот иностранный авантюрист, этот наёмник, если говорить правду, стал таким близким к его высочеству человеком? Вы только что говорили о колдуне. Уверяю вас, полковник обладает такими силами!

— Тем не менее полковник пользуется полным доверием курфюрста, — голос барона прозвучал тяжело и холодно, по-видимому, ему не понравилась откровенность графини. — Вы знаете, какие усилия прилагала в прошлом аббатисса, а до неё её высочество покойная курфюрстина, чтобы лишить его доверия его высочества. И что они получили за все свои усилия? Полное поражение. Пока он доверенное лицо, с вашей стороны неразумно становиться у него на пути.

Мне даже показалось, что они позабыли о третьем лице, и внимательно слушала, надеясь узнать, хотя бы по тону, что-нибудь полезное. Итак, полковник Фенвик пользуется высочайшим доверием, но эти двое его не любят. К тому же у него были и есть и другие враги. Может, то, что меня привезли в Аксельбург, ход в игре полковника, ход, который должен укрепить его положение? Конечно, послал полковника его хозяин, но теперь, когда я уже здесь, какую роль предназначает он мне?

Если он понимает, что его не любят — а он понимает, потому что полковник не дурак, в этом я была уверена, — почему он выбрал в качестве моей спутницы графиню? Или

её выбрал кто-то другой, и у полковника не было возможности отказаться?

Луиза утверждает, что она родственница и моя и курфюрста, хотя родство это не на законной основе. В своей болтовне она всегда упоминала курфюрста с глубоким уважением, хотя совсем не так относилась к его дочери и покойной жене.

Я крепко сжимала руки, как при первой встрече с полковником, и надеялась, что на моём лице отражается только вежливый интерес. Я не создана для интриг. Они меня скорее пугают, чем сердят. За гнев я цеплялась, как моряк за спасательный леер. Только в нём я черпала силы. Отныне следует думать только о себе, о том, как благополучно выбраться из лабиринта сомнений и обманов.

Глава четвертая

Графиня сидела выпрямившись, выставив вперёд круглый подбородок, сидела с мрачным и упрямым выражением.

— Полковник с самого приезда не уделял нам внимания. Не думаю, чтобы он посмел утверждать, что мы должны оставаться в доме... если мы будем выходить без шума. Но... да... разве это не замечательно! Завтра День Освобождения и сокровищница будет открыта для посещения. Или болезнь его высочества изменила обычай? — она обратилась к барону.

— Никакого эдикта не вышло...

— Тогда мы пойдём! О, не в экипаже с гербом. И оденемся, как семья бургомистра — увидите! — она рассмеялась. — Мы с Амелией изобразим подруг из деревни, провинциалок с широко раскрытыми глазами, ошеломлённых великолепием Аксельбурга. Я даже Катрин не возьму с собой. Её слишком хорошо знают, она много лет носит мои записки. И вы с нами не пойдёте, Конрад... — она украдкой искоса взглянула на собеседника, — потому что вряд ли сможете оставаться неузнанным. Только мы вдвоём... Кто подумает, что леди такого ранга появятся без слуг? Так что

мы вполне сойдём за деревенских сестёр, с широко раскрытыми ртами и глазами.

Амелия, это будет настоящее приключение! Там всегда собирается толпа простолюдинов — городские богачи и им подобные, они приводят своих неповоротливых родственников взглянуть на сокровища. Мы пойдём днём, когда больше всего народу. Вы должны увидеть Гессен, особенно сокровищницу!

А для меня в этом посещении не просто открывалась возможность посмотреть собрание деда. Я рассчитывала узнать, что находится за стенами. Так как завоевать хоть какую-то независимость можно будет только благодаря этому знанию.

— Мне это не совсем нравится... — начал было барон.

— Только потому, что вы сами не сможете участвовать. Признайтесь, Конрад, разве это не правда? Что плохого, если мы выйдем? Никто, кроме полковника Фенвика, не видел графиню, а я постараюсь, чтобы меня не узнали, — она коснулась кончика своего вздёрнутого носа. — Может, посадить тут мушку, Конрад, подрисовать карандашом? — теперь палец указывал на край одного глаза, другого. — О, я наряжусь старухой, а Амелия сойдёт за мою дочь. Прекрасный план!

Она даже подпрыгнула на диване, как школьница, думающая о предстоящем пикнике. Её настроение заразило и меня, мне захотелось выйти из дома не только по одной причине.

Представление графини о переодевании состояло в том, что она надела яркую шляпу с большим количеством лент и букетом цветов. Её муслиновое платье (день оказался жарким) всюду, где только позволяло место, украшали узоры из веток и оборок. Сидя рядом с ней в своём простом белом платье с единственной тёмной лентой на соломенной шляпе, я могла показаться служанкой, может быть, даже горничной.

Здесь, в Гессене, даже Катрин носила то, что можно назвать крестьянским платьем, с длинной юбкой, с пере-

дником, с блузой, прошитой красными и синими строчками. В окно экипажа я видела множество вариантов такого платья. Строчки различались цветом и узором, юбка могла быть чуть длиннее или чуть короче, волосы перевязывались лентами, спускающимися на плечи или убрались вверх под шляпку, напоминавшую шлем гренадера.

Мы действительно, как и пообещала графиня, поехали не в экипаже с гербом, а в небольшой карете стиля барокко. Поездка по необходимости проходила медленно, потому что улицы Аксельбурга очень узки и крыты булыжником; мы подпрыгивали и вынуждены были всё время держаться за петли.

Многие дома были пёстро раскрашены, с резьбой, украшающей карнизы, крыши и окна, а иногда и стены. Краски на стенах давно поблекли, но лучи солнца оживили их; к тому же у большинства домов, мимо которых мы проезжали, были выставлены цветочные ящики на подоконниках; в ящиках росло множество цветов.

Но несмотря на всю эту яркость что-то в домах было удивительно древнее, какая-то странность, намекающая на тёмное прошлое. Не знаю, что вызвало в моём сознании такое представление. Хотя я смогла разглядеть и участки резьбы, которые производили отталкивающее впечатление: насмешливые клыкастые лица, уродливые тела, звери, никогда не ходившие по земле, только тревожившие в кошмарах больных.

Наш кучер постоянно хрипло покрикивал и щёлкал кнутом, чтобы расчистить дорогу. Время от времени графиня хватала меня за рукав; громким голосом, чтобы перекрыть шум, она обращала моё внимание на какую-нибудь достопримечательность. Мы проехали две внушительные церкви, которые вполне заслуживали называться соборами.

Большая из них также была украшена резьбой по камню. Она стояла на рыночной площади, но, так как её окружала плотная толпа, мы не смогли подъехать ближе. К моему удивлению, вскоре экипаж остановился и графиня выпустила петлю, чтобы указать мне на самую высокую из церковных башен.

Но слова её заглушил неожиданный перезвон колоколов. Вверху в стене башни раскрылась дверь, и оттуда вышла на внешний карниз процессия из маленьких фигур. Они нам казались совсем маленькими, но на самом деле должны были быть большими, иначе мы бы их просто не увидели. Первым шёл рыцарь в тяжёлом вооружении, голову его скрывал шлем с изображением какого-то мифического животного. Одной рукой он держал повод лошади, другой, опущенной вниз, цепи. К этим цепям, которые тянулись за рыцарем, было приковано несколько пленников. По необычной одежде и странным головным уборам можно было заключить, что они принадлежат к иной национальности или даже расе, чем победитель. Некоторые тащились без сил. Другие ползли на четвереньках. Художник очень хорошо передал их бессилие и боль.

Всадник двигался вперёд, за ним тащились пленники, а колокола звонили. Казалось, они возвещали скорее о поражении, чем о триумфе. Раскрылась другая дверь, и процессия исчезла в ней. Графиня гордо взглянула на меня.

— Принц Аксель, — объявила она, — наш предок. Так он вернулся с битвы, когда неверные напали на Гессен. Наш народ не забыл об этом. Аксель был великим правителем, мы должны гордиться, что в нас течёт его кровь, — на лице графини действительно отразилась гордость. Зрелище кончилось, графиня зонтиком постучала по сидению кучера, и мы поехали дальше.

— Это город Акселя, построенный по его приказу. Аксель построил Кирху Пленных, почти вся его жизнь прошла, прежде чем был уложен последний камень. А его внук привёз из Нюрнберга мастера, который изготовил эту процессию, чтобы великие деяния не были забыты. Все князья нашего дома похоронены здесь в склепе, и только королевские браки могут заключаться в этой церкви.

— Весьма необычное зрелище, — заметила я, хотя на мой взгляд неизвестный художник излишне подчеркнул жестокость, с какой тогда обращались с пленными.

Графиня нахмурилась.

— Какие вы странные, жители колоний. Разве не вспы-

хивает в вас гордость при виде величия, от которого вы происходите?

— Америка больше не колония! — резко ответила я. — Мы свободная нация и никому не подчиняемся...

— Ах, теперь я вам, можно сказать, наступила на ногу. Но, Амелия, здесь ваш дом, разве не так? Разве вы не чувствуете себя частью всего этого? — она взмахнула рукой. — Какая вы всегда серьёзная! Ну, разве это не прелесть? Взгляните на цветы, на счастливые лица, прислушайтесь к пению!

Мы уже почти выбрались из толчеи рыночной площади, и я должна была признаться, что цвета, сам дух праздника — всё это действительно произвело на меня впечатление, несмотря на стремление остаться посторонним наблюдателем. На скамье у таверны сидели молодые люди и громко пели, сотрясая воздух; я могла представить себе, что с такой песней возвращаются с победой солдаты.

— Военная песня... — вслух выразила я своё впечатление.

Графиня кивнула.

— В ней говорится о Родине, о выигранных сражениях. Разве кровь от неё не кипит, даже у женщины? Ах, теперь дорога будет ровнее...

Наш экипаж выбрался из старой части города на широкую улицу, вымощенную для более быстрой езды. Перед нами раскинулся веер дворца, его окна блестели на солнце, за изгородью из кованого резного железа виднелся сад. На улицу, по которой мы ехали вместе со множеством других экипажей, выходили широкие ворота. Одна их створка была закрыта, и я вспомнила обычай: только правящий князь имеет право въезжать через полностью открытые ворота.

Но мы направились не к главным воротам дворца, а свернули направо, туда, где на фоне голубого неба возвышалась Восточная башня. Вблизи остаток опасного и грубого прошлого выглядел ещё более неуместным.

Едва обработанные камни стен отнюдь не гармонировали с соседними строениями. Башня напоминала о темницах,

подземельях... Снова я ощутила прикосновение страха. Вспомнила свой сон, замок, в котором у меня в комнате стоит свеча. Он очень похож на эту башню.

У входа во дворец, как и предвидела графиня, собралась толпа; кое-где в ней виднелись ярко-алые мундиры стражников. Конечно, глупо было надеяться увидеть здесь полковника Фенвика. Но на мгновение меня охватило желание, чтобы один из этих ярких мундиров принадлежал ему, чтобы он ждал нас.

Несмотря на все свои оборочки и завитушки, графиня действительно не привлекла никакого внимания. Потому что большинство женщин здесь оказалось одето в гораздо более сложные наряды. Моё простое платье было гораздо заметнее, хотя в выстроившейся для входа очереди я увидела и других женщин, одетых, подобно мне, небогато.

Линия посетителей чинно продвигалась между солдатами внутрь башни, и вскоре после яркого дневного света мы были ослеплены другой яркостью. В искусственном свете легко было увидеть, что курфюрст по-настоящему бережёт своё сокровище, хотя и позволяет взглянуть на него.

Узкие окна закрывали полосы металла, вделанные в камень. К ним, так же как и к скобам причудливого рисунка вдоль стен крепились горящие лампы. Их было так много, что они соперничали с солнечным освещением снаружи.

К тому же проход ограждали с обеих сторон прутья, которые, хоть и позолоченные, вызывали неприятные воспоминания о тюремных решётках. А за ними по обе стороны были выставлены первые образцы «сокровищ».

Эти предметы гораздо больше соответствовали обстановке, чем то, что описывала мне графиня. На возвышениях размещались доспехи, явно не предназначенные для боя, потому что их так обильно украшали золото и драгоценные камни, что подходили они разве что сказочному принцу. На стойках крепилось множество шпаг с рукоятями, сверкавшими дорогими камнями, а на ножнах опять-таки поблескивало золото и ещё драгоценные камни. Имелись там и пистолеты и ружья, тоже шедевры инкрустации и

отделки. Шлемы, больше напоминавшие короны, чем защитное вооружение бойца, возвышались на мраморных бюстах с мёртвыми глазами. Как будто правители Гессена в ожидании опасности всегда носили на себе свой выкуп.

Огромное количество горящих ламп и толпы посетителей сильно нагрели помещение, я начала задыхаться, захотелось на свежий воздух. Однако повернуть назад было невозможно, нам на пятки наступали новые полчища посетителей. Я боролась с ощущением, что меня закрыли в подземелье, и пробивалась к подножию лестницы впереди.

Графиня не находила здесь ничего достойного внимания, мы поднялись по лестнице и вышли в ещё один ограждённый прутьями коридор посреди комнаты с красно-золотыми стенами — пресловутой лакированной комнаты.

Здесь проход стал уже, и раз или два графиня немного отставала. Я увидела, что посетители дальше пройти не могут, хотя впереди располагалась ещё одна лестница. Но её перекрывала позолоченная решётка. Доходя до неё, посетители сворачивали налево и уходили под арку, должно быть, соединённую с самим дворцом.

Графиня внезапно потянула меня за рукав и остановила. В этот момент я хотела только уйти отсюда. Но она заставляла меня смотреть то на одно, то на другое чудо. В других обстоятельствах я бы задержалась и сама. Но драгоценные вещи были выставлены так тесно, жара от ламп ещё больше усилилась, и я чувствовала себя ослепшей и оглохшей. У меня сохранилось смутное представление о чашах и кубках причудливой формы из хрусталя и малахита или даже из более драгоценных материалов, настолько покрытых украшениями, что находящееся под ними оказывалось на три четверти скрыто. Попадались и необычные, гротескные и уродливые статуэтки, изготовленные из таких же материалов. Слишком много, чтобы наслаждаться их видом или даже запомнить. Вообще вся экспозиция показалась мне безвкусной, как ленты на шляпе графини.

Но перед самой решёткой и поворотом налево мы

наткнулись на нечто такое, что заставило даже меня остановиться и удивлённо вдохнуть.

Это было изображение княжеского двора во всём его великолепии. Маленькие фигуры, покрытые эмалью и драгоценными камнями, были сделаны так искусно, так выразительно, что сразу становилось ясно: неизвестный художник изобразил в них живых людей. На помосте под алым навесом стояли два трона, на которых восседала царственная пара. Мужчина повернул голову к спутнице; подняв руку, он манил нескольких стоявших у подножия трона придворных. Эти приближённые держали в руках подносы с выполненными в мельчайших подробностях крохотными украшениями, шкатулками, хрусталём.

Женщина, которой предлагались все эти дары, была одета в роскошное жёлто-золотое платье, копию тех, что носили больше ста лет назад. На её маленьком лице играло гордое, почти мрачное выражение (как же талантлив был мастер, сделавший статуэтку: встретив где-либо эту женщину, я бы мгновенно узнала её). Она сидела, свободно сложив руки на золотых складках юбки. Корсаж, усеянный алмазами, чрезвычайно крошечными, должно быть, осколками осколков, составлял лишь одно из её украшений. Светлую голову увенчивала корона с такими же камнями, а длинную шею обхватывало ожерелье, оно частично лежало на плечах, частично на груди, почти обнажённой в глубочайшем декольте по моде того времени.

Ниже двух правителей и за теми, кто подносит дары, собрались придворные и солдаты, вытянувшиеся в стойке. Но зрители их почти не замечали, всё внимание сосредоточивалось на сидящих на тронах. Было что-то странно трогательное и просительное в позе мужчины. Его завитые длинные, по плечо, волосы упали вперёд, но не закрывали полностью лица. Если женщина была совершенна и прекрасна в своём выражении скуки, то художник к королю или принцу отнёсся далеко не так милостиво. Резкие черты лица у мужчины опять-таки создавали впечатление, что это портрет определённого человека. Мне показалось, что хотя

этот мужчина и пытается завоевать внимание женщины дарами (должно быть, на собственном опыте понял, что это лучший путь), он неловок и неуклюж, несчастлив и достоин жалости. Всё было так реально... этот миниатюрный двор...

Снова графиня потянула меня за рукав.

— Это день рождения курфюрстины Людовики, — голос её прервал фантастические картины, которые начали разворачиваться в моём сознании. — Её последний день рождения...

— Она умерла такой молодой?..

Графиня вцепилась мне в руку с такой силой, что я ахнула. Но она не отпустила, а толкнула меня дальше, мимо стола. Я не могла вырваться, не привлекая внимания окружающих. А графиня торопливо посмотрела направо, налево, словно проверяя, не услышал ли кто мой невинный вопрос.

Мы достигли решётки, и я мельком увидела, что происходит за нею. И взглядевшись внимательнее, встретила взглядом знакомых глаз. Там стоял полковник Фенвик в роскошном мундире и, несмотря на жару, в доломане через плечо. Руки его потянулись к решётке, как будто он хотел сорвать её, а выражение его лица стало таким мрачным, что удивило меня не меньше рывка графини. Невозможно было не заметить его гнев.

Но он промолчал, а я тоже не собиралась говорить. Увлекаемая спутницей, я прошла мимо в боковой коридор. Здесь прутья не ограждали путь, стало не так тесно. Тут я сделала усилие и вырвалась из рук графини.

— В чём дело? — сердито спросила я. Видела ли она полковника? Мне показалось, нет. Во всяком случае она этого никак не проявила.

Напротив, она огляделась, словно по-прежнему опасалась, что её заметят. Потом выразительно покачала головой, и я поняла, что сейчас не получу никакого ответа, хотя упрямо решила, что всё равно получу потом. Что-то в этом фантастическом миниатюрном дворе её встревожило. А может, мои вопросы, на первый взгляд самые обычные и

разумные. Графиня сказала, что это последний день рождения какой-то курфюрстины. Но женщина на троне была совсем молода. Должно быть, она умерла. Но почему этот факт, на сто лет или больше в прошлом, так встревожил графиню?

Теперь я была уверена, что она не видела полковника. Нет, она так торопилась увести меня, что даже не взглянула на решётку. А сам полковник? Его гнев был очевиден — я могла бы сказать, что ощутила на себе его пламя. Он был удивлён и разъярён нашим появлением здесь.

Мы не стали тратить время на осмотр сада, который был также открыт для публики. И как только оказались в экипаже — лошади вынуждены были идти шагом в толпе, — я повернулась к графине и прямо спросила:

— Что случилось?

Она не сделала вид, что не понимает, но лицо её оставалось серьёзным. В тот момент мне показалось, что больше всего ей хочется забыть мой вопрос. Но ясно было, что я жду ответа, и потому она сказала после долгой паузы:

— Говорить о смерти курфюрстины — не полагается! Никогда! Всякий, кто услышал бы ваш вопрос, сразу понял бы, что вы не из Гессена. Её история хорошо известна... Эту бльь рассказывают каждой девушке... И каждой жене в то или иное время брака муж напоминает о ней в качестве предупреждения... ужасного предупреждения...

Графиня была очень серьёзна, такой я никогда её не видела с самой нашей встречи.

— Она была прекрасна, курфюрстина Людовика. Все хорошо знали, что вышла она замуж за Конрада-Акселя вопреки своему желанию. Он был солдат, человек, которому безразлично всё, чем она наслаждалась. Он был гораздо старше её, некрасив, жесток и не владел искусной речью. Для него она воплощала саму красоту и доброту, хотя всякий, кто не был ослеплён ею, сразу бы увидел, что она его ненавидит, как ненавидит Гессен и стремится бежать из него.

Говорят, она даже изгнала его из своей постели, заручившись утверждением врача о болезни. Но вы понимаете, это

была страстная женщина. То, в чём она отказала курфюрсту, что было её долгом, она щедро раздавала другим. И слухи становились всё громче и громче.

У неё были свои приближённые, державшиеся в тени, но выполнявшие любые её приказы. Люди, занимавшие высокое положение, те, что могли раскрыть глаза курфюрсту, умирали — быстро и в страданиях. Говорят, среди её приближённых был настоящий колдун, владевший не только силами зла, которые призывал на её защиту; он знал также растения и различные вещества, способные убивать. И она всегда поступала по-своему, делала, что хотела. Курфюрст же находился далеко со своей армией и ничего не знал.

Наконец она так осмелела, что открыто, перед всем двором, завела себе нового фаворита. Это был итальянец, мастер по золоту, даже не благородного рождения. Именно он изготовил эту сцену дня рождения. Говорят, он был так красив, что женщины из простонародья считали его ангелом, слетевшим с небес. Говорят также, что он не желал милостей курфюрстины, у него была жена, которую он любил. Но потом эта жена умерла.

Может, утратив её, он помешался. Но потом говорили, что курфюрстина опоила его, чтобы привести к себе в постель. И это зелье свело его с ума. Когда курфюрст вернулся с войны, этот человек пришёл к нему и рассказал свою историю. Вначале Конрад-Аксель счёл его сумасшедшим и хотел расстрелять за то, что он порочит имя его жены. Но другие, набравшись храбрости, подтвердили историю златокузнеца и добавили ещё. Мастер умер, но рассказ его — нет.

Курфюрст действовал быстро. Его люди, верные ему солдаты, не тронутые царившим при дворе страхом, в одну ночь арестовали всех приближённых курфюрстины и допросили их. Под пытками они сломались и рассказали об убийствах и зле, хотя колдун молчал до конца и умер, проклиная Конрада-Акселя. Его как колдуна сожгли.

Кричащую Людовику вытащили из её покоев. Казнить

курфюрстину не могли, хотя она, несомненно, была многократной убийцей. Но слишком высоким было её положение, у неё были родственники, против которых курфюрст не устоял бы, если бы они решили её защищать. И потому он приговорил её к смерти при жизни. Её отвезли в крепость Валленштейн, и она исчезла из мира. А под окнами одной из башен построили эшафот как предупреждение: для всего мира она за свои преступления была всё равно что мертва.

Я вздрогнула. История ужасная, и в голосе графини не было обычного оживления, она словно повторяла наизусть то, что заучила когда-то.

— Но зачем курфюрст сохранил творение, которое напоминало весь этот ужас ему самому и всем остальным? Я бы решила, что он его уничтожит.

— Нет! Он очень хотел, чтобы память о ней сохранялась перед ним и его людьми как предупреждение. Для него это было торжеством справедливости: никто, даже особа королевской крови, не может уйти от наказания. Брак его с Людовикой был расторгнут. Но женившись вторично, он приказал новой жене держать сцену дня рождения у себя в комнате и ежедневно смотреть на неё. Впрочем, она была совсем другим человеком, ей такой урок не был нужен, она принадлежала к самой набожной линии Вартенбургов. При ней все развлечения при дворе прекратились, и говорят, придворные ежедневно ходили в церковь и чуть ли не круглый год постились.

— А теперь эта сцена — часть сокровища...

Графиня ничего не ответила. И я подумала, не скрывается ли в этой истории чего-то, затрагивающего её собственное поведение. Если она, как я начинала подозревать, чрезмерно интересуется бароном, тогда для неё судьба развратной и жестокой курфюрстины не просто неприятный рассказ.

— Говорят, она по-прежнему ходит...

Слова графини прервали цепь моих мыслей. На мгновение я даже не поняла их смысл. Потом — призрак! Но ведь

в наш просвещённый век никто больше не верит в привидения! Их можно найти только в романах, например, у миссис Радклиф, вместе с окровавленными монахинями, тайными проходами и палачами с черепом вместо головы, пытающими прекрасных и несчастных героинь.

Графиня смотрела на свои руки, которые так сжала, что кожа её перчаток опасно натянулась.

— Что она чувствовала? — моя спутница говорила шёпотом, но я расслышала её слова в грохоте улицы. — О чём думала? Закрытая там, в темноте и холоде? — графиня вздрогнула. — У нас в прошлом году был часовой из Валленштейна — там по-прежнему стоит гарнизон, он клялся, что видел в окне лицо курфюрстины. Она зналась с силами зла. Говорят, она даже спала с колдуном, и потому тот до смерти оставался ей верен. Она многое могла узнать от него...

Такие рассказы меня не пугали. Впрочем, я верила, что в дни Людовики они могли быть очень распространены. В этой залитой кровью земле действительно сжигали ведьм. Существовали и другие рассказы, например, о превращении людей в зверей. Но ведь сейчас девятнадцатый век! И я отказывалась погружаться в тень прошлого!

— Она давно мертва, — твёрдо заявила я. — Никаких ведьм нет. Послушайте, Луиза, — я заколебалась, называя её по имени, но всё же назвала, чтобы развеять это странное настроение. — Мы обе знаем, что это вздор.

На мгновение губы её надулись, словно она отвергала мой здравый смысл. Но потом рассмеялась.

— Да, но вы ведь не видели Валленштейн, — она снова вздрогнула. — В таком месте можно поверить и в привидения, и в ведьм. Однако, как вы говорите, это не наша забота. Скажите, Амелия, как вам понравились сокровища. Жаль, что мы не смогли подняться в серебряную комнату. Может, её сегодня навещал сам курфюрст. Говорят, он часто приказывает отвезти себя в кресле на колёсиках наверх и часами рассматривает своё собрание.

Я подумала о полковнике на лестнице, ведущей в верх-

ную часть башни. Должно быть, её догадка имела под собой почву. Итак, я была совсем рядом с дедушкой, которого никогда не знала. И когда нам на самом деле предстояло встретиться?

Глава пятая

Рассказ о курфюрстине Людовике как будто совершенно переменял мою спутницу. Прекратилась обычная оживлённая болтовня. Графиня смотрела прямо перед собой, но как будто ничего не видела, а рассматривала мрачную картину, созданную воображением. Когда мы вернулись в дом фон Црейбрюкенов, она пожаловалась на головную боль и оставила меня в большом холле. Я задумалась над состоянием её собственной совести.

Медленно поднявшись вслед за ней по лестнице, я отнесла шляпу в свою комнату, которая даже днём была полна затаившихся теней. Потом посмотрела в туманную поверхность зеркала туалетного столика.

Но меня интересовало не отражение. Я вспоминала детали удивительного произведения искусства — сцены дня рождения курфюрстины. Меня преследовали слова графини. Каково было женщине, избалованной и изнеженной, уверенной в своём очаровании и власти, оказаться заключённой на всю жизнь в той злополучной крепости? Может быть, казнь была бы для неё милостью. Долго ли она влачила там жалкое существование, полная воспоминаний? Тени в комнате соответствовали моим мрачным мыслям, они словно подползали ближе.

Нужно отбросить эти выдумки! Их внушали комната, сам Аксельбург. Может, тени и не призраки, о которых рассказывают, но всё равно мне стало холодно.

Опираясь подбородком о кулаки, я решительно боролась со своим воображением. До приезда сюда я всегда считала себя здравомыслящим человеком, не способным поддаваться игре воображения. Однако теперь — нет, я не суеверная дурочка!

Не буду смотреть на тени... Моё лицо в зеркале казалось слишком бледным. А почему бы и нет? Я уже несколько недель не была на солнце. Дома я каждый день объезжала верхом всё наше большое поместье, и у меня всегда был здоровый цвет лица, как при хорошо налаженном правильном образе жизни. Я просунула руку в разрез юбки и нащупала карман со свёртком. Достала оттуда ожерелье с бабочками.

На миниатюрной курфюрстине Людовике красовалось бесчисленное количество драгоценных камней и украшений. У меня же только эта железная цепь. Я порывисто распустила муслиновый воротник своего скромного платья. Отвернув его (такая демонстрация плеч и груди больше подходила графине), я надела ожерелье. Цепь казалась совсем чёрной на фоне кожи, филигранные бабочки привлекали взгляд, как настоящие насекомые, которые в любой момент могут улететь. Металл охлаждал тёплую грудь и горло, но я не снимала его.

Напротив, принялась с необычным вниманием рассматривать увиденное. Обычно я только проверяла, в порядке ли одежда, выгляжу ли я аккуратно и прилично. Рукава платья были достаточно широки, хотя и не в такой преувеличенной манере, как те, что я видела днём. Талия тонкая, юбка в форме колокола широко раздувалась. Наверное, этот тусклый цвет мне не подходит, я бы лучше выглядела в розовом или зелёном, но это не имело особого значения.

Но почему — мои тёмные брови сошлись, как у гувернантки, которая укоризненно смотрит на взбалмошную девицу, порученную её заботам, — почему меня вдруг так озаботила собственная внешность? Неужели эта чёрная цепь, эта подвеска, мягко улёгшаяся между выпуклостями груди, заставила меня увидеть все мои недостатки? Я ни в малейшей степени не завидовала графине... но всё же хотела бы...

Мои слишком бледные щёки покраснели. Нет, я не собиралась позволить себе вдуматься в то, что вызвало эту краску!

Услышав царапанье в дверь, я вздрогнула. Потом спокойно отвернулась от зеркала, забыв о беспорядке в одежде. По моему приглашению вошла Труда. Сделав реверанс, она протараторила:

— Угодно ли благородной леди принять посетителя? Он настаивает, что ему необходимо немедленно переговорить с графией...

Служанка была явно взволнована, даже встревожена, как будто в чём-то виновата. И мне не нужно было сообщать, кто меня ждёт. Наверное, бессознательно я всё время ждала этого, вернувшись в дом. Я торопливо застегнула муслиновый воротник и спрятала свёрток. А ожерелье оставила, хоть и под воротником. Оно казалось мне таким же удостоверением личности, как и пергамент. Да, отныне я буду его носить, и не только из гордости, но чтобы сохранить храбрость. Высоко подняв голову, я быстро прошла по коридорам и спустилась по лестнице в жёлтую комнату.

На этот раз полковник Фенвик не стоял у окна, в мундире он представлял собой гораздо более драматичное зрелище. Да, на нём по-прежнему был ало-золотой придворный мундир, но над жёстким воротником камзола, как и во дворце, хмурилось мрачное лицо. Я даже мельком подумала, улыбается ли когда-нибудь полковник или он всегда готов разнести какого-нибудь несчастного смертного за ошибки в поведении или в рассуждениях.

— У вас есть новости для меня? — возможно, он пришёл с вызовом, которого я ожидала с самого своего появления в Аксельбурге.

— Чья была мысль приехать сегодня во дворец? — полковник не обратил внимания на мой вопрос, требуя ответа на собственный. Как будто значение имеют лишь его дела.

— А какая в этом разница? Почему мне нельзя выходить? — я постаралась говорить самым холодным тоном. Как обычно, присутствие полковника меня волновало. Я с удивлением поняла, что мне хочется ударить его по лицу,

жёсткому, как кремь, чтобы он увидел меня — меня как личность, а не как фигуру в какой-то придворной интриге. И это осознание совершенно необычной для меня реакции так потрясло меня, что я, должно быть, пропустила его ответ.

— ...ваше присутствие здесь теперь известно... и следует ждать самого худшего! Мы не знаем, кто виноват в разглашении тайны, но дело это тонкое и его нельзя испортить. До тех пор пока курфюрст беспомощен и зависит от других, мы должны соблюдать осторожность, — полковник расхаживал взад и вперёд по цветастому ковру, совсем не глядя на меня.

Я села с выражением наружного спокойствия. Теперь, справившись со своими чувствами, я увидела, что он действительно очень озабочен. Вот он перестал расхаживать и повернулся ко мне.

— Зависеть от других, тех, кому не доверяешь. Вы понимаете, что это значит? Любое письмо можно заменить, изменить; о нём могут просто забыть, если оно будет передано не тому человеку. Многие всё отдали бы, чтобы помешать ему увидаться с вами, — он замолчал и потёр пальцами подбородок. Хотя взгляд его был устремлён на меня, я была уверена, что он меня не видит. Может, обдумывает новые откровения или предостережения? Молчание затянулось, и я первой нарушила его.

— Из-за сокровищ? — я хотела добавить, что у меня нет никакого желания обладать тем, что я видела сегодня, что всё это великолепие не имеет для меня никакого значения. Это слишком большое богатство, чтобы принадлежать одному человеку. То, что завещала мне бабушка, я приняла и гордилась своим американским наследством, потому что понимала его. Но огромные богатства, выставленные в башне, совершенно не волновали меня.

— Сокровища, — он повторил это слово, презрительно искривив губы, и мне пришлось сдерживаться изо всех сил. — Вот оно что! Вы хотели посмотреть то, что может стать вашим наследством...

Я быстро встала и повернулась к нему лицом.

— Нет смысла обмениваться подобными любезностями, сэр. Очевидно, вы пришли сюда с определённой целью. И если эта цель — порицать меня, то я должна спросить, какое у вас право обсуждать мои манеры или причины моих поступков!

Он сжал кулаки; я видела, как задёргалась мышца у него на щеке. Челюсти тоже стиснулись; я поняла, что он сдерживается с огромными усилиями. После долгого молчания руки его разжались, он покачал головой. И опять не по моему адресу, а, как мне показалось, какой-то своей мысли.

— Графиня, — говорил он холодно и с такой официальностью, которая придавала его словам дополнительный вес. Неужели он действительно собирался осудить меня? Или хотел предупредить? — Графиня, вы в самом деле не можете знать, что скрывается под... — он быстро осмотрел комнату; вся эта мишура словно вызывала у него отвращение, — под поверхностью того, что вы видите. Позвольте уверить вас, что это дело величайшей важности...

— Сэр, я буду очень обязана вам, если вы прямо скажете, зачем пришли, — коротко ответила я.

Следующий его поступок несказанно удивил меня. Он бросил на меня острый взгляд, потом прошёл по комнате — не своей обычной решительной походкой, как всегда, а лёгкими шагами. Я не поверила бы, что он на это способен. Закрыл дверь на защёлку и прижался к ней ухом, вслушиваясь.

Назад вернулся теми же бесшумными шагами, прокрался мимо меня и открыл окно, выходящее наружу. Потом жестом подозвал меня, сделал шаг в сторону и пригласил на балкон, нависающий над садом. Я и не подозревала об его существовании. Когда мы оба оказались снаружи, он захлопнул окно.

Забыв свою враждебность, я пыталась понять. Очевидно, он считал, что внутри нас могут подслушать. Но если графиню избрали в качестве моей спутницы в дороге и теперешней компаньонки, почему её дом вызывает такие подозрения?

— У вас есть причины не доверять кому-то в этом доме, сэр?

— Если вы умны, миледи, — ответил он по-английски, — вы не будете доверять никому и нигде, пока находитесь в Аксельбурге!

— Включая вас, сэр?

Он ничего не ответил на это, но быстро заговорил, как будто должен был за короткое время сказать очень многое.

— Не знаю, что вам рассказывали о здешних событиях. У курфюрста был второй удар... теперь он лишился речи. Он вынужден писать или объясняться знаками. Но окружающие пока осторожны и не смеют противиться его приказам — его прямым приказам. Но, как я уже сказал, многое можно сделать искажением, забывчивостью... Пока я имею к нему доступ — а он на этом настаивает, — его желания исполняются. Но вполне вероятно, что вскоре меня перестанут допускать к нему.

Говорили ли вам о принцессе Аделаиде, которая назначена аббатиссой?

— Дочь курфюрста? Да, графиня рассказывала о ней.

— Она пытается захватить власть, приставила к нему двух монахинь. Если ей удастся добиться своего, он потеряет связь с миром. Пока она ещё побаивается отца — и его власти — и до сих пор окончательного шага не сделала. Я предпринимаю всё, что могу, чтобы организовать ваше свидание. Нужно торопиться, он умирает. Может, ещё день, ночь, и он не сможет сопротивляться этим стервятникам, они будут содержать его в плену в его собственных апартаментах, приставят к каждой двери часовых. Поэтому мы решили действовать сегодня вечером.

— Но как... мне просто поехать во дворец?..

Он сделал один из нетерпеливых жестов, к которым я уже привыкла.

— Придумайте какой-нибудь предлог... не обедайте с семейством. У вас болит голова... разве женщина не может по своей воле вызвать головную боль? — голос его был так же нетерпелив, как руки. — В моём распоряжении человек, он родом из той же деревни, что и ваша служанка. Он её

хорошо знает. Она его впустит. Наденьте плащ с капюшоном, закутайтесь получше. Кристофер покажет вам это, — полковник повернул кольцо на пальце, так что я увидела тёмно-красный камень с инталией. — Вы выполните его указания...

Это могло быть в романе с невероятными приключениями, но я видела, что он совершенно серьёзён. И заставила себя кивнуть в знак согласия, как будто он предлагал мне прогулку по парку.

— И ещё... — он указал на моё горло.

Я вспомнила свои недавние упражнения и коснулась руками воротника. Две верхние пуговицы оказались не застёгнуты, значит, часть ожерелья можно было увидеть.

— Обязательно наденьте это, миледи, — продолжал он.

Что он знает об этом ожерелье, которым столько лет владела бабушка? Может, как и кольцо, которое полковник только что показал мне, оно тоже опознавательный знак?

— Хорошо...

Он не ждал моего согласия. Распахнул балконную дверь и, я думаю, толкнул бы меня в гостиную, как толкнула графиня в башне с сокровищами, если бы я не вошла сама. Он закрыл створку, и в то же мгновение отворилась противоположная дверь и торопливо вошла графиня.

Её полные губы улыбались, но глаза она сузила и смотрела подозрительно.

— Полковник Фенвик! Прошу прощения, но мне не доложили о вашем приходе. Я накажу Франца за эту ошибку...

— Благородная леди, — он использовал обычное почтительное обращение, но мне показалось, что в его приветствии прозвучала насмешка. — Я пришёл сообщить вам, что ваш сегодняшний поступок весьма неразумен. Как вам хорошо известно, графиня, — он лёгким кивком указал на меня, — не должна появляться на публике, пока его высочество не объявит своё решение относительно неё. Если вас узнали, могут пойти всякие слухи.

Она надула губы, но я могла бы сказать ей, что жеманство на полковника Фенвика не действует.

— Никто, кроме вас, меня и Ульриха, не знает, что она здесь. Кто мог бы её узнать?

— Вы и граф. И ещё барон фон Вертерн.

Графиня слегка отвернулась. Упрямо задрав круглый подбородок, прошла мимо, села и сложила руки на коленях.

— Дорогой Конрад — мой двоюродный брат, он не только в милости у его высочества, как вы отлично знаете, полковник, он ещё и родственник Амелии. Он проявил исключительную скрытность — к тому же он и раньше знал об этом деле.

— Слишком многие знают, — ответил полковник, — а что касается сегодня — меня прислали с приказом.

— Ах, приказ? Устный, конечно. Говорят, его высочество испытал новый удар и теперь вынужден писать свои пожелания. Ради собственного блага, полковник, запасайтесь доказательствами, позже они вам понадобятся. Есть многие, кто не сочувствуют вашим методам.

— Это приказ его высочества, можете поверить мне на слово. Или не повинуйтесь — на ваш риск, — голос его звучал спокойно и холодно. — Графиня не должна показываться на людях, пока он не разрешит. Больше таких неразумных поступков, как сегодня, не будет.

Она быстро посмотрела на него и снова отвела взгляд.

— Конечно, мы подчиняемся приказам его высочества. А когда Амелия получит аудиенцию?

— Это решит только его высочество, — успокаивающе ответил полковник. — С вашего разрешения, леди, — он слегка поклонился — настолько лишь, чтобы его нельзя было назвать невежливым — и вышел, прежде чем графиня смогла заговорить. Мы услышали только стук его каблучков в коридоре.

Графиня скорчила гримасу.

— Такая деревенщина! Или он пытается показать, что он силен и не боится дня, когда курфюрст больше не сможет защищать его? Да кто такой этот Фенвик? Авантюрист, продающий свою шпагу! Почему он считает, что может отдавать приказы, словно перед ним новобранцы на пара-

де? Не беспокойтесь, дорогая Амелия, он не один из нас и никогда не станет большим, чем сегодня, — простым посыльным. А скоро станет гораздо меньшим...

Она быстро облизнула полную нижнюю губу кончиком розового языка. Не нужно было обладать особой чувствительностью, чтобы понять, что под кукольной внешностью графини скрываются сильные чувства, и отчасти они направлены на полковника Фенвика.

— Странно... о, подойдите и садитесь, моя дорогая. Вы стоите, высокая и с прямой спиной, и напоминаете мне полковника! — она приглашающе похлопала по дивану, и я решила не сопротивляться. — Да, странно, что его высочество до сих пор не послал за вами. Если здоровье его в таком состоянии, как говорят, — а Конрад слышал очень тревожные новости, — он должен желать увидеть вас как можно быстрее. Мне это не нравится. Кто-то мешает! — она смотрела мне прямо в лицо, как будто хотела на нём прочесть ответ. Несомненно, застав меня с полковником наедине, она заподозрила, что я узнала больше, чем рассказ её барон, и из более надёжного источника. Когда же я ничего не ответила, графиня продолжила.

— Она всё время во дворце — принцесса Аделаида. Приводит с собой этих женщин в чёрных одеждах, они на всех смотрят мимо своих кривых носов и, как вороны, каркают набожные молитвы. Она теперь совсем не остаётся в своём аббатстве, нет, говорит, что отец должен раскаяться в своих грехах, особенно тех, которые затрагивают её. Я ей никогда не доверяла — она всегда готова сунуть свой длинный нос в чужие дела, те, что её не касаются! — графиня говорила так горячо, что я поняла: у неё были свои столкновения с принцессой и она до сих пор не оправилась от какой-то схватки — до или после того, как эта устрашающая женщина вступила в лоно церкви.

— Но если это она вмешивается... Нет, при дворе многие её не любят! Если бы его высочество послал за вами и поскорее всё решил!

И он это сделает... должен. Конрад как раз сейчас этим

занимается... у него есть влияние. Да, Конрад найдёт решение.

Я заметила, что, говоря о трудностях, она ни разу не упомянула графа. Но я нисколько не надеялась на Конрада фон Вертерна. Никогда раньше не приходилось мне с такой тщательностью обдумывать слова и поступки. Предложение полковника о головной боли может стать реальным ещё до конца дня.

Я продолжала сидеть и слушать рассуждения графини. Иногда вставляла односложные замечания. А она продолжала говорить о возможных опасностях, о необходимости решения. Я пыталась вслушиваться в её слова, надеясь извлечь из них что-нибудь полезное на будущее. Но мысли мои всё время возвращались к тому, что приказал полковник сделать вечером.

Он даже не спросил моего согласия на этот план, просто указал, что я должна сделать. Я мысленно сформулировала несколько резких и красноречивых отповедей на его высокомерное предположение, что я подчиняюсь его приказам. Но было уже поздно, я втянулась в авантюру, хотя разумная женщина ушла бы в свою комнату, закрыла бы дверь и добровольно оставалась в плену до утра. Беда в том, что я больше не была разумной женщиной.

Наконец я вставила в бесконечный монолог графини своё извинение по поводу головной боли и с большим трудом избавилась от изъявлений сочувствия и предложений помощи. Впрочем, у себя в комнате я с радостью встретила Трудю с подносом для больных, потому что очень проголодалась.

В моём гардеробе был плащ, какой упомянул полковник. Довольно поношенный и выцветший, но я сохранила его, потому что он отлично защищал от дождя и непогоды.

Как же полагается одеваться для встречи с неизвестным дедом и одновременно правящим монархом? Мои скромные траурные платья — я разглядывала их одно за другим — казались мне не подходящими для такого случая. Я знала, что при дворе привыкли к изысканным и сложным

туалетам. Но ведь я в трауре, бабушка у меня всегда перед глазами и в мыслях, и, может, это меня выручит.

Я выбрала кремово-белое платье, отделанное чёрными лентами. Ночи стояли жаркие и, если я закутаюсь в плащ, то задохнусь. Отыскав свои швейные принадлежности, я ножницами разрежала стежки, которые удерживали на месте высокую прилегающую к горлу вставку. Без неё платье стало более модным, хотя я, застегнув корсет, почувствовала себя довольно непривычно с голыми плечами и шеей. Немного помогало железное ожерелье, его действие даже произвело поразительную перемену: я стала совсем иной, не мисс Харрач из «Сотни» Виллисисов. Я, конечно, не обрядилась в жемчуга и драгоценности, но что-то во мне появилось такое... Впервые я поняла, что чужие взгляды способны привлечь не только хорошенькое личико.

Я не часто краснею, но последние мысли заставили меня вспыхнуть. Я взяла плащ, положила его на колени и села подальше от предательского зеркала. И приготовилась ждать.

Мне всегда нелегко давалось ожидание, и теперь я нетерпеливо ёрзала в кресле. Я чувствовала, что за мной незаметно наблюдают. Потребовалось всё самообладание, чтобы не схватить свечу и не начать заглядывать за занавеси и под кровать, не пытаться убедить себя, что я совершенно одна. И когда царапанье в дверь возвестило о приходе долгожданной Труды, я вздрогнула и даже тихо вскрикнула.

Труда сказала мне, что граф и графиня обедают и слуги так заняты, что она сможет незаметно вывести меня. Мы прошли по более узкому коридору и спустились по другой лестнице. Мне пришлось цепляться за перила, потому что лестница была очень крутой. Потом ещё один коридор, и через боковую дверь мы вышли в конюшенный двор.

В тени стоял человек, он сразу протянул вперёд руку. Света лампы было достаточно, чтобы я узнала кольцо полковника. Труда тут же исчезла, а я вслед за незнакомцем прошла вдоль нескольких небольших строений и через вторую дверь. За ней нас ждал небольшой закрытый экипаж, с плотно затянутыми занавесями.

Поездка показалась мне долгой; когда мы выезжали с графиней днём, нам не пришлось столько раз поворачивать. По звукам я пыталась угадать, когда мы пересечём рыночную площадь, но слышала только неясный шум, который ничего не говорил мне. Наконец экипаж остановился, дверь открыли, спустили ступеньки, и я вышла.

Здесь даже не зажгли фонаря. Входила луна, но лучи её не достигали тени, в который мы стояли. Из тьмы появилась ещё одна фигура, рука скользнула мне под правую руку. Я вздрогнула и ахнула, на что мне ответил гневный шёпот, и невозможно было не узнать этот властный тон.

— Держитесь за меня, — приказал полковник. — Здесь нельзя зажигать свет.

Я подчинилась ему, и мы прошли по мощёной дорожке мимо тёмных кустарников. Новая дверь, чуть приоткрытая, и я внутри. Меня окружил запах лака и табачного дыма.

— Лестница, — снова тот же властный шёпот.

Я уже обнаружила это, больно ударившись пальцами ноги о первую ступеньку. Мы поднимались медленно, мне пришлось поверить, что мой проводник больше не даст мне споткнуться. Повернули, я увидела вверху еле заметный свет. Это позволило нам двинуться чуть быстрее.

Вскоре мы вышли в широкий коридор. Впереди стоял стол, на нём канделябр с четырьмя свечами, все свечи горели. Они освещали часового. Он смотрел прямо перед собой и был настолько неподвижен, что его легко было принять за деревянную игрушку, какие любят мальчики. Часовой даже не мигнул, когда полковник, не взглянув на него, открыл охраняемую дверь.

Внутри горел яркий свет, такой неожиданный, что я на мгновение ослепла. С плеч моих тут же сняли плащ, чему я обрадовалась, потому что в комнате было очень жарко, как будто я стояла прямо перед камином с ревущим пламенем.

— Графиня фон Харрач! — шёпотом объявил полковник Фенвик, однако голос его громом отозвался у меня в голове и в этой удушающе жаркой комнате.

Ослеплённые глаза постепенно обретали зрение. Если мне казалось, что моя спальня в доме фон Црейбрюкенов очень большая и внушительная, то эта комната была вдвое больше и втрое величественнее. Да и занавеси здесь висели не выцветшие и мебель не старая.

Я стояла прямо перед большой кроватью с алым пологом, который теперь был откинут. Кровать стояла на помосте, на который вели две ступени, а между мной и основанием помоста проходили резные позолоченные перила, которые как бы подчёркивали значение того, кто находится в кровати, и необходимость оградить его от подчинённых.

Человек в кровати лежал, опираясь на грудку подушек; едва я взглянула на него, как перестала замечать всё остальное. Меня привело сюда любопытство, но теперь нечто иное, более настойчивое и значительное, потянуло меня вперёд, пока мои руки не опустились на баллюстраду. Я видела только человека, который смотрел на меня таким горящим требовательным взглядом, что я, даже если бы и захотела, не смогла бы отвести глаза.

Глава шестая

Не знаю, что я ожидала увидеть, когда наконец предстала перед этим человеком, опозорившим мою семью, превратившим мою бабушку в строгую молчаливую сильную женщину. Немалым усилием воли я сдержала ужас — по крайней мере надеялась, что он не проявился внешне. Бабушка встретила смерть с безупречной репутацией, осанка её была осанкой победоносной королевы. А здесь я увидела развалину на месте некогда красивого и властного мужчины.

Половина лица его онемела, мышцы расслабились, один глаз почти закрылся, рот обвис. Из угла губ стекала слюна. На нём не было ночного чепца, и видно было, что волосы цвета подушки ещё густы. Тело его, одетое в роскошный алый халат, украшенный золотом, когда-то было, несо-

мненно, очень сильным: теперь же под этим богатым одеянием скрывалась сморщенная плоть и торчащие кости; одеяние может солгать, показать, что человек ещё обладает властью в мире, но тело не лгало. Однако второй глаз, пристально смотревший на меня, блистал поразительными жизнелюбием и силой.

Медленно, словно преодолевая огромную тяжесть, человек поднял правую руку, лежавшую поверх обшитого мехом бархата, который покрывал его неподвижное тело. При виде этого движения, совершённого с бесконечными усилиями, моё первоначальное настроение изменилось. Я поняла, что хочу помочь ему. Но в то же время я чувствовала, что в нём живут решимость и стремление к независимости, которые всегда характеризовали и бабушку. Всё, что осталось в его распадающемся теле, он будет использовать до конца.

Меня крепко взяли за руку. Полковник потянул меня от подножия этой кровати-трона и подвёл сбоку, где я встала близко к дедушке, насколько позволяла ширина кровати. Я по-прежнему видела его живой глаз: с прежней медленной силой, с какой поднимал руку, он повернул голову на подушке, чтобы посмотреть на моё приближение.

Губы его шевельнулись, чуть изогнулись на живой стороне лица. С огромными усилиями он пытался заговорить. Но не раздалось ни звука. Словно по сигналу, полковник начал действовать. Он выпустил мою руку, положил на кровать блокнот на подставке и вложил в пальцы поднятой руки ручку.

Рука дёрнулась, перо задвигалось, оставляя за собой кривую линию. Как только рука остановилась, полковник взял блокнот, вырвал верхний листок и положил блокнот назад. Страницу протянул мне, а яростный требовательный глаз мигнул, освобождая меня от своего удерживающего взгляда.

Я обнаружила, что хотя слова и были написаны криво, их вполне можно разобрать. Написано было по-английски; может, он считал, что я знаю только этот язык.

— Лидия... — я не отдавала себе отчёта, что читаю вслух.
— Всегда... Лидия... больше никого... клятва держала меня здесь... но всегда Лидия...

Я вспомнила листок, который нашла рядом с ожерельем: там это имя повторялось с такой силой, что перо прорвало бумагу. Это не ложь. К своему удивлению, я поняла, что у меня на глаза навернулись слёзы.

Возможно, циник скажет, что сейчас курфюрст Иоахим испытывал другие чувства, чем в дни своего правления, что тогда он воспринимал свой «долг» философски и не сопротивляясь. Да, циник мог бы в это поверить. Но я, видя, с каким трудом он пишет, встречая взгляд его единственного глаза, — я не верила.

Он снова начал писать, с теми же болезненными усилиями. Полковник взял второй листок и протянул мне.

«Что с моим сыном... моим истинным сыном?»

Я ответила на вопрос.

— Мой отец погиб, сражаясь за родину.

Глаз закрылся, губы снова напряглись, пытаясь произнести слово. Выражение упрямой решительности не покидало это изуродованное лицо. Он снова посмотрел на меня, и я почувствовала, что меня взвешивают, оценивают. Потом он написал:

«Хорошо получилась. Ты... Лидия... как Лидия...» — ручка выпала из его пальцев, полковник стремительно подошёл и снова вставил её. Но курфюрст ничего не добавил к написанному, он просто смотрел на меня оценивающим взглядом, изучал моё лицо так напряжённо, что я почувствовала, словно он свободно читает мои мысли, хорошие и плохие, добрые и злые. Я никогда не подвергалась такому испытанию, я бы даже не поверила раньше, что взгляд единственного глаза может быть таким многозначительным.

Возможно, из-за того, что он приблизился к концу жизни, ему была дарована такая способность общаться без слов, которой мы, не испытывшие его судьбы, не могли понять. Я не могла впоследствии сказать, сколько времени провела под его испытующим взглядом. Но я тоже кое-что

узнала и потом всегда в это верила. Несмотря на обстоятельства, несмотря на гнев, который я испытывала к нему раньше, мой дед был достоин женщины, от которой он будто бы отрёкся и которую бросил. Я никогда не узнаю, какие интриги и преграды встали между ними, какой долг, но они были равны в храбрости, в силе и — в любви. Наверное, не в том смысле, в каком понимает это слово большинство; это чувство было глубже, мощнее, меньше в нём присутствовало телесного, физического, больше от силы разума.

В третий раз он принялся писать, и на этот раз писал дольше. Несколько раз ему приходилось останавливаться. На лбу его выступил пот, его сосредоточенность поразила меня не меньше, чем сила взгляда. Он заставлял тело подчиняться своей воле и страсти.

«Моя кровь... и Лидии... Я должен был знать. Обезопасить... обезопасить тебя... безопасность... жди плана... он поможет... не доверяй...»

Ручка выпала, он упал на подушки, говорящий глаз закрылся. Полковник убрал блокнот и ручку, а я смогла наконец сдвинуться с места, наклониться к кровати. Я взяла его расслабленную руку в свои, мне хотелось сжать её, дать ему понять, что я знаю правду, понимаю, что он хотел сказать мне.

Тело его было холодным, но пальцы не оставались безжизненными, они решительно сжали мою руку. Движимая чувством, в котором сама не могла до конца разобраться, я поднесла его руку к губам и поцеловала.

Глаз его раскрылся, губы шевельнулись в последней попытке заговорить. Я прочла в его взгляде раздражение, ужас перед собственной беспомощностью.

— Дедушка, — сказала я негромко, — я знаю...

Как мне хотелось в тот момент, чтобы у нас был хотя бы день, неделя, пусть даже час... Передо мной лежал не курфюрст. Это был Иоахим фон Харрач, который некогда обнаружил другую жизнь, более мирную и счастливую, в другой земле и в иное время.

— Смотри, — я указала на своё ожерелье. — Она дала мне его... она хотела, чтобы я узнала... В конце концов... сейчас... она понимает... всё...

Это не моё воображение. Я почувствовала, как его пальцы сжали мою руку. Снова взгляд его стал требовательным. Он нуждался в чём-то, и мне показалось, что я знаю, в чём.

— Она велела мне приехать, — сказала я медленно и отчётливо. — Она хотела этого... хотела, чтобы мы встретились.

Голова его чуть качнулась. Он кивнул. Потом слегка отвернулся и взглянул на человека рядом со мной. Он смотрел на полковника говорящим красноречивым взглядом, как только что на меня, хотя я не могла догадаться, о чём говорит этот взгляд.

Неожиданно от двери донёсся звук. Рука бабушки повернулась в моей, высвободилась. Я положила ладонь ему на грудь. Полковник сжал мои плечи и оттащил от кровати.

— Пошли! — прошептал он. Потом быстро меня отвёл к высокой ширме в углу комнаты и без всяких церемоний затолкал за загородку, как раз в этот момент кто-то с силой распахнул дверь.

В комнату вошёл седовласый человек, не в обычной лакейской ливрее, а в костюме с гербом на плече, с золотой петлёй и медальоном на груди. Он быстро оглядел комнату. Мне показалось, что он бросил подозрительный взгляд на ширму, и я уверена, что он слегка кивнул, прежде чем повернулся к двери.

Потом подошёл к постели курфюрста, взял руку бабушки и с профессиональной лёгкостью прижал пальцы к пульсу на запястье, а сам курфюрст в это время повернул голову к двери. Кто-то постучал в неё и, не дожидаясь ответа, распахнул.

Человек у постели отступил, а в комнату влетела женщина с раздражённым, круглым, как луна, лицом. Вуаль её развевалась, длинная серая юбка мела пол, и вела себя женщина с высокомерием человека, которому мало с кем

приходится считаться в жизни. Она осмотрелась, даже не взглянув на больного, и резко спросила:

— Где Кранц, где сестра Катерина? И где Люк? Они не должны ни по какой причине покидать его высочество!

Я чувствовала, как полковник сжимает моё плечо. Он не убрал руку, даже когда мы скрылись за ширмой. Но мне не нужно было его предупреждение, которое, я уверена, он пытался передать. Сердце моё билось быстро, но не от страха, а от возбуждения. Я догадалась, что это моя тётка, аббатисса Аделаида.

— Ваше преподобие, — человек у кровати опустил руку курфюрста на бархатную ткань. Он почтительно поклонился, но подбородок его был упрямо выпячен. — Его высочество нельзя беспокоить. Он сам приказал, чтобы его оставили одного...

— Он приказал? Как? Добрый бог поразил молчанием его язык. А в его каракулях можно прочесть что угодно, если заставить его написать. Я требую...

Она говорила всё громче и резче, и я догадалась, что в прошлом она не раз так добивалась своего. Возможно, она унаследовала это от своей матери, курфюрстины с неустойчивым характером и подавляющим высокомерием, которую никто не любил.

Впервые от кровати донёсся звук. Когда курфюрст пытался заговорить со мной, он ничего не смог сказать, но на этот раз мы услышали хрип. Аббатисса смолкла, она удивлённо посмотрела на отца, и что-то похожее на страх отразилось у неё на лице. Он снова произнёс тот же звук и, подняв руку, указал пальцем на дверь.

Произошло молчаливое столкновение характеров, потому что курфюрст теперь молчал. Но он совершенно ясно показал, что владеет своим рассудком, если не телом, что он действительно отдаёт приказ — приказ, которому она обязана подчиниться. Возможно, она хотела доказать ему, что может устоять, потому что аббатисса не шевельнулась. Но тут резко заговорил человек у постели:

— Ваше преподобие, нельзя волновать его высочество. Ваше присутствие не благотворно для него.

Она открыла было рот, словно хотела приказать ему замолчать, потом медленно закрыла. Только бросила ядовитый взгляд. Ни слова не добавив, не взглянув на человека в постели, повернулась и тяжёлым шагом вышла из комнаты. Человек вслед за ней пересёк комнату, закрыл дверь и встал перед ней, как будто думал, что дочь курфюрста может передумать и ворваться снова.

Полковник тоже двинулся вперёд, вытащил меня из укрытия. В последний раз услышала я гортанный звук с кровати. Рука курфюрста снова указывала, но не на дверь, через которую вышла аббатисса, а налево.

Полковник кивнул и сделал шаг в сторону, чтобы подхватить мой плащ; к счастью, аббатисса его не заметила. Я немного подождала, мне хотелось задержаться, может быть, снова взять эту холодную руку. Я чувствовала потребность успокоить его, сказать... что? Не знаю, но мне казалось, что я должна облегчить его положение, что-то для него сделать. Но курфюрст закрыл глаза, его руку снова держал слуга, даже не взглянувший в нашем направлении, а полковник снова взял меня за руку.

Мы зашли за другую ширму, напротив первой, и мой спутник открыл дверь за ней. Мы оказались в другой комнате, почти такой же большой, как и спальня, но освещённой гораздо хуже. В сущности здесь горели только две маленькие свечи.

Обе стояли на столе, за которым сидел пожилой человек. Волосы его белым кружком располагались вокруг большой куполсообразной головы: когда он взглянул на меня, я увидела густые ошетилившиеся белые усы над верхней губой. Как и у того, кто остался в комнате курфюрста, на нём был мундир с гербом.

Человек с некоторым трудом встал, держась за край стола. Он не смотрел на полковника, а разглядывал меня из-под бровей, таких же ершистых, как усы. Ни слова не говоря, он взял свечи по одной в руку — руки у него были совсем старческие, со следами возраста — и подошёл ближе. Долго разглядывал моё лицо и потом низко покло-

нился. Я испугалась, что его скрипящие суставы не позволят ему снова выпрямиться. Когда-то, должно быть, он был очень высок, но теперь согнулся и ссутулился.

— Высокорожденная, — стало ясно, что он пытался говорить еле слышным шёпотом, но это ему плохо удавалось. — Добро пожаловать, ваше высочество, — и он вторично поклонился.

— Франзель, — резким тоном привлёк его внимание полковник, — мы должны уходить — немедленно!

Старик вздрогнул, словно не подозревал о присутствии моего спутника, пока тот не заговорил.

— Уходить... — повторил он озадаченно, словно во сне.

Полковник взял его за плечо и встряхнул, так что воск от одной свечи капнул на ковёр.

— Очнись, старик! Да, уходить. Это его приказ...

— Дверь, ну, конечно, дверь! — старик словно проснулся. Одну свечу он поставил на стол. А с другой пошёл — быстрее, чем я могла бы подумать, — к противоположной стене. Свободной рукой провёл он по краю резьбы, толстому витку лозы. Я не видела, что он сделал конкретно, потому что тело его закрыло собой стену.

Через секунду панель скользнула в сторону, Франзель отступил и передал свечу полковнику, который протиснулся в щель, не предназначенную для человека таких размеров. Старик поманил меня, и я последовала за полковником. Когда я проходила мимо, Франзель снова низко поклонился, как будто я королева, входящая в тронный зал. Я колебалась: я ведь не знала ни положения этого человека, ни его взаимоотношений с моим дедом. Но, очевидно, он желал мне добра. Поэтому я поблагодарила его и вошла в проём.

Панель за нами снова закрылась. Проход оказался очень узким, в нём пахло пылью и влажным затхлым воздухом. Мы прошли лишь несколько шагов, и полковник через плечо прошептал:

— Возьмите меня за руку. Здесь лестница, а мы должны идти бесшумно, — огонёк действительно осветил каменные ступеньки, очень узкие, спускающиеся в тёмный

колодец. Мы медленно пошли вниз. Я черпала уверенность в его крепкой руке.

Постепенно у меня появилось ощущение, что стены смыкаются вокруг нас, грозят раздавить, погрести в этом таинственном месте; закружилась голова, затошнило, но я сдерживалась. Каждый шаг давался с трудом, словно я шла по палубе корабля в бурю. И только рука, крепко сжимавшая мои холодные пальцы, возвращала меня к реальности, помогала преодолеть растущую панику. С детства я боялась темноты и закрытых пространств, и в тот момент мне очень не хватало храбрости. Я не могла дышать полной грудью в затхлом воздухе, и это увеличивало мой страх.

— Сейчас будет другой проход, — мой спутник не повернул головы, хотя мне этого очень хотелось. Мне требовалась большая уверенность, чем та, что он давал мне. Как будто я не личность, а просто часть его обязанностей, которые он дал клятву исполнять. Но он сказал правду, ступеньки остались позади, мы прошли вторым коридором, таким же узким, как и верхний, но прямым.

Я задевала плечами за стены с обеих сторон, поднимая волны запахов влаги, пыль душила меня. Впереди полковнику иногда приходилось протискиваться боком.

Мы неожиданно остановились. В тусклом свете свечи я увидела сплошную стену. Полковник передал свечу мне.

— Держите, — приказал он, — и светите получше через моё плечо.

Воск горячими каплями стекал по подсвечнику. Я постаралась держать свечу неподвижно и смотрела, как он поднял руки и провёл пальцами по поверхности стены. Тут не было лозы, скрывающей замок, ничего, что бы даже отдалённо напоминало дверь. Мгновение спустя мой спутник довольно хмыкнул. Потом приложил два пальца к камню на уровне своего твёрдого подбородка и начал сосредоточенно нажимать.

На этот раз послышался звук — скрежет. Я ахнула, полковник снова хмыкнул, на этот раз раздражённо. Часть стены ушла вглубь и в камне, который казался мне сплошным, появились очертания двери. Чтобы пройти в неё, нам

обоим пришлось бы наклониться. Полковник прижался плечом к двери и надавил. Она неохотно подалась, и мы ощутили свежий прохладный ночной воздух. Мой спутник мгновенно перехватил свечу и задул пламя. Снова взяла меня за руку и вывел на открытое место, где я увидела в лунном свете очертания деревьев. Должно быть, мы выбрались в сад.

Несколько мгновений полковник оставался на месте, в тени куста, притянув меня к себе. Я слышала, как он быстро и глубоко дышит. Мне показалось, что он принюхивается, как охотничья собака, пытается понять, куда идти дальше. Несмотря на плащ, в который я плотно закуталась, меня била дрожь, скорее от тревоги, чем от ночной прохлады.

Луна показывала нам, что всё вокруг неподвижно. Но я видела и силуэты древних башен на фоне ночного неба. Они несли с собой угрозу, пришедшую из прошлого в настоящее.

Нет! Я не могла позволить событиям этой ночи так повлиять на моё воображение. Я Амелия Харрач! Теперь, уйдя от того старика в его королевской постели, я могла забыть о данном мне титуле. Забыть, что вообще между нами кровная связь. Но я не могла этого сделать. Он как будто наложил на меня заклятие, и я знала, что никогда не забуду ни одной подробности нашей встречи. Каким-то странным образом я изменилась и никогда не стану прежней, такой, какой была до того, как на меня упал тот пронзительный ищущий взгляд, который оценивал и взвешивал меня. Я пришла сюда только по желанию бабушки, у меня не было никаких родственных чувств к правителю Гессена. Но теперь, увидев его физически беспомощным, я была привязана к нему его несомненной силой духа и храбростью.

Нет и нет! Я не буду его графиней! Я никогда не стану частью этой жизни!

Полковник прервал мои путаные рассуждения.

— Мы в восточном саду, — он говорил очень тихо. —

Теперь нужно идти на север к озеру, там есть выход, — он снова взял меня за руку, и мы пошли, как бродячие дети, по тропе, перебегая от одной тени к другой.

Раз или два я оглядывалась на тёмный дворец. В некоторых окнах виднелся слабый свет, но никаких других признаков жизни. Вокруг трещали ночные насекомые, в деревьях и траве что-то шуршало. Однажды я заметила неслышный смертоносный нырок птицы и услышала тонкий, прензительный, неожиданно прервавшийся крик: пернатый хищник настиг добычу.

Мы миновали несколько каменных бессейнов, вода текла из одного в другой. Потом нашли дверь, скрытую аркой, затянутой густой растительностью. Щёлкнул в ночной тишине замок, и мы вышли в узкий переулок, мощёный и ограждённый с обеих сторон стенами. Вдоль стен через равные интервалы горели фонари. Переулок был достаточно широк, чтобы вместить экипаж.

Человек, шедший со мной рядом, негромко свистнул. Послышался топот копыт, лошадь шла медленно, шагом. Показался экипаж с занавесями, тот самый, что привёз меня сюда. Меня посадили в него, не дав времени обменяться даже одним словом с тем, кто сопровождал меня в этом приключении.

Съевшись, плотно закутавшись в плащ, всё ещё дрожа, я пыталась привести мысли в порядок. Да, меня признал курфюрст, но в тайне, с единственным свидетелем — полковником Фенвиком. Мы оба можем сколько угодно рассказывать о случившемся, и нам не поверят. В сущности вся встреча происходила под таким покровом секретности, что я не видела, каким образом получу то, за чем приехала. Умиравший произвёл на меня неизгладимое впечатление. Но он должен был показать, что наши отношения признаются открыто. И я знала, что ни с кем не должна обсуждать происшествие, особенно с графиней.

Я сидела, обхватив себя руками, прикусив нижнюю губу, в полном одиночестве. Кому мне довериться? Старик, несмотря на всю силу своей личности и духа, может до утра

умереть. И исполнение его приказов и желаний тогда будет зависеть от оставшихся в живых. Легко можно будет утверждать, что я с ним никогда не виделась, что он не признал меня.

Я никогда не задумывалась над предположением графини, что именно мне может быть завещано сокровище. Может, она это просто выдумала. Я была уверена, что даже если бы курфюрст этого пожелал, мне всё равно не позволили бы завладеть сокровищем. Да я и не хотела его! Я начинала понимать, что то, за чем я явилась — оправдание, публичное оправдание бабушки, — никогда не осуществится, хотя эту задачу я поставила выше всех богатств Гессена.

Возможно, это можно было бы сделать, публично и ясно заявить о правах Лидии Виллисис, если бы курфюрст не заболел. Он по-прежнему, несмотря на своё состояние, обладал сильной волей: я видела, как он отреагировал на вторжение дочери в свою комнату. Но, как предупредил меня полковник, курфюрст слишком зависит теперь от окружающих. Я покачала головой, предупреждая себя, что должна быть готова к поражению.

Но я была рада, что увиделась с ним, даже в его слабости. Видела и почувствовала связь между нами, которую уже никогда не удастся прояснить. Может, при другой встрече... Я почувствовала прилив надежды. Он храбр, у него сильная воля, я видела это. Я надеялась на него.

Возвращение в дом Црейбрюкенов заняло меньше времени, чем поездка во дворец, может, потому что было уже поздно и улицы опустели, и мы возвращались более прямой дорогой. Я опять оказалась в конюшенном дворе: человек, лица которого я не разглядела, проводил меня к двери, постучал дважды и исчез, прежде чем я смогла поблагодарить его. Открыла дверь Труда, в шали, со свечой в руке. Она знаком велела мне заходить быстрее и торопливо провела меня по коридорам дома, словно опасалась, что за нами гонится военный патруль.

Когда мы вошли в мою комнату, она закрыла дверь и не пошла дальше, а, как и полковник раньше в этом доме,

прижалась к двери ухом и прислушалась. На её молодом лице отразилась тень страха. Потом она подошла ко мне и прошептала:

— Благородная леди, графиня... она дважды подходила к двери в течение часа и спрашивала о вас. Я сказала, что вы спите. А один из её слуг, Генрих, несколько раз проходил по коридору, как часовой, хотя здесь у него нет никаких дел.

— А как ты?..

Труда нервно улыбнулась.

— Каждый раз я говорила, что у вас болит голова, и что я приготовила вам целебный отвар. Вы будете спать, пока боль не пройдёт. Этот травяной настой научила меня делать мать. И я ещё кое-что сделала... Видите?

Она прошла мимо меня и выше подняла свечу, чтобы осветить пещероподобную постель. Я ахнула, плащ выпал у меня из рук.

Кто-то спал ... на моём месте!

Труда схватила одеяло и сдёрнула его со спящего. Несколько подушек, уложенных в линию, заканчивались ночным чепцом, в который был затолкан шарф, так что получилась круглая голова. Труда с улыбкой взглянула на меня в ожидании одобрения.

— Очень хитро! — похвалила я. — Я должна поблагодарить тебя за сообразительность, Труда.

— Благородная леди, я хочу только служить вам, — она присела. — Я сказала, что сегодня тоже переночую здесь, чтобы быть рядом, если вы позовёте, — и показала на груды одеял на возвышении у ног кровати. — В старину служанки всегда так вели себя: они должны быть всегда на месте, если леди позовёт. Я из сельской местности, там ещё соблюдают старые обычаи, графиня это знает. Поэтому она не подумает, что мои действия странные.

Полковник хорошо выбрал себе помощницу в доме. Возвращаясь в дом, я раздумывала, кому могу доверять. Может, я нашла ответ — по крайней мере часть его — в этой девушке? Можно ли доверять Труде, как Летти, и

ожидать в ответ такой же верности и поддержки? Как мне хотелось в это поверить! Но я не должна была торопиться, иначе потом, в будущем, об этом придётся горько пожалеть.

Глава седьмая

Спала я тревожно, но сны не могла припомнить. Разбудил меня громкий звук, я села и прислушалась, вся дрожа. Колокола — звон колоколов! Он слышался со всех сторон. Но это не тревога, решила я, послушав немного, скорее траурный звон.

Я выскользнула из постели и подошла к ближайшему окну. Снаружи серый рассвет переходил в день. Я раскрыла окно, и колокольный перезвон стал оглушительным, снова и снова повторялись всё те же печальные ноты.

Могла быть лишь одна причина у этого звона. Курфюрст умер, и все церкви Аксельбурга возвещали об его уходе из этого мира. Невозможно заставить себя горевать. Я не испытывала той полной пустоты, как при смерти бабушки. Мне было только жаль, что у меня не было возможности лучше узнать этого человека, которого я встретила уже умирающим. То, что я в нём почувствовала, могло привести нас к...

Я покачала головой. В моей жизни Иоахим-Эрнест, курфюрст Гессена, мало что значил. Что я могла испытывать, кроме разочарования? У меня не было с ним прочной связи. Я медленно закрыла окно и постаралась связно и здраво подумать, что означает для меня эта перемена.

Не будет никакого публичного признания, подтверждающего письмо бабушке, не будут выполнены обещания, которые привели меня за море. Следовательно, чем быстрее я уберусь из Аксельбурга, тем лучше.

Несмотря на все намёки графини и предложения полковника Фенвика, я хотела только того, в чём мне теперь отказала судьба. Если мой дед был настолько неразумен, что упомянул меня в завещании, возможно даже, мне грозят неприятности. Я не строила никаких иллюзий отно-

сительно реакции аббатиссы-принцессы Аделаиды или других членов семьи, когда они узнают о моём существовании. Эти мастера интриг, которые могли держать в своей власти деда при жизни, теперь превратятся в стервятников, готовых убить, и если обо мне станет известно, я буду их самой вероятной жертвой.

Я была уверена, что в таких обстоятельствах не могу полагаться на графиню и её молчаливого мужа, которого почти не видела. Что касается полковника — я вспомнила пренебрежительные слова графини о нём. Его покровитель умер, и теперь, возможно, полковник лишится всей власти. Может, у него самого начнутся неприятности.

Так что, чем скорее я выберусь из Аксельбурга, вообще из Гессена, тем лучше. Теперь главной проблемой становилось организовать бегство. Меня привёл сюда план умершего: у меня самой не было даже экипажа, чтобы проехать по городу, не говоря уже о стране — и других странах и государствах, которые лежали между мной и морем. У меня имелись деньги, но я не была уверена, что смогу с их помощью воспользоваться общественным транспортом. Молодая женщина, едущая в одиночестве, может надеяться, что её будут терпеть, но ожидать должна оскорблений и даже опасности.

Я оделась и села, стараясь рассуждать, как меня учила бабушка, спокойно и здраво, взвешивая различные возможности. Если бы мне удалось добраться до Гамбурга, я была уверена, что нашла бы возможность уплыть к себе домой. Но между мною и Гамбургом протянулось множество миль и необходимость пересечь по крайней мере одну границу. Германия разделена на множество независимых государств, несмотря на то, что недавно её карту многократно прекраивал Наполеон. И государствами этими правят самовластные монархи.

Я даже не знала, какую дорогу предпочесть. Сжала руки, чтобы унять неожиданную дрожь, и поняла, что мне не на что рассчитывать, кроме собственной головы и небольшого количества золота.

Деньги могут купить многое, но они же могут породить

предательство. Мне следует действовать очень осторожно. С чего начать? С полковника? Сейчас он, конечно, очень занят переменами, вызванными смертью курфюрста. Оставался только один человек — Труда. Хотя какую помощь могла мне оказать деревенская девушка?

Я заставила себя встать, не обращая внимания на непрерывный перезвон колоколов, прошла по комнате и потянула за звонок. Но дверь через несколько мгновений открыла не Труда.

Может быть, она стучала, а я не слышала из-за колоколов, но графиня влетела в комнату очень торопливо. На ней было домашнее платье, в оборках и кружевах, волосы убраны под мешковатую шляпку. Даже в утреннем свете заметны были морщины и линии на лице, которых раньше я не видела. Я догадалась, что она не стала ждать, когда служанки приведут её в порядок. Лицо у неё было радостно оживлённое.

— Амелия! — прежде чем я смогла пошевелиться, она схватила меня за руки и, если бы я инстинктивно не отступила на шаг, наверное, обняла бы меня. — Амелия, он умер! Ну, разве это не трагедия? Не увидеть его, так и не увидеть... Но мы знаем, чего он хотел, что он решил для вас!

Она даже сумела заплакать, и слёзы потекли по её пухлым щекам. Но при этом продолжала внимательно и хитро наблюдать за мной.

— Мне жаль его народ. Я слышала, что он был хороший правитель, — трудно было найти нужные слова; я знала, что не должна упоминать о своём ночном путешествии. — Мне жаль, что мы не встретились...

— Не увидеть вас, дитя его собственной крови, на кого у него были такие планы, не поздороваться с вами! — она выпустила меня, потому что я не ответила на её жест. Теперь она на самом деле стиснула руки. — Это тяжёлая утрата, Амелия, и такая печальная!

— Может, всё к лучшему, — быстро проговорила я, надеясь найти возможность высказать своё решение. — Не

думаю, чтобы мне были рады при дворе, Луиза. По вашим словам я поняла, что передо мной множество препятствий.

Она покачала головой.

— Как вы можете быть такой холодной, такой спокойной? Неужели вы не поняли? Вы его крови... говорят, он всегда помнил о своей американской семье и принимал курфюрстину только по обязанности. Он всегда был чужаком в своей семье. Разве не сбежал он ещё юношей из дома и не стал офицером армии, воевавшей в вашей стране? Для человека его происхождения это неслыханный поступок, в него не могли поверить. Если бы он увидел вас, узнал вас, ваше положение стало бы абсолютно прочным, никто и шепнуть бы не посмел. Никто не смел бы противиться его воле!

— Но сейчас посмеют, — заметила я. — И поскольку я не могу выполнить то, за чем приехала, не лучше ли мне незаметно покинуть ваш дом? Новый курфюрст, кто бы им ни стал, вряд ли приветит с радостью незнакомку, которая, согласно вашим законам, появилась в результате семейного скандала.

— Рудольф-Эрнест? Его двадцать лет не видели в Аксельбурге. Курфюрстина не разрешала ему показываться после того, как он отверг Франциску, её младшую дочь, не захотел взять её в жёны! Неудивительно, более уродливой принцессы никогда не было, лицо толстое, а поесть так любила, что ей приходилось боком проходить в дверь. Доелась до смерти, говорят, чему вполне можно поверить.

Да, он теперь быстро приедет. Однако он всегда преклонялся перед курфюрстом, и его легко убедить. К тому же он не любит принцессу Аделаиду и тех, кто ей служит, — графиня помолчала, поджав губы. Видно было, что она напряжённо размышляет.

— Пока завешание не будет объявлено публично, дорогая Амелия, не нужно строить планов. Курфюрст всегда держал свои личные дела в тайне; ему приходилось это делать, потому что рядом с ним всегда находилась эта драконица. Её шпионы окружали его везде. Никто не

знает, что он собирался сделать со своим личным состоянием, разве что... — она внимательно наблюдала за мной, — когда он послал за вами, мы могли строить догадки. Сокровища целиком были в его личном распоряжении. Но в одном вы совершенно правы, моя дорогая. Сейчас нужно быть вдвойне осмотрительной, держаться подальше от двора. Да, может быть, разумно вообще на время покинуть Аксельбург.

Я насторожилась. Больше всего я хотела уехать из города, но на своих условиях и по единственной причине — чтобы отправиться домой. Я ничем не обязана Гессену. Но я сомневалась, чтобы графиня одобрила мой отъезд насовсем.

— Кестерхоф! — она захлопала в ладоши, словно решила проблему. — Лучший выход! Туда всего день пути. Граф три года назад его перестроил, и там стало очень удобно. Мы поедем в Кестерхоф!

— А что это такое? — я лихорадочно пыталась найти причину, которая не позволила бы графине принимать решения за меня.

— Охотничий домик — вернее, был им, пока войны не опустошили леса. Граф переделал его в наш сельский дом. Он как-то побывал в Англии — ах, какая это холодная и дождливая страна! — она слегка вздрогнула. — И его поразило, что английские дворяне полгода проводят в своих сельских поместьях, и потому их люди более верны хозяевам. Ещё бы, ведь им приходится жить в таких неудобствах, вы бы не поверили!

И вот он переделал Кестерхоф в такой дом, понимаете; ему нравится разыгрывать в нём английского дворянина. Да, вы должны поехать в Кестерхоф, — она уцепилась пальцами нижнюю губу, глаза её бегали по комнате, как будто искали способ немедленно перенести меня туда.

— Мы сейчас не сможем уехать: у графа есть обязанности при дворе. Но вам там будет хорошо. В доме никого нет, кроме слуг, все они преданы графу. Если он прикажет, чтобы никто не говорил о вас, так и будет.

Вот это мне уже совсем не понравилось. Но что я могла возразить? Особенно когда у меня появилось сильное ощущение, что нельзя оставаться в Аксельбурге. Курфюрст правил до самой смерти, но теперь, после его ухода, многие хотели бы половить рыбку в мутной воде.

К тому же... я поеду одна... там будут только слуги... я смогу выработать собственный план, узнать что-нибудь полезное. У меня появится время. Графиня, очевидно, решила, что я полностью согласилась с её предложением, потому что тут же принялась энергично звонить в колокольчик.

— Вы должны отправиться как можно быстрее, — продолжала она. — Вскоре все дороги, ведущие в город, заполнятся. Многие захотят взглянуть на прибытие нового курфюрста и погребение его двоюродного брата. Вам сейчас не стоит привлекать внимание. Да, это даже опасно, — сделав это предупреждение, она серьёзно взглянула на меня.

Когда показалась Труда, моя хозяйка принялась командовать подготовкой к отъезду. Она так быстро отдавала приказы, что я не понимала, как служанка различает их. Потом графиня убежала, пообещав, что меня не только накормят плотным завтраком, но и дадут с собой корзину с едой, а один из слуг графа поскачет вперёд, чтобы в Кестерхофе подготовились к приёму гостей.

Убедившись, что она вышла, я перестала расчёсывать волосы и повернулась к Труде, которая занималась упаковкой.

— Труда, ты можешь связаться со своим другом, который знает полковника Фенвика?

На мгновение мне показалось, что девушка меня не услышала, потому что она продолжала складывать платье, чтобы оно не измялось в дороге. Потом, не глядя на меня прямо, она сказала шёпотом, так что мне пришлось напрыгаться, чтобы услышать:

— Благородная леди, он гвардеец. Теперь они все заняты, стоят в почётном карауле возле покойного Его Светлости.

— Нельзя ли с его помощью связаться с полковником?

Она в последний раз коснулась платья и уложила его в чемодан — по-прежнему не глядя на меня.

— Благородная леди, можно попытаться. Но открыто посылать записку нельзя. Она пройдёт через несколько рук, и кое-кто захочет рассказать о ней в другом месте.

Опять придворные интриги. Если хозяева занимаются такими тёмными делами, как могут слуги не участвовать в них? Я хорошо понимала опасность любой своей записки, какой бы невинной она ни была, если о ней сообщат тем, кто ещё не знает о моём существовании.

— Мне нужно только одно, Труда. Я хочу, чтобы полковник узнал, куда я еду.

Он встречался со мной, только подчиняясь приказу. Теперь, когда его патрон умер, значила ли я для него что-нибудь? Я не могла позволить себе строить планы на таком ненадёжном основании. К тому же... курфюрст мёртв, графиня открыто проявляет своё недоброжелательство. Может, положение полковника теперь таково, что он и не сможет мне помочь, даже если захочет? И всё же я чувствовала, что только с ним могут быть связаны мои надежды. Он из тех людей, кто, дав слово, не нарушает его, как бы ни изменились обстоятельства. Но... затрагивает ли данное им слово моё будущее?

Вчера вечером он провёл меня во дворец и вывел из него с мастерством, которое показало, что на его способности можно рассчитывать. Теперь, когда я не знала, что меня ждёт, я чувствовала, что должна каким-то образом сохранить с ним контакт, даже если это очень трудно. Как мне хотелось в этот момент спросить его совета! Ибо даже если он заинтересован во мне лишь в той степени, в какой я связана с его покойным хозяином, я считала, что от него — и только от него — могу получить правдивые ответы. Сделав такое заключение, я сама удивилась. Что я знала об этом человеке, кроме поступков, которые наблюдала, и отдельных замечаний о нём? Но я с нетерпением ждала ответа Труды.

— Может быть, это можно сделать.

Я сама не понимала, как рассчитываю на эту девушку, до её осторожного ответа. Поедет ли она со мной? Я прямо спросила её об этом.

— Мне ничего не сказали. Может быть, мне разрешат, если вы попросите, благородная леди.

Захочет ли она сопровождать меня? Послушание и покорность так вбили в неё, что она могла поехать и в то же время затаить зло. Но в незнакомом доме, где все слуги верны графу, как сказала графиня, мне был нужен хоть один человек, который на первое место ставил бы мои интересы, а Труда никогда бы не поступила, как вчера вечером, если бы была полностью на стороне графини.

— Труда... — я не решилась говорить с ней прямо, как говорила бы с Летти или любым другим человеком, которых знала с рождения. — Я хочу, чтобы ты поехала со мной, но только если ты сама этого хочешь. Против твоей воли я не стану заставлять тебя.

Впервые она взглянула на меня прямо. Я не могла понять выражение её лица: оно было неподвижно, как массивная мебель этого дома.

— Мой долг — служить благородной леди, как она того хочет.

Я не могла понять выражение её лица и ничего не прочла в голосе. Как бы мне хотелось в этот момент уметь читать мысли! Неужели моё желание такое эгоистичное? Откуда мне знать, какие у неё здесь личные связи и кому она будет верна? А мне так нужна была помощь! Я никогда ещё не признавалась себе в этом. Неужели я так глупа, что позволю отрезать себя от Гессена?

— Я поговорю с графиней, — приняла я решение — ничем не хуже того, что привело меня в Аксельбург. Прежде всего меня устраивало, что у Труды есть связь с полковником Фенвиком.

— Как пожелает благородная леди, — Труда снова принялась упаковываться.

Графиня, уже одетая в подобающий придворной траур-

ный наряд, вскоре снова появилась в моей спальне, за ней вошёл слуга с подносом. Я пила тёплый шоколад и ела булочки, а моя хозяйка говорила не переставая, главным образом об обязанностях графа, который назначен одним из тех, кто будет сопровождать нового курфюрста из места его добровольного изгнания в Аксельбург. Лицо её раскраснелось, глаза сверкали. Казалось, этот час горя открывает новые горизонты перед фон Црейбрюкенами.

— Он согласился, что вам разумно будет уехать в Кестерхоф, — она говорила о графе. — Ненадолго, дорогая Амелия. Заверяю вас! Когда всё будет готово, вы сможете вернуться — да ещё с каким триумфом! И займёте своё законное место, вот увидите!

Я решила не говорить, что знаю, где моё законное место. Не в Аксельбурге, где я буду мишенью для зависти и вражды. Я прервала поток её слов просьбой, чтобы Труда сопровождала меня во временное изгнание.

— Конечно, — сразу согласилась графиня. — Вы не можете путешествовать без служанки. В Кестерхофе есть слуги, но они не обучены прислуживать лично. Катрин говорит, что Труда справляется хорошо. Она не крестьянка, у её отца гостиница в Химмерфельсе, и она не стала бы служить, если бы не была третьей дочерью и не хотела заработать приданое. Ах, — графиня взглянула на дорогие часы с камнями, которые на цепочке висели у неё на шее, — уже поздно. Вы должны выезжать, моя дорогая. Я буду ежедневно писать вам, и вы будете знать всё, что здесь происходит. А скоро сможете снова присоединиться к нам!

Я заметила, что на ожидавшем меня закрытом экипаже нет никакого герба, а кучер и лакей на подножке не в ливреях, а в тёмных плащах. Графиня попрощалась со мной в коридоре, а когда мы с Трудой сели в экипаж, я увидела, что окна плотно закрыты, как в той карете, в которой я ездила во дворец накануне ночью. Похоже, мой отъезд из города должен был произойти как можно незаметнее.

Мы ехали в полутьме; колокола по-прежнему громко

звонили, и мы не смогли бы разговаривать, даже если бы захотели. Я жаждала спросить у Труды, доставила ли она моё сообщение полковнику, но с этим приходилось обож-дать.

Экипаж проехал по плохо вымощенным улицам старого города едва ли не со скоростью пешехода; нас бросало из стороны в сторону. Снаружи, сквозь колокольный звон, пробивалось множество голосов. Вокруг гудела толпа.

Примерно после часа такой езды с многочисленными остановками экипаж двинулся быстрее, и нас так затрясло, что меня даже затошнило. Я осмелилась наконец отодвинуть занавеску и обнаружила, что мимо проносятся трава и кусты. Мы выехали из города. Здесь колокола звучали приглушённо, хотя мы не так уж далеко ушли от их непрерывного звона.

Мне показалось, что теперь нет причин сидеть в закрытой душной повозке. Я попросила Труды отодвинуть занавеси, чтобы осматривать окрестности. Ферм встречалось мало, хотя время от времени я замечала черепичную крышу или уходящую в кусты боковую дорогу. Местность выглядела дико, как будто люди почему-то покинули эту землю. Даже поля, мимо которых мы проезжали, по большей части были не возделаны, заросли бурьяном и кустами. Природа снова наступала на отвоёванные людьми просторы. Я сказала об этом Труде, и она ответила:

— Это всё из-за войны, благородная леди. Тут было много сражений, — девушка вздрогнула. — До сих пор иногда находят мертвецов. Многие фермы были разрушены, сожжены, людей убили или выгнали. Никто не обрабатывает землю, как раньше.

— Война? — я была уверена, что она говорит об опустошительных наполеоновских войнах. — Ведь это было много лет назад. Люди должны были вернуться...

На её свежее лицо вернулось замкнутое таинственное выражение. Наверное, не стоило расспрашивать дальше. Но она ответила:

— Тут никогда не было хорошей земли, благородная

леди. Когда-то сплошной лес, в нём охотились. Потом пожары, а в тяжёлые времена лес рубили на дрова... продавали зимой в Аксельбурге. А также... — она не решалась говорить так долго, что я спросила:

— А также что, Труда?

— Всегда говорили, что земли здесь несчастливые, благородная леди. В прошлом люди работали досмерти, чтобы сделать её плодородной. А в награду получали только смерть или несчастья. Говорят, она проклята ещё в старину.

Я знала, что она не говорит мне всего. По рассказам мадам Манцель в школе я знала, что в этих странах всегда существовали самые строгие законы о лесе. Крестьянин не имел права прогнать оленя, травившего его посеvy, дикие кабаны и свиньи опустошали поля. Браконьеров ждали жестокие ловушки. Если когда-то здесь рос лес, фермеры должны были сильно страдать от этих законов и капризов правивших тут дворян.

Теперь, когда Труда поведала о лесе, я стала замечать многочисленные большие пни среди поросли и кустарников. Некоторые, превратившись в утолья, стояли чёрными напоминаниями о прошлых днях. Пустынная местность, и мне она нравилась всё меньше и меньше.

Дважды мы останавливались в гостиницах и меняли лошадей. Всё это были бедные заведения, на конюшне работали один-два человека, подгоняемые нашим кучером. Я заметила, что они даже не смотрели на экипаж с естественным, казалось бы, любопытством, а когда мы останавливались, никто из гостиницы не выходил и не спрашивал, не хотим ли мы отдохнуть и освежиться. Двери оставались закрытыми, никто не выглядывал в окна.

Мы с Трудой разделили содержимое корзины с продовольствием, хотя мне пришлось буквально заставить её есть и она брала понемногу и самого простого. И совсем не пила вина.

Начался подъём, и наше продвижение замедлилось. Всюду виднелись новые следы опустошения, мёртвые деревья, каменные развалины. Однажды мы остановились в месте,

где ручей вливался в небольшой бассейн, сложенный из необработанных камней. Лошадей здесь напоили. Я настояла на том, чтобы выйти и размять затёкшие ноги.

Никто из сопровождающих не хотел этого, и мне пришлось использовать власть, чтобы прекратить их возражения. Я немного прошла вдоль карниза из голого камня, чтобы получше разглядеть эту мрачную и суровую местность. Дорога содержалась в плохом состоянии, хотя рытвины и ямы были засыпаны гравием, а кустарники по обочинам подрезаны. Мы остановились на верху холма, отсюда дорога спускалась в долину, заросшую лесом, живым и зелёным. Справа от того места, где я стояла, к северу, местность круто поднималась, переходя почти в горы. И на крутом склоне стояло здание, гораздо больше любой гостиницы или фермы.

У меня не было бинокля, чтобы разглядеть подробности, но мне показалось, что здание почти развалилось. Было похоже на крепость какого-то разбойничьего барона, со стенами, сложенными из серого камня, не смягчённого никакими вьющимися растениями. Я гадала, что это такое и обитаем ли замок — не только призраками злого прошлого.

Труда шла за мной. Я пыталась убедить себя, что она так поступает из верности, пытается защитить меня, а не потому, что исполняет обязанности согладателя. Я указала на здание на склоне горы и спросила, что это такое.

— Это... это Валленштейн, благородная леди, — бросив один беглый взгляд в том направлении, она резко повернула голову и больше туда не смотрела.

Валленштейн! Злополучная крепость-тюрьма, где когда-то давным-давно исчезла грешница Людовика, чтобы её вспоминали только как пример лжи и греха. Я повторила про себя слова графини. Каково было этой эгоистичной изнеженной женщине на всю оставшуюся жизнь оказаться заключённой в каменном мешке? Крепость выглядела как мрачный замок какого-то чудовища, не принадлежавший знакомому мне реальному миру.

Графиня говорила, что тут по-прежнему стоит гарнизон. С какой целью? Может, это по-прежнему тюрьма, как дурной памяти Бастилия, тюрьма для государственных преступников? Мне хотелось задать множество вопросов, но ясно было, что Труда не хочет говорить об этом месте, а мне не хотелось испытывать её терпение.

Карета со скрипом спустилась со склона в долину, где вокруг нас сомкнулись деревья, закрыв полуденное солнце. Теперь мы ехали в тихой зелёной полумгле, и звуки издавали только колёса нашего экипажа. Цветов как будто не было, нигде ни одного цветного пятна, только зелень листвы и коричнево-чёрная кора. Я не видела и не слышала ни одной птицы. Мы казались единственными живыми существами на огромном лесном гобелене.

Неожиданно мы снова выехали на открытое место. Свет и жара солнечных лучей усилились после лесной прохлады. Впереди виднелось здание. Я прижалась к окну, стараясь разглядеть его. Вовсе не крепость, напоминающая замок, хотя дом был гораздо больше, чем я ожидала. Первый этаж каменный, но над ним деревянные стены и большой балкон, который вроде бы проходил на одном уровне вдоль всего дома.

Карнизы, балкон, даже окна — всё покрывала резьба и когда-то было раскрашено, как дома в старой части Аксельбурга, потому что на солнце виднелись светло-синие, красные, зелёные и тускло-золотые пятна. Вдоль всего балкона стояли цветочные ящики, полные растений, среди них многие в цвету.

Глава восьмая

В доме явно приготовились к нашей встрече. Широкие передние двери были открыты, и по одну сторону выстроился ряд слуг. Большинство мужчин в простой ливрее, у всех на груди или на плече герб Црейбрюкенов. Женщины в крестьянских платьях с длинными синими, зелёными или ржаво-коричневыми юбками, в передниках с узором из

цветов, в блузах с широкими рукавами, волосы спрятаны под чепцами, к острым концам которых прикреплены ленты.

Среди встречающих я узнала слугу из городского дома, а недалеко от него стояла женщина в простом чёрном платье с серьгами из чёрного янтаря и подвеской-крестом из того же материала на груди. Чепец её украшали чёрные кружева, а под ним застыло замкнутое лицо, выражение которого мне было хорошо известно. Словно состарившаяся на несколько лет Катрин вышла вперёд и поклонилась мне.

Слуга представил мне женщину как фрау Верфель, экономку. Она не улыбнулась и резким жестом отпустила остальных слуг.

— Если благородная леди будет так добра и последует за мной... — даже каркающий голос экономки был похож на голос Катрин. Я не сразу ответила на её приглашение, несколько мгновений оставаясь на месте и разглядывая Кестерхоф.

Несмотря на поблекшую от времени краску и цветочные ящики, дом не казался уютным и гостеприимным, хотя по контрасту с мрачной крепостью, которую мы видели в горах, он мог бы считаться приятным жилищем. Неужели меня заставили совершить ошибку?

Но никто не может предвидеть будущее, придётся жить сегодняшним днём и стараться сделать то, что возможно.

Мы вошли в дом. Ведя меня, фрау Верфель непрерывно извинялась. Я была уверена, что она делает это механически, формально. Кестерхоф содержался в полном порядке и аккуратности, хотя ему и недоставало великолепия городского дома.

Ясно видно было охотничье прошлое дома, потому что главный холл от уровня плеча до потолка был буквально забит охотничьими трофеями: рогами и головами давно убитых зверей. Блестящие глаза кабанов сопровождали меня, словно стремились отомстить, их клыки сверкали, будто свежестропированные. Наверное, так и было на самом деле.

В обширном зале я увидела огромный камин — без дров, потому что сейчас стояло лето. Но в зале было холодно, влажная промозглость висела в нём, как забытая шпалера. По одну сторону вверх вела лестница. Тоже не такая внушительная, как в городском доме, но отделанная панелями со стороны стены до уровня плеча. Панели очень тёмного дерева покрывала сложная резьба. Вначале даже трудно было разглядеть, что резьба изображает бесконечную охоту, последовательность жестоких сцен, на которых мужчины убивают испуганных животных.

Судя по одежде охотников, я решила, что либо художник черпал вдохновение в каких-то старых картинах, либо самой резьбе не меньше трёхсот-четырёхсот лет.

Однако на втором этаже Кестерхоф неожиданно преобразился. Стены здесь не увешивали охотничьи трофеи, а были обтянуты богатым алым, похожим на дамаск, шёлком. На одинаковом расстоянии один от другого вдоль всего коридора стояли стулья с бархатной обивкой того же цвета и несколько столиков с изогнутыми ножками, белых с позолотой. Мне это слегка напомнило дворец, однако цвета были слишком яркие, а позолота слишком кричащая, на мой вкус. Мне всё это напомнило нарядившуюся графиню; как мне казалось, ей не хватало умеренности.

Меня привели в комнату недалеко от лестницы, похожую на золотую гостиную в Аксельбурге. Мебель модная, со светло-зелёной обивкой, украшенной цветами. Розовые и жёлтые цветы на зелёном фоне — та же самая гамма повторилась на ковре и на длинном парчовом занавесе, за которым скрывался другой, кружевной. Повсюду: на столах, на каминной доске, на двух шкафах — стояло множество безделушек. Статуэтки, вазы (без цветов), шкатулки для сладостей и мелочей теснились в этой очень женской комнате.

За полуоткрытой дверью виднелась спальня: постель с зелёным с золотом покрывалом, остальная мебель тоже очень богатая.

Но здесь было как-то неуютно. Я чувствовала себя

словно в чужой квартире, хозяин которой рано или поздно вернётся и будет раздражён моим присутствием. Я чуть не повернулась к фрау Верфель, чтобы сказать, что в другом помещении мне будет лучше, но тут же поняла, что это глупо. Напротив, я поблагодарила её, и она приняла мои слова за разрешение удалиться и ушла, шурша юбками.

Принесли мои чемоданы, и Труда принялась распаковывать их с таким же спокойным мастерством, с каким складывала вещи. Я подошла к ближайшему окну, отвела занавес и выглянула.

Внизу оказался двор, окружённый стеной, как в городском доме. Он был вымощен булыжником и заканчивался конюшнями. За ними я увидела вершины деревьев, много вершин. Должно быть, это остатки леса, в котором охотились когда-то обитатели этого дома.

Ещё дальше, за зеленью, возвышалась стена гор, среди которых находится мрачная крепость-замок. Вся эта дикая местность находилась в резком контрасте с комнатой, в которой я стояла. Мне почему-то она не понравилась. Приехав сюда, я оказалась в полной зависимости от живущих в доме. И это вызывало у меня тревогу.

Труда работала быстро и сосредоточенно, она как будто воздвигла стену между нами. За всё время пути она почти не разговаривала, несмотря на мои попытки преодолеть этот барьер и узнать что-нибудь о самой девушке. Мне так не хватало Летти, с её непрерывным потоком слов и такой милой дружелюбностью.

Я неохотно развязала ленты шляпы и положила головной убор на маленький столик, потом расправила складки юбки. Здесь я никогда не почувствую себя дома. Как и вообще в Гессене. Я была в этом уверена. Мне захотелось остановить Труду, велеть ей снова упаковаться, сказать, что мы не останемся под этой крышей. И тут мне пришло в голову, что я могу определить, сколько свободы мне позволено.

Прежде всего нужно узнать самое важное, и осторожность заставила меня действовать круглым путём.

— Труда, удалось ли тебе перед нашим отъездом попрощаться?

Насколько она сообразительна? Поймёт ли, что я хочу узнать, сумела ли она передать моё сообщение?

Не отрываясь от работы, она сразу ответила:

— Да, благородная леди, — кратко и не вполне ясно. Однако я решила, что не могу ожидать большего.

Я села в небольшое кресло, слегка удивившись охватившему меня облегчению. Сказав это, Труда одновременно кивнула, и я поняла, что она сделала всё, чтобы дать знать полковнику, что произошло со мной.

Я догадывалась, что в её ответе прозвучало и предупреждение. Поэтому внимательно оглядела затянутые шёлком стены, на которых среди цветов молодые девушки в платьях времён моей бабушки гуляли в саду и флиртовали с джентльменами в париках и камзолах. Могут ли у этих стен быть уши? Эти беззаботные нарисованные девушки вызывали у меня нетерпение, нетерпение и тревогу: что они скрывают? Я покачала головой, стараясь избавиться от навязчивой мысли о глазках, о подглядывании. Следовало привести в порядок нервы и перестать населять мир плодами своего воображения.

С помощью Труды я переделалась в удобное домашнее платье. Потом решила, что пора проверить, каково моё действительное положение здесь. Кто я, почётная и беззаботная гостья или пленница, за которой будут постоянно следить? И вышла из заполненной солнцем и светом комнаты на тёмную лестницу с панелями.

И тут же у подножия лестницы, как фигура из процессии на кафедральном соборе, выпущенная не боем часов, а звуком моих шагов, показалась фрау Верфель. Она поклонилась, сжимая руки в чёрных кружевных перчатках-митенках; лицо её оставалось крайне невыразительным. Она спросила:

— Что угодно благородной леди?

— Это очень старый дом, правда, фрау Верфель? — я начала свою кампанию издали. Если женщина действи-

тельно гордится этим домом, как мне показалось, я смогу установить с ней контакт.

— Ему почти пятьсот лет, благородная леди. Он был достроен, и отец его милости кое-что изменил. А потом его милости было угодно ещё немного перестроить его. Так как большой лес почти сведён на нет и охотиться нельзя, изменения заметны.

— Вы говорите, лес сведён. Но из окна я увидела много деревьев. Да и на пути сюда мы проехали через густой лес.

— Да, лес, благородная леди. Но не для настоящей охоты. Его милость приказал посадить новые деревья и сохранить как можно больше старых. Но лес никогда уже не будет прежним.

Она не пошевелилась и не предложила осмотреть дом. Я набралась храбрости и прямо спросила:

— Меня очень интересует этот дом, фрау Верфель. Нельзя ли осмотреть его старые части?..

Выражение её лица не изменилось. Я не могла понять, довольна ли она или действует вопреки желанию. Она снова поклонилась и ответила:

— Если благородной леди будет угодно последовать за мной...

Комнаты в старой части дома заполнял мрак. Самой большой из них оказался зал с охотничьими трофеями. Во всех комнатах тёмные панели и узкие, как крепостные бойницы, окна. Наверное, в те далёкие дни дом каждого дворянина должен был выдерживать нападения. Из рассказов мадам Менцель я знала, что вражда одного барона с другим не только была здесь обычным образом жизни, но и сохранялась ещё долго после того, как в других местах установилось подобие закона и порядка.

Никаких попыток расширить эти окна не делалось, но в каменные рамы были вставлены стёкла. Они пропускали очень мало света, тем более что уже наступил вечер. Фрау Верфель достала из шкафа подсвечник с двумя свечами, но в их свете я получила лишь смутное представление о полных теней, почти лишённых мебели каменных комна-

тах с низкими потолками, совсем не похожих на современные помещения на втором этаже.

Их главным украшением по-прежнему служили охотничьи трофеи, хотя и не в таком изобилии, как в зале, и кое-где на стенах я видела размещённые веером коллекции охотничьих ножей, коротких шпаг или перекрещенных самострелов. Мрачное ощущение испытала я в этих комнатах, более холодных, чем сквозняк из плохо пригнанных дверей. Снаружи стояло лето, полное цветов и солнца, но здесь царили мороз и зима.

Фрау Верфель, вопреки моим ожиданиям, почти ничего не рассказывала о комнатах и их истории. У нее с лица не сходило терпеливое и внимательное выражение, которое у любого человека, настроенного менее решительно, чем я, быстро отбило бы охоту расспрашивать. Она не сделала попытки показать мне помещения слуг или кухню, а у меня не было причин просить об этом, потому что по правилам высшего общества слуги не должны интересоваться мной, если только они аккуратно выполняют свои обязанности.

Наконец, осмотрев четвёртую тёмную комнату, точное повторение трёх предыдущих, я сдалась. Фрау Верфель сообщила мне, что сейчас используются только помещения второго этажа, перестроенные нынешним графом, и обед мне подадут наверх, а не в одну из этих ужасных нижних комнат.

Я вернулась к себе, зная немного больше, но в гораздо большем отчаянии, чем когда выходила. Сами помещения произвели на меня угнетающее впечатление. Трудно закончила распаковывать вещи и куда-то ушла. Оказавшись в комнате, я подошла к окну, отдернула занавеси и снова выглянула.

Должен же здесь быть какой-то выход на балкон, проходящий непосредственно под окном. Мне не хотелось вылезать в окно, но я подумала, что в двух комнатах отсюда видела дверь. Поэтому я снова вышла в коридор и стала считать двери. Комната с выходом на балкон производила впечатление настолько мужской, что я почти ожидала увидеть встающего из-за стола графа, который не разрешит

мне заходить. Но комната была пуста, если не считать массивной мебели, ещё одной коллекции старинных пистолетов, веером развешанных на стене, и портрета мужчины с ястребиным носом, сердитым взглядом и в замысловатом витом парике прошлых лет. Поверх бархатного костюма этот мужчина носил позолоченный панцирь, одну руку он держал на рукояти шпаги в ножнах и злобно смотрел на меня; его глаза были нарисованы так хорошо, словно он следил за каждым моим движением и бросал мне вызов.

Засов балконной двери легко повернулся у меня под рукой, и я вышла наружу. И увидела, что балкон окружает Кестерхоф с трёх сторон, обрываясь у задней стены дома, которая выходит на остатки прежнего леса, показавшиеся мне в быстро сгущавшемся сумраке сплошной стеной.

Внизу было довольно оживлённо. Я видела конюхов за работой в конюшне, в окнах дома загорались огни. Но это не моя жизнь, и я чувствовала себя зрителем, ждущим, когда на сцене появятся главные действующие лица и начнётся настоящая игра.

Хотя летний день был тёплым, с заходом солнца за горы, охраняющие Кестерхоф, я начала дрожать. Не увидев внизу ничего полезного для себя, я вошла в дом и снова оказалась в кабинете. Комната теперь заполнилась тенями, но сердитые глаза портрета продолжали жить и наблюдать за мной. Я подумала, кто изображён на этом портрете. Нынешний граф замкнутый, иногда мрачный и отчуждённый, но в нём мало силы, которая, казалось, исходила от этого человека на старом портрете, той власти, которую художник словно по волшебству уловил и сохранил в красках на холсте.

Я долго стояла перед портретом, заинтригованная ощущением, что он мне кого-то напоминает. Не графа — но кого же? Рот, эти пухлые губы, которые кажутся непропорционально маленькими на лице. Рот... У меня на глазах губы словно слегка поджались, и я тут же сообразила, у кого видела этот рот. Барон фон Вертерн! Но и в его мясистом лице не ощущалось той силы, что у человека на портрете.

Что говорила о нём графиня? Я помню, она утверждала,

что барон её родственник. Но я считала, что родство с её стороны, не со стороны графа. Впрочем, в такой небольшой стране возможности брака очень ограничены, и, несомненно, в дворянстве гораздо больше родственных браков, чем в других местах. Вполне может быть, что граф и графиня родственники не только по браку.

Мне не понравилось то, что я увидела на портрете. Высокомерие человека, который никогда не встречал сопротивления своей воле. И вместе с тем естественная спутница этого высокомерия — жестокость. Я вызывающе повернулась спиной к этим бдительным глазам и вышла из комнаты. Но любопытство не покидало меня. Я пожалела, что у фрау Верфель не такой характер, как у открытой и разговорчивой Летти. Та всё рассказала бы о «семье».

Обед накрыли в другой комнате второго этажа, куда меня проводил слуга. Он занял место за моим стулом, и я ела в одиночестве. Другой слуга одно за другим вносил блюда, а тот, что стоял за креслом, открывал их передо мной. Процессия блюд казалась бесконечной, и хотя я проголодалась, пришлось научиться брать понемногу с каждого блюда. Но когда наконец подошла очередь сыра и фруктов, я даже на это была уже не способна.

На столе стояли три подсвечника с горящими свечами, их огни отражались в фарфоре. Между подсвечниками располагались статуэтки фантастических животных, каждое на задних лапах, а передними поддерживало геральдический герб. Ясно было, что они должны подчёркивать престиж семейства. Мне это показалось очень красноречивым. Хозяева не уверены в своей значительности и вынуждены при каждом удобном случае демонстрировать её. Перебирая вишни, которые я выбрала из позолоченного ведёрка с фруктами, я подумала, что мужчина на портрете никогда бы и не подумал подчёркивать своё значение и ранг. Семейство, которое он некогда возглавлял, в нынешнем поколении опасно приблизилось к упадку.

Что я знала о графине?.. Что она тоже плод морганати-

ческого союза с членом правящей династии — но она никогда не говорила, кто та женщина, которая привнесла королевскую кровь в её линию. Теперь, оказавшись вдали от нескончаемой болтовни графини, я поняла, что она никогда не касалась некоторых тем. Барон... по всем данным, она ценила его гораздо выше графа. А может, находилась и в более близких отношениях. Но сегодня утром она неожиданно говорила только о возвышении графа, от том, как встретит его новый курфюрст, возвращающийся наконец в государство, из которого был изгнан.

В старину вестники, приносившие дурные новости, иногда расплачивались за это головой, жизнью. Может быть, здесь справедливо и противоположное: тот, кто первым принесёт радостное известие новому правителю, может рассчитывать на почести и высокое положение? Я могла с этим согласиться. А что же ждёт фаворитов покойного правителя? «Король умер, да здравствует король!» Я вспомнила древний лозунг монархистов. При дворе появятся новые лица, произойдут неожиданные возвышения и падения. Полковник...

Я смотрела на ближайшего геральдического зверя, кажется, это был грифон. Из раскрытой клыкастой пасти, словно для нападения, высовывался свернувшийся заострённый язык. Но тут животное буквально расплылось у меня перед глазами, и на его месте я увидела лицо. Мне пришло в голову, что за всё время, что я его знаю, полковник Фенвик ни разу не улыбнулся, не проявил никакого простого удовольствия, он всегда был солдатом на посту, исполняющим свой долг.

А каков он, когда ни долг, ни бдительность его не удерживают? Может ли он смеяться, шутить, утратить эту жёсткую неподвижность спины, это напряжение сжатых челюстей? Он гораздо моложе графа, но держится, как убелённый сединами морщинистый старик. Изгнание его семьи или служба у курфюрста сделали его таким?

Я попыталась представить себе полковника другим, ослабленным, проявляющим тепло сердца и души, но тут же

покачала головой. Это невозможно. Даже если я предоставлю полную свободу воображению, всё равно лицо в моей памяти не изменится. Теперь, вызвав воспоминание об этом лице, я не могла его забыть. И не думать о мрачном будущем, которое может ожидать полковника.

Он был человеком курфюрста, очень близким к нему. У его постели он вёл себя с мягкостью и нежностью. Я не поверила бы, что он на это способен, если бы не видела сама. И, очевидно, у него имеется множество врагов. Презрение графини, возможно, наименьшая из тех неприятностей, которые угрожают ему. Я опустила вишню на тарелку с позолотой. Сколько его недоброжелателей теперь выступят открыто?

Я встала, слуга отступил и торопливо открыл передо мной дверь. Будет ли полковник беспокоиться обо мне? Может, он отчасти виноват в моём присутствии здесь?

По существу он не проявил никакой доброты, никакой мягкости, ничего, что показало бы его личное беспокойство. И всё же — я вернулась в свою комнату, в которой были зажжены свечи, задёрнуты занавеси и сделано всё, чтобы она стала уютной, — вернулась, охваченная противоречивыми чувствами.

Но даже в этой уютной комнате не было отдыха моим мыслям и нервам. Я села в кресло и, вопреки своим намерениям, принялась вспоминать подробности прошлой ночи. Сама таинственность моего посещения смертного одра бабушки говорила об опасности. То, что он сумел подчинить себе дочь, навязать ей свою волю, несмотря на немоту, вовсе не означало, что его приказы будут исполняться, когда он перестал дышать.

Я не могла сидеть спокойно. Обнаружила, что расхаживаю взад и вперёд по комнате, как зверь в клетке. Придётся платить за свою глупость, за то, что я очертя голову бросилась в неизвестность, словно слепая, заблудившаяся в лабиринте.

Я... я должна отвлечься от всего, думать только о себе и своём положении. Полковник — мужчина, он опытен в

придворных интригах, он к ним привык и должен был предвидеть, что произойдёт после смерти его хозяина, должен был заранее подготовиться. Может быть, он сейчас уже за границей... Наёмник, продавший свою шпагу... Потомок тори... Человек, достаточно умный, чтобы понять, что его ждёт... Я собрала все эти мысли. Во мне заинтересована только я сама и я...

Нет! Я не беспомощна! У меня хороший ум, и бабушка приучила меня мыслить логично. Что если дедушка заранее позаботился обо мне и оставил какие-то законные распоряжения? Мне достаточно только заявить, что я отказываюсь от наследства и хочу уехать из Гессена.

Беда в том, что рассказы о придворной жизни, которыми мадам Менцель вознаграждала изучавших немецкий язык, всплыли у меня в памяти, как я ни старалась о них забыть. Абсолютная и полная власть этих мелких принцев и королей... То, что на расстоянии вызывало удивление, может стать источником страха для того, кто окажется в моём положении. Даже невинный должен бояться... не только виновный, как обнаружила курфюрстина Людовика. Я бегло подумала, увлекла ли она за собой в своём падении придворных, о которых история забыла. Это вполне возможно.

Но Кестерхоф не Валленштейн. Пока что мне явно никто не угрожал. Больше всего меня тревожило ощущение одиночества. Где теперь полковник?

Мысли мои сделали круг. Я снова думала о том, на что никак не могла теперь воздействовать. Если только сохранится ненадёжная связь через Трудю...

Я обнаружила, что стою у стены и дёргаю за шнур колокольчика, прежде чем подумала, о чём могу расспрашивать служанку. Весь день она словно пряталась от меня. Если я слишком надавлю на неё, она совершенно замолкнет, и я ничего не смогу сделать. Но я не хотела отказываться от шанса, пусть ничтожного.

Потребовалось довольно много времени, прежде чем я услышала долгожданное царапанье в дверь. По моему

приглашению вошла Труда. И хотя на первый взгляд я не увидела никаких перемен в её привычно опущенном взгляде, в молчаливом ожидании приказов, я была...

Что? Что случилось со мной, если я теперь в мельчайших деталях пыталась найти скрытое значение? Это что-то новое, и я испугалась. Я всегда считала, что умею владеть собой. Утрата самоконтроля — этого я боялась больше всего. Бабушка показала мне необходимость всегда держать свои чувства в узде.

— Труда, — я должна была попытаться, иначе не успокоюсь. — Труда, могу ли я доверять тебе? — задавая этот вопрос, можно получить достойный ответ, сухо подумала я, если Труда неискренне выразит свою преданность.

Впервые она взглянула мне прямо в глаза. Слабое, очень слабое эхо того, что я увидела во взгляде умирающего человека во дворце. Но что общего может быть у курфюрста с этой молодой девушкой совсем иного происхождения и воспитания?

— Почему вы меня об этом спрашиваете? — опять-таки впервые, обращаясь ко мне, она не воспользовалась почётным титулом. Странно, но это ободрило меня.

— Потому что мы с тобой здесь одни, Труда.

К моему огромному облегчению, она кивнула.

— Это верно. Эти люди служат здесь, как и их предки. Они отвечают только перед графом. Со мной они ни о чём не говорят, только о том, что приказано и должно быть сделано.

Я ей верила. Отвечая мне, девушка оглянулась через плечо и подальше отошла от двери, хотя та и была плотно закрыта.

— Они что-нибудь говорили обо мне?

Она снова пристально посмотрела на меня.

— Со мной — нет. Но я слышала...

— Что слышала? — быстро спросила я, когда она замолчала. Наверное, ей трудно было преодолеть многолетнюю привычку, ведь нас почти ничего не связывало.

— Что вы останетесь здесь... пока не приедет другой... с важным сообщением. Послали человека в Хольстанхоф,

это деревня по ту сторону гор. Это произошло, когда фрау Верфель прочла письмо, которое передал ей кучер. Мне кажется, они не знают, что я это слышала и видела, как передавали письмо. И, благородная леди... — она вернулась к формальной речи. — На вашем месте я была бы очень, очень осторожна. Графиня не то, чем кажется, и у неё есть свои планы, много планов...

Глава девятая

— А ты, Труда, ты ведь тоже из хозяйства графини...

В ней произошла перемена, которую я не смогла бы определить. Тем не менее она произошла. Труда снова перевела взгляд на дверь, потом опять на меня, так многозначительно, что мне показалось, я понимаю, что она хочет мне сказать. Как и полковник в Аксельберге, она намекала на возможность подслушивания.

— Как сказала благородная леди, я из хозяйства графини, — покорно ответила девушка, но взгляд её говорил другое. Я не могла поверить, что она такая актриса, что способна играть двойную роль. Но ведь в конце концов именно ей доверил полковник тайну моей поездки во дворец.

— Она говорила, что у твоего отца есть гостиница, — я сменила тему, стараясь кружным путём подойти ближе к своей цели — к необходимости получить нужные сведения.

— Это правда, благородная леди. Он держит гостиницу в Химмерфельсе, как и мой дед, и отец моего деда. Но наша семья многочисленна, и нам необходимо самим зарабатывать приданое...

— Приданое? Ты обручена, Труда?

Она снова стала воплощением образцовой служанки, глаза опущены, руки сжаты перед собой поверх вышитого передника.

— Обручена, да, благородная леди. С Кристофером Клингерманом, сыном мельника. Но Кристофер теперь отбывает службу в гвардии. И я тоже пока буду работать, чтобы получить хорошее приданое. Так делают все девушки

в Химмерфельсе. Мне повезло, потому что моя мама смогла поговорить с мадам Хаммель, которая останавливается у нас каждый год по пути на воды в Сплитцен. Она меня знает с детства и выхлопотала мне хорошее место у графини. Да, мне очень повезло.

И хотя она сохраняла скромную и покорную позу, Труда в сущности нарушала все традиции своего класса и воспитания. Но меня в её словах прежде всего заинтересовало одно — гостиница. У меня имелось очень смутное представление о Гессене, я никогда не видела его на карте. Гостиница, существующая так долго — ведь Труда сказала об этом, — должна стоять на проезжей дороге. Источники посещают часто, и, хотя я никогда раньше не слышала о Сплитцене, я не сомневалась, что это цель многих путников.

Источник и гостиница говорят о дороге с оживлённым движением и в хорошем состоянии. Кто может лучше рассказать мне о том, как выбраться из этой страны, чем Труда?

— Расскажи мне о гостинице, Труда. Она далеко от Аксельбурга? Много ли в ней посетителей? — я пыталась сформулировать вопрос, который приведёт меня к нужным знаниям.

— Химмерфельс в двух милях от границы с Ганновером, он на большой дороге, благородная леди. Войны теперь закончились и путников много, есть даже приезжие из Вены в Австрии. Многие приезжают часто, как английские милорды, в своих каретах, иногда с семьями. Гостиница бывает так полна, что отцу приходится искать место в сельских домах для слуг милордов. Химмерфельс находится к северо-западу от Аксельбурга, он расположен на перекрёстке двух дорог, одна идёт в Вену, на восток, другая в Баварию, на юг. Туда от Аксельбурга полтора дня пути, если есть смена свежих лошадей.

— А для путников, у которых мало денег и нет слуг, как у милордов, о которых ты говорила, Труда, существует ли для них общественный транспорт? Дилижанс?

Она забыла свою подготовку и просто кивнула.

— Дважды в неделю, благородная леди. Но хотя карета останавливается у гостиницы, её пассажиры редко живут у нас. Наша гостиница для высокорожденных, вы понимаете, — она гордо подняла подбородок. — У нас повар из Вены. Моя мама очень хорошо обучает служанок. Посетители хорошо о нас отзываются, один путешественник рассказывает другому, и нам часто заранее присылают извещения, заказывают номера для высокорожденных!

— Значит, тех, кто едет в дилижансе, не пускают?

Труда пожала плечами.

— Пускают всех, кто умеет себя вести. Но если у них нет денег, чтобы заплатить за гостиницу, они туда не войдут. Это крестьяне, мелкие торговцы, студенты с пустыми карманами, люди, которым не повезло, понимаете?

— Понятно, — я теперь была уверена только в том, что дилижанс существует. Если бы я смогла — с помощью Труды — добраться до этой превосходной гостиницы, то даже если бы для меня не нашлось места в дилижансе, я могла бы купить себе транспорт. Это меня приободрило.

— Многие ездят в Сплитцен на воды, — продолжала Труда. — Те, кто не любит фешенебельную жизнь, как в Бадене. Им у нас очень удобно, и поэтому они приезжают каждый год. Мадам Хаммель бывает у нас ежегодно с тех пор, как я была совсем маленькой. Она очень хорошая леди и очень добрая. Муж её погиб на войне, семьи у неё нет, и поэтому она много путешествует. Была в Вене, в Риме, даже в Англии. Я часто думала, как хорошо путешествовать, видеть новые места и потом вспоминать их.

— Я бы хотела побывать в вашей гостинице, Труда... — осторожно начала я.

Первые я увидела улыбку девушки.

— Благородная леди, мой отец сочтёт это большой честью, мы все будем польщены! Но... — её улыбка поблекла... — это далеко отсюда и...

— И у нас могут возникнуть неприятности, — закончила я за неё. — Скажи мне, Труда, этот Кристофер, который в гвардии, это он привёл меня к полковнику?

Она ответила еле слышным шёпотом, и было очевидно, что она возбуждена.

— Это так, благородная леди. Благодаря полковнику он и поступил в гвардию, понимаете? Туда отбирают людей по росту, фигуре, за верность. И служить там большая честь! — голос её прозвучал гордо.

— Ты имеешь право гордиться им, — ответила я. А про себя подумала, что если у полковника неприятности, то не будут ли они и у тех, кому он помогал.

— Они не любят полковника, — Труда придвинулась ко мне и заговорила ещё тише. — Ему причинили бы вред, если бы могли...

Я наугад попробовала определить, кто такие эти «они».

— Граф... графиня...

— Да... и другие. Об этом говорят, Кристофер слышал. Говорят, что он иностранец, что старый курфюрст дал ему слишком много власти, ставил его выше других, кто имел на это право. Кристофер всегда говорил, что это неправильно... Полковник человек долга, он очень предан его высочеству. Может быть, его высочество больше доверял ему, потому что он не из тех, кому всего мало, кто хватает всё, до чего может дотянуться. А теперь... теперь, благородная леди, будут перемены, и, может быть, к худшему.

Её слова совпали с моими мыслями. Что происходило в Аксельбурге? Я сделала свой выбор, ушла от ситуации, показавшейся мне опасной, и теперь почти устыдилась этого. Но ведь я была ничем ему не обязана — ничем! Если бы этот незнакомец не вошёл в мою жизнь, я находилась бы в полной безопасности за морем и ещё за половиной континента от этой комнаты, и весь клубок интриг не имел бы для меня никакого значения.

— Пока мы ничего не можем сделать, — я скорее высказывала свои мысли, чем отвечала Труде. — Пока не узнаем больше.

— Это так, благородная леди, — Труда кивнула. — Ничего нельзя сделать — пока.

Если она и хотела сказать ещё что-то, у неё не было

возможности. В дверь постучали, и Труда сразу её открыла. Там стояла фрау Верфель с лампой в руке, как будто освещала ей дорогу по коридору. Тут я заметила, что действительно уже стемнело и вечер перешёл в ночь. Труда быстро скрылась в тени, оставив меня лицом к лицу с экономкой.

— Пришло послание, благородная леди, — сообщила та, по-прежнему не меняя кислого выражения своего длинного лица. — Приезжает графиня. Она будет здесь завтра утром.

Я поблагодарила её, и она ушла, хотя я заметила, как она бросила взгляд в сторону Труды. Может быть, хотела увести девушку с собой, но повода не было, так как я не отпускала служанку. Когда она вышла, Труда снова появилась в свете лампы. В ней что-то изменилось, она больше не опускала глаза и не складывала покорно руки. Напротив, она приложила палец к губам и многозначительно кивнула на дверь.

Понять было нетрудно: она не доверяла фрау Верфель. Но я уже и сама решила, что никому не могу доверять под этой крышей — никому, кроме Труды.

Хотя было ещё рано, я разделась и позволила Труде распустить мне волосы на ночь. В небольшом ящике обнаружилось несколько книг, и хотя вкус графини мне не понравился (по-видимому, она предпочитала нелепые романы, популярные поколение назад: а может, книги просто использовались как деталь обстановки), я постаралась заинтересоваться приключениями героинь, которых вечно похищали, заключали в замки с привидениями, пугали призраками монахинь или мстительных монахов, преследовали по бесконечным лесам под треск молний и рёв бури.

К несчастью, как ни глупы были это романы, они соответствовали моему положению. Вспоминая хмурую крепость-тюрьму, я вполне могла себе представить, что это действительно случалось, пусть не в такой степени. Наконец я закрыла книгу и положила её на место. Труда перед уходом задёрнула окна, но я подошла к ближайшему, откинула тяжёлую шёлковую завесу и выглянула. Внизу на

стене горели фонари, но далеко друг от друга, каждый освещал землю непосредственно рядом и ещё больше подчёркивал окружающую тьму. Я надеялась увидеть кого-нибудь из слуг, убедиться, что я не одна (в доме было так тихо, что я вполне могла бы подумать, что все меня покинули). Но тут послышался стук копыт и грохот колёс по мостовой.

Графиня? Но зачем ей приезжать сюда так быстро, сразу после моего приезда? Я вздрогнула; множество предположений сразу возникло в сознании. Но экипаж, въехавший в свет фонаря и остановившийся под моим окном, не был роскошной каретой; дома мы такие называли двуколками.

Кучер оставался на козлах, а из экипажа вышел один человек. Лицо его осталось скрытым от меня широкими полями шляпы. Я смотрела, как он огибает угол дома, направляясь к передней двери. Двуколка повернула к конюшне. Итак, приезжий явно оставался на ночь.

Это не ко мне, решила я: время проходило, но ко мне никто не стучал. Наконец, решив, что зря трачу время на бесплодные размышления, я легла в постель, оставив гореть лампу на столе и задув все остальные. Никогда мне не приходило в голову спать с огнём в комнате, но эта спальня, несмотря на всю современную мебель и прочую роскошь, не давала мне почувствовать себя спокойно, и я лежала в тревоге.

Однако если я и думала, что меня ждёт бессонная ночь, то ошиблась. Довольно быстро я уснула. Не помню, что мне снилось и снилось ли вообще что-нибудь. Проснувшись, я обнаружила, что солнце ярко освещает ковёр, утро ясное, и самые мрачные фантазии сейчас никого не тревожат. Труда раскрыла занавеси, принесла поднос с утренним шоколадом и поставила у окна, а теперь наливала горячую и холодную воду из двух кувшинов в ванну. Я села и потянулась, вечерние тревоги куда-то исчезли.

Труда, однако, вернулась к прежнему поведению, она молчала, а когда я пыталась заговорить с ней, отвечала односложно. Так что мне пришлось решить, что вчераш-

ний обмен предчувствиями был лишь коротким перерывом. Я встала, умылась, оделась, выпила шоколад, как послушный ребёнок, который следует установившемуся в детской распорядку. Мрачность и молчание Труды несколько отразились на моём хорошем настроении, вновь нахлынули опасения вчерашнего дня. Мне не сиделось на месте. Покончив с завтраком, который какой-то невидимый мне слуга поставил у двери, а Труда подала, я решила, что не останусь взаперти, но осмотрю местность вокруг Кестерхофа. Впрочем, я не думала, что здесь найдётся сад для утренних прогулок.

Я взяла соломенную шляпку и лёгкую шаль: лес, который я видела из окна, показался мне холодным. Труда с подносом исчезла. В коридоре не оказалось ни одного слуги. Ко мне вернулось вчерашнее ощущение, что я в этом доме одна, все его покинули. Вокруг стояла такая тишина, что моя тревога усилилась. Ни звука, кроме тиканья настенных часов, которое казалось неестественно громким.

Когда я спустилась с лестницы, фрау Верфель тоже не объявилась. Солнечный свет не пробивался сюда сквозь узкие окна. Я проходила ряды трофеев, как памятники мёртвым. И шла всё быстрее, мне было не по себе здесь.

Переднюю очень массивную дверь укрепляли полосы железа, словно она предназначалась для сопротивления осаждающим. А замок был такой огромный, что мне показалось, будто его может открыть только ключ размером с мою руку. Но когда я потянула, дверь подалась, хотя и неохотно, и я вышла в утро, как выходят из тюрьмы или пещеры.

Конюшня находилась слева от меня, и туда от передней двери вела вымощенная камнем дорога. Я повернулась к ней спиной и посмотрела направо. Здесь действительно когда-то предпринималась попытка превратить дикий лес в более цивилизованное место. Подлесок расчистили, хотя множество деревьев с густой кроной так затеняли землю, что не было надежды вырастить траву и получить ухоженный газон. Под одним деревом стояла простая скамья, на

ней сидел человек с книгой в руках. Он был погружён в чтение и явно не интересовался окружающим.

Не в ливрее, а в чёрной, застёгивающейся сверху донизу куртке, я такого ещё не видела. Рядом с ним на скамье лежала шляпа с широкими полями, тоже немодная. В волосах много седины, а лицо грубое, с худыми щеками, с острым носом и подбородком, с маленькими глазками под густыми бровями. Неприятное лицо, я не могла представить себе на нём улыбку.

Его одежда, то, что он находился в «саду» и сидел так свободно, — всё говорило о том, что он не слуга, даже старший, как фрау Верфель, которая явно держит с своих руках все бразды правления этим домом. Не подумала я также, что он судебный пристав или деловой человек. Одежда у него не новая, хотя едва видневшаяся рубашка была белая и свежевystиранная.

Я стояла на месте. Если пойти по гравию тропки направо, то встреча с незнакомцем была неизбежна, а мне не хотелось этого. Пока я колебалась, он поднял голову. Неужели почувствовал мой взгляд?

Он встал, и я заметила, что одно плечо у него ниже другого, а голова наклонена вперёд, так что ему приходилось неловко задира́ть подбородок, чтобы посмотреть на меня. Но что-то в нём не давало повода пожалеть его, возникало какое-то ощущение горечи и злости...

Я едва не покачала головой в ответ на собственные мысли. С самого приезда в Гессен я всюду видела только вражду и опасность, даже там, где они, наверное, не существуют для здравомыслящего человека. Мне не нравились эти новые чувства, но они цеплялись ко мне, и я не могла от них отделаться.

Человек поклонился, но мне его поклон показался насмешливым, как будто он совсем не хотел продемонстрировать свои хорошие манеры. Он молчал, и я не знала, как к нему обратиться. Слегка взволнованная, я чуть наклонила голову в ответ на его вежливый жест и решительно повернулась, чтобы отправиться не в полусад, а мимо конюшни в настоящий лес. И не позволила себе оглядываться.

Но не прошла я и нескольких шагов, как из-за деревьев появился другой человек. На нём была зелёная ливрея, перетянутая поясом, на поясе длинный охотничий нож; с привычной лёгкостью, как дополнительную конечность, этот человек держал в руке ружьё. Он прикоснулся к краю своей кожаной шляпы, тоже с гербом, и заговорил с таким акцентом, что я с трудом поняла его.

— Что угодно благородной леди?

Он стоял посреди тропы, и я не могла его обойти. Пришлось остановиться. Я знала: то, что он первым обратился ко мне, нарушение этикета, которое можно счесть оскорблением. Я хорошо присмотрелась к слугам графини и поняла, что его поведение далеко от обычного.

— Кто ты? — голос мой звучал пренебрежительно, я дала понять, что считаю его манеры вызывающими.

— Глюк, лесник Глюк, благородная леди, — он не сделал попытки уйти с дороги. — Благородная леди должна понять, что для незнающих здешний лес очень опасен... — теперь он заговорил быстро. — Неразумно заходить в него без проводника и охраны...

Я не знала, предлагает ли он себя в качестве проводника и охранника. Но поняла кое-что другое. Тут повсюду сторожа, можно даже сказать, часовые, они должны не позволить мне уйти из Кестерхофа. Я даже ожидала этого, но всё же, убедившись на деле, испытала шок. И понадеялась, что не проявила этого.

Он держался, как человек, исполняющий свои обязанности. Я ничего не могла противопоставить его словам и поступкам. Придётся действовать так, чтобы никто не заметил, что я поняла: здесь я в плену.

— Спасибо, Глюк, — я ничего не добавила, только слегка наклонила голову и повернула к дому. У меня не было никакого желания присоединиться к незнакомцу под деревом. Несомненно, он тоже по приказу хозяев Кестерхофа не спустит с меня глаз; впрочем, я полагала, что приказы скорее исходили от графини, чем от графа.

Но когда я повернула назад, человек в чёрном исчез. Я

сделала несколько шагов и услышала звуки, означавшие приезд кого-то ещё. Повернувшись, я увидела, как из леса выкатили две кареты. В отличие от той, в которой приехала я, эти были с гербами, а кучеры и лакеи в ливреях.

Дверь дома открылась, и появилась фрау Верфель, а за нею остальные слуги. Все они выстроились в строгом порядке. Я отошла чуть в сторону. Из передней кареты вышла графиня Луиза в сопровождении своего спутника — барона фон Вертерна.

Графиня сразу увидела меня, отняла руку у спутника и легко сбежала по ступенькам, протянув ко мне обе руки, на лице её заиграло радостное выражение.

— Амелия! — словно встретились две лучшие подруги. Она быстро заключила меня в душистые объятия. Я никогда не любила такие преувеличенные изъятия чувств и застыла, но она как будто этого не заметила. Напротив, продолжала говорить:

— Какие удивительные новости, моя дорогая, вы не поверите! Но это правда, истинная правда! Пойдёмте, мы должны поговорить, немедленно! Так много нужно сделать! Ох! — она выпустила меня и удивлённо осмотрелась, как будто только сейчас поняла, что мы не одни и что, наверное, лучше воздержаться пока от провозглашения новостей, которые привели её в такое возбуждение.

Она снова схватила меня за руку и потащила за собой мимо шеренги слуг, не поздоровавшись и не сказав даже фрау Верфель ни слова.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Графиня несколько успокоилась; теперь она молчала, но, по-видимому, размышляла, что-то планировала. Услышав за собой тяжёлые шаги, я оглянулась через плечо и увидела, что барон идёт вслед за нами.

Когда мы поднялись, он опередил нас и, как человек, хорошо знакомый с домом, раскрыл перед нами двери гостиной, куда поместила меня фрау Верфель.

Графиня сбросила шаль и перчатки, распустила ленты шляпки и села в кресло. Но барон остался стоять у двери, глядя на неё, словно ожидая сигнала для действий, кото-

рый только она может дать. Она взглянула на него и кивнула.

Не сказав ни слова, вообще он с самого приезда ничего не говорил, барон вышел, оставив нас наедине. Графиня улыбалась.

— Амелия, это правда! Как мы и думали, это правда! Как он был добр, как предусмотрителен, как справедлив! Какая жалость, что вы не смогли сами услышать всё это из его уст! О, это правда, уверяю вас, никакой ошибки нет! — слова вылетали короткими порывами, словно она с трудом сдерживалась. Как будто какое-то событие, которого она с нетерпением ждала, наконец произошло.

— Что правда? — резко спросила я.

На мгновение она казалась поражённой, как будто не могла поверить в мою глупость. Потом снова рассмеялась.

— Бедное дитя, ну, конечно, вы не можете знать. Он ведь не говорил вам? Правда в том, что его высочество позаботился о вас. Такова его воля... Конрад своими глазами видел документ... — она энергично кивнула. — О, не могу сказать вам как, но его высочество очень ценил Конрада, он хотел, чтобы барон защищал вас. Его высочество знал, что половина из них накинется на вас, как волки на овечку, когда он сам не сможет больше защищать вас. Он знал это хорошо и потому всё предусмотрел.

Как мне хочется посмотреть на лицо святой аббатиссы, когда она узнает об его завещании. Хоть она и утверждает, что мир её больше не интересует, это ей не понравится. Вначале его высочество не разрешил ей молитвами загнать его в могилу, а теперь это...

— Графиня... Луиза... — я не понимала, о чём она говорит, и прервала, чтобы получить разъяснения. — Пожалуйста, скажите мне наконец, что же произошло.

Она наклонила голову набок и посмотрела на меня с хитрой усмешкой, которая показалась мне раздражающей. Потом подняла палец и погрозила мне, как гувернантка школьнице, словно я совсем молода и нахожусь под её опекой.

— Как нехорошо с вашей стороны, Амелия, уходить по

ночам и ничего не говорить мне. Однако я понимаю причины, — на мгновение она утратила игривость, и на её пухлом лице появилось совсем другое выражение. Оно мне совсем не понравилось, но тут же исчезло, прежде чем я смогла понять его смысл. — Можете больше не беспокоиться о помехах с той стороны, моя дорогая. Важно то, что произошло. Его высочество по своей воле завещал всё своё собрание вам! Подумайте только, Амелия, одно из лучших собраний в Европе — и ваше! Он назвал вас своей внучкой и дал твёрдые гарантии, абсолютно твёрдые! Вам не нужно больше прятаться здесь... К концу недели весь двор будет знать, кто вы, вас примут с почестями, высочайшими!

Первое, что я поняла из этого потока слов, был тот факт, что она узнала о моём ночном посещении дворца. Сокровище... я вспомнила, что мы с ней видели. Оно для меня нереально. Но то, что дедушка признал меня, провозгласил, что принимает меня, что наши отношения должны уважаться, — да! За этим я и приехала. И повторила слова графини: как жаль, что я не узнала его лучше.

— Но вы же с ним виделись, — одна из тех быстрых всплешек проницательности, которые всегда удивляли меня в графине. Я подумала, не читает ли она время от времени мои мысли.

— И смотрите, что я вам привезла... это всё ваше...

Из кармана своего дорожного платья она достала перевязанный красной нитью свёрток, небольшой, не толще моего пальца. Я взяла его и расправила составлявшие его листки. И у меня в руках оказались с таким трудом написанные слова, единственные слова, с которыми обращался ко мне дедушка.

Глава десятая

Четыре листочка с коряво написанными словами... Я снова взглянула на них. Четыре листка, но здесь и пятый! Я разложила их веером, и пятый оказался сверху. На нём цеплялись друг за друга те же неровные каракули, что и на

остальных. Но его я раньше не видела. Что-то мой дедушка написал, когда я ушла.

«Должна быть осторожна... выйди замуж... организует... он спасёт тебя...»

И ещё одно слово, настолько искажённое, что я его не поняла.

— Вот видите! — в голосе графини прозвучало торжество. — Вы держите его завещание: вы должны выйти замуж за Конрада, который вас спасёт. Конрад очень близок к новому курфюрсту, он за последние годы много раз бывал у него. Его высочество знал это, знал, что он может рассчитывать на Конрада, что тот позаботится о вашей безопасности...

— Нет! — моя реакция на это предложение была немедленной и громкой. Я подошла к ближайшему столу и разложила на нём все эти листки, внимательно их разглядывая. Слова исказили болезнь дедушки, обстоятельства, в которых они написаны. И эта последняя запись была сделана не у меня на глазах, как остальные.

— Амелия, — графиня торопливо встала и теперь смотрела на меня через стол. — Как вы можете сомневаться в том, что это правильно и хорошо? У вас появятся враги, множество врагов, когда его завещание станет известно и все узнают, что он завещал вам сокровище. Его высочество знал это, он давно задумал, чтобы у вас был муж, который встанет между вами и теми, кто захочет вас уничтожить, — она наклонилась над столом, в глазах её полыхала такая ярость, что я не могла оторвать взгляда.

— Не сомневайтесь: не будь у вас таких друзей, как Конрад и мы, вы бы уже пострадали! Аббатисса злобна, как её мать, и у неё есть сторонники. Есть и другие, рвущиеся к власти. Ваши права немедленно оспорят. Неужели вы, женщина, одинокая, сомнительного рождения, сможете противостоять им?

Она рассмеялась, и в её смехе прозвучало злорадство.

— Бедная Амелия, здесь воля курфюрста — закон. Неужели вы думаете, что новый курфюрст станет разговаривать с вами, если у вас не будет надёжной поддержки?

Его высочество хорошо это знал. Ваш брак был организован ещё до того, как курфюрст послал за вами; Конрад знал о своём участии в этом плане. Разве мне не были даны указания рассказать вам о нём, чтобы вы заранее его узнали? Я получила приказ... беречь вас, защитить вас после смерти его высочества, позаботиться о вашем браке...

Голос её гремел так властно, взгляд был таким повелительным и уверенным, что на мгновение я почувствовала себя беспомощной, как птица в лапах кошки. Но меня поразила абсурдность её слов. Неужели она считает, что на меня так легко воздействовать, что я покорно соглашусь со столь нелепым планом?

— Никакого брака не будет... — прервала я её, возвысив голос настолько, чтобы прервать поток слов. — У меня о нём не было ни малейшего представления.

Рука графини метнулась и сжала моё запястье, как стальная, а не из плоти и кости.

— Вы подчинитесь воле его высочества — зачем иначе вы здесь?

Я не пыталась вырваться. Наоборот, ответила спокойно:

— Я приехала сюда по единственной причине, графиня, поскольку моя бабушка хотела признания, что она законная жена... как следует по законам моей страны.

— Вашей страны? — с её круглого лица ушло дружелюбное выражение. — Вы принадлежите династии, Гессенской династии, вы обязаны подчиниться воле его высочества...

Я покачала головой.

— Я ничьей воле не подчиняюсь, только своей собственной. И приехала сюда не для того, чтобы стать участницей чьей-то интриги, а только по той причине, которую указала. Что касается сокровища... пусть переходит к аббатиссе или к новому курфюрсту, если они этого хотят. Я готова подписать любой документ, если это необходимо...

Графиня резко дернула меня за руку, дёрнула так неожиданно, что я едва не потеряла равновесие.

— Вы должны выполнить его последнюю волю... — другой рукой она ударила по листку. — Разве вы не читали

этого, глупая девчонка? Неужели вы думаете, что при дворе кто-нибудь поверит вашим глупостям? С вами могут сделать что угодно. У вас тут нет никаких прав, понятно? Есть только воля нового курфюрста... А он легко поддаётся влиянию... что услышит последним, так и делает. И так изо дня в день. Вы спасётесь от опасности, только если рядом с вами будет сильный и решительный человек.

Конрад всё приготовил к этому дню. Он знал, что должен будет сделать, когда его высочество пошлёт за ним. Зачем он, по-вашему, приехал сюда? Потому что нельзя терять времени. Вы должны оказаться в безопасности, под охраной, прежде чем завешание станет известно. Конрад обладает влиянием, у него много друзей. Никто не тронет вас, если он встанет рядом, как гвардеец...

Как гвардеец! Прежде всего я услышала это слово во всей её ерунде. Гвардеец — полковник! Неужели он участвовал в этом плане моего деда? Привёз меня в Гессен, зная, что я против воли должна быть выдана замуж за незнакомца, которого невзлюбила с первого же момента? Монархические браки часто заключаются так: иногда невеста и жених не видят друг друга до самой церемонии. Но я не монарх и не стану участвовать в таком деле. Полковник... Я не могла верить, что он знал об этом. Однако у меня хватило ума не упоминать о нём, потому что знала, что графиня его не любит.

— У вас перед глазами последний приказ его высочества, отданный вам, — она снова указала на листки. — Вы должны подчиниться ему.

Снова во мне вспыхнул гнев. Ворваться в мою жизнь с таким нелепым планом, пытаться изменить моё будущее так, чтобы оно стало невыносимым! Я с силой вырвала руку и собрала листочки со стола, последний и самый сомнительный по-прежнему лежал сверху.

— Обсуждать это больше нет необходимости, графиня, — собрав всю силу воли, я пристально посмотрела на неё. — Моё согласие не нужно. Моя жизнь ничего не значит для нового курфюрста... если я скажу, что отказываюсь от того,

что оставил мне дедушка. Поэтому он не будет заставлять меня. Нужно только дать ему знать, что я от всего отказываюсь, и от завешания, и от родственных связей, что я незаметно вернусь к себе на родину. Очень простое и надёжное решение.

— Дура! — лицо её исказилось до уродливости. — Как вы не можете понять? Это ваша родина, вы подданная её правителя. И не должны причинять ему неприятностей. Неужели вы думаете, что он выпустит вас за границу... туда, где вы сможете причинить неприятности?

— Я дам слово... подпишу любой документ, какой он потребует...

— Тыфу! — она чуть не плюнула мне в лицо. — Слова нарушаются так же легко, как даются, соглашение можно забыть, когда окажешься вне досягаемости...

Я снова рассредилась.

— Моё слово не будет нарушено! И соглашение, которое я подпишу, сохранит силу. Я не выйду за человека, которого не знаю, в чужой стране по капризу умершего, который до самой смерти никак не был со мной связан. Это безумие, графиня. Неужели вы сами не видите?

Лицо её покраснелось, пухлые руки сжались в кулаки. Приходилось признать, что она вполне уверена в себе. Какое же у неё сложилось мнение обо мне, если она поверила, что так легко убедит меня согласиться с этим нелепым планом? Но она выросла при дворе, она привыкла к тому, что любой каприз правителя становится нерушимым приказом. Наверное, она просто не понимает, что кто-то может быть свободен от страхов и давления такой жизни, привык совсем к другому.

Она сделала видимое усилие, чтобы овладеть собой.

— Графиня, — мой временный титул прозвучал очень официально. — Оставляю вас, чтобы вы серьёзно обдумали мои слова. Ещё раз должна подчеркнуть, что вы очень уязвимы и его высочество новый курфюрст может сделать с вами что угодно. Последствия упрямства никогда не бывают приятными, они могут стать опасными.

И совсем в другом настроении, чем вошла в эту комнату, она вылетела, предоставив мне возможность, как я была уверена, понять всю глупость своего поведения.

И я задумалась. Она говорила правду: в этой стране слова её правителя — закон. Новому курфюрсту не понравится, что его родственник оставил свои сокровища незнакомой молодой женщине, той самой, чьё существование оживит старый скандал. Приходилось также признать, что в этом его полностью поддержит принцесса Аделаида. Я в чужой стране, где у меня нет никаких прав и мне не к кому обратиться за помощью. Разве что... полковник...

Но если он знал о планируемом браке, знал с самого начала, что меня сразу отдадут человеку, выбранному дедам, он мне не поможет. Я и здесь видела опасность, мне не нужно было предупреждение графини. Она не принесла бы мне эти листочки с каракулями, если бы они не попали из рук полковника в руки тех, кого я могла считать своими врагами.

Я снова разглядела последний листок. Я не видела, как он был написан. Сравнивая слова на нём с другими листками, я убедилась, что написаны они той же рукой. И прочла их вслух, стараясь понять, что заставило моего деда написать их.

«Должна быть осторожна...» Это обо мне? Да, пожалуй, правда.

«Выйди замуж... организует...» Это подтверждает слова графини.

«Он спасёт тебя». Муж, который встанет между мной и теми, у кого есть основания ненавидеть меня. И последние каракули — начало имени? Какая-то петля, уходящая к концу страницы, словно перо выпало из пальцев, а они не смогли удержать его.

Неужели курфюрст понял, что смерть близка, и сделал последнюю попытку поговорить со мной таким образом? Или...

Я сидела неподвижно, разложив листки у себя на коленях. В голову мне пришла мысль, которая могла

свидетельствовать об ещё больших неприятностях впереди. Допустим, в этом дворе, пронизанном интригами, кто-то собрал эти листки, на время скрыл их, а потом передал тем, кто заплатил за них золотом — или влиянием? Граф был послан сообщить новому курфюрсту о его восхождении. Фон Црейбрюкенов могли считать людьми, лелеющими самые честолюбивые планы.

И вот, получив эти листки и узнав о моём ночном посещении умирающего, кто-то воспользовался случаем и дописал последний листок, несмотря на всё его сходство с остальными. Загадочное «он» в этой записке — разве не говорило это против того, что графиня решила воспользоваться возможностью и продвинуть барона? Ведь можно было написать имя. Или она настолько хитра, что решила не называть имени, только намекнуть? И подкрепить свои слова утверждением, что всё было организовано ещё до моего отъезда из Мэриленда?

Меня опутали как паутиной. Я была уверена только в одном: я не выйду за барона и должна выбраться из Гессена как можно быстрее. Сокровище, это злополучное наследство — мне ничего не было нужно. Неужели никто не поверит, что я его не хочу? Графиня утверждала, что новый курфюрст слабый человек, его легко убедить...

Я смяла листочки одной рукой. Что мне делать? И что возможно сделать? Золото хранилось в потайном кармане. К несчастью, это были все иноземные монеты, их легко проследить. Тем не менее это всё же золото. Гостиница, о которой говорила Труда, располагалась на дороге к курорту и в Вену. Но как мне выбраться из Кестерхофа? Теперь, после приезда графини, за мной будут следить ещё пристальней.

Единственная моя надежда — Труда. Я позвонила, чтобы вызвать служанку, хотя и не знала, насколько можно посвятить её в свои затруднения. Если действительно придётся бежать, будет ли она верна мне или останется на стороне тех людей, чей гнев может настичь её? Никогда в жизни не чувствовала я себя такой беспомощной и одино-

кой, как в то время, которое, казалось, растянулось на часы, прежде чем знакомое царапанье в дверь возвестило о приходе Труды.

Девушка снова превратилась в послушную служанку, ожидающую приказа. Я отошла к выходящему на балкон окну и поманила Труду к себе. Если нас подслушивают, это место самое безопасное.

— Труда... — я ещё не собралась с мыслями, не приняла решения, не составила никакого плана. Но мне нужен был кто-нибудь, в ком я могла черпать надежду.

Она взглянула на меня, потом на дверь. Невозможно было ошибиться в значении этого жеста. Потом заговорила, едва шевеля губами, так что я с трудом различала её шёпот:

— Отругайте меня... Я что-то сделала не так, и вы рассердились...

Я поняла её замысел. Никто не должен заподозрить, что я доверяю Труде. Я огляделась в поисках вдохновения, потом торопливо спросила, почему не подготовлено новое платье, то, которое я вымочила в росе и должна была снять. Говорила я раздражённо, как только могла, и это было достаточно легко после разговора с графиней.

Труда не ответила, но быстро протянула руку и положила на столик у кровати небольшой многократно сложенный листок. Потом пошла к гардеробу и достала другое платье, положила на кровать и встала за мной, чтобы развязать корсет. Я уже взяла листок и расправила его. Короткая записка, и хотя я чего-то подобного ожидала, меня словно ударили.

«Полковник Ф. арестован. Никто не знает, куда его поместили».

Итак — я одна! До сих пор я сама не сознавала, что всё ещё надеюсь на помощь полковника Фенвика. Хотя не представляла, как он это сделает. Хорошо, придётся спасаться самостоятельно.

Я разорвала листок на мелкие клочки и передала их Труде, которая сложила бумагу в карман передника, кивнув

в знак понимания. Переодевшись, я подошла к туалетному столику и принялась разглядывать в зеркале своё лицо.

Отражение выглядело вполне обычным, я не смогла ничего увидеть на своём лице, что свидетельствовало бы о нанесённом ударе. Он арестован? За что? Кем? Нет, это не моё дело; я не должна тратить время на рассуждения о судьбе человека, который убедил меня пуститься в эту авантюру.

Теперь — мне не стоит оставаться в этой комнате, скрываться, как преследуемый зверь, ожидать, пока меня извлекут из этого мнимого убежища. А что, если я прикинусь, что согласна с предложением графини, сыграю роль послушной женщины? Успокоятся ли мои тюремщики? Пока я могла надеяться только на это.

— Где графиня?

— В зелёной гостиной, благородная леди.

Итак, графиня тоже предпочла держаться в стороне от тёмной древности нижних покоев и обосновалась на втором этах Кестерхофа. Зелёная гостиная была напротив моей, и я быстро пошла туда, надеясь, что моё внутреннее волнение не будет заметно. Если я смогу использовать то невозмутимое выражение, которое бывало у моей бабушки в моменты кризиса, мне будет спокойней. Но вдруг в неожиданном порыве я не стала открывать дверь, а вернулась в свою комнату и раскрыла шкатулку, где лежали мои немногие украшения и куда я спрятала ожерелье с бабочками после возвращения из дворца.

Графиня рассказывала, что такие украшения давали за мужество. А никому так не требовалось мужество, как мне сейчас. Я надёжно застегнула ожерелье, почувствовав, как холодное железо коснулось кожи. Вооружённая таким образом, я отправилась навстречу противникам.

Потому что графиня была не одна. Рядом с ней, вытянув ноги в сапогах к камину, в котором в этот тёплый день не горел огонь, сидел в кресле барон фон Вертерн. Он сразу встал, поклонился мне и улыбнулся, растянув губы, но не поднимая их. Его внимательный взгляд устремился к оже-

релью. Мне показалось, что глаза его на мгновение расширились, но, может, я ошиблась.

— Амелия! — к графине вернулось прежнее дружелюбие, она вскочила, быстро подошла ко мне, взяла за руку и подтянула к себе. Мне не нужно было следить за ней, чтобы понять, что она пытается разгадать выражение моего лица, узнать, насколько подействовали на меня её аргументы, в сущности угрозы. Мне нужно было сыграть свою роль, а я очень опасалась, что не сумею никого обмануть.

— Я подумала, — ничего лучше такого начала не пришло мне в голову. — Как вы сказали, Луиза, моё положение здесь трудное. Чего мы хотим и что можем — иногда это совершенно разные вещи, — я с трудом подбирала слова, составляя из них фразы, сейчас это было моё единственное оружие. — Всё произошло так неожиданно. Я не могу разом менять всю свою жизнь. Мне нужно время...

— Дорогая леди, — барон улыбался. — Боюсь, наша Луиза в своей заботе о вашем благополучии слишком резко описала то, что вы назвали «трудным положением». Но трудности действительно существуют и могут оказаться серьёзными. Поймите, я не хочу пугать вас, но вы умная женщина, и вам следует продемонстрировать факты, какими бы неприятными они ни показались.

Его высочество из-за своей болезни не мог ясно дать понять тем, кто недостаточно хорошо его знает, каково его желание. К несчастью, он слишком приблизил к себе некоторых советников — или фаворитов, у которых были свои мотивы оставлять вас в неведении. Когда он послал за вами, здоровье его было в лучшем состоянии и он собирался официально представить вас при дворе, обезопасить вас всеми возможными способами и оставить вам в наследство то, что многие годы составляло его главную радость.

Но потом случился второй удар, лишивший его речи и подвижности. Он стал пленником в собственном дворце. Те, кому он не доверял, окружили его такой охраной, что его подлинные друзья могли проникать к нему с огромным трудом и то только на глазах у врагов. С большими усили-

ями мне, у которого тоже в жилах течёт его кровь, удалось повидаться с ним.

Больше всего в последние дни его заботила ваша безопасность. Он оказался совершенно беспомощным, но хотел увидеть вас, передать свои чувства. Собственные дети не принесли ему утешения, сын его умер, одна из дочерей тоже, другая похожа на мать и не любит его. Хотя вы можете в это не поверить, леди, у него было пылкое сердце. Обстоятельства и долг навязали ему очень несчастливый брак без любви. И так трудно ему было делать то, что он вынужден был делать, что он мало кому раскрывал свои истинные чувства. Мне была оказана честь, — барон помолчал, перестал улыбаться, взгляд его не отрывался от моего лица, — быть его доверенным человеком. Моё утешение в том, что я никогда не обманывал его доверия и не обману сейчас.

Мне оказана честь заботиться о безопасности единственного человека в мире, связанного с той, о ком он помнил и кого любил. Единственной подлинной его супругой была ваша бабушка, я слышал это из его собственных уст...

Впервые барон произвёл на меня впечатление. Его слова значили для меня больше, чем все угрозы и приманки графини. Он не говорил о наследстве и «сокровище», но о том, о чём я сама догадалась во время свидания с умирающим... о том, что он думал о прошлом.

— Хорошо понимая, что вас окружают интриги и опасности, если вы окажетесь беззащитны, он попросил меня поклясться, что я буду защищать вас всеми своими силами и возможностями. И сделал единственное, что может полностью обезопасить вас, — решил организовать наш брак...

Меня успокоили его ссылки на доверие дедушки. Но я тут же пришла в себя.

— Сэр, — сказала я как можно увереннее, — он сам пострадал от такого заранее организованного брака. Вы только что говорили об этом. Как он мог приготовить то же самое для меня? Вы очень добры, но я уже предлагала

Луизе... есть другой выход из неприятностей, и я хочу воспользоваться им. Мне не нужно наследство, оставленное дедушкой, оно ничего для меня не значит. На родине у меня достаточное состояние, чтобы я могла спокойно жить. Со смертью курфюрста и бабушки у меня нет никаких причин показываться при дворе, вообще находиться в Гессене. Моё присутствие здесь предполагалось хранить в тайне. Пусть так и будет. Мне нужно только заверить нового курфюрста, что это наследство кажется мне ненужной тяжестью, вызывающей тяжёлые воспоминания, и покинуть эту страну так же незаметно, как приехала. Об этом будут знать только те, кто привёз меня... и, может, новый курфюрст.

— Изобретательный план, — барон снова улыбнулся, чуть снисходительно. Улыбка его означала, что на самом деле он считает план не «изобретательным», а глупым. — Боюсь только, что его нельзя будет осуществить. Воля его высочества и его условия уже известны. К несчастью, принцесса Аделаида тоже узнала о происходящем. У принцессы, моя дорогая леди, характер матери. И у неё имеются очень влиятельные друзья. Некоторые из них близки к новому курфюрсту. Они никогда не поверят, что вы серьёзно намерены поступить, как сказали мне. Они будут убеждены, что если вам позволят покинуть Гессен, вы тут же откажетесь от всех своих обещаний, вслед за чем последует большой скандал и масса неприятностей. Курфюрсту очень легко сделать так, чтобы вы навсегда остались тут, под его контролем. Ему стоит написать приказ, и вы окажетесь в пожизненном заключении! Найдётся ли тогда кто-нибудь настолько сильный, чтобы потребовать вашего освобождения? Есть ли у вас в вашей стране друзья, которые могут сделать это?

Не могу отрицать, что он потряс меня. Он говорил то же самое, что графиня, но именно повторение так убийственно подействовало на меня. Я видела ужасную логику его рассуждений и снова вспомнила рассказы об абсолютной власти этих немецких правителей. Сокровище для меня

ничего не значило, но как может человек, выросший в постоянном восхищении его великолепием, поверить, что оно мне не нужно?

— Если же вы выйдете замуж, у вас будет муж и влиятельные сторонники при дворе. Тогда против вас ничего не смогут предпринять. К тому же... — он впервые оторвал от меня взгляд и посмотрел на графиню.

Она выглядела слегка встревоженной.

— То, о чём он хочет сказать вам, дорогая Амелия, — дело очень деликатное, но времени у нас мало, и мы не можем быть слишком чопорными. Такой брак может быть заключён фиктивно, для вашего удобства, понимаете?

Я почувствовала, что краснею. А графиня продолжала уже несколько решительнее.

— Спустя какое-то время, когда ваши трудности останутся позади, Конрад увезёт вас за границу. Брак будет легко расторгнуть, может быть, в вашей стране. Вы будете свободны и сможете жить, как хотите. И так как вы клянётесь, что сокровище вам не нужно, я думаю, это можно будет организовать... конечно, если вы...

— У меня есть знакомый судья, — подсказала я. — Для меня это очень трудное решение, барон фон Вертерн. Согласие, даже в таких обстоятельствах, противоречит всему, во что я верю, всему моему воспитанию. Подобное событие принесло моей семье столько горя в прошлом. Я не могу ответить вам немедленно... мне нужно подумать.

— Но у нас нет времени, моя дорогая, — может быть, он считал, что убедил меня и теперь, как охотники на этих древних панелях, решил нанести последний смертельный удар, чтобы покончить с моими колебаниями.

— Повторяю, мне нужно подумать, — я настаивала на своём. Должна признаться, что меня потрясли слова графини. Полковник — нет, с той стороны мне ждать нечего. Фенвик явно вышел из милости. И не только. Ему самому грозила большая опасность. Я была одна, но по-прежнему надеялась, что если у меня найдётся хоть немного времени, я сумею вырваться из сети.

Графиня встала.

— Время поесть, — объявила она, как радушная хозяйка.
— Давайте на час забудем обо всём. От тревог ухудшается аппетит.

К несчастью, обед накрыли в одной из тёмных низких комнат на первом этаже. И хотя день был тёплый, мрак и промозглость этой комнаты заставляли меня дрожать. У меня не было аппетита, и я только пробовала предлагаемые блюда, хотя графиня рекомендовала особый омлет с такой настойчивостью, что было бы невежливо отказаться. Блюдо оказалось вкусным и очень острым. Пришлось чаще, чем я собиралась, обращаться к бокалу с вином. По крайней мере эта часть немецкого происхождения во мне никогда не сказывается, я не люблю пить. Оба моих спутника ели и пили вдоволь. Барон был очень внимателен, он обсуждал новости из Аксельбурга, говорил о новом курфюрсте, вёл себя обычно, как в любом обществе.

Я опустошила свой бокал, но не напилась. Мне почему-то захотелось воды, рот у меня горел, язык как будто разбух. В бокале оказалось ещё вино, хотя я не помнила, как наливала его.

В комнате так стемнело, что я удивилась, почему не зажигают свечи, чтобы отогнать выползающие из углов тени. Так темно... Может, собирается буря?

У меня неожиданно закружилась голова, я ухватила край стола для поддержки. Я падала... Что такое? Последнее, что я помню: полупустой бокал с вином и какое-то возникшее в сознании опасение — слишком поздно.

Глава одиннадцатая

Это было слишком отчётливо для сновидения — я ощущала себя отчасти во сне и одновременно вне него. Я неуверенно стояла в каком-то тёмном месте, несколько свечей и ламп ничуть не разгоняли его тьму; я поворачивала голову, но всё расплывалось перед глазами и я ничего не могла разглядеть. Холод становился занавесом, стеной, которая оттораживала меня, закрывала в небольшом пространстве. Я стояла только потому, что кто-то держал меня

за плечи. Когда я старалась рассмотреть, кто это, голова начинала кружиться сильнее, и мне приходилось закрывать глаза, чтобы перестали вращаться огни.

В прошлом мне приходилось во сне совершать множество странных поступков, танцевать, бегать, ездить верхом, ползти, просто стоять и смотреть на проходящие мимо странные существа. Но то было совсем другое. Сейчас же я стояла на самом деле, голова у меня кружилась по-настоящему. Я попыталась заговорить, но слышала только хрип.

Да, я была не одна. Я чувствовала, что кто-то стоит рядом со мной, хотя не касается меня, не поддерживает. Рот переполняла горечь, в желудке какая-то тяжесть.

В свете ламп, от которых болели глаза, появился кто-то третий. Он... или она... показалась мне тёмной чёрной фигурой с бледным пятном вместо лица. Эта фигура встала непосредственно передо мной. Я слышала её голос, тихий и далёкий, иногда он совершенно исчезал. Как будто меня привели на суд, и я жду приговора. Я... я в опасности!

Страх разорвал окружающую меня дымку, всё на мгновение стало ясным. Тот незнакомец, которого я видела в саду, это он стоял передо мной, держа обеими руками книгу и повторяя слова, смысла которых я не понимала. Я попыталась пошевелиться, заговорить и обнаружила, что не могу ни того, ни другого. Единственным результатом моих усилий оказался такой приступ головокружения, что я наверняка упала бы, если бы стоявший рядом не сжал руку до боли и не удержал меня на ногах.

Тот, что стоял слева, поднял мою руку — так грубо, что я почувствовала боль, а потом, несмотря на головокружение, ощутила, как мне на палец надевают холодное кольцо и с силой вкручивают до конца пальца. Я вновь попыталась освободиться, меня начало тошнить, я закачалась.

Но невозможно во сне испытывать такие ощущения! Страх, да, кошмар, но не такое болезненное ощущение во всём теле. Я закрыла глаза, не в силах дальше выносить зрелище качающихся ламп и свечей. И какое-то время вообще ничего не чувствовала.

И снова я начала выбираться из тюрьмы, в которой меня

держал кошмар. Меня так тошнило, что я не могла больше сдерживаться. Я наклонилась, кто-то держал меня за голову, из меня вырывалось содержимое желудка, один за другим спазмы сотрясали тело. Я не сомневалась, что пришла в себя, что я больна, как никогда в жизни.

Руки осторожно удерживали меня. Мягкая влажная ткань со свежим запахом коснулась потного лица. Меня снова начало рвать, но сухо и безрезультатно, тело напрягалось от тщетных усилий. Я склонилась над судном, готовясь к новому приступу. Но время проходило, а новых приступов не последовало.

Меня осторожно опустили на подушку, судно исчезло, и кто-то встал между мной и светом. Я обнаружила, что могу видеть.

— Труда?.. — прошептала я.

— Лежите спокойно, благородная леди, — она снова поднесла влажное полотенце, вытерла мои потные руки, потом лицо. Я опиралась на высокие подушки и могла теперь разглядеть, где я. Хотя мозг работал медленно и неуверенно, и мне трудно было вспоминать.

Я была за столом... а теперь я здесь, в своей комнате наверху, лежу в постели. Эти два факта показались мне совершенно ясными. Но вот между ними...

— Труда, я заболела? — вопрос пришлось задать с небольшими паузами между словами, потому что даже для него потребовались огромные усилия. Моё тело, казалось, совсем лишилось энергии.

— Желудок, благородная леди.. ничего серьёзного, теперь яд уже вышел...

— Яд? — повторила я. Что-то произошло... что-то неправильное... Я участвовала в этом, но припомнить не могла, это было выше моих сил.

— О, не настоящий яд, — лицо Труды выглядело неестественно бледным, а может, меня снова подводили глаза. — Вы просто съели что-то нехорошее для вас.

— Нехорошее для меня... — я могла только повторять её слова, пытаясь лучше вспомнить стол и бесконечную последовательность блюд, которые предлагались мне. Что я

съела? Несколько кусочков рыбы, сама мысль об этом снова вызвала у меня тошноту. Горло у меня болело, словно обожжённое изнутри. Но я сражалась со слабостью, хотя в глубине сознания затаился страх. Что-то произошло, что-то гораздо худшее, чем болезнь.

Рыба, да, немного гороха и тот острый омлет, которым так настойчиво угощала меня графиня. Но ведь и остальные ели, накладывали себе из тех же блюд.

— Остальные... тоже... заболели? — я еле выговорила этот вопрос, когда Труда склонилась ко мне с озабоченным выражением лица.

— Только вы, благородная леди, — ответ последовал немедленно и твёрдо. Я увидела, как Труда взглянула в сторону, словно кто-то подслушивает и она хотела предупредить меня.

Подслушивает... подслушивает за дверью. Полковник... он первым дал мне знать об этом. Полковник... где он?

Я неожиданно села, вся комната закружилась, пришлось схватиться за кровать, чтобы не упасть. Полковник...

— Он арестован... — я не сознавала, что говорю вслух, пока не заметила, что Труда предупреждающе приложила палец к губам.

Память возвращалась ко мне. После воспоминания о том, что за дверью могут подслушивать, я сразу вспомнила свой разговор с графиней в другой комнате на этом этаже, с графиней и с бароном. Я позволила Труде снова уложить меня на подушки, но память ко мне вернулась окончательно.

Всё, к чему меня так настойчиво толкали, сразу вспомнилось мне. Заболеть именно в тот момент, когда мне требовались вся сила и весь ум! Мне показалось это ударом злой судьбы. Я была уверена, что болезнь моя неестественна. Может, эти двое приняли меры, чтобы я какое-то время не могла постоять за себя.

Я следила за Трудой, продолжая размышлять. К своей радости, я поняла, что теперь полностью владею своим умом, мыслю здраво и последовательно. Тело ослабло, да, вряд ли я без чужой помощи доберусь до двери, но мозг

прояснился и зрение больше не подводило меня. Неожиданно я поняла, что Труда как-то странно смотрит на меня, и это прервало мои мысли о самой себе.

— Что случилось? — я была уверена, что что-то произошло. Не только то, что я внезапно заболела, сидя за столом. Сон... сон ли это был?

Труда не ответила мне словами, просто подняла мою левую руку и подержала передо мной. Вначале я не поняла, что она мне показывает. Потом свет лампы отразился на массивном кольце на моём безымянном пальце. Должно быть, я смотрела на него ничего не понимая, совершенно ошеломлённо, решив, что снова вижу сон, потому что Труда очень отчётливо, но по-прежнему шёпотом произнесла:

— Вот что случилось, баронесса...

Баронесса? Предложение Конрада! Но я же отказалась... сказала, что должна подумать. Я не могла выйти за него замуж?

— Нет! — я повернулась к Труде, требуя, чтобы она завершила меня, что это неправда.

В руках у девушки снова оказалось влажное полотенце, она наклонилась, вытирая мне лоб. И прошептала:

— Вам подсыпали отраву в вино... священник ждал. Это правда, благородная леди, вы обвенчаны. Всем в доме объявили, и сейчас празднуют...

— Но это не настоящий брак! Священник не мог не видеть, что я не в себе, что я не могу отвечать...

— Благородная леди, священник их человек. Вокруг всего поместья и в деревне за горами, на несколько лиг в округе — повсюду их люди. Вас будут держать здесь, пока вы не согласитесь — ради вашей же чести — признать брак законным.

Пальцы мои уже ухватились за это кольцо, пытались снять его, сорвать. Но оно было слишком тесное, его с такой силой надели мне на палец. Я подумала, что придётся его разрезать!

Итак, воспоминание о человеке в чёрном, о том, что меня держат перед ним, несмотря на болезнь, — это было

венчание. Гнев придал мне силы. Неужели они посчитали, что смогут подчинить меня своей воле, разыграв это брак? Наверное, посчитали меня совершенно беспомощной, оружием в своих руках для приобретения наследства, потому что теперь я не сомневалась в том, чего они добиваются этим мошенничеством. Да, они могут считать, что уже выиграли, но они меня ещё не знают!

Они так старательно показывали мне, какие опасности и трудности ждут меня впереди. И всё же — теперь я, вопреки болезненному состоянию, мыслила совершенно ясно и чётко — мне показалось, что есть обстоятельства, которые показывают, что они не настолько уверены в себе, как пытались показать. Они пошли на риск с этим подложным браком, значит, у них есть причины торопиться, время не на их стороне.

Мне следовало только узнать, чего они опасаются, и этот источник страха должен послужить мне на пользу. Итак...

Откинувшись на подушки, я перестала заниматься кольцом на пальце, этим позорным доказательством обмана. Вместо этого я пристально посмотрела на Труду.

— Я чувствую себя очень плохо, — как можно более слабым голосом сказала я. — Меня нельзя тревожить... — достаточно ли она сообразительна, чтобы понять меня? Я начинала думать, что на самом деле Труда очень умна. Мне было не на кого больше здесь надеяться, так что придётся говорить правду.

— Вы действительно больны, благородная леди. Если попытаетесь встать с постели, можете потерять сознание...

Я права! Она меня сразу поняла. Я вздохнула, удобнее устраиваясь на подушках, сложив руки по сторонам, довольная, что мне не нужно смотреть на это ненавистное, такое тяжёлое кольцо.

— Пусть никто не входит, кроме тебя, Труда, я слишком больна.

— Понимаю, благородная леди. Я передам, что вы слишком слабы, и что только длительный сон вернёт вам силы. И прослежу, чтобы ваша еда проходила через мои

руки... — она всё предвидела, и я была благодарна ей за сообразительность. Они превратили меня в марионетку в этом фальшивом венчании с помощью яда, как сказала Труда. Но больше я не могла позволить таких ударов. Однако если они поверят, что я очень слаба, какое-то время они не будут больше пытаться склонить меня на свою сторону.

— Я не буду отходить от вас, благородная леди, только по необходимости. Я уже сказала об этом фрау Верфель...

— А еда?

— Мне могут принести сюда хлеб с сыром... А теперь вам нужно уснуть, если сможете, потому что вы и правда не очень сильны.

Она была права. От любого усилия на лбу выступала испарина, руки дрожали. Может, они ошиблись в дозе или сделали это сознательно? Супруга, умершая сразу после брака, для их планов ещё выгоднее. Но я в это не верила. Хотя по европейским законам жена становится имуществом мужа и всё её состояние переходит к нему, я не думала, что в этом случае они зайдут так далеко. Слишком много вопросов возникнет в случае моей смерти у таких, как принцесса Аделаида; она, конечно, постарается докопаться до самой сути соглашения, которое вырывает из её алчных рук большую часть состояния курфюрста.

Нет, мне казалось, что в словах графини и барона не всё ложь: брак им был нужен, чтобы прибрать к рукам сокровище. Брак докажет всему миру их право на это, поэтому новобрачная со временем должна предстать перед публикой. Я решила, что убийство не входит в их планы — пока.

Лёжа с закрытыми глазами, я не спала. Тело очень ослабло от яда, но мозг напряжённо работал, пытаясь найти выход, возможность вырваться из Кестерхофа на свободу. Разумеется, обращение к священнику ничего мне не даст. Я не заметила в этом человеке ничего такого, что доказывало бы, что он исполнит то, чего требует его звание и честь. Если бы он был истинным священником, он прежде всего не принял бы участия в этом розыгрыше.

Кестерхоф и все в нём — и даже вокруг него, если принять слова Труды, — будут исполнять пожелания графини. Участвует ли сам граф в заговоре? Я решила, что участвует.

Что я могу противопоставить этому? Мою волю и решительность и помощь Труды. Мне подумалось, что снова Давиду предстоит выступить против Голиафа. Но гнев мой был силён, и черты характера, унаследованные от бабушки, заставляли начать войну, пусть и неравную.

Меня использовали так безжалостно, обошлись так грубо, словно посчитали, что я совершенно беззащитна. Поэтому внешне мне и нужно такой казаться, может, плакать и чахнуть, не показывать никакой воли к борьбе. А я не знала, насколько подхожу для такой игры, потому что никогда в жизни мне не приходилось быть двуличной.

Труда неслышно ходила по комнате. Моя болезнь, которая началась в полдень, должно быть, тянулась до вечера, потому что я видела, что занавеси задёрнуты и лампы зажжены. Что они делали внизу или в комнате графини — договаривались, планировали — что?

Когда Труда подошла к кровати, я подняла руку и поманила её. И снова увидела, как она оглянулась на дверь. Сначала она прошла туда, прижалась ухом к панели, прислушалась. Я долго ждала, и тут мне в голову пришла новая мысль. Я вспомнила тайный проход, по которому прошли мы с полковником, когда меня выводили из дворца. В таком старом доме тоже могут быть свои тайны. Откуда мне знать, что за мной не наблюдают из какого-нибудь укромного места?

Я обыскивала взглядом стены; сама невинность этих цветочков и шёлковых лент показалась мне подозрительной. Я вздрогнула, поняв, что здесь никогда не буду чувствовать себя в безопасности, что мне нужны все силы ума и вся решимость, но как раз этого мне сейчас и не хватало.

Труда взяла ещё одно полотенце, окунула в воду и выжала. Я уловила запах трав, достаточно сильный, чтобы

заглушить стыд моей болезненной рвоты. С этим полотенцем в руке Труда подошла ко мне.

Наклонившись, чтобы вытереть мне лицо, она загородила полотенцем мои губы, и я поняла, что девушка тоже боится, что за нами шпионят.

— Есть ли отсюда выход — для нас? — шёпотом спросила я.

— Ах, благородная леди, пусть это полежит у вас на лбу. Вам станет легче, когда вы отдохнёте, — громко проговорила она, потом еле слышным шёпотом добавила: — Я не вижу... пока...

— Мне так плохо, — я застонала, чтобы подкрепить свои слова. — Воды — я хочу воды...

— Сейчас, благородная леди!

Я лежала, прикрыв глаза, но осматривая всю комнату. Труда отошла к столику и стала наливать из кувшина воду в чашку, и в это время в дверь постучали. Я постаралась не напрягаться, не показывать свой страх. Служанка подошла к двери и открыла её.

Там стояла графиня. Лицо её выражало озабоченность. Насколько она искренняя? Я думала об этом, когда графиня миновала Труды и подошла к постели.

— Амелия! — я почувствовала запах её духов, густой и приторно сладкий. Должно быть, она встала совсем рядом. — Амелия?..

Я позволила себе медленно открыть глаза, делая вид, что ничего не вижу.

— Амелия, дорогая, как вы себя чувствуете? — она взяла мою левую руку, на которой всё ещё оставался отвратительный знак предательства, и сжала в своих руках. И хотя её тело было тёплым и влажным, мне показалось, что я притронулась к змее. Пришлось использовать всю силу воли, чтобы не выдернуть руку. И то, что я этого не сделала, было моей победой, маленькой, но победой.

— Больно... — слабо сказала я. — Голова... болит...

— Да, вы больны, но скоро вам станет лучше. Лежите спокойно, моя дорогая, спите, если можете. Спите...

Она осторожно положила руку мне на грудь. На её полных губах играла лёгкая улыбка. В свете ламп — а может, потому что я стала внимательней, — лицо её приобрело новое выражение. Та легкомысленная модница, что так долго была моей спутницей, исчезла без следа. Выпрямившись и отвернувшись от постели, она резко обратилась к Труде:

— Ухаживай за своей госпожой получше, служанка. За ней нужен постоянный уход. Эта неожиданная лихорадка бывает очень опасна, часто так начинаются серьёзные болезни. Мы послали за врачом в Грумлу, но он до завтра не приедет.

Труда присела, опустив глаза. Я видела, как она проводила графиню до двери. Руки её занялись затвором, я увидела, как она с тревогой оглянулась на меня. Постояла немного, проводя пальцем по нижней губе, глубоко задумавшись, потом быстро вернулась к постели, принялась поправлять подушку, приподняла меня, как будто я ещё очень слаба, и при этом наклонилась к самому моему лицу. И прямо в ухо неслышно проговорила:

— С двери сняли затвор, я не могу её закрыть.

Я подумала, что как последнее средство мы могли бы забаррикадировать дверь мебелью. Но время для этого ещё не настало, я была уверена, что пока наше положение ещё не стало настолько отчаянным.

— Карта... — прошептала я. — Можешь достать карту?

Выбраться, не только из Кестерхофа, но из этой части проклятой страны, где граф всемогущ, — такова была моя первая мысль. Мы две женщины, мы одни и станем лёгкой добычей любого под этой крышей. Я с ужасом вспомнила предположение Труды, что когда выйду — если выйду отсюда, то буду способна лишь покорно играть навязанную мне роль. Предложение барона о фиктивном браке ничего не значит. О нём можно легко забыть.

— Не знаю, — ответила Труда.

Я снова откинулась на подушки, которые она поправила. Труда принесла мне воду, которую я раньше попросила,

и я напилась. На самом деле это была проверка, не вызовет ли вода болезненную реакцию. Но я легко её проглотила, и тошнота не появилась.

Труда села в низкое кресло у лампы. Она раскрыла шкатулку, достала оттуда вязанье. Девушка казалась образцовой служанкой, не привыкшей сидеть сложа руки, даже когда присматривает за больной. А я осталась со своими мыслями, которые шли по кругу, не оставляя надежды, показывая полную мою беспомощность.

На каминной доске стояли небольшие фарфоровые часы, и их тиканье, казалось, заполняло всю комнату издевательским смехом. Пока у меня имелось достаточно времени, но оно пройдёт бесполезно, если я не начну действовать.

Ночью самые смелые решения, принятые днём, отменяются, храбрость оставляет человека. Я строила планы и тут же отказывалась от них, видя их неисполнимость. Труда положила работу — квадратный кусок белой ткани — на стол и достала из шкатулки маленький инструмент со свинцовым наконечником. Я сама пользовалась таким, чтобы помечать на ткани узор для вышивки. Время от времени она заглядывала в небольшую книгу, в которой, очевидно, содержался рисунок, с такой сосредоточенностью, что я негодовала: как она может этим заниматься в такое время? Наверное, её помощь мне — одно притворство, она просто хочет втереться ко мне в доверие, чтобы потом предать меня...

— Я хочу пить, — сказала я наконец, не в силах больше смотреть на её сосредоточенность чем-то совершенно чуждым моим бедам.

— Сейчас, благородная леди! — она встала, но, словно случайно, сунула квадратный кусок ткани в карман передника, так что он наполовину свисал наружу. Снова наполнила чашку и принесла мне.

Поднеся чашку к моим губам, она встретилась со мной взглядом, потом перевела взгляд на свой карман. Я сразу поняла её и двумя пальцами, как щипцами, захватила край ткани. Потом выпила воду, Труда пошла ставить чашку на место, а ткань оказалась у меня под рукой.

Я повыше натянула одеяло, расправив при этом кусок муслина, и взглянула на него. На самом деле на нём оказался не рисунок для вышивки. Сначала я не поняла, что вижу, но потом заметила в центре чёрную точку, а над ней букву К. Кестерхоф? От него отходили две дороги — такими я посчитала линии. Одна, я была уверена, по которой мы приехали, а вторая вела в противоположном направлении, через горы, в деревню, где у графа тоже есть власть. Всё остальное было пусто, и я могла представить себе дикую местность, которая, я в этом не сомневалась, патрулируется такими людьми, как лесник, тот самый, что сегодня утром не позволил мне пройти дальше.

Углубиться в этот лес без проводника — глупость, я над этим даже не задумалась. Обе дороги тоже будут охраняться. Итак, мои надежды на побег рухнули. Что мне оставалось?

Я сжала кусок муслина в руке. Торговаться с теми, кто меня удерживает? Я чуть не рассмеялась вслух. И не было ни одного человека, с кем я могла бы связаться. Полковника сняли с доски как фигуру, потерявшую ценность.

Я вспомнила слова графини — что лихорадка бывает признаком начала серьёзной болезни. Я должна играть эту роль, сколько смогу. Доза, которую они подмешали мне в вино, сделала меня действительно больной. Может, постараться показать, что я настолько ослабла, что не опасна для них? Серьёзно больная женщина для них не угроза. Мои мысли достигли этого пункта, когда снова в дверь послышался требовательный стук и, прежде чем Труда успела к ней подойти, та распахнулась.

Снова графиня и мужчина. Вначале я подумала, что это врач, но за графиней заметила барона. На круглом лице Луизы не было торжества, скорее выражение страха. Барон сжимал её голое плечо, потому что графиня была одета в платье с глубоким декольте, как на обеде в Аксельбурге.

Он потащил её к кровати, словно пленницу. На его лице не было ни страха, ни гнева, скорее презрительное самодовольство, как будто барон вполне владел не только ею, но и ситуацией, которая складывается в его пользу.

— Ты! — он даже не повернул головы к Труде, но было ясно, что обратился к ней. — Принеси перо и чернила со стола — быстрее!

И так толкнул графиню, что она едва не упала и ухватилась за кровать. Больше он не обращал на неё внимания, но через её плечо скомандовал тем же тоном, каким говорил с Трудой:

— Гроцер, ко мне!

По приказу барона подбежал человек, но не в ливрее, а в костюме горожанина. Лицо у него было узкое, рот поджат, словно каждое произнесённое им слово — это трата драгоценности. На костлявом носу косо сидели очки в стальной оправе. За ними глаза мигали, словно они слишком слабы и даже свет ламп причиняет им боль.

В руках он держал портфель, а на нём — стопку бумаг. Человек подошёл к другой стороне кровати и протянул мне бумаги. Показалась Труда с эмалевой чернильницей и пером.

Барон взял у неё перо и чернильницу, оттолкнул её локтем, но не отпустил.

— Ты сможешь написать своё имя, девушка?

— Да, благородный лорд, — ответила она.

Барон кивнул.

— Прекрасно. Два свидетеля — всё, что нам нужно. Таков закон, Гроцер?

— Да, ваша милость, — у человека оказался сухой, как шелест бумаги, голос.

— Итак, баронесса, — барон повернулся ко мне. — Нам нужно закончить дело. Подписывайте!

По его сигналу Гроцер положил мне на колени портфель с бумагами, а барон решительно окунул перо в чернильницу и снова заговорил.

Он передал чернильницу Труде, не глядя, взяла ли она или содержимое пролилось на постель. Крепко сжал мою правую руку и сунул в пальцы перо. Другой рукой указал на листок, который лежал передо мной.

— Подписывайте! — приказал он голосом человека, который не признаёт отказа.

Глава двенадцатая

Так уверенны и грубы были его манеры, что страх заставил меня отказаться от роли полубессознательной больной, которую я надеялась разыграть. Его торопливость послужила для меня серьёзным предупреждением. Он мог вложить мне в руки перо, но не мог заставить подписать.

— Что это? — спросила я, отказываясь подчиняться силе.

Лицо барона вспыхнуло; стало ясно, что он не ожидал встретить сопротивление своей воле. Открытой ладонью он ударил меня по губам, вызвав острую боль. Я так была поражена этим ударом, что ахнула. Никогда в жизни не встречалась я с таким обращением.

Он наклонился ко мне, его красное от гнева лицо оказалось в каком-то дюйме от моего, и я ощутила запах вина. Его рука до боли сжала мои пальцы. Капли чернил полетели на одеяло, а он продолжал сжимать, причиняя мне боль.

— Будь вы прокляты! — в углах его рта показалась пена. — Если необходимо показать вам, кто здесь хозяин, я с удовольствием это сделаю...

И в его глазах появилось выражение, от которого я, несмотря на всю свою храбрость, отшатнулась. Он, должно быть, заметил, что я испугалась, потому что хрипло расхохотался.

— Подписывай!..

Никто не мог помочь мне в борьбе с его силой и грубостью. Я не думала, что Труда решится выступить против него, а остальные двое — его союзники. Я взглянула на бумагу, а он продолжал нависать надо мной, меня буквально подавляла его воля.

Насколько я могла понять, это был какой-то юридический документ. Но к чему он меня обяжет? Я знала, что не смогу сейчас сопротивляться. Он ещё сильнее сжал мне руку, и у меня на глазах выступили слёзы от боли.

— Если вы сломаете мне кости, — я нашла в себе остатки мужества, — я вообще не смогу выполнить вашу волю.

Он хмыкнул, но слегка отпустил руку. Я, конечно, ничего не добилась. Выхода не было, и я неразборчиво написала своё имя внизу листка. Барон выпустил мою онемевшую руку и поднёс документ к глазам. Он держал его так близко, что я подумала: у него что-то со зрением.

Но тут он что-то прорычал и повернулся ко мне. Глаза его стали не просто жестокими — это были глаза средневекового палача, наслаждающегося своей работой. Он поднял руку, собираясь нанести мне такой удар, от которого голова слетит с плеч или я потеряю сознание.

— Что это за глупость? — спросил он, и голос его напоминал рёв рассерженного зверя. — Это не ваше имя! — он помахал листом перед моими глазами. — Вы смеётесь надо мной — надо мной! Этого не будет, сука, безымянная шлюха, шлюхино отродье!

— Это моё имя. Я подписалась своим именем...

Пальцы его впились мне в плечо, врезались в плоть, он протащил меня вперёд и вверх, отбросив бумагу человеку в чёрном. Я увидела приближающийся кулак и не смогла увернуться. Последовал удар, потом такая боль, что я не подозревала о подобном, потом пустота.

Голова болела, что-то давило на неё, словно на мой бедный больной череп надели железное кольцо и теперь затягивали и затягивали его. Иногда боль становилась такой острой, что я пыталась вернуться назад, туда, где вообще нет чувств. Но такого утешения мне не было дано.

Я не мыслила, я могла только чувствовать, а пытка всё продолжалась и продолжалась. Медленно я начала осознавать, что тело моё куда-то переносят, что я лежу не на неподвижной постели, а скорее на носилках, которые раскачивались и дрожали. Именно эти движения и вызывали у меня особенно острые приступы боли. Я пыталась попросить передышку, хотела, чтобы меня оставили в покое. Но не знаю, смогла ли издать хоть звук.

Меня как будто сковали в тесные колодки. Мне не позволят уйти. Несмотря на боль, окружающий мир постепенно начал проясняться. Меня не просто тащили на каком-то подвижном основании, но я чувствовала ветер, по

крайней мере порывы воздуха время от времени касались моего большого лица. Наверное, эти прикосновения и вернули мне сознание.

Боль не проходила, избежать её я не могла. Но теперь я ощущала не только ноющую, страждущую плоть. Начало просыпаться сознание. Я лежала на постели в Кестерхофе, а потом... Ко мне возвращались подробности этой последней сцены. Документ, который принёс барон. Подписывай! Голос его снова прозвучал у меня в ушах, вызвал новый приступ головной боли.

Я подписала — тогда почему?.. Я вспомнила его кулак. Его гнев... на что? Я сделала, как мне было приказано. Мои дрожащие пальцы как будто снова вывели имя...

«Амелия Харрач». Моё имя... Я подписалась своим именем. Тогда почему?..

От резкого толчка голова моя повернулась набок. Последовала такая боль, что потеря сознания была воспринята как величайшая милость.

Холодно, как холодно! Мне казалось, что я лежу на снегу. Должно быть, я упала по пути с речной пристани. Я помнила, что там иногда наматывает сугробы. Меня найдут... должны найти... мне так холодно... и голова болит... словно мозг промёрз насквозь. Холодно...

Но я больше не раскачивалась из стороны в сторону. Лежала неподвижно... как хорошо лежать неподвижно... даже на снегу. Скоро появится Джеймс... Он позовёт Рейфа, Питера, они отнесут меня в поместье. Придёт Летти с одеялами, приложит к моим ледяным ногам кувшин с горячей водой. Мне иногда снились такие странные сны. Но не нужно сейчас их вспоминать! Скоро я окажусь в безопасности, согреюсь в своей постели в поместье.

Я так никогда и не узнала, сколько времени я так засыпала и просыпалась снова. Звала ли я Джеймса, Летти, других, тех, кого знала с детства? Если и звала, то вряд ли кто-нибудь мог понять. А если и понял, то ничего не сделал. Мне не становилось тепло, никто не занимался моими ссадинами и ушибами.

Время от времени я приходила в себя от этой полужизни, открывала глаза и видела сумрак. Дважды кто-то приподнимал меня, вызывая волны боли в голове. Новую боль вызывал и жёсткий край чашки, которую прижимали к моим губам, а когда я открывала рот, чтобы возразить, туда лилась жидкость, так что я начинала давиться.

Но потом обнаруживала, что жидкость смягчает боль в горле и во рту, и начинала жадно пить. Открывала глаза, но от этого кружилась голова, и я не могла разглядеть, кто меня кормит.

— Труда?.. — прохрипела я однажды, вряд ли понимая, из каких глубин памяти извлекла это имя. — Летти?.. — но никто не ответил, меня снова опустили, и я лежала, раскачиваясь между этим миром и тем.

Но когда я пришла в себя в следующий раз, голова болела не так сильно, и я смогла открыть глаза, не теряя сознание. Я была вовсе не дома в поместье, где светлые стены и множество окон, в изобилии пропускающих солнце. И я снова начала складывать ускользающие воспоминания в одну картину.

Поместье... но я же уехала из поместья... Давно?.. Очень, очень давно... Для меня число дней, недель, месяцев сейчас ничего не значило. Потом была другая комната — с большой кроватью, с пологом, незнакомая... а потом ещё одна комната, а в ней...

Я словно повернула ключ в двери, закрывавшей большую часть памяти. Я вспомнила — Кестерхоф... приход барона! Но это совсем не та комната! Где я?

Я попыталась приподняться и обнаружила, что это усилие вызвало только лёгкое головокружение, однако сразу начала снова болеть голова. Даже поднять руку мне было трудно, будто это тяжёлое и длительное дело. Но вот я коснулась пальцами лица и тут же отдернула их. Подбородок распух, очень больно.

Продолжая ощупывать ушибы, я осмотрелась одними глазами, не поворачивая головы. Я была укрыта старым изношенным одеялом. Пахло пылью и затхлостью. Прямо

передо мной стояла голая каменная стена без единого украшения, с прочной дверью с полосами полупроржавевшего металла.

Серый, как в бурю, свет исходил не от свечи или лампы. Помещение было сумеречное и утрюмое. Я не видела ничего, кроме кровати — грубой лежанки — стены и двери. От стен словно исходил холод, пробиваясь сквозь рваную простыню и старое одеяло, прикрывавшее моё тело.

Я не могла понять, где нахожусь, но чем дольше смотрела на стену, на закрытую дверь, тем яснее становились мои мысли, и я начинала догадываться, что произошло. Это не комната для гостя, даже самого незваного, скорее тюремная камера! Может быть, я лежала в подземелье Кестерхофа, которое фрау Верфель не показывала любопытной посетительнице? Пришлось признать это. Я поняла также, что привело меня сюда. Имя, которое я написала... это действительно было моё имя, единственное имя, которое я признавала когда-либо. Но моё имя — Амелия Харрач — не могло быть признано законным, если я жена барона фон Вертерн, какой бы насмешкой над браком ни была та церемония. Чего бы они ни хотели достичь с помощью этого документа, план их не сработал, хотя и я пострадала — иначе не лежала бы здесь.

Оставалась слабая надежда, за которую я ухватилась... ведь я не подписала тот документ, и они вынуждены были сохранить мне жизнь. А пока я живу, надежда остаётся...

Снова я пошевелила рукой, на этот раз с трудом подняла её, чтобы посмотреть, есть ли на пальце кольцо. Оно там было. Я так ослабла, что рука сама собой упала на грудь. И в то же время от двери донёсся тихий звук. Ко мне кто-то пришёл.

Я не думала, что это Труда. Только понадеялась, что ей не причинили вреда. Вполне могло быть, что барон и графиня не пожелали иметь свидетеля своего обращения со мной. Но теперь я с этим ничего не могла сделать. Я смотрела на дверь; интересно, кто мой тюремщик. Конечно, графиня сама не станет этим заниматься.

Я никогда раньше не видела женщину, вошедшую с подносом в руках. Высокая и худая, но сутулая, а лицо не вызывало мыслей о дружелюбии. Время, должно быть, отняло у неё большинство зубов, потому что подбородок, заросший серой щетиной, поднимался прямо к крючковатому носу. На голове у неё как будто совсем не было волос: череп прикрывал чепчик, какие носят безволосые маленькие дети, с прочно завязанными лентами под заострённым подбородком.

Платье у неё было далеко не модное, скорее просторный серый халат с нашитой кожаной полоской, свободный конец которой болтался при ходьбе. По-прежнему держа поднос в руках, женщина подняла ногу и подтащила ею высокий стул, который должен был послужить столом. Потом поставила на него поднос.

Окунув в миску с водой грубое полотенце, она подошла ближе и стала обтирать моё распухшее лицо, не заботясь о том, что мне больно. Взяла одну за другой мои руки и подвергла их той же операции. Она молчала, я тоже не нарушала молчания. Лучше продолжать играть роль, которую я решила принять в Кестерхофе (впрочем, тогда успеха я не достигла), делая вид, что я больна серьёзнее, чем на самом деле. По-своему грубовато вымыв меня, женщина взяла кружку с носиком, похожую на чайную чашку. Прислонив мою голову к своему костлявому плечу, она сунула носик мне в рот, заставляя пить.

Жидкость была почти холодная, со вкусом жира, но я обнаружила, что очень голодна, и даже эти помои приносят какое-то удовлетворение. Я допила, женщина поставила кружку на поднос и принялась расправлять мою постель.

От её грубого обращения у меня опять заболела голова, так что мне не пришлось прилагать больших усилий, чтобы снова впасть в оцепенение, хотя я старалась хоть что-то понять по наружности и действиям этой женщины.

Я спала, просыпалась, за мной ухаживала всё та же молчаливая женщина в странном платье. Она никогда не разговаривала со мной, я тоже молчала, стараясь разобрать-

ся без посторонней помощи. Очевидно, я попала в плен, но где находится моя камера, я понятия не имела, хотя подозревала, что в Кестерхофе.

Меня только удивляло, почему не приходит барон. Я разрушила его план с документом, а грубое обращение показало, как он заботится о моём благополучии... Итак... почему же он не пришёл вновь, чтобы навязать свою волю, испытать мои силы? Я не сомневалась, что он попробует это сделать.

Головная боль со временем утихла. Я начинала двигаться в постели, пытаюсь вернуть телу силы. Мне наконец удалось рассмотреть свою камеру.

Потому что это, несомненно, была камера. Только голые каменные стены, в одной дверь с железными полосами, в противоположной — окно, такое узкое и глубокое, что когда снаружи светило солнце, лучи его сюда не проникали, только серый свет, который сменялся тьмой с наступлением ночи. Единственные предметы мебели: грубая лежанка-кровать, на которой я лежала, стул, который служил также столом, когда тюремщице требовалось что-то поставить, и откидная доска из потемневшего от времени побитого дерева в стене слева от меня, которая висела на двух ржавых цепях, вделанных в камень. Никакого сомнения, эта камера предназначалась для содержания заключённых.

На мне по-прежнему оставалась та же одежда, которую я надела в день — как давно это было, — когда пошла на роковой обед с графиней и бароном. Платье испачкалось, на нём темнели пятна, похожие на кровь, может, от моих медленно заживавших порезов. Опухоль подбородка тоже спала, хотя мне по-прежнему было больно широко раскрывать рот, и с одной стороны болели зубы.

Кто-то вынул булавки из волос, которыми я закрепляла пряди, и теперь они свободно свисали на лоб и шею. Я, наверное, выглядела настоящим чучелом по сравнению с прежней аккуратной молодой леди, но тут не было зеркала, чтобы в этом убедиться. Влажный холод камеры заставлял меня кутаться в одеяло, как в шаль.

Не зная, чем заняться, я в тусклом свете комнаты принялась разглядывать одеяло — вовсе не такое грубое, как остальная постель. Осмотрев его, я поняла, что оно чем-то походило на то, каким я укрывалась в Аксельбурге. Несмотря на грязь, можно было разглядеть, что это бархат или парча, только такая грязная, что цвет определить невозможно.

В центре тяжёлого одеяла когда-то был вышит рисунок. Но, разглядывая его, я подумала, что нити вышивки нарочно выдернули с такой силой, что разорвалась сама ткань. Вроде бы это был какой-то герб, но настолько повреждённый, что с трудом проступали только его общие очертания.

Я насчитала четыре наступления темноты — мне казалось, что это означает приход ночи, — прежде чем набралась сил, чтобы попытаться встать. Ноги в чулках нащупали холодный пол, такой застывший, словно между камнем и моей кожей вообще ничего нет. Мне пришлось ухватиться за кровать, а потом за стену, чтобы сохранить равновесие.

Может, за мной наблюдали, хотя я не видела в двери глазка или щели в стенах. Но мне было всё равно. Я поставила своей целью окно, желая узнать, что за стенами тюрьмы.

Держась за стену рукой, я проделала медленное путешествие к окну, которое начиналось на уровне моих глаз. Из него дуло, и я по-прежнему куталась в одеяло, как в шаль.

Но со своего места я смогла увидеть только небо — ни верхушек деревьев, ни вообще никакой зелени. Меня это удивило. Я помнила, что Кестерхоф окружал лес. Прислонившись к стене, глубоко вдыхая свежий воздух, я собиралась с силами. Стало ясно, что нужно подняться выше, если я хочу что-то узнать. Значит, требовалось подтащить стул и забраться на него. Я не была уверена, что в своём нынешнем состоянии способна на такой подвиг. Но упрямо решила сделать то, на что совсем недавно считала себя не способной. Пошла назад и начала толкать стул к окну, сначала одним коленом, потом другим. И вот он упёрся в каменную стену.

Сбросив неуклюжее одеяло, я обеими руками ухватила за подоконник, где из стены выступал каменный карниз. Немного постояла, собираясь с силами, и наконец, сделав последнее усилие, встала на стул и одновременно подтянулась на руках, избитых, со сломанными ногтями.

От открывшегося передо мной вида я пошатнулась и чуть не упала, еле удержавшись за стену. И снова выглянула.

Ни деревьев, ничего, только небо.

Где я? Это не Кестерхоф, который находится в долине и окружён остатками старого леса. Медленно, очень осторожно, чтобы не потерять равновесие и не упасть снова, я опустила руки и выглянула наружу. И чуть не упала в обморок.

Потому что смотрела с большой высоты, а я всегда плохо переносила высоту. Держась за подоконник, я сразу закрыла глаза, чтобы не видеть эту бездну, не чувствовать, что меня ничего не удерживает от падения, что я буду падать и падать, бесконечно...

Но я должна была узнать. Стиснув зубы так, что челюсть пронзила резкую боль, я продолжала бороться, по-прежнему не открывая глаз. Я ДОЛЖНА была узнать! То, что я сделала потом, далось мне гораздо труднее, чем встреча с разгневанным Конрадом фон Вертерном. Я заставила себя открыть глаза и не только посмотреть вниз, но и постараться разглядеть вертикальные стены и то, что под ними. Мне нужно было узнать, что такое моя тюрьма.

Ничего знакомого я не увидела. Лес, да, но далеко внизу. Я плохо переношу высоту и потому не могла судить, насколько далеко. Итак, меня увезли из Кестерхофа в какое-то место, которое считают более безопасным и укромным. Оно могло находиться где угодно в границах Гессена, и я никогда не узнаю, где именно.

Еле заставив себя выдержать этот осмотр, я наконец слезла со стула, послужившего мне лестницей. Закрыв лицо руками, я пыталась рассуждать логично, но какое-то время мозг мой словно погрузился в туман. Как меня привезли сюда... и когда...

Труда! Собственное положение настолько занимало меня, что воспоминание о девушке действовало, как удар. У них имелись причины держать меня взаперти, но жизнь Труды для них ничего не значит. А она могла раскрыть их планы. Я вполне допускала, что барон способен на убийство, если оно может помочь осуществить его планы. А что ему нужно, я знала. Сокровище, гряда золота и драгоценностей, которая стала моим проклятием, а не наследством.

Мне пришла в голову горькая мысль. Умиравший во дворце человек словно нарочно задумал всё это, чтобы прошлое никогда не смогло воскреснуть и напомнить об его позоре! После всего выпавшего на мою долю я готова была поверить в любую, самую дьявольскую интригу.

Я увлекла Труду вслед за собой в ловушку. Не имеет значения, что я не подозревала, как обойдутся со мной враги. Следовало быть гораздо осторожнее и не просить Труды сопровождать меня в Кестерхоф. В эти мрачные мгновения я почти поверила, что Труда мертва, погребена в глухом лесу человеком, вроде этого Глюка, наёмника графа, который впервые показал мне, что я целиком в их власти.

Чем я теперь могла защититься? Труде всё равно уже ничем не поможешь... разве что каким-то чудом мне удастся выбраться отсюда и обратиться к закону...

Закон? Какой закон? Закон здесь — воля курфюрста, а новый правитель вряд ли захочет помочь мне. Я раскисивалась взад и вперед, безнадёжность положения ощущалась как новая серьёзная болезнь.

Нет! Я подняла голову, сжала руки в кулаки и посмотрела на дверь. Я ещё жива, силы отчасти вернулись ко мне. А пока жива, я должна была сделать... хоть что-нибудь.

Одеяло, упавшее с моих плеч, клубком лежало на полу. Я подняла его и бросила на кровать. Возможно, гнев придал мне сил, потому что я больше не шаталась, стояла твёрдо, насмотря на холодный пол под ногами.

И начала составлять перечень того, чем располагала. Тот, кто бросил меня в камеру, даже не позаботился

обыскать жертву. Сунув руку в потайной карман, я нащупала свёрток. Он был на месте. Я достала его, не разворачивая, помяла. Я ведь не знала, когда появится моя молчаливая тюремщица. Золото никуда не делось. Можно ли подкупить эту женщину? Я сразу решила, что это глупо: она могла всё отобрать у меня и ничего не дать взамен. Добрую волю и честность я меньше всего надеялась встретить в таком месте. Шея — да, и железное ожерелье по-прежнему было на мне. Коснувшись его, я пожалела, что оно такой тонкой работы и невозможно его использовать как инструмент или оружие.

Дверь я явно не смогла бы открыть. Я начала думать о стенах. Опыт посещения дворца вызывал романтические мысли о потайных ходах. Я рассмеялась такой мысли и сразу замолчала, потому что мой почти безумный смех напугал меня.

В камере становилось всё темней. Но я подошла к подвесному столу на ржавых цепях. Об его назначении я не могла догадаться. Неровную деревянную поверхность сплошь покрывали царапины и углубления. Я стряхнула с них пыль и обнаружила, что они имеют смысл. Буквы, имена! Значит, в камере побывал не один заключённый, а много, и на долгие годы. Я не первая заточена здесь.

Я потянула за одну цепь. Руки испачкались в ржавчине, но это был только внешний слой. Под ним скрывалось железо, прочное, как камень. Последний луч света упал на цепочку букв, вырезанных так глубоко, что их не скрыла пыль и грязь. Линия букв, а под ними символ, высеченный глубоко, очень глубоко.

— Людовика... — я не понимала, что читаю это имя вслух, пока гулкие звуки не заполнили всю камеру.

Людовика! Преступная курфюрстина, исчезнувшая в Валленштейне, после чего её никто не видел! Валлейнштейн!..

Я покачнулась, ухватила за цепь, чтобы устоять. Теперь я знала, где нахожусь — в крепости-замке с таким мрачным прошлым, что вся местность вокруг него считается проклятой.

Во рту пересохло, я сделала шаг назад, пошатнулась, упала на кровать. Валленштейн!..

Мужество покинуло меня. Я вздрогнула и обхватила себя руками. И хоть не могла больше видеть вырезанное на доске имя, оно снова и снова возникало в сознании.

Однако я не потеряла сознания, хотя радостно встретила бы беспамятство, спасение от мыслей и страха. Я оставалась в полном сознании, когда дверь открылась и в ней показался тусклый свет. Пришла тюремщица с подносом.

Она поискала стул, на который обычно ставила ношу, прежде чем подойти ко мне. То, что его впервые не оказалось на месте, по-видимому, показало ей, что я не так слаба, как обычно. Теперь она прямо взглянула на меня. Её мрачное старушечье лицо ничего не выражало. Я была для неё всё равно что стул, оказавшийся не на месте.

Она не подошла ко мне, а поставила свою ношу на висячую доску. Потом, прихватив свечу, повернулась к двери. Я вздрогнула.

— Свет! Оставь мне свет! — взмолилась я.

Она не остановилась и не повернулась. Просто вышла. Дверь с гулким звуком закрылась за ней.

Глава тринадцатая

Я скорчилась в быстро угасающем свете, не отрывая взгляда от двери. Приходили и тут же исчезали нелепые мысли. Напасть на тюремщицу, когда она зайдёт в следующий раз. Но я не доверяла своим силам. Несмотря на старость, она производила впечатление сильной, способной справиться с любым пленником женщины. Да я и не была уверена, что она приходит одна. Кто-нибудь мог ждать её в коридоре. Но я отказывалась верить, что не отыщу хоть какое-то слабое место и не использую его себе на пользу.

Тем временем, впервые, может быть, за много дней, я ощутила голод. По крайней мере меня ещё кормили. Я подошла к доске на цепях и посмотрела, что лежит на подносе. Две тарелки, деревянные, какие можно найти в

хижине самого бедного крестьянина. На старом дереве я даже в этом тусклом свете увидела пятна. Проголодавшись, я не обращала на них внимания. В одной тарелке, глубокой, которую можно было бы назвать миской, оказалась густой остывший суп, на его поверхности плавали комки жира. На другой лежали два толстых куска чёрного хлеба. Кружка с отбитым краем содержала что-то вроде деревенского пива. Единственное приспособление для еды — старая роговая ложка. Я зачерпнула суп и принялась есть, окуная хлеб в жидкость. Жевать его оказалось трудно, он совсем зачерствел, и от него опять начала болеть челюсть.

Конечно, это не больно-то походило на деликатесы стола графини. Однако голод эта еда утолила, и я съела всё до крошки. Только пиво показалось мне отвратительным, и я не смогла выпить всю порцию.

А потом я долго ждала в темноте, которая всё сгущалась (наконец даже мои глаза, привыкшие в полутьме, ничего не могли разглядеть), но женщина за подносом не вернулась. Я решила, что на сегодня её работа закончена.

Я никогда не боялась темноты, но теперь почувствовала себя погребённой заживо. Холод в камере стал сильнее, я забилась в постель и натянула на себя одеяло. Проведя руками по остаткам вышивки, я вспомнила имя, вырезанное на дереве доски, — Людовика. Принадлежало ли ей это старое покрывало? Остаток прежней роскоши, оказавшийся каким-то образом в её камере?

Неужели это прекрасное презренное существо, чью скуку и властность так хорошо изобразил покойный художник в сцене дня рождения курфюрстины, — неужели она дошла до такого? Я вспомнила, что говорила мне в карете графиня. Сколько она могла прожить в этой камере, лишённая всего, что составляло её жизнь, что она считала не просто своей привилегией, а правом?

Я обнаружила, что почти вопреки своему сознанию встала и двигаюсь к этой деревянной скамье, выгнув перед собой руку. Еле заметное пятно света обозначало окно, но перед ним совершенно ничего не было видно. Я больно

ударилась о край доски, провела пальцами, отыскивая сама не зная почему буквы этого злополучного имени. Они были так глубоко врезаны в дерево, что мне казалось: никакое время их не сотрёт.

Сколько дней ей потребовалось, чтобы вырезать эту памятную надпись? Каким инструментом она пользовалась как пером? Гнев должен был наполнять её, гнев, горячий, всепоглощающий, но не отчаяние. Я была так была уверена в этом, словно собственными ушами слышала её гневные крики. Я провела пальцами по надписи, двинулась дальше, и вдруг мою руку что-то остановило, почти с такой же силой, как хватка барона. Я коснулась круглого рисунка под именем.

Проводя пальцем по линиям рисунка, я вначале не могла понять его смысл. Попыталась представить себе герб. Нет, хоть я его не видела, на герб не было похоже.

Но почему-то снова я почувствовала уверенность, что тем, кто вырезал этот рисунок, двигал гнев. И ещё... Я рывком отдернула руку. Неужели мне и в этой неаппетитной пище подсунили какую-то отраву, разрушающую мозг? Я спрятала руку под складки одеяла, двинулась назад, пока ноги мои не ударились о лежанку, и села или, скорее, упала на постель.

Я же не могла на самом деле этого почувствовать — жар, быстро усиливающийся жар, как будто рисунок превратился в ведро с раскалёнными угольями. Поверить в это означало признать, что я свихнулась. Нет, я не позволю себе утратить разум, что бы ни предстояло мне!

Я лихорадочно прошептала:

— Я Амелия Харрач! Меня заключили сюда... по причине, которую я не знаю. Я существую... я...

Рука, которая почувствовала — которая НЕ почувствовала — эту перемену, теперь прижималась к ожерелью с бабочками, лежавшему у меня на груди. И ожерелье как будто послужило каким-то спасительным амулетом, страх оставил меня. Но «амулет», «заклинания»? Такие вещи существуют только в глупых старых сказках.

И всё же ничто не могло заставить меня снова встать, пересечь комнату и коснуться вырезанного в дереве рисунка. Я пыталась выругать себя за трусость. Это суеверие, убежище необученного сознания, когда оно встречается с чем-то не имеющим разумного объяснения.

Что рассказывала графиня о курфюрстине? Что среди её верных слуг был колдун, знавшийся с силами, не принадлежащими этому миру? Но такую веру современная рациональная мысль отвергает. Эту землю когда-то заливала кровь невинных, которых враги, подгоняемые истерическим страхом, обвиняли в том, что они слуги дьявола. Неудивительно, если в стране, настолько одержимой верой в дьявола, подобные поверья сохранились — или сохранялись сто лет назад.

Тем не менее я долго не могла уснуть. Мне даже не хотелось ложиться в постель. Я сидела в темноте и напряжённо прислушивалась — к чему?

Лишь однажды в камере послышался крик, от которого я вздронула и чуть не вскрикнула сама. Крик донёсся из окна. Какой-то крылатый ночной охотник в поисках добычи, сказала я себе. Помимо этого ничего не нарушало тишину, такую тишину, что мне казалось, будто я слышу биение собственного сердца.

Нет, следовало думать о другом, о том, что мне делать. Меня не должно запугивать прошлое, хоть сейчас я и беспомощна. Я была жива... и снова обретала силы. Завтра можно будет что-нибудь узнать от тюремщицы... я должна потребовать, чтобы меня выслушал комендант этого места.

Труда... графиня... обе говорили, что здесь стоит гарнизон. Его командир должен быть моим главным тюремщиком. Если я подниму шум, он может достичь его ушей. И я смогу попытаться... должна...

На этот раз послышался не крик ночной птицы, нет! Я плотнее запахнулась в одеяло и повернула голову в темноте, вначале к еле заметному окну, но потом убедилась, что звук исходил не от него.

Скорее... от стены, от той самой стены, к которой

цепями крепилась доска с именем злополучной курфюрстины! Пробиваясь сквозь камень, звуки напоминали журчание воды. Пение? Очень слабое и далёкое, с неразличимыми словами. Но я была уверена, что слышала ритм, напоминающий пение... или молитву.

Я напрягла слух и убедилась, что права. Пение приближалось, становилось громче, хотя по-прежнему отдельные слова и не были слышны.

Звучал, как мне показалось, только один голос, очень тихо. Постепенно он стал громче, стали различимы паузы между словами. Скорее церковное пение, чем настоящая песня, только со словами из иностранного языка, со странным акцентом, со вздымающейся и падающей интонацией, иногда настолько высокого тона, что походили на крик маленькой птицы, а иногда просто гортанный хрип.

Теперь звуки доносились прямо из-за стены. Я отбросила одеяло и сделала то, что не делала, не могла сделать раньше: пересекла комнату, наклонилась над висячим столом и прижалась ладонью к холодному камню. Правой рукой я взяла чашку, пролив остатки горького пива, и заколотила по стене.

Я даже не думала о том, что неизвестный певец может мне помочь. Но это явно был звук человеческого голоса. Я была совершенно одна в темноте, и мне так хотелось дать кому-нибудь знать о себе.

При первом же ударе о камень пение стихло. Ещё один пленник по ту сторону стены? Такова была моя первая догадка. Однако к моему величайшему разочарованию последовало полное молчание, хотя я сама не знала, чего ожидала. Потом... слова... не песня... слова, со странным стоном:

— Смерть... смерть...

Предупреждение? Но что-то странное было в этом крике. Я снова подняла кружку и сильно ударила.

— Смерть... — ответил мне вопль.

— Кто ты? — выкрикнула я, надеясь, что звук преодолеет стену.— Где ты?

— Бойся смерти...

Не страх, но раздражение дало мне силы заколотить в третий раз. Я начала подозревать, что этот голос — просто ещё одно изобретение моих тюремщиков, которое должно заставить меня усомниться в своём рассудке. Конечно, изобретательно, но кто может сказать, какие пытки придумал барон, чтобы держать меня под контролем?

— Кто ты? — снова спросила я.

Ответом была тишина. Я наконец опустила кружку, решив, что сегодня ничего больше не добьюсь от этой вызывающей раздражение стены.

Я вернулась на койку, но почему-то теперь почувствовала большую уверенность в себе, чем когда впервые пришла в себя. Если со мной играют в такие детские игры, значит, я для них по-прежнему важна, они должны обо мне думать. Это дало мне некоторое удовлетворение, так что я смогла наконец лечь и уснуть.

Мне ничего не снилось. Как будто появилась какая-то новая уверенность. Может, потому что я не впала в панику, услышав этот голос, преодолела страхи, которые до того рисовало воображение, когда мне показалось, что дерево столешницы нагрелось. Я победила свой страх и теперь могла противостоять тем, кто пытался запугать меня. Нервы успокоились, и я проснулась, чувствуя себя гораздо сильнее душой и телом. Так я себя ещё не чувствовала с того памятного утра в Кестерхофе.

Дневной свет от окна полосой падал на пол моей камеры. Он добавил мне уверенности, решимости больше не играть роль покорной пленницы. Случилось так, что очень скоро предоставилась возможность проверить эту решимость. Потому что почти сразу заскрежетала массивная дверь в камеру. На этот раз я встала, ни за что не держась, готовая лицом к лицу встретить свою надзирательницу.

Она вошла как обычно, неся на этот раз сосуд с водой. На руке у неё висела какая-то ткань, похожая на одежду. Без всяких церемоний тюремщица бросила её в ноги постели и с такой силой поставила сосуд, что вода выплеснулась.

— Кто ты? — отчётливо спросила я, встав у неё на пути, когда она повернулась к тарелкам, которые принесла накануне вечером. Тюремщица посмотрела на меня так, словно я стул или стол на цепи. И не произнесла ни звука.

Я схватила её за руку под жёстким серым рукавом. С поразительной силой она высвободила руку, потом оттолкнула меня, так что я едва не потеряла равновесие и отлетела назад, к кровати. Показав на меня, потом на одежду и на воду, она сделала знак, что я должна вымыться и переодеться в платье, которое она принесла. Но при этом опять не произнесла ни звука, и я подумала, что она, возможно, и на самом деле немая. А может, просто повинуется приказу не разговаривать с пленницей.

Забрав поднос и не обращая на меня внимания, она вышла.

В связке я нашла два полотенца, костяной гребень и кусок жёлтого мыла с сильным запахом, завёрнутого в ткань. Одежда была грубая, халат из жёсткого материала, нижняя юбка — всё того же тусклого цвета, что и одежда самой тюремщицы. Всё чистое, и я обрадовалась возможности избавиться от своей грязной мятой одежды, хотя и приходилось надевать тюремную робу. Я умылась, хотя мыло жгло кожу, а лицо в синяках я смогла лишь слегка смочить. Зеркала не было, но я причесалась на ощупь, распустив волосы по плечам.

Едва успела я закончить свой туалет, как вернулась тюремщица. На этот раз она принесла поднос, а на плече — постельное бельё. Со стуком поставив поднос на стол, она сняла простыни с кровати и бросила свежие грудой на середину, ясно дав мне понять, что заправлять постель я буду сама.

На завтрак подали кашу из какого-то зерна, жёсткого и безвкусного, но тёплую. Стоял также кувшин с жидким синеватым молоком. И всё. Женщина молча, с бесстрастным лицом ждала у двери, пока я кончу есть, потом забрала посуду и вышла.

Моя новая одежда, хотя и чистая, оказалась старой и сшитой на человека гораздо полнее меня. Она висела на

мне мешком. И пахла затхлостью, как будто где-то долго пролежала. Юбка заканчивалась высоко над лодыжками, а рукава оставляли неприкрытыми запястья и большую часть руки. Я расправила грубые простыни и застелила постель, растянув этот процесс как можно дольше, чтобы иметь хоть какое-то занятие. Потом снова начала внимательно разглядывать камеру.

Вчера я встала на стул и выглянула наружу. Тогда я поняла, что с трудом боком могла бы вылезти в окно, но внизу лежала пропасть, глубину которой я даже не смогла определить. В камере были кровать, стул, подвесная доска-стол и в углу приспособление для отправления телесных надобностей, простая дыра в небольшом каменном возвышении, уходящая в тёмную глубину.

Желая чем-то заняться, я придвинула стул к столу и начала изучать надписи, оставленные теми, кто до меня попадал в эту камеру. Это были все имена и, как я заметила, преимущественно женские. Но ни одно не могло сравниться по глубине с тем, что я случайно нашла накануне. Эта надпись находилась непосредственно под концом одной цепи, там, где кольцо врезалось в дерево. Вторично я провела по её буквам кончиком пальца.

Несомненно, «Людовика», которая провела немало времени и затратила много энергии, чтобы вырезать эту надпись, была той самой женщиной, чью историю использовали как урок неверным жёнам. Возможно, она вполне заслуживала того, что с ней случилось, однако...

Меня больше всего интересовал рисунок под именем. Теперь, когда свет из окна стал ярче, я хорошо разглядела его линии. Круг, а в нём пятиконечная звезда. Линии получились удивительно прямые для сделанных вручную. Я вполне могла бы накрыть рисунок ладонью, хотя мне не хотелось его касаться.

Вглядываясь внимательней, я увидела, что в конце каждого луча звезды нанесены более мелкие штрихи, неясные, просто каракули, но все разные. Это был явно не герб и не часть какого-то геральдического рисунка.

Осматривая стол, я выяснила, что под многими именами тоже стоят символы — в основном грубо начерченные кресты или другие религиозные знаки, сделанные небрежно, не с той аккуратностью, как знак отчаяния Людовики.

Отчаяние? Нет, как-то оно не вяжется с этой женщиной из рассказа графини. Гнев, горячий неуправляемый гнев скорее выразит то, что она чувствовала, заключённая здесь на годы, лишённая возможности поступать, как ей хочется. Я так была уверена в этом, словно давно сгинувшая курфюрстина по-прежнему расхаживала взад и вперёд по узкому пространству между окном и дверью, сжав руки в кулаки, думая только о мести, о том, как она отомстит — если сможет.

Такой яркой была эта картина, что я вздрогнула. Как будто установилась связь между прошлым и настоящим, как будто курфюрстина устремилась ко мне со своей ненавистью и нашла во мне нечто такое, что связывает нас.

Я задрожала, держась обеими руками за край стола. Да, у меня тоже имелись причина и право потребовать справедливости! Моё нынешнее положение — не моя вина, разве что следовало мне быть поумнее и поосторожнее. Но я никому не причинила вреда. Разве что...

Труда! Что, если от неё избавились только потому, что она слишком много знала? Наверное, я никогда этого не узнаю.

Я сидела, глядя на круг со звездой, символом, который... который... Я заставила себя выпустить край стола и протянуть вперёд левую руку, ту, на которой всё ещё сидело это кольцо-клеймо. Концом указательного пальца я коснулась середины звезды. Слабые линии здесь были едва заметны, но на ощупь вполне различимы. Неужели я ожидала почувствовать тепло? Это же глупо! Всего лишь воображение!

Не сознавая своих действий, я начала обводить звезду против часовой стрелки, задерживаясь над каждым символом, которые я хорошо ощущала и почти не видела. Как будто исполняла какой-то ритуал, обряд, необходимый, чтобы открыть потайную дверь...

Страх, который накануне отправил меня к кровати, я не испытывала. Прикосновения к этим линиям приносили какое-то чувственное, приятное удовлетворение. Яркое изображение разгневанной женщины померкло в сознании. Зато росло что-то другое, уверенность, вера в то, что у меня есть надежда, что найдётся выход.

Проследив рисунок до конца, я снова села на стул, сложив руки на коленях и глядя на стену, на цепи, поддерживающие доску. Снаружи они были совсем ржавые, но я не сомневалась, что под ржавчиной скрывался прочный металл. Я заметила, что они не прикреплены, а скорее зажаты между камнями. Вытащить их совершенно невозможно. И даже если я это сделаю, что мне даст короткая цепь? Она не поможет спуститься по стене и утёсу, на котором стоит крепость.

Пение... стон... я отбросила их, как попытку сыграть мне на нервах... по крайней мере стон. Но пение теперь показалось мне другим делом. Пение можно соотнести с церковью. Это крепость, тюрьма. Мысли мои перескочили на принцессу Аделаиду, грозную аббатиссу, которую я видела всего один раз. Возможно, я ошибалась насчёт своей тюремщицы. Она скорее член какого-то религиозного ордена, размещённого в Валленштейне, как ни странно это может показаться. И обет молчания сделал её немой.

В таком случае ночное пение могло быть частью обряда. Я мало знала о церкви в Гессене, о том, какие обряды тут соблюдались. Следовало ожидать, что орден, который находится под влиянием или властью принцессы Аделаиды, отнесётся ко мне без жалости. Но если я здесь не по приказу барона, можно будет попытаться заключить новый договор. Мне требовалось только доказать, что я не хочу ничего завещанного мне покойным курфюрстом, начиная с мужа. Я обнаружила, что снова пытаюсь снять кольцо — и снова безрезультатно.

День тянулся ужасно долго, и я поняла, как тяжело сидеть в камере, мучительно думать и ничего не делать. Я вспоминала свои поступки с самого начала этого злосчас-

тного приключения и видела, какую проявила глупость. Полковник... я с горечью поняла, что это человек слишком сильно воздействовал на меня. Он прямо-таки излучал уверенность, и я приняла его как гарантию своей безопасности. Мне следовало понять, какая ненадёжная это гарантия, когда он начал старательно избегать меня на пути в Гессен, оставил в обществе графини, и совершенно исчез, как только мы оказались в Аксельбурге.

Дикое ночное приключение, когда я впервые познакомилась с дедом, снова заставило меня почувствовать, что в присутствии полковника я в безопасности, что всё будет хорошо, он устранил все угрозы. Но он не смог защитить даже себя. Арестован, как сообщила графиня. Может быть, уже мёртв...

Мёртв — я вспомнила слова из-за стены. Трудно думать о смерти, когда мы сильны и молоды. Смерть — это то, что приходит к остальным, не к нам. Даже сейчас я не могла принять смерть.

Съев обед, принесённый молчаливой надзирательницей, я заставила себя лечь. Судя по свету, солнце недавно перевалило за полдень. Еда — снова густой суп, чёрствый хлеб и кувшин пива. Пиво я отодвинула и решительно потребовала воды.

Женщина не обратила никакого внимания на мои слова и стояла у двери, дожидаясь, пока я не закончу есть. Но я поняла, что моё предположение о том, что она относится к какому-то религиозному ордену, верно. Ожидая, она пропускала через искривлённые пальцы верёвку с узлами, на каждом узле задерживаясь, хотя губы её не двигались в молитве.

Когда я поела, она унесла тарелки, но кувшин оставила, с силой стукнув им о стол. Дверь закрылась. Я подозрительно помотрела на кувшин. Слишком хорошо я помнила отравленное вино. Может, и этот напиток был отравлен, чтобы привести к тому, что я слышала ночью? Возможно. Питьё было такое горькое, что могло скрыть любой посторонний привкус. Придётся на сегодня обойтись супом.

Взяв кувшин, я вылила его содержимое в дыру в углу. Пусть подумают, что я выпила.

Темнело, я закуталась в бархатное покрывало, которое использовала как шаль и которое тюремщица не забрала, когда снимала постельное бельё. Но мне ненавистно было его прикосновение, местами его покрывали пятна — словно старая грязь. Неужели оно действительно осталось от тех дней, когда тут была заключена Людовика?

Я думаю, что всё-таки задремала. Ко мне больше не приходили, и я поняла, что кормят меня дважды в день. Но теперь я была гораздо сильнее, а в голове яснее, чем накануне. Странное чувство ожидания разбудило меня в темноте. Я не могла сказать, который час. Ночь стояла очень тёмная, и прошло какое-то время, прежде чем я разглядела окно.

И тут оно началось — то же далёкое пение за стеной. Оно становилось всё громче. Я представила себе процессию женщин, несколько последовательниц ордена, забытого миром. Они проходят ночным путём к часовне. И их путь пролегает прямо за моей стеной.

Внимательно прислушиваясь, я решила, что слышу только один голос, а не хор. Неужели моя тюремщица в темноте обретает дар речи, чтобы исполнить ритуал, который наполняет значением её дни?

Я лежала на койке у самой стены. И на этот раз не стала колотить кружкой. Бесполезно. В ответ я получу только насмешку. Поэтому я не уходила со своего места. Этот звук, пусть непонятный, означал, что я здесь не одна. Ведь до сих пор я слышала только свой собственный голос.

Пение оборвалось, не резко, как накануне, когда я застучала, а так, словно ритуал закончился. Наступила тишина, густая тишина ночи, даже ветра за окном не было слышно.

Потом — звук, в самой комнате, где я находилась. Я протянула руки и схватилась за край стола. Он сдвинулся! Щелчок. И...

Свет, слабый, дрожащий, но он ослепил мои глаза, привыкшие к темноте. Появилась светлая линия над под-

весной доской, высоко, так что мне пришлось закинуть голову. Линия стала шире, размером с мою ладонь, ещё шире. Камни отодвигались, образуя отверстие, не как дверь, но всё же отверстие, сквозь которое я могла видеть — как в окно. Но это окно было гораздо шире того, что в моей камере.

Глава четырнадцатая

Источник света мне не был виден. Зато в полусвете-полутени окна показалось лицо в обрамлении вуали, которая отчасти закрывала лицо. Сквозь туманный покров я увидела широко раскрытые тёмные глаза, полуоткрытый рот. И это была вовсе не старуха-тюремщица. Лицо принадлежало молодой девушке, почти ребёнку.

Мы смотрели друг на друга сквозь отверстие, а потом она подняла источник света — канделябр с двумя свечами, чёрный, странно изогнутый, старинной работы, от свеч исходил острый аромат, не такой густой, как церковный ладан, но приятный, особенно в затхлом воздухе моей камеры.

— Смерть... — губы её искривились, она произнесла это слово со свистящим акцентом.

Я не знала, какова её цель, но она была так молода, так не похожа на мою тюремщицу. И я резко ответила:

— Вздор! — не могу сказать, почему я выбрала именно это слово для ответа своей странной ночной посетительнице. Но эффект его оказался поразительным. Она стояла удивлённая, явно не зная, что делать дальше.

— Не знаю, зачем ты пытаешься испугать меня... — продолжила я тем же тоном. — Кто ты и что здесь делаешь?

Я видела, как в тени вуали она провела языком по губам.

— Смерть.. — это слово я поняла. Но потом она начала нести какую-то галиматью, и я даже немного отступила назад, почти уверенная, что передо мной сумасшедшая.

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — я старалась говорить как можно более спокойным голосом. Нельзя

возбуждать сумасшедших, подсказало мне какое-то воспоминание.

Теперь я видела обе её руки. Одна из них, которая не держала подсвечник, совершала странные медленные жесты, как будто ловила пальцами что-то в воздухе, скатывала это невидимое и бросала в меня. Я действительно не понимала, что она делает. Но она, пусть и сумасшедшая, знала тайну отверстия в стене. Вероятно, здесь могла открыться возможность бегства. Поэтому я должна была постараться узнать как можно больше.

— Как тебя зовут?..

Она гордо вскинула голову.

— Людовика! — ответ прозвучал словно титул, который ставит её гораздо выше остальных смертных.

Но я не хотела признавать, что меня посещает дух давно умершей женщины. С другой стороны, подыграть ей, — возможно, было единственным способом сохранить её внимание и благодаря этому узнать путь к бегству.

Она выжидательно смотрела на меня. Потом неожиданно отбросила высокомерный вид: лицо её стало гораздо человечней.

— Не веришь? Ты ведь не боишься? — спросила девушка высоким и очень молодым голосом; она была ещё совсем близка к детству.

Надо рискнуть, решила я.

— Ты играешь в Людовику. Да, в это я верю, — осторожно ответила я. Она рассмеялась, почти злорадно.

— Хорошая игра. А остальные верят. Должны верить... У меня есть в л а с т ь, — она уверенно кивнула. — У н е ё была власть — она могла колдовать, даже убивать. Я знаю... Её закрыли здесь... там же, где тебя... но не смогли удержать... ненадолго. О н а смогла заставить их сделать, что ей нужно... и ушла... А они решили, что её забрал дьявол... что он отпустил её назад. Но это я... я делаю то, что о н а хочет... пугаю их. Я учусь... узнаю многое... а когда буду знать достаточно, они будут бояться м е н я, как боялись е ё. Но... — она чуть наклонила голову набок, разглядывая

меня, не зло, а скорее с любопытством. — Но ты не боишься. Разве ты мне не веришь?

— Я верю в то, что вижу, — ответила я. — Если у тебя есть власть Людовики, а она смогла уйти отсюда, используй эту власть и выпусти меня.

Я увидела, как губы её изогнулись в улыбке. Снова на лицо вернулось злое выражение. Свободной рукой она сделала нетерпеливый жест, отбросив вуаль с лица. Да, она была очень молода.

— А почему ты здесь? — спросила она. — Ты похожа на Людовику, тебя боятся? Ты умеешь колдовать?

— Да, меня боятся, — согласилась я. — А что касается колдовства... — я пожала плечами. Не было причины говорить «да» или «нет». Я была уверена, что она скорее поможет мне, если я не отвечу на этот вопрос.

— Как Людовика! — девушка кивнула. — Я так и подумала, когда увидела, как тебя привели сюда. К тебе приставили сестру Армграду, она не разговаривает. И потому они решили, что она никому не расскажет. А что ты с ними сделаешь, с теми, кто отправил тебя сюда? Заколдуешь?

— Постараюсь посильнее испортить им жизнь, — заверила я её. Волшебство не имеет к этому отношения, но стоит мне выйти на свободу, и я кое-что совершу в Гессене. Я надеялась, это принесёт мне безопасность и хоть в малой мере возместит то, как поступили со мной.

Моя посетительница снова рассмеялась.

— Хорошо! Ты мне нравишься. Ей бы ты тоже понравилась. Ты не боишься и хочешь ответить ударом на удар! Она всегда этого хотела — сражаться! — последнее слово девушка произнесла свирепо, словно и ей предстояла битва, в которой она намеревалась победить. — Хорошо. Я тебе помогу. Не могу открыть шире. Сможешь пробраться?

Отверстие было не очень широкое, но если снять громоздкое платье, которое оставила мне тюремщица, а может, ещё и нижнюю юбку, вероятно, пролезть удастся. Раздеваясь, я спросила:

— А что там?

— Один из ходов. Узкий, — предупредила она. — Но ты пройдёшь — я уверена.

Сняв платье и юбку, я свернула их вместе. Потом залезла на висячий стол. Девушка отошла в сторону. Я её не видела, пока не просунула голову и плечи в отверстие. Проход, в котором она стояла, действительно был узок. Стоило лишь немного вытянуть руку вперёд, и мои пальцы упёрлись в противоположную стену. Я с трудом протиснулась, спрыгнула и подобрала свёрток с платьем.

Моя гостя презрительно приняхалась.

— Обноски сестры Армграды! Фу, от них воняет! Не надевай это платье. Тут есть места, где тебе, — она критично оглядела меня, — придётся проходить боком. — Должно быть, и собственное платье причиняло ей немало хлопот в этих узких местах. Вуаль доходила ей до пояса, под ней девушка носила платье иных времён. В слабом свете ароматных свечей видно было только, что оно светлое, неопределённого цвета, прошитое металлическими нитями, образующими сложный рисунок. Корсет с глубоким декольте еле удерживался на её худых девичьих плечах и узкой талии. Зато юбка была очень широкая.

Шею охватывало ожерелье, как будто из жемчуга, и такие же серьги покачивались в ушах. В платье чувствовалось какое-то поблекшее великолепие, словно это была тень придворного платья прошлых времён. Да, времён Людовики. Девушка так вошла в роль, что где-то отыскала эту увядшую красоту. Тело её ещё не приобрело округлости зрелости, маленькая грудь терялась под линией корсета, а кожа голых костлявых рук казалась чуть грязноватой. Волосы под вуалью были свободно перевязаны, имитируя аккуратные завитки придворной причёски, концы их спускались на плечи. Хорошо разглядев меня через окно, теперь девушка держала свечи чуть выше и ближе к стене. Я увидела, как пальцы её схватились за выступ в стене и потянули его вниз. Снова послышался скрежет, отверстие в стене исчезло. Я не поверила бы, что оно существует, если бы не видела собственными глазами.

Отвернувшись от стены, девушка оглянулась через плечо и снова улыбнулась, подобрав свободной рукой широкую юбку.

— Разве я не настоящий призрак? — спросила она. — Добрые сёстры — их здесь три, — знаешь ли, все старухи; они сами скорее похожи на ведьм, чем та, которую они считают ведьмой. Так вот, они заставляют отца Хормана молиться, прыскать святой водой и всё прочее. А теперь стараются сделать вид, что меня вообще нет. Закрывают глаза и молятся так громко, что можно подумать, будто сдвинутся камни стен. Ну, пусть немного подождут! Я узнаю то, что знает о н а, и тогда у них будет о чём помолиться!

Она ещё выше подняла подсвечник и пошла по узкому коридору. Ей приходилось слегка поворачивать и подбирать одной рукой юбку, чтобы пройти. Я тоже приподняла юбку, убедилась, что свёрток с золотом не выпал, и завернулась в платье как в шаль. Проводница моя оказалась права: хоть я и худа, в некоторых местах проходить было нелегко.

Какое-то время проход шёл прямо, внутрь и в сторону от внешней стены. Нам встретилось ещё одно узкое место, и я удивилась, как легко удалось девушке миновать выступающий из стены камень. Наверное, она уже не раз пробиралась по этим проходам.

Кто она? Ещё одна пленница, сумевшая каким-то образом узнать тайну крепости и по ночам делать вылазки из своей камеры? Я не была в этом уверена: молодость и платье, надетое на неё, говорили, что у неё имеется доступ в такие части замка, куда пленница попасть не может.

— Смерть... смерть!.. — слова прозвучали как крик безумца. Девушка замолчала, прислушалась, и я заметила у неё на лице выражение озорного злорадства. Но если она и ждала какого-то ответа из-за стены, то была разочарована. Немного погодя она пожала плечами и двинулась дальше. Но я, проходя мимо этого места, разглядывала стену, и мне помог свет удалявшейся свечи. Я разглядела такой же выступ, как тот, при помощи которого она открыла окно в

мою камеру. Ещё одна камера? Другой пленник? Кто? И почему этот несчастный здесь?

Пришлось поторопиться, чтобы не отстать, потому что проход немного расширился, девушка выше подняла юбку и ускорила шаг. Потом появилась лестница, ведущая вверх, такая крутая, что я всё-таки отстала, опасаясь потерять равновесие, в то время как девушка поднималась, не замедляя хода.

Мы поднялись ко второму проходу, который уходил совсем в другом направлении. На полпути девушка внезапно остановилась и снова повернулась к стене. Когда я подошла, то увидела щель и в ней слабый свет. Моя проводница немного посмотрела, потом отступила в сторону и знаком велела мне встать на её место. Я с высоты увидела какую-то большую комнату, не камеру и не картину прошлого. Длинный стол со скамьями по обе стороны. На них сидели мужчины в мундирах, пили из кубков, один или два даже читали газеты! У стен располагались стойки с мушкетами и другие предметы, которые я сочла принадлежностями казармы. Сидевшие внизу разговаривали, но до нас доносился только глухой гул.

Моя проводница снова двинулась вперёд, и я заторопилась за ней. Она как будто решила больше не играть. Потом одна из стен, мимо которой мы проходили, прервалась деревянной панелью. По-видимому, мы добрались до той части крепости, которая предназначалась для более удобного обитания. Коридор кончился, девушка прильнула к какому-то глазку и некоторое время смотрела в него.

Потом задула свечи, оставив нас в полной темноте. Я услышала слабый шум у стены, панель скользнула в сторону, и девушка прошла в отверстие, поманив меня за собой.

Комната, в которой я оказалась, так же отличалась от камеры, как та спальня, в которой я потеряла сознание, прежде чем очнуться здесь. Мебель и обстановка походили на ту, что была в моей комнате в Аксельбурге. И здесь стояла огромная кровать на помосте под пологом, массивные стулья, гобелены на стенах. Но ни следа обитателей.

Моя проводница быстро прошла к шкафу, который возвышался в углу. На столе горела одна свеча. Идя вслед за девушкой, я заметила, что дверь перекрыта массивным брусом. Крепость внутри крепости. Моя проводница позаботилась, чтобы ей не помешали.

Не обращая на меня внимания, девушка достала одежду из шкафа, бросила на ближайшее кресло и принялась растёгивать крючки и развязывать подвязки на своём платье. Она привычно сняла его и надела другое, с высоким воротником и широкими белыми муслиновыми рукавами. Возможно, не самой последней моды, как в Аксельбурге, но достаточно близко к ней для провинции. Потом она расчесала волосы и превратилась в молоденькую девушку. Причёска не очень подходила к её худому лицу. Но теперь она первязала волосы широкой лентой и стала вполне соответствовать своему подростковому возрасту, хотя лицу не хватало выражения невинности, какое обычно бывает у девочек.

Со снятым платьем она обращалась с большой осторожностью, повесила его в шкаф, поверх набросила вуаль. И наконец повернулась ко мне. Тем временем я тоже надела грубую одежду, оставленную мне тюремщицей.

Несмотря на молодость, моя проводница владела ситуацией. Она села в кресло, на котором раньше лежала одежда, пододвинула под ноги скамеечку.

— Кто ты? — девушка задала вопрос резко, с таким выражением, словно ей редко приходилось встречаться с возражениями. — О тебе сказали, что ты сумасшедшая, — её глаза, лучшая черта лица, большие и блестящие, чуть сузились. — Я им не верю. Не поверила, когда вчера ночью ты ударила в стену. Ты не испугалась... Но кто ты? И почему ты здесь?

— Я Амелия Харрач. А почему здесь — сама не понимаю.

— Харрач, — медленно она повторила. На лице её отразилось удивление. — Но это имя курфюрста, его собственное имя. А ты не принцесса, я видела её однажды. Толстая старуха! — она презрительно сморщила нос. — Ты

важная особа, иначе тебя не прислали бы сюда. Здесь держат только тех, кому нельзя разговаривать. А о чём ты не должна говорить?

— А ты кто? — в ответ спросила я. То, что она свободно бродит по замку, доказывало, что она не пленница. Девушка поджала губы, чуть склонила голову набок и посмотрела на меня с хитрым выражением.

— Я Лизолетта фон Ренч. Мой отец здесь комендант. А это, — она указала на пыльную комнату, в которой мы сидели, — комната принца Франзеля, который был сумасшедшим. Так сказали, когда давным-давно объявили курфюрстом его младшего брата, — она внимательно смотрела на меня, явно ожидая, как я приму эту древнюю историю. — У него не было силы, понимаешь, поэтому он и умер здесь, на этой самой кровати. Говорят, его отравили. Но ему устроили роскошные похороны, после чего младший брат почувствовал себя на троне в безопасности, и всем было всё равно. А те, кому не всё равно, понимали, что нужно молчать. Но почему ты здесь? Ты принцесса и заключена здесь, потому что угрожаешь новому курфюрсту? — она не дала мне возможности ответить, так как немедленно заговорила снова.

— Мне ничего не рассказывают, понимаешь? Но я узнаю сама, да! — она резко качнула головой вверх и вниз. — Я давно поняла, что если сделать вид, что интересуешься только самыми будничными вещами, только своими делами, люди забываются и иногда начинают говорить. И ещё — после того как у меня начались сны... — она неожиданно замолчала и прикрыла рукой рот. И несколько мгновений казалась испуганной и встревоженной. Потом чуть задрала подбородок, к ней вернулась уверенность, которую она демонстрировала в проходах.

— У меня есть свои способы узнавать. Тебя привезли тайно, ночью, и сказали, что ты больна, сошла с ума. О тебе будут заботиться сёстры. Но если это правда, то тебя скорее отвезли бы в дом в Спикенхоче, где держат тех, кто на самом деле свихнулся. У нас был стражник, с которым

такое случилось. Он заявил, что должен убить медведя, который живёт в длинной галерее, но, конечно, никакого медведя там не было. Я думаю, о н а заставила его увидеть медведя. О н а хотела проверить свою с и л у... — девушка снова неожиданно замолчала.

— Но ты не сумасшедшая, и тебя зовут Харрач. Так почему ты здесь? Ты должна мне сказать, понимаешь? — она буквально излучала уверенность не юной девушки, а человека, который испытал свои силы и знает, как ими пользоваться. Но меня это не обнадеживало. Я думала, насколько правдивы её слова и можно ли положиться на неё. Она нахмурилась, и хотя продолжала смотреть на меня, у меня сложилось впечатление, что она думает о чём-то другом, более интересном для неё.

— Я знаю, это о н а послала меня к тебе, — пробормотала девушка, как будто думала вслух. — Но ты Харрач, и у н е ё есть достаточно оснований не желать тебе добра...

— Твоя о н а — курфюрстина Людовика? — то, что Лизолетта говорила о давно умершей женщине как о связанной с событиями сегодняшнего дня, ясно свидетельствовало, что разум у неё не в порядке.

— Конечно! По её... Но мне не следует говорить тебе это. Разве ты не рада, что я выпустила тебя из твоего ящика? Если о н а хочет тебя использовать, мы должны узнать как. Итак, почему ты здесь?

— Не знаю. Наверное, всё дело в том, что покойный курфюрст кое-что оставил мне. Я думаю, меня будут держать здесь, пока не заберут это.

— А кто твои враги?

Я могла назвать двоих, хотя то, что графиня и барон сумели отправить меня в королевскую крепость, меня удивляло. Какую роль в этой игре исполнял отец Лизолетты? Может, он друг или союзник барона, готовый помочь ему? И если я скажу об этом, какова будет реакция девушки?

— Я знаю двоих, — медленно ответила я, решив других

подозрений не высказывать. — Одна — графиня фон Црейбрюкен, другой — барон фон Вертерн.

Выражение лица Лизолетты не изменилось.

— Ах, они, — она махнула рукой. — Никогда не слышала. После смерти курфюрста будет много перемен. Я подслушала разговор отца со старшими офицерами. Новый курфюрст — его мало кто хорошо знает. Он очень долго отсутствовал. Но приказы пришли, и отец понимает, что им лучше подчиниться. Когда присылают человека, он ему подчиняется. Я думаю, так бывает всегда, когда умирает один правитель и воцаряется другой — все боятся, а кое-кто всё теряет. Её друзья потеряли многое — жизнь!

Неожиданно совсем не детский гнев исказил её лицо.

— Да, те, кто лучше всех служил ей, были убиты! А она оказалась отрезанной от всех, кто ей мог помочь. Ей пришлось долго ждать, пришлось ждать меня!

Гневное выражение исчезло, сменилось таким, какое бывает у преклоняющихся перед божеством.

— Да, — продолжала она, — она использует тебя. Хотя ты и Харрач. Это правда, иначе она не послала бы меня к тебе. Ну, вот, — она решительно вскочила на ноги. — Ты должна остаться здесь. Не бойся, тебя не найдут, — у неё снова появилась хитрая улыбка. — В эту часть крепости никто не ходит. Слишком много тёмного рассказывают о том, что здесь случилось. И я тебе кое-что покажу. На всякий случай. Когда обнаружат, что тебя нет, они могут искать тщательней, чем обычно. Смотри внимательно!

С видом гувернантки, наставляющей не слишком умного ученика, она взяла единственную свечу и поманила меня к той части стены, из которой мы вышли. На панели были вырезаны геральдические животные, гротескные и неприятные.

Лизолетта пальцем нажала на выпуклый глаз одного грифона, и в ответ панель отодвинулась.

— Это легко, видишь? Я должна идти. А ты оставайся здесь. Мы увидимся, когда можно будет. Не закрывай дверь.

— А свеча? — спросила я, когда она повернулась, собираясь выйти.

Девушка нахмурилась. Потом наклонила свою свечу к другой, небольшому огарку на соседнем столике. Ни слова не добавив, она сняла брус с двери и выскользнула в коридор, в конце которого я заметила слабый отблеск света, оставив меня одну в этой зловещей комнате.

Я долго ждала, вслушиваясь в малейшие звуки. В самой тишине чувствовалось какое-то напряжение. Потом обошла комнату со свечой в руке. Судя по массивной мебели, эта комната, во много раз просторнее моей камеры, предназначалась для важного гостя или пленника, с которым обращались, как с гостем.

Но в ней давно никто не жил. Пол был подметён, но кровать покрывал толстый слой пыли, сильно пахло плесенью и разложением. Я обнаружила два окна за тяжёлыми грязными занавесями. Оба были гораздо шире прорези в моей камере, но их закрывала прочная решётка, укреплённая в камне. В темноте снаружи я ничего не увидела.

Я открыла шкаф и просмотрела его содержимое. Платье, в котором Лизолетта играла роль привидения, оказалось не единственным. Рядом висело ещё одно, тоже старинное, но алого цвета. А внизу стояли несколько пар туфель, все на высоких каблуках. Я коснулась алого платья. Оно было сшито из дамаска, гораздо более плотного, чем современные ткани. Неужели оба платья принадлежали исчезнувшей Людовике?

Внизу рядом с туфлями стояло кое-что ещё — шкатулка, похожая на книгу. В старинных церквях иногда можно увидеть такие библии. Но это была шкатулка. С одной стороны петли, с другой — небольшой замок. А крышку у неё действительно сделали так, чтобы она напоминала переплёт ручного тиснения. Только на ней был изображён не крест, как на библии, а тот же символ — пятиконечная звезда в круте, ярко-красный, словно недавно его подновили или время его не коснулось. Сама же книга-шкатулка производила впечатление очень древней.

Я достала её, чтобы получше рассмотреть. Попыталась поднять крышку. Но замок выдержал, не получилось. Поставив свечу, я приподняла шкатулку. Тяжёлая и явно не пустая. Я потрясла, внутри что-то загремело. Ещё одна вещь Людовики, может, та, что так приковала к себе сознание Лизолетты?

Я поставила шкатулку на месте и закрыла шкаф, потом села и попыталась разобраться в случившемся. Я освободилась из своей камеры. И не только освободилась, но и узнала о существовании потайных ходов в стенах, где можно прятаться, если меня начнут искать.

С другой стороны, моя свобода целиком зависела от капризов девушки, которая, даже если и не душевнобольная, то явно близкая к этому состоянию. Откуда мне было знать, что в этот самый момент она не рассказывает обо мне отцу? Но тогда зачем бы ей было приводить меня сюда из камеры? И её ночные прогулки — она явно не впервые играла в привидение — были бы давно обнаружены.

Нет, скорее всего, пока я в безопасности. Лизолетта меня не выдаст. Я постаралась вспомнить всё, что она говорила. По-видимому, она верила, что её действиями кто-то руководит, что она исполняет желания давно умершей женщины. Другими словами, она, согласно старинным представлениям, одержимая. Но если она верит, что ей велели освободить меня, может быть, мне удастся убедить её вывести меня не только из камеры, но и из самой крепости.

Я устала, сон, с которым я так упорно боролась раньше, обволакивал разум. Но решусь ли я уснуть? Однако обходиться без отдыха тоже невозможно. Я посмотрела на кровать и уступила требованиям тела. Легла и вытянулась на ней.

Глава пятнадцатая

Проснулась я, окружённая сумрачным серым светом. Было не так темно, как в моей келье ночью, но и на день не походило. Я села на кровати и глотнула раз, другой.

Горло и рот словно забило пылью. Многое я бы отдала в тот момент даже за горькое пиво, которое приносили мне в камеру.

Теперь я могла видеть лучше и заметила, что свет пробивался с противоположной стороны комнаты, из-за древнего занавеса, который не открывали много лет. Даже в чулках я чувствовала ногами грязь на полу, хоть и не видела её. И была уверена, что каждым шагом поднимаю облака пыли. Но я добралась до закрытой занавесью стены и осторожно отогнула край древней ткани, которая поползла под руками по швам. И тут же мне в глаза ударил ослепительный свет дня.

Стоял день; это окно было гораздо шире того, через которое я пыталась посмотреть раньше. Передо мной открылись не окрестности замка, а двор, полностью окружённый высокими стенами. Две двери, одно в левом от меня крыле, а другое прямо напротив, других входов в это внутреннее пространство я не увидела. Обе двери были закрыты, и я не заметила никаких признаков жизни за тёмными окнами, попавшими в поле моего зрения.

Поняв, в каком состоянии занавес, я старалась не очень тянуть за него. Того, что я увидела, оказалось достаточно, чтобы понять: я перешла из одной тюрьмы в другую. Окно передо мной тоже перекрывала решётка. Но увидеть день, увидеть солнце, лучи которого пробивались во двор, — это меня подбодрило. Я оставила небольшую щель, чтобы благословенный свет мог проникать в комнату.

Хотя дверь осталась открытой, я опасалась выйти. Но мне хотелось есть и пить, а я не была уверена, что у Лизолетты будет желание или возможность принести мне еду и питьё.

Я не могла определить по свету, который сейчас час. Наверное, должно быть около полудня. Заключение здесь оказывалось немногим лучше, чем в моей келье. Обнаружили ли уже моё отсутствие? Скорее всего. Значит, идут поиски. Лизолетта считала, что сюда не придут, но я не доверяла её уверенности. И поэтому снова принялась осматривать комнату.

Конечно, в случае чего я могла уйти в проход, как она показала мне. Но свеча, которую девушка оставила мне, почти догорела, а уходить в тёмный лабиринт в стенах совсем без света — я решила сделать это только при крайней необходимости. Неуклюжая тяжёлая мебель стояла тут не менее двухсот лет, может, и больше. Я подумала, что если кто-нибудь попытается отдёргнуть полог кровати, тот просто распадётся, настолько он истлел от временем. Шкаф не обещал никакого укрытия. Нет, всё-таки придётся уходить в проход, хоть и без света.

Вопреки своему желанию, я постоянно возвращалась к наблюдательному пункту у окна. Если Валленштейн обыскивают, это как-то проявится. Рано или поздно я должна была кого-нибудь увидеть за окнами или во дворе. Но сейчас я смотрела словно на покинутые руины, не было даже птиц в небе.

Наконец я подтащила к окну стул — где свет придавал мне уверенности — и села, собираясь снова привести мысли в порядок. Мне требовались еда и — что гораздо важнее — питьё. Потребности тела не давали думать. Поэтому мне придётся покинуть это место и углубиться в коридоры, которых я не знала, и где меня легко опознает первый же обитатель крепости, которого мне не повезёт встретить.

Я могла вернуться в свою камеру и ошеломить тюремщицу своим внезапным появлением, но выход снова будет для меня закрыт, как только исчезнет отверстие. Если бы у меня была свеча, я смогла бы отыскать замок.

И ведь здесь могут существовать и другие ходы, кроме того, что ведёт к камерам. Камеры! Я вспомнила, как Лизолетта второй раз играла роль привидения. Как она кричала «Смерть... смерть...» перед другим участком стены. Может, там другая камера, жилище другого пленника? Если так, то кто она... или он? Какие ещё враги государства (если меня к ним относят) заключены здесь?

Предположим, я сделаю для этого неизвестного то, что Лизолетта сделала для меня. Найти спутника в беде... союзника, который сможет помочь...

Я вздрогнула и стремительно повернулась. В комнате стояла такая тишина, что раздавшийся звук прогремел, как колокола, возвестившие смерть курфюрста в Аксельбурге. Вначале я не могла определить источник... скрип... звон металла о металл...

Я пробежала по комнате, положила руку на зверя, охраняющего вход в туннель, и застыла, тяжело дыша. Какое-то время я колебалась, потом решила не выходить, пока не узнаю больше.

Звук стал громче... он казался странно знакомым!..

Я еле сдержала восклицание. Этот звук я слышала раньше, так слуга царапает дверь, прося разрешения войти. Это был вовсе не требовательный стук. Я оставалась на месте, глядя на дверь. Но ничего не говорила, не разрешала входить.

Тяжёлая дверь распахнулась внутрь. Увидев стройную фигуру, я успокоилась. Лизолетта змейкой проскользнула в щель, быстро закрыла дверь и застыла, прижавшись к ней спиной, обшаривая комнату взглядом.

Она принесла с собой небольшую корзину. Поставила её на пол, пересекла комнату, лёгкая, как призрак, роль которого играла по ночам, остановилась передо мной и вопросительно посмотрела мне в лицо. Убедившись, что это я, она коротко кивнула и указала на корзину.

— Еда, питьё, — проговорила она шёпотом. Потом молча рассмеялась, рот её искривился в коварной злой усмешке. — Сёстры молятся, они считают, что тебя унёс дьявол. Отцу они ещё не сказали. Никому не говорили. Хорошо, что правила не разрешают им заходить в эту часть замка. Я думаю, они боятся — боятся сообщить, что ты исчезла. Они так уверены, что о н а принадлежала дьяволу, что беспрестанно заклиная её молитвами. Поэтому-то они и появились здесь впервые много лет назад. Их прислали, чтобы они следили за ней, чтобы не давали своими молитвами и крестами приблизиться к ней дьяволу. Но о н а оказалась сильнее их.

Обнаружив, что о н а исчезла, её объявили мёртвой. Мёртвой! — Лизолетта покачала головой. — Какие они

дураки! Откуда им знать, что может о н а сделать, когда пожелает. Говорили, она мертва. Но сами знали, что это не так. Они остались тут, им приказали остаться, чтобы связать её своими вечными молитвами. А теперь скажут, что и ты мертва.

Она снова рассмеялась.

— Не правда ли, всё хорошо получается? Скоро моему отцу сообщат, что пленница умерла от лихорадки и что её похоронили в склепе. Отец будет доволен, потому что это тайное дело, а тот, кто знает слишком много тайн, должен ожидать неприятностей. Так что можешь не бояться...

— Лизолетта!

Девушка так далека от реальности, подумала я с дрожью. Я всегда боялась потерявших рассудок. Она жила в своём особом мире ночи и собственных поступков.

— Лизолетта!

Должно быть, мой резкий тон прорвал оболочку её одержимости, потому что она посмотрела на меня с более осмысленным выражением.

— Хорошо, что меня ещё не ищут, — я наделась, что она говорит правду. В её словах был смысл. Причина, почему о моём отсутствии ещё не доложили, — страх моих тюремщиц и суеверия. Если это на моей стороне... Но сколько они будут молчать о моём побеге? Я не могла принять блаженную уверенность Лизолетты, что это продолжится достаточно долго. А если те, кто упрятал меня сюда, придут за мной? Ведь им по-прежнему требовалось получить от меня то, что им нужно. Вряд ли графиня и барон поверят в мою смерть, если не получат доказательств.

— Тебя не будут искать, — снова кивнула Лизолетта. — Ты можешь их послушать! Они молятся так громко, что звенят стены их проклятой часовни! Как о н а смеялась, когда они пытались избавиться от н е ё молитвами!

Девушка снова ушла в свой фантастический мир.

— А я здесь единственная заключенная? Вчера ночью... ты прокричала «смерть» у одной стены, — я попыталась отвлечь её от мысли, что Людовика вмещивается в настоящее. Ведь несчастная давно мертва.

— Он здесь. Но о н а им не интересуется. У н е ё есть я. И тебя о н а использует. Он е й не нужен...

— Кто он?

— Военный... его привезли из Аксельбурга... друг курфюрста... старого курфюрста... — её нетерпение становилось всё сильнее. — Е й не нужны такие друзья! Он такой же, как те, что причинили ей вред, когда она была знатной леди... до того, как она овладела всей силой. Он ей не нужен...

Военный из Аксельбурга, друг покойного курфюрста?.. Полковник Фенвик? Я не могла быть уверенной. Повидимому, склонить на его сторону Лизолетту невозможно. По крайней мере не сейчас. Но если это он... и если его можно освободить... Я должна подыграть Лизолетте, пока не смогу передвигаться самостоятельно.

— Ты уверена, что она хочет, чтобы я для неё что-то сделала? — следовало соглашаться с Лизолеттой.

Девушка энергично кивнула.

— Я должна идти. Меня будет искать фрау Спансферт. Она боится, что отец отошлёт её, если она не будет всегда знать, где я. Но боится сказать ему, что обычно не знает. А он занят своими делами, так что можно об этом забыть. Он обучает солдат, проверяет счета. А камеру военного уже трижды навещал сегодня. Я думаю, он не знает, кто его нынешний хозяин, и не хочет потерять своё место... оно ему нравится.

Она говорила об отце высокомерным презрительным тоном. Но её слова о том, что комендант Валленштейна беспокоится, не очень обнадеживали. Дочери это ничем не угрожает. Но мне... Я ведь не имела возможности, как она, погрузиться в мир фантазии.

— Мне нужны свечи, — сказала я, обдумывая свои будущие действия.

— В корзине. Вечером принесу тебе ещё еды. Мы пойдём к н е й вместе.

Неожиданно девушка повернулась и оказалась у двери, прежде чем я сумела поднять руку или окликнуть её. Я с беспокойством прошла за ней и подняла брус, которым она

накануне закрывала зловещую комнату изнутри. Убедившись, что зверь закрыта, я принялась рассматривать содержимое корзины.

В ней нашлось много хлеба и сыра, а также бутылка воды. Я была довольна: мне не хотелось ни вина, ни горького пива. Вдобавок четыре свечи, толстые, какие обычно зажигают на каретах, завёрнутые в обрывок газеты. Я расправила газету и обнаружила, что она давностью в несколько дней, в ней описывались торжества по случаю предстоящего приезда нового курфюрста и планы погребения его предшественника в склепе собора, построенного их далёким предком, грозным Акселем.

Утолив голод и жажду, я принялась думать о проходах и о том, что нужно убедиться, что пленник, о котором говорила Лизолетта, это полковник Фенвик. Если он под постоянным присмотром охраны, увести его в тайный проход рискованно. С другой стороны, мне вовсе не хотелось ещё глубже погружаться в фантастический мир Лизоветты, на что она намекнула перед уходом. Незвестно, когда девушка обернётся против меня, если я перестану потакать её вере в «силу» покойной курфюрстины. А рядом с полковником Фенвиком я смогу противостоять кому угодно, даже всему Гессену — и самому дьяволу, который как будто участвует в местных интригах.

Я обнаружила, что свечу можно поставить в старый железный подсвечник, высокий и неуклюжий, но по-прежнему прочный под слоем ржавчины. Рядом лежало старомодное огниво, которое, должно быть, использовала Лизоветта в своих ночных путешествиях. С его помощью я зажгла свечу и приготовилась к путешествию по потайным путям в стенах, сняв неуклюжее платье и закутавшись в его складки, как в шаль. Потом нажала на глаз зверя, последовал негромкий звук, и панель передо мной раскрылась.

Когда панель закрылась за мной, я на мгновение испытала панику, острую, как приступ боли. Однако, повернувшись, увидела на стене внутренний затвор, обозначающий с этой стороны отверстие. Я не была навечно

закрыта здесь, хотя поход по путям потребовал от меня всей силы духа.

Возвращалась я той же дорогой, по которой мы шли с Лизолеттой накануне. Снова остановилась и заглянула в зал стражи. Здесь по-прежнему находились люди, правда, меньшее число, чем в прошлый раз. Перед ними стоял офицер. Очевидно, он осматривал группу из четырёх солдат, которым предстояло идти на дежурство. Плотного телосложения человек, краснолицый, с короткими щетинистыми седыми усами, хотя брови у него были чёрные, как и волосы на голове под шлемом с высоким гребнем. Он рассказывал взад и вперёд перед небольшой группой солдат, нетерпеливо топая, и вся его фигура выдавала раздражение или какую-то тревогу. Его явно тревожило нечто большее, чем защита этой крепости.

Комендант? Я не нашла сходства между этим человеком и худым лицом и большими глазами Лизолетты. Этот человек совсем не походил на привидение.

Я услышала гул голосов. Возможно, офицер распекал подчинённых. Смысл слов до меня не доходил. Но вот все повернулись и вслед за топающим предводителем вышли с неуклюжими движениями механических игрушек. Комната опустела.

Мой глазок располагался гораздо выше пола, и с этой стороны в стене не было никаких выступов. Определённо, выхода туда не предусмотрели, да и смысла выходить тоже не было. Этот зал раньше служил чем-то иным, не комнатой стражи, потому что под сводчатым потолком проходили резные балки, украшенные геральдическими щитами, изображения на которых совсем стёрлись.

Стойки с оружием располагались на возвышении, в остальном на голом полу стояло совсем немного грубой мебели (такую можно встретить в трактире, где собираются крестьяне). Но мне показалось, что когда-то это была комната для сбора придворных.

Я добралась до лестницы и спустилась по ней как ребёнок, который ещё неуверенно держится на ногах.

Ступеньки показались ещё круче, чем накануне, и мне очень не хватало перил, за которые можно было бы ухватиться.

Так я добралась до нижнего коридора и, держа перед собой свечу, принялась разглядывать стену в поисках выступа, который обозначал вход в другую камеру, у которой останавливалась Лизолетта в своей игре в привидение. Выступ оказался на месте, и я положила на него руку. Если бы знать, кто там!

Слова Лизолетты о том, что её отец часто навещает пленника, удержали меня от немедленного нажатия на замок. Допустим, я ошиблась и за стеной не Фенвик, а какой-то незнакомец, который с готовностью воспользуется мной, чтобы договориться с тюремщиками, выдаст меня и тем обеспечит себе какие-то льготы? Валленштейн очень скоро вырабатывает недоверие к людям. Мне удивительно повезло, что каким-то образом моё появление совпало с фантастическими представлениями девушки. Но можно ли надеяться, что и дальше мне будет так везти?

Следовало дожидаться ночи. Но тогда вернётся Лизолетта. Я в нерешительности прижалась к стене, приложила ухо к камню в надежде что-нибудь услышать. Я ведь из своей камеры слышала вой Лизолетты, а она, в свою очередь, слышала стук кружки.

Затаив дыхание, я прислушалась. Наверное, где-то между камнями были щели, которые позволяли проходить звуку, хотя глазка здесь не сделали. Я слышала стук, так стучат каблуки о камень. Кто-то расхаживал взад и вперёд.

Никаких голосов, ничего, кроме этого звука — как часовой на посту. Часовой?.. Может, у пленника сторожат прямо в камере? Неужели тревога коменданта выразилась в такой предосторожности?

Что мне делать? Если бы я могла убедиться...

Я повертела в руках тяжёлый подсвечник. Платье, которое я обернула как шаль, соскользнуло на пол. Я не могла тут вечно стоять в нерешительности.

Гнев на собственную нерешительность привёл меня к

поступку, который мог оказаться роковым. Я подняла подсвечник и ударила о камень в нескольких дюймах от выступа. Ударила дважды, заставляя себя действовать.

Звуки шагов сразу прекратились. Я ждала, медленно дыша, прислушивалась...

Ничего, кроме тишины. Воображение подсказывало худшее, что могло случиться за стеной: часовой, ищущий источник звука, готовый поднять тревогу...

И тут я чуть не закричала. В том месте, где я прижималась ухом к грубому влажному камню, я услышала удар, другой. Меня слышали. И если часовой, которого я вообразила, не оказался слишком изобретательным и коварным, ответ исходил от заключённого. Как мне хотелось владеть каким-нибудь кодом, языком стука, чтобы убедиться, что за стеной пленник! Но ничего такого я не умела.

Я могла только экспериментировать. На этот раз я ударила трижды, с перерывами между ударами. Послышался точно такой же ответ. Это правда, там пленник. И он один, иначе не рискнул бы отвечать.

Оставалось совершить последнее действие. Я поставила подсвечник на пол и изо всех сил обеими руками надавила на рычаг. Мне показалось, что замок от времени заело и у меня не хватит сил открыть его. Но вот неохотно, со скрежетом, который едва не обратил меня в бегство, между камнями открылась щель.

Я нажала сильнее, отчаянно потянула вниз, и щель расширилась. И стала наконец отверстием шириной в мою ладонь, к которому прильнула часть лица, глаза, всматривающиеся в проход.

Глаза — я безошибочно узнала их, так же как видимую мне часть лица. Узнала эту слегка приподнятую бровь, старый шрам, который вызывает это поднятие. Это полковник. Я увидела, как расширились его глаза, когда он в свою очередь узнал меня.

Я наклонилась, взяла свечу, высоко подняла её.

— Вы одни? — страх заставил меня спросить прежде всего об этом.

— На время. Меня постоянно проверяют, словно боят-ся, что я растворюсь среди камней. Но как... и почему?..

— Никаких вопросов. Слушайте, я сделаю, что могу, чтобы открыть это, но мне может не хватить сил... отверстие не открывалось очень давно, я думаю...

— Сделайте, что сможете, — в голосе его прозвучала прежняя властность. — Я постараюсь помочь, — в дыре появились его пальцы, ухватились за камень. — В какую сторону тянуть?

— Вверх... — я снова поставила свечу на пол и нажала на рычаг.

— Значит, вверх! — его пальцы нажали на верхний край узкого отверстия, и я знала, что он напрягает все свои силы, давит на упрямый камень. Дюйм за дюймом тот поддавался нашим совместным усилиям, хотя иногда мне казалось, что ничего не получится. Еле-еле мы расширили отверстие до такого же размера, как в моей камере. Я-то прошла, но сможет ли он пролезть? Глядя на отверстие, я усомнилась. И в отчаянии прислонилась к стене, совсем потеряв надежду на успех.

— Больше не раздвинется, я думаю, — сказала я. — Сможете пробраться?

— Посмотрим, — его голос не выдавал отчаяния, только задумчивость, как будто он взвешивал шансы. Я услышала шорох с той стороны, но теперь мне не было его видно. У меня даже не было сил отойти от стены, я только убрала свечу, чтобы не мешать ему, если он попробует выбраться ко мне.

Но вначале в проход упала связка одежды и сапоги. Я поняла, что он разделся, как и я, когда протискивалась в отверстие. Я подхватила связку и отпихнула её в сторону.

Потом показалась его голова, руки, голые плечи в ссадинах и в крови от глубоких царапин. Он сражался с камнем, и я, придя в себя, поставила подсвечник и принялась помогать ему.

Наверное, я действительно помогла, но битва была жестокой, всё его почти обнажённое тело покрылось цара-

пинами и кровью. Лишь благодаря своей храбрости и решительности он справился и наконец рухнул у стены, тяжело дыша. На нём оставались лишь жалкие обрывки кальсон, но нам было не до приличий.

Я сразу ухватила за рычаг и давила на него, пока отверстие не закрылось, на этот раз чуть быстрее, чем открывалось. Почти такая же измученная, как полковник, я тоже легла на пол, поставив между нами свечу. Теперь он дышал ровнее, и я заметила, что он дрожит. Я поспешила развязать свёрток и достала одежду.

Потом чуть оттащила его от стены и набросила на плечи рубашку, заметив, что царапины от камня — не единственные раны на теле. Вдоль рёбер тянулся сморщенный шрам, другой рубец пересекал плечо.

Мои прикосновения как будто привели его в себя, и я перехватила его взгляд. Потом, впервые за всё время нашего знакомства, я увидела, как полковник Фенвик улыбается — и не просто улыбается, негромко смеётся! На мгновение я подумала, не свихнулся ли он, как Лизолетта. Но вот он поднял окровавленную руку и отвёл прядь волос, которая падала мне на глаза.

— А мы отличная пара, — тихо усмехнулся он. — Куда теперь, миледи? Вы как будто знаете то, что полезно знать всякому пленнику. Но почему и как?..

Я же думала теперь только о том, что нужно уходить. Если к нему в камеру зайдут, на ноги поднимется весь замок, даже мой побег нельзя будет сохранить в тайне.

— Мы должны идти — вверх, — я указала в направлении прохода.

Он оттолкнулся от стены и подтащил к себе связку одежды.

— Дайте мне время обуться, — сказал он. Губы его по-прежнему растягивала улыбка, которая уже начала раздражать меня. Я искренне боялась и не видела ничего забавного в нашем положении.

Я подождала, пока он наденет брюки и сапоги, рубашку он не стал надевать, оставил просто висеть на плечах, а камзол понёс на руке.

— Тело болит немного. А теперь, раз нужно идти, пошли.

Но сначала полковник повернулся, пристально взглянул на стену, и я догадалась, что он проверяет, хорошо ли закрыто отверстие. Я пошла вперёд, не дожидаясь его; мне хотелось добраться до комнаты, где можно закрыть дверь, где было больше воздуха, прежде чем пуститься в новую опасную авантюру. Я с отчаянием думала, что не может же так долго везти. Мне и так не верилось, даже слыша за собой его шаги, что до сих пор всё проходило гладко.

На этот раз я не стала задерживаться у глазка в зал стражи, а продолжала идти, держа свечу как знамя, пока вид панелей не подсказал мне, что конец пути близок. Я нашла затвор и выбралась в комнату, а он с некоторым трудом — за мной.

Панель закрылась; мы стояли в тусклом свете, потому что я поторопилась погасить свечу.

— А теперь... — голос его лишился мягкости усмешки, в нём зазвучала прежняя власть, которая сразу вызвала во мне сопротивление. — Теперь — откуда вы взяли, миледи? Что случилось?

Глава шестнадцатая

Вместо ответа я торопливо подошла к корзине и достала бутылку с водой, которая так освежила меня перед этим походом. Оставалось достаточно, чтобы позаботиться об его ранах: я опасалась, что от пыли и древней грязи они могут воспалиться.

— Сэр, — я указала на стул у окна, в котором провела сегодня утренние часы. — Разрешите мне взглянуть на ваши порезы.

Он пожал плечами, но я заметила, что даже такое лёгкое движение заставило его поморщиться. Полковник положил на пол камзол, а я подошла к кровати и стащила бесформенное покрывало. Просто сдёрнула его. Верхние ветхие покровы сами собой расползались у меня в руках, древний сатин и бархат не выдержали испытания временем. Но под

ними оказались льняные простыни, тоже прохудившиеся и непрочные, но чистые. Они вполне годились для моих целей.

Нарвав их полосами, я повернулась к своему пациенту. Он сидел на стуле, наклонившись вперед, и смотрел сквозь щель занавеса в окно. И его поза выдавала такое напряжение, что я испугалась: наверное, Валленштейн наконец ожил, нас ищет.

Но подойдя к нему, с бутылкой воды в одной руке и связкой лент ткани в другой, я ничего не увидела, только знакомый мне пустой двор.

— Ваша рубашка... — я сняла её с плеч и положила рядом с камзолом. В своём поместье я научилась оказывать первую помощь, лечить ушибы, снимать жар. Бабушка выращивала лечебные травы и заставляла меня изучать их, так как врача иногда приходилось дожидаться несколько дней. Слава Богу, ~~ложная~~ деликатность не помешала ей настоять, чтобы я научилась также заботиться о наших людях при необходимости или в несчастных случаях.

Но сейчас, смочив тряпки, стараясь не потратить зря ни капли драгоценной влаги, я ощутила странное беспокойство, принимаясь за лечение. Никогда раньше не испытывала я такой застенчивости, как когда вытирала кровавые царапины на его руках, на груди и плечах. И, стараясь скрыть неловкость, заговорила, чтобы отвлечь его, если не себя от этого непривычного состояния.

— Сэр, почему вас посадили сюда?

— Ну, на это ответить легко, — он сидел совершенно неподвижно. Мне не хватало лечебной мази, требовалось больше воды, царапины казались мне опасно глубокими, похожими на открытые раны. — Я был... слишком верен прошлому, которое многие хотели бы забыть. И слишком много знал, чтобы они чувствовали себя спокойно. Но главный вопрос не в этом. Почему вы здесь, миледи? И в таком платье? — он коснулся пальцем моей широкой старой юбки. — Что с вами случилось?

Я посмотрела на позорное кольцо у себя на пальце. Плоть вокруг него распухла, так я старалась стащить это

кольцо. Отвечая, я пыталась говорить спокойно и ровно. Продолжая заниматься его ранами, я рассказывала о себе.

Сначала было легко. Я рассказала о поездке из Аксельбурга в Кестерхоф. Потом я начала подбирать слова осторожнее, стараясь скрыть свой ужас и отвращение к случившемуся, рассказала о том, как меня опоили, как ко мне в спальню приходил Конрад и потребовал, чтобы я подписала приготовленный им документ.

Я никак не ожидала столь бурной реакции моего пациента. Полковник неожиданно сжал и развернул меня, так что моё лицо оказалось на свету. Его глаза — я видела их холодными, расчётливыми, отчуждёнными от всего, кроме долга. Один раз — в потайном проходе — я видела, как они смягчились, может, от радости освобождения из темницы. Теперь я увидела в них почти дьявольское пламя. А лицо его стало таким мрачным, что я отшатнулась бы, если бы он не так крепко держал меня.

— Это правда?

Проснулся мой старый антагонизм.

— А зачем мне лгать? Смотрите сами! — я подняла левую руку и подставила её под свет, чтобы он увидел кольцо. — Неужели я стала бы носить... я хотела снять... но оно надето так туго, что я сама не могу от него избавиться... ни буквально, ни фигурально. А как попала сюда... — я покачала головой. — Наверное, меня снова опоили... — и я торопливо рассказала, как пришла в себя в камере. — Наверное, им ещё что-то нужно от меня... иначе я не осталась бы жива.

Огонь в его взгляде несколько угас, он выпустил мою руку.

— Прошу прощения. С вами действительно обошлись очень плохо, — глаза его затуманились; мне показалось даже, что извинился он с каким-то отсутствующим видом. Он глубоко задумался. — Только я не понимаю... Нет! — полковник решительно встряхнул головой. — Никогда не поверил бы, что у фон Вертерна достаточно влияния, чтобы отправить вас сюда, даже тайно. Фон Црейбрюкен всегда

был разочарованным человеком, да. Он считал, что женившись на родственнице курфюрста (пусть и со смешанной кровью), приобретёт более высокое положение при правителе. Но чтобы он стал действовать так — нет. Наверное, у вас только догадки...

Но если вас заключили в крепость, как вам удалось освободиться? Как вы узнали о потайных ходах в стенах?

— По милости легендарной курфюрстины Людовики. Пожалуйста, поднимите немного руку, у вас тут глубокая царапина... — меня сейчас мало интересовали догадки, почему я очутилась здесь. Гораздо важнее было узнать, как отсюда побыстрее выбраться. Но я не могла не признаться себе, что полковник, хоть и в беспомощном положении, снова внушил мне чувство уверенности.

— Людовики? — непонимающе повторил он.

И вот, продолжая обрабатывать его раны, я рассказала о Лизолетте и её одержимости покойной курфюрстиной, как она освободила меня и показала тайные ходы в стенах.

— Ни за что бы не поверил, — заметил он, когда я закончила, — если бы мы оба не оказались здесь. Это зловещее место, и в этой части страны люди суеверны. Ваше юное «привидение» могло сначала просто играть, а потом девушка сама поверила в неё. Легенды о Людовике страшные. И правда, что простонародье — и даже придворные (даже тогдашний курфюрст; я видел документы того времени) — все они верили, что Людовика общалась со сверхъестественными силами. А её ближайший советник был казнён как слуга дьявола, — он взял рубашку и надел её, старательно застегнув на все пуговицы.

— Хорошо бы достать мазь, — я видела, что его осторожные движения свидетельствуют о боли, в которой он ни за что не признается. — Может, когда придёт Лизолетта, я уговорю её...

— Не думаю, судя по вашим словам, чтобы она согласилась помочь мне, — полковник встал и снова выглянул в окно. — Когда она придёт, мне лучше не показываться. Вы представляете себе, куда тянутся эти проходы? В другом

направлении, я имею в виду? Они часто выводили наружу... ими пользовались при осаде крепости. Интересно, доходила ли девушка до конца...

— Когда она открыла окно в мою камеру, я не смотрела в другом направлении, просто пошла за ней. Но моя камера расположена у самой внешней стены, а внизу ничего, глубокая пропасть, — я описала, что увидела в своём узком окне.

— Может быть, там есть поворот, какой-то переход, — он слегка нахмурился. — Здешний комендант ещё не решил, на чью сторону встать. Возможно, сёстры скроют ваше бегство, если они такие, как говорит Лизолетта. Но моё исчезновение не скрыть. Скорее всего, вход в стену нельзя обнаружить с той стороны. Я, во всяком случае, даже не подозревал о нём. Наверное, и комендант не имеет понятия об играх своей дочери. Это не означает, однако, что поиски ничего не смогут обнаружить, или что девушка, испугавшись, не расскажет обо всём. Даже закрытая дверь... — он кивнул в сторону двери, выходящей в коридор, — может вызвать подозрения при обыске.

Его слова полностью совпадали с моими размышлениями: я тоже считала, что нужно попробовать пройти по проходу до конца и, возможно, отыскать выход. Но когда я сказала об этом вслух, он покачал головой.

— Не сейчас, ещё рано. Будет лучше, если вы продолжите подпрыгивать Лизолетте и постараетесь узнать побольше. А что там? Он заслоняет кусок стены, — полковник подошёл к шкафу и принялся осматривать его стенки. — Иногда в таких тоже скрываются ходы.

— Лизолетта держит здесь платья привидения — и другие, — я открыла дверцу и показала развешенную одежду.

Он коснулся широкой юбки платья с вуалью.

— Действительно, старое. Вполне возможно, принадлежало самой Людовике. А это что? — он наклонился, поднял шкатулку-книгу и поднёс её к свече.

Я показала на рисунок, вырезанный на крышке, и

рассказала, что нашла такой же на полке-столе в своей камере.

— Колдовство, — заключил он. — Этот знак можно увидеть на дверях, даже на стенах амбаров. Крестьяне верят, что такой рисунок может защитить. Есть и другие символы, которые якобы привлекают тайные силы. Она тоже очень старая... — полковник попытался открыть, но замок не поддался, как и мне перед тем.

Держа шкатулку в одной руке, в другую он взял свечу и принялся ходить по комнате, заглянул под столы, на одном из которых стоял второй подсвечник. Вместо чашечки у него был заострённый конец, на который насаживают свечу. Полковник взял его и вставил острый конец под крышку.

Я видела, что он действует осторожно, как будто не желая повредить древнюю вещь. Но не успели узнать, удалось ли бы ему решить задачу, потому что тихий звук у двери заставил нас застыть на месте.

Быстро соображая, что следует сделать, я выхватила у него шкатулку и с бьющимся сердцем рванулась к шкафу. Положив шкатулку, я захлопнула дверцу, обернулась — и увидела пустую комнату. Где спрятался мой спутник, я не знала. Но на самом виду оставался его камзол, и я едва успела засунуть его вместе с грудой окровавленных тряпок за занавеску у окна. Можно было только надеяться, что удача по-прежнему не оставит меня и все эти вещи не выдадут мои похождения.

Вошла Лизолетта, действительно напоминающая призрак в батистовом платье, светлые волосы свободно падали на плечи, как и тогда, когда она играла роль привидения. К моему удивлению, она хихикала, как школьница, которой удалось какое-то озорство.

В руках она несла большой свёрток, который тут же уронила на пол, как будто тот оказался для неё слишком тяжёлым и неудобным. И хитро улыбнулась мне.

— Они все так разозлились. И мне кажется, отец к тому же испугался. Да, я думаю, он боится! — девушка села на

пыльный пол рядом со свёртком и с улыбкой посмотрела на меня.

— Что-то случилось... с тем пленником... я не много смогла услышать... там стоял лейтенант, и мне не удалось подслушать у двери. Но это хорошо: теперь о нас надолго забудут! А нам так много нужно сделать. Сейчас луна подходит, знаешь. Наверное, тебе её не видно отсюда. Фаза луны очень важна: сила растёт с нею и слабеет тоже. Нам повезло, что не понадобилось ждать. Но, конечно, о н а это предвидела и потому послала меня к тебе вовремя. Только я тогда не понимала, насколько это важно.

А теперь... — Лизолетта встала и отступила на пару шагов, критично разглядывая меня с ног до головы, словно этот осмотр был очень важен. — Да, я уверена. Подойдёт. Должно подойти. И я принесла бельё. Ты не должна носить эту неряшливую одежду — под той, что она даёт тебе.

Девушка снова наклонилась и развернула свёрток. Там оказалась ещё одна корзина, без ручки, а в ней сложенная одежда, гораздо тоньше, чем грубое бельё и юбка, которые мне выдала тюремщица.

— Подожди, — Лизолетта вернулась к двери и принесла из коридора кувшин с водой и миску. — Пришлось ходить два раза, — она говорила с сознанием хорошо выполненного долга. — Теперь ты сможешь умыться и подготовиться. Я не могу сейчас остаться, но скоро вернусь. Тут есть ещё еда. И...

Она подошла к шкафу и распахнула его дверцу. Погладила алое платье.

— Это тебе. Оно принадлежало е й. Ты его наденешь.

И с этими словами она ушла, оставив меня довольно озадаченной. В какую игру играла она теперь? И я должна в ней участвовать? Постельный полог шевельнулся, и из укрытия вышел полковник Фенвик.

— Видели? — спросила я. Но он смотрел не на меня, а на дверь, за которой исчезла Лизолетта.

— Расскажите, — потребовал он, — всё, что сможете вспомнить из слов девушки о н е й. Я полагаю, всё это говорилось о Людовике.

Я не могла понять, какой толк в фантазиях девчонки, но полковник приказал так властно, что я постаралась вспомнить всю ту разрозненную бессмыслицу, которую несла Лизолетта. Он слушал внимательно, словно каждое моё слово составляло деталь головоломки, которую необходимо сложить.

— Кажется, она верит, что Людовика сбежала...

— Если и сбежала, то только в смерть. Но Лизолетта, по видимому, считает, что она ещё жива — каким-то образом.

Он снова задумался, как будто планируя наши дальнейшие действия.

— Покажите мне, как открывается панель, — вновь резко приказал он и взял свечу. — Я должен узнать, где кончается проход.

— Мы можем...

Он покачал головой.

— Нет, я пойду один. Делайте, что сказала девушка, — и полковник указал на одежду и воду. — Может, наши надежды только в ней. А я пока должен проверить.

Я готова была горячо спорить, но по его выражению поняла, что это бесполезно. Поднимая подсвечник, он добавил:

— Будьте спокойны, я не стану рисковать. И вернусь, как только смогу.

Я показала полковнику, как нажимать на глаз, и уныло смотрела, как он исчезает в стене. Потом неохотно принялась выполнять указания Лизолетты, хотя смыть грязь и пыль с тела и облачиться в чистое мягкое бельё, которое она принесла мне, действительно было очень приятно. Красное платье — совсем другое дело. Юбку удалось надеть легко, хотя и пришлось выдохнуть, чтобы застегнуть её. Но вот корсет с исключительно низким вырезом...

Конечно, я заполняла его гораздо лучше Лизолетты, но никак не могла смириться с голыми плечами, а кости, вшитые в корсет, приподняли мою грудь самым неприличным образом, хотя я и не могла увидеть результат в зеркале. И прикрыться можно было только железным ожерельем, в шкафу не нашлось ни шали, на шарфа.

Я расчесала волосы и прибрала их, хотя без булавок, необходимых, чтобы сделать привычную мне причёску, пришлось распустить пряди по плечам. Они тоже немного прикрыли меня. В широкой жёсткой юбке ходить оказалось трудно, она постоянно задевала за пол. Я попыталась втиснуть ноги в туфли, но не вошла ни в одни из них, поэтому осталась в толстых шерстяных чулках, уже затвердевших от грязи и составлявших мою единственную обувь.

Под новым платьем я по-прежнему спрятала мешочек с золотом и пергаментом, который теперь значил так мало. Допустим, мы выйдем на свободу. Как я смогу ходить в таком платье, предназначенном для двора столетней давности?

В корзине нашлась еда и ещё кое-что. Я испытала прилив радости. Конечно, это было не настоящее оружие — нож, пригодный разве что для разрезания сосисок, рядом с которыми и лежал, но всё же он сильнее всего напоминал оружие из всех вещей, которые я видела за последние дни. Я отрезала кусок мяса, порадовавшись остроте ножа, и сунула мясо в черствую булочку. Поела немного, оставив остальное для полковника.

Потом собрала тряпки, которыми обрабатывала его раны, и достала из-за занавеса его камзол. Тряпки я аккуратно разложила на постели, поверх расстелила покрывало, стараясь устроить всё, как было. А камзол спрятала за пологом. Лизолетта как будто не заметила разбросанную постель. Я надеялась, что, вернувшись, она по-прежнему ничего не заметит.

Я не могла усидеть на месте и принялась расхаживать от окна до панели, за которой скрылся Фенвик. Я то выглядывала во двор, не появятся ли признаки обыска, то прислушивалась, не возвращается ли полковник. Тишина комнаты угнетала меня. Можно ли слышать тишину? В эти долгие минуты мне казалось, что в ней на самом деле присутствует некая суостанция, которую можно услышать, что само отсутствие звука доступно восприятию слухом.

И почти с облегчением увидела я движение во дворе.

Дверь в стене напротив окна неожиданно открылась. Вышла группа солдат, тут же всеором рассыпавшаяся по плацу. Солдаты держали в руках мушкеты, и у них был такой вид, словно они ожидают схватки.

Я не знала, что находится под моим окном. Другая дверь, через которую они могут войти? Трое солдат направились к видимой мне двери слева и исчезли в ней, но остальные двинулись прямо к нашему крылу. Я повернулась так быстро, что юбка зацепилась за стул, и я чуть не упала. Закрыть дверь — это только вызовет подозрения.

Скорее уничтожить все следы своего пребывания в комнате! Одежда, которую я сняла, миска, полная мыльной воды, пустой кувшин, корзина с едой... Что мне с ними делать? Перенести всё в проход?

И платьё в шкафу, которое носит Лизолетта. Один взгляд на него выдаст её тайну. Следовало как можно лучше скрыть наши следы.

Мне потребовалось одно мгновение, чтобы открыть панель. Бегом я собирала вещи, последним забрав платьё и вуаль Лизолетты вместе с камзолом Фенвика.

Но и самой, в неуклюжем платьё, протиснуться сквозь узкий проход оказалось не так-то просто. У меня даже не было времени прихватить с собой зажжённую свечу! Я отступила в полную темноту, закрыла панель и ждала топота ног, который означал бы начало обыска комнаты.

Я не смела пошевелиться в темноте, потому что побросала вещи в проход не глядя, и теперь они грудой лежали у ног. От платья и вуали, которые я прижимала к себе, исходил слабый аромат, липкий, сладкий, но неприятный. Он как будто становился всё сильнее, забивал мне ноздри, заполнял воздух. Как запах цветов, срезанных, чтобы они умерли. Болезненный запах...

Нет! Я энергично покачала головой. Нужно прислушиваться, быть уверенной, что если в комнату войдут, ничто не выдаст нашего присутствия. Тишина стояла такая тяжёлая, что я почувствовала себя, словно в могиле... Нет! Нельзя позволять себе такие мрачные мысли.

Звук! Я угадала верно! Раскрылась дверь. Послышался топот ног, тяжёлый топот по полу. А не смогут ли они выследить меня? Эта мысль только что пришла мне в голову. На полу пыль... я могла оставить следы.

— Фу! — недовольное восклицание. — Если сержант спросит, здесь только три паука.

— Странная комната... — другой голос, моложе, не такой хриплый.

— Действительно странная, Флориан. Если говорят правду, в ней был убит принц Францель. Всё это крыло проклято. Пошли. Тут ничего нет, кроме пыли, да и как можно попасть в это крыло? Внешняя дверь была заперта снаружи, ты сам видел, с каким трудом сержант открыл замок. Разве что он прошёл сквозь стены...

Как будто рука, большая и грубая, сжала мне горло. Прошёл сквозь стены! Говоривший наткнулся на правду. Нужно только проверить это предположение, и...

Шаги удалились. Я услышала, как захлопнулась дверь. Однако продолжала стоять, сжимая платье и камзол; сердце билось так сильно, что хотелось прислониться к стене для опоры. Я медленно досчитала до ста, надеясь хоть так измерить время. Потом открыла панель.

Комата выглядела так же. Обыск проводили не тщательно, хотя занавеси отодвинули в сторону и ещё больше порвали. Я подумала, что нужно осторожнее ходить у окон, держаться в глубине комнаты.

Я вышла из укрытия и снова начала переносить всё, что спрятала. Открыв дверь шкафа, чтобы повесить платье, я вздрогнула. Тут же стояли в ряд туфли, а рядом с ними шкатулка. Если солдаты их заметили, почему ничего не сказали, не забрали как улики? Может, не заметили. Ведь шкаф стоит в тёмном углу. Они искали прячущегося человека и могли подумать, что туфли и шкатулка лежат тут давно.

Неожиданно ослабев от облегчения, я села в кресло и приготовилась ждать.

Проходило время, я всё больше нервничала, всё труднее было оставаться неподвижной. Но я знала, что не должна

расхаживать, иначе кто-нибудь заметит меня в незавешенное окно или услышит, проходя по коридору. А когда что-то нельзя делать, именно этого больше всего и хочется.

Послышался звук! Я быстро взглянула на панель. Но это не полковник. Из потайного пути выбиралась Лизолетта. Но как?..

У выхода она остановилась, быстро огляделась. Задула свечу, которую несла с собой, и подошла к кровати, избегая приближаться к окну. Стоя там, оценивающе посмотрела на меня и кивнула.

— Тебя не нашли. Ты спряталась в проходе? Она будет довольна твоей сообразительностью. Теперь они ушли. Такие, как они, ничего не найдут, разве что ткнуть их носом. Нам нужно многое сделать...

— Откуда ты пришла? — не повстречалась ли она с полковником в этих потайных путях? Если да — почему ничего не говорит о нём? Придётся сдерживаться и не задавать вопросов.

Лизолетта захихикала.

— О, тут есть много входов. Некоторые я нашла сама, другие показала мне она, потому что мне необходимо знать, как добраться до места — до м е с т а.

Она подошла к шкафу, взяла шкатулку и перенесла её к столу. Взяв тот же подсвечник с острием, что и полковник, насадила на него толстую свечу. Потом указала на полуоткрытое окно.

— Попробуй задёрнуть получше, — приказала она. — Прижми занавес стулом. Они по-прежнему обыскивают замок и не должны увидеть свет в пустой комнате. А свет нам сейчас понадобится.

Я прошла вдоль стены и как могла задёрнула разорванный занавес. Потом, следуя её указаниям, придвинула один из массивных стульев и закрыла его высокой спинкой разрыв.

Лизолетта еле слышно напевала. Я не понимала языка этой песни. Поставив свечу рядом со шкатулкой, она достала из складок своего платья ключ на цепочке. Продолжая петь, вставила ключ и открыла шкатулку.

С осторожностью человека, занятого сложной и важной работой, девушка начала вынимать различные предметы и расставлять их на освещённом месте в строгом порядке. Старая чашка со стенками, покрытыми позеленевшей резьбой, такая маленькая, что я легко могла бы закрыть её ладонью. Девушка насыпала в чашку порошок из кожаного мешочка, который вернула назад в шкатулку. Потом извлекла нож или кинжал, с чёрными лезвием и рукоятью, хотя вокруг ручки была обвита красная нить. Последним появился цилиндр из металла, казавшегося очень древним. Она развинтила его и достала кусочек старого измятого пергамента.

Расправив листок на столе, Лизолетта через плечо оглянулась на меня.

— Пошли! — приказала она. — Пора заняться е ё делом. Но мы идём подготовленными. О н а с нами, смотрит на нас, проверяет. Разве ты это не чувствуешь? Должна чувствовать!

Глава семнадцатая

Я встревожилась. Как ещё могла я почувствовать себя в этом месте? Но если что-то и заставляло меня суеверно вздрагивать, я яростно этому сопротивлялась. Лизолетта взяла горящую свечу, поднесла пламя к порошку в чашке. Наклонилась, слегка подула, и через несколько мгновений ей ответил столб жемчужно-серого дыма, вначале взвившийся к потолку, потом выпрямившийся и застывший в полумраке комнаты.

Она погрузила в него обе руки, поворачивая и сгибая пальцы, словно умывалась, так что столб разбился на части. Теперь и я ощущала запах, липкий, сладкий, словно цветка коснулась смерть. Снова двинулись её руки, хватая дым, как осязаемое вещество, поднося его к голове. Она разглаживала волосы руками. Словно купалась в дыму.

И смотрела она неподвижно, но не на дым, а прямо перед собой. Слова, непонятные мне, складывались в песню.

Дым рассеялся, девушка ревниво поймала последний клоч, удержала, и мне показалось, что это шар, который она перекатывает меж ладонями. Потом она подняла сложенные горстью руки к лицу, наклонилась немного вперёд и глубоко вдохнула то, что держала — или казалось, что держит, — в руках.

Я отступила от стола, потому что было что-то отталкивающее в запахе этого дыма, прозрачного и разреженного, как пар. От него начинала кружиться голова. Ухватившись за спинку стула, я удержалась на ногах, борясь со слабостью, как физической, так и духовной. Никогда раньше, даже в день, когда я противостояла гневу и грубому обращению Конрада, не испытывала я такого страха, как тот, что охватил меня теперь. Это было что-то не из нормального мира, даже такого, в котором жестокость — обычная вещь.

Лизолетта повернулась, но предварительно взяла нож. Глаза её были широко раскрыты, она не мигала и по-прежнему не смотрела на меня. То, что она видела — или верила, что видит, — находилось где-то в другом месте, за пределами моего зрения. С сосредоточенностью лунатика, шагающего во сне, она подошла к шкафу и взяла платье, в котором блуждала ночами по потайным ходам.

Переоделась, умело приладила вуаль, продолжая смотреть на что-то невидимое. Петь Лизолетта перестала, зато заговорила странным неестественным голосом. Я обнаружила, что всё крепче цепляюсь за спинку стула. Девушка как будто говорила с невидимым собеседником, издавая непонятные странные звуки, — то ждала ответа, то снова начинала говорить. Я невольно искала в тёмной комнате её собеседника. Таким сильным было впечатление, производимое девушкой, что я почти поверила, будто в нашей комнате появился кто-то третий. Я боролась со своим воображением, со странной уверенностью Лизолетты.

Может быть, дым от трав способствовал галлюцинациям, потому что вопреки всем своим усилиям я готова была признать, что с нами кто-то есть, какая-то личность, если хотите, и она становилась всё сильнее, всё требовательнее...

Я сознательно впилась ногтями одной руки в другую, которой держалась за стул, вонзила их в собственную плоть, как кошка или другой когтистый зверь, защищающий себя. Последовала резкая боль, но я выдержала её — как якорь против неведомой опасности.

Кинжал Лизолетта сунула за корсаж, и его рукоять с красной нитью хорошо обрисовывалась на фоне её бледной кожи. На этот раз она не стала прикрывать лицо вуалью. Девушка целеустремлённо, молча направилась к столу, как будто разговор закончился и она получила указания. Там взяла в руку листок древнего пергамента, который достала из цилиндрической трубки. Лево́й рукой подняла свечу и впервые прямо посмотрела на меня. Остекленевший взгляд исчез, она снова осознавала своё окружение.

— Пора идти... — она указала на тайную дверь в панели, явно приказывая, чтобы я открыла её.

Юбки придворного платья тащились за мной. В них сохранялся тошнотворный запах дыма. Я собрала их в руку, насколько могла. В непривычно низком корсете я казалась себе обнажённой, железное ожерелье холодило кожу. К несчастью, я не догадалась захватить нож, который так понравился мне раньше.

Мы пошли по проходу, но очень медленно, потому что трудно было управляться с юбками. Дважды я чувствовала, как старый материал рвётся, цепляясь за выступы. Лизолетте идти было легче, листок пергамента присоединился к кинжалу у неё за корсетом.

Мы спустились по лестнице. Я вслушивалась, ожидая услышать звуки, означающие приближение полковника. Что мы будем делать — вернее, что будет делать Лизолетта, — если мы его встретим. Приходилось довериться судьбе. Однако кроме нашего тяжёлого дыхания, из темноты не доносилось ни звука.

Лестница, камера полковника, потом моя камера... В двух-трёх шагах за ней проход неожиданно повернул направо. Должно быть, мы подошли к самой внешней стене. Снова лестница, такая крутая и узкая, что я обрадовалась,

что на мне не туфли с высоким каблуком. От холода камня, пробивавшегося сквозь шерстяные чулки, цепенели ноги.

Мы медленно спускались, Лизолетта шла впереди, не пропуская ни одной ступеньки. Я касалась пальцами стен с обеих сторон, пытаясь удержаться, если поскользнусь. Я всегда плохо переносила высоту, а проход, едва видимый в свете свечи, уходил вниз так круто, что я испытала то же головокружение, что и в своей камере у окна.

Я про себя считала узкие ступени — целых пятьдесят! Должно быть, мы уже спустились под фундамент крепости, в глубину утёса, на котором она была построена. Лизолетта молчала, и слышался только шорох наших юбок о камень.

На шестидесятой ступеньке я едва сохраняла мужество. Меня поддерживала только слабая надежда, что предположение полковника справедливо, что где-то впереди тайный выход, сделанный тогда, когда крепости приходилось выдерживать осады.

Я не сомневалась, что он проходил этим путём. И очень хотела услышать звуки его возвращения. Убеждала себя, что у него хватит сил справиться с Лизолеттой. Только с ним я связывала своё освобождение от этого кошмара.

Ещё десять дьявольских ступеней — для меня всё равно, что спуск в тёмные подземелья ада, в которые верили прошлые поколения. Но вот лестница завершилась новым проходом. На стенах до сих пор оставались следы инструментов, пробивавших туннель. Было ясно, что мы пробираемся сквозь саму скалу, так как ничто вокруг не напоминало каменной кладки.

Стало очень холодно, так холодно, что я непрерывно дрожала, а мои обнажённые плечи покрылись гусиной кожей. Я бы всё отдала за шаль, даже ту грубую, что осталась где-то наверху. Лизолетта пошла быстрее. Я была уверена, что она хорошо знает путь и у неё есть определённая цель. Проход расширился, и она почти побежала; мне пришлось поторопиться, чтобы не отстать от неё и свечи.

Лизолетта словно не могла дождаться осуществления своего желания. Мы выбежали из прохода и оказались в

высеченном в скале помещении. Должно быть, когда-то это была естественная пещера, приспособленная людьми для каких-то своих целей.

В неярком свете свечи я разглядела только странные предметы, стоявшие у стен, а в дальнем конце — возвышение. Лизолетта пошла вдоль стены, поочерёдно поднося свечу к ржавым железным скобкам. Все они были забиты хворостом, должно быть, сухим, потому что он сразу загорался. Пройдя вдоль одной стены, она повернулась и проделала то же самое у другой.

Теперь стало светлее, и я остановилась в изумлении, словно ноги вросли в камень пола. Предметы у стен... Двумя рядами, словно стража, по бокам прохода стояли каменные столбы. Колонны, доходившие до уровня плеча, увенчивали грубо высеченные подобия голов. Голов мертвецов. Обмякшие рты, глаза пустые. Некоторые настолько должны были напоминать мёртвых, что видны были кости черепа.

Лизолетта, завершив обход стен и закончив зажигать факелы, теперь прошла к возвышению в дальнем конце помещения. Здесь она вставила свою свечу в ещё одну скобу, вмурованную в камень на уровне пола. На возвышении располагалась каменная фигура, но не столб с головой, а целиком вырубленная из камня. И так непристойна была эта сидящая фигура, что я ахнула, не в силах поверить, что люди могли поклоняться ей. У меня не было сомнений, что я в храме, очень древнем храме.

Фигура — больше натурального размера — изображала женщину, непристойную женщину, с огоромной грудью, лежащей на куполе живота. Женщина была явно беременна. Ноги она расставила, демонстрируя самые интимные женские органы. По сравнению с гигантским телом, голова была совсем маленькая — просто круглый шар с двумя углублениями глаз и больше никаких черт лица.

Лизолетта опустилась на колени перед этим ужасом и протянула к нему руки. Я вздрогнула. Это оскорбление, унижение моего пола, но было ясно, что девушка обожествляет его.

Святылище было старое, очень старое, оно угнетающе подействовало на меня. И что-то тащило меня, влекло вперёд. Лизолетты я не опасалась, но никто не должен поклоняться э т о м у! В нём олицетворялось само звериное прошлое человека...

Я подошла к девушке, схватила её за плечи и попробовала оттащить от существа, присевшего на возвышении. Не оглядываясь, не отрывая взгляда от статуи, она с поразительной силой высвободилась. Руки её скользнули к корсету, и она выхватила кинжал и листок пергамента. Повернулась ко мне. Лицо у неё исказилось, она оскалила зубы, как нападающий волк, и попыталась ударить меня ножом.

Я увернулась, понимая, что в своём нынешнем состоянии она может убить. В углах её рта показалась пена.

— О н а идёт! Ты принадлежишь е й!

Развернувшись спиной к фигуре, девушка бросилась ко мне, держа кинжал наготове. Несомненно, она собиралась убить меня. Я отскочила, снова увернулась, а Лизолетта двигалась за мной с волчьей скоростью. И у меня не было никакого оружия. Свеча в тяжёлом подсвечнике... но она в нескольких футах...

Я опять увернулась, пытаюсь проскользнуть к платформе и схватить свечу. С лица девушки исчезло всякое подобие нормального человеческого выражения.

— О н а требует тебя, — тяжело дышала Лизолетта. — Чтобы она смогла жить снова — смогла жить снова! Древний пообещал это ей. На тебе её платье, в тебе нужна ей кровь, она получит тебя!

Обезумевшая девушка с яростью прыгнула на меня, и я поспешила опять вернуться, но юбка зацепилась за пол. Я чуть не упала, увидела, как опускается нож, и смогла только поднять руку, пытаясь защититься.

Но сталь не дошла до меня. Лизолетта жутко закричала. Ошеломлённая, я подняла голову и увидела, что обе её руки зажаты в железной хватке. Тот, кто её держал, прилагал все свои силы, чтобы справиться с одержимой девушкой. Нож выпал на пол, я бросилась к нему, а полковник удерживал

Лизолетту. Её безумные крики заполняли это злое место.

Девушка, несмотря на молодость и хрупкость, вырывалась с огромной энергией, как это часто бывает у душевнобольных, и он удерживал её с трудом. Я сунула нож в собственный корсет и встала, держась за каменный столб с головой-черепом. И успела увидеть, как полковник поднял руку и ударил яростно царапавшуюся Лизолетту в подбородок. Голова её резко дёрнулась назад, и девушка обмякла в его руках. Он положил её на пол в ногах этого непристойного изображения и быстро подошёл ко мне.

— Вы не ранены?

Я покачала головой, пытаюсь перевести дыхание.

— А что с Лизолеттой? — я еле прохрипела её имя.

Он склонился к потерявшей сознание девушке, проверил пульс у на горле.

— Всего лишь без сознания. У меня не было другого способа справиться с нею.

— Знаю, — некоторые сочтут этот удар жестоким, но я понимала его необходимость. Силы как будто оставили меня. Бок сильно болел. Я посмотрела, не задел ли меня нож, чего я могла даже не заметить в эти мгновения смертельного страха. Но на платье не было пятен, хотя оно всё помялось и кое-где порвалось.

— Что нам делать?... — умудрилась я спросить, несмотря на боль.

Я больше не стояла одна, слабо покачиваясь. Сильная рука обняла меня за плечи, я ощущала тепло и поддержку его тела, такого же непоколебимого, как каменные стены вокруг нас.

— Надо идти. Я нашёл выход. Но путь трудный...

Я посмотрела ему в лицо. В нём читались решимость и не просто надежда — обещание.

— Это место... — снова заболел бок. Я чувствовала биение пульса. И готова была поклясться, что здесь присутствует кто-то ещё, кроме нас троих: девушки, свернувшейся клубком, как спящий ребёнок, у подножия высеченного

столетия назад ужаса, мужчины в оборванной и окровавленной одежде и меня, по-прежнему в платье с вырезом, в платье забытого — и проклятого — двора. Чьё-то присутствие явно ощущалось здесь. Гнев, горячий, как пламя в скобах, бессильный гнев, тем более обжигающий из-за своего бессилия.

Но посмотрев на бесформенную сидячую фигуру, я поняла, что это ощущение не связано с ней. Те, кто поклонялся ей, давно исчезли. Но силы, которые она воплощала и представляла, возможно, задержались. И кто-то другой обнаружил их и использовал в своих целях, чтобы обрести собственную силу.

Снова я посмотрела на Прайора Фенвика, радуясь теплу его тела, силе защитивших меня рук.

— Дело не только в месте... — я попыталась выразить, что чувствую. Я почти ожидала, что он посмеётся над моими ощущениями, скажет, что они результат перенапряжённого разума, следствие истерии.

Но увидела, как он кивнул.

— Это очень старое место, но те, кто пришёл позже, использовали старые верования, извратили их. Пошли... — по-прежнему держа меня за плечи, он повёл меня на возвышение. Я поднялась на него неохотно.

— А как же Лизолетта, — я остановилась и взглянула на девушку.

Она пошевелилась и слабо застонала.

— Мы не можем взять её. Она не ранена и хорошо знает эти пути. Здесь она не впервые.

— Пожалуйста!.. — я высвободилась, но он сошёл за мной и помог выпрямить тело девушки и уложить её. Глаза её открылись, она посмотрела на меня. Губы в синяках изогнулись в широкой улыбке.

— Ты... пришла! — она схватила меня за юбку. — Как и пообещала! Миледи... наконец-то!

— Она пришла, а теперь должна уйти, — ровным голосом проговорил полковник, как священник, цитирующий слова какого-то ритуала. — Она должна идти... перед ней далёкий путь...

К моему удивлению, Лизолетта даже не посмотрела на него, но энергично кивнула.

— Да, иди свободно, миледи. Как ты сделала, когда они решили, что навсегда заперли тебя в темноте! Они глупцы! Большие глупцы. Иди... иди быстрее. А когда снова воссядешь на трон, позови меня — обещаю! — она сжала ткань моей юбки и ещё больше разорвала ветхий материал.

— Обещаю... — больше мне нечего было сказать. Она как будто не замечала полковника. Выпустила платье и смотрела нам вслед, когда мой спутник, снова обняв за плечи, обвёл меня вокруг каменной фигуры и провёл в тень, куда не достигал свет огня из скоб.

— Она безумна, — прошептала я. — Можно ли оставлять её одну?

— С ней ничего не случится. Пошли!.. — и он настойчиво повёл меня. Я послушалась, понимая, что он говорит правду, Лизолетта знает тайные пути, она много раз проходила по ним.

Мы увидели отверстие в стене, в тени, которую отбрасывала уродливая статуя. А в нём, далеко-далеко, свет. И потому вход в туннель — если это был туннель — показался мне не таким страшным. Полковник не отпускал меня. Может, считал, что, освободившись, я вернусь в храм. Он пошёл быстрее, ведя меня за собой, а я подобрала изорванные юбки, чтобы они не мешали мне.

Толстые шерстяные носки порвались, и прикосновения к холодному камню заставляли меня морщиться и вздрагивать. Вскоре я увидела, что свет исходит от свечи, которую он захватил с собой. Она стояла на полу посреди туннеля.

Должно быть, мы пробирались по естественной расселине в скале, здесь почти ничего не было сделано, чтобы выровнять её. Полковник наконец выпустил меня, наклонился и поднял свечу. К своему отчаянию, я увидела, что от неё остался только небольшой огарок.

— Надо поторопиться, — настойчиво повторил он, — пока свеча не догорела. Впереди трудный путь...

Мы пошли быстрее. Его каблуки дробно стучали по

камню. Или звук доходил до меня сквозь камень. Но вот он резко остановился, протянул руку, чтобы остановить меня, и посветил впереди, показывая ловушку. Невозможно сказать, природное это было образование или его сделали люди, чтобы охранять подход к своему древнему святилищу, только путь прерывался, перед нами разверзлась пропасть, и никакого моста через неё.

— Как же мы пойдём? — спросила я, не желая заглядывать в тёмный провал у ног.

— Вниз, — он повернулся, посмотрел на меня, потом протянул руку и дёрнул непрочную ткань моего платья. Она легко порвалась и упала длинными лоскутами. Я ахнула, поняв, что почти раздета.

— В этом вы не сможете спуститься, — нетерпеливо пояснил он. — Давайте, — он вставил свечу в щель стены и снова схватил меня. — Туда... там есть опора для рук и ног...

Я хотела закричать, но не посмела. Хотела сказать, что не могу даже попытаться. Но что-то в этом человеке не позволило мне возражать. Я знала, что должна делать, что он приказывает... если моё тело ещё повинуется мне.

— Я пойду первым и смогу помочь вам, — он прикрепил свечу к поясу, привязав полосами рубашки. Потом свесился через край. Вопреки своему желанию, дрожа всем телом, я заставила себя подползти к пропасти и смотреть, как он спускается. Полковник спустился немного, поднял голову и посмотрел на меня.

— Повернитесь, — приказал он. — Спускайте ноги, я их поставлю на первую опору. Ну же!

Я подчинилась, хотя мгновение назад думала, что никогда не смогу сделать этого. Он схватил меня за лодыжки, потащил ноги вниз и вставил в углубление в камне. Сначала одну ногу, потом другую. Мы спускались, как мухи, спускались мучительно долго, мне казалось, что прошли уже часы. И всё время он держал меня за ноги, пока я набиралась храбрости и отрывала руку от опоры, позволяя провести меня к следующей.

Но когда мы добрались до дна показавшейся мне бездонной пропасти, я без сил прислонилась к стене, тяжело дыша, вся мокрая от пота, от которого бельё прилипло к телу. Я даже не была уверена, что это произошло со мной наяву, что я не в кошмарном сне.

Я ошеломлённо огляделась. Полковник держал свечу в руке, прикрывая её ладонью, потому что тут сквозило. Этого ветра наверху не было. И что-то отражало свет.

С приглушённым криком я прижалась к стене, рана голые плечи. Прямо у моих ног лежал череп. Его пустые тёмные глазницы смотрели прямо на меня. И груды костей, тонких и миниатюрных. Свет отразился в металле, мой спутник присел и поднял то, что лежало там.

Он поднёс это к свету, и я тоже смогла увидеть. Или эта вещь ожила, воспользовалась случаем и заставила нас увидеть, поднять себя? Медальон, усаженный драгоценными камнями или жемчугом. Только они могли так отражать свет в углах рисунка. Я видела уже этот рисунок — или символ. Знак, который вырезала Людовика под своим именем в камере.

— Не надо! — эхо моего крика отразилось от стен. Я нашла в себе силы наклониться, схватить его за исцарапанное плечо, оттащить руку.

— Это её, Людовики, — мне самой мой голос показался истеричным. — Это её, это зло! Оставьте, пожалуйста, оставьте!

Он поднялся и долго смотрел на груды тонких костей.

— Вот, значит, как она кончила, — проговорил он медленно, — превратившись в легенду... Должно быть, пыталась бежать. Всегда ходили слухи, что у неё имелись последователи в странных местах. Там, выше, вовсе не храм добра.

— Нельзя ли нам уйти? Пожалуйста, давайте уйдём отсюда! — я жалась к стене, подальше от костей, но ещё больше — от того, что лежало среди них. Левую руку, перехватив правой, я крепко прижимала к груди. Казалось, собственное тело не повиновалось мне, какое-то принуж-

дение тянуло меня к нечестивому символу, тянуло так сильно, что мне пришлось болезненно впиться ногтями в плоть, чтобы остановиться. Я знала, что на этом месте лежит странное заклатье, и должна была собрать все силы, чтобы преодолеть его.

Но на спутника оно, по-видимому, не действовало. Он без видимых усилий отвернулся от груды костей. Подошёл ко мне и снова положил на плечо руку, сильную и тёплую, и повёл меня влево, в сторону от могилы женщины, которая знала нечто такое, что лучше не знать.

Нам не понадобилось идти далеко; скоро повеяло свежим воздухом. Наша свеча мигнула и погасла, но мне почему-то уже было всё равно. Я была не одна, а ветерок доносил запах растений, чистоту внешнего мира, отгонял затхлую тьму Валленштейна.

Мы вместе пробрались между двумя большими скалами, закрывавшими вход в туннель, потом с трудом продрались сквозь заросли кустов, которые царапали и рвали нашу и так изорванную одежду. Я даже испугалась, что выйду совсем голой.

— Там хижина лесника, — прошептал мой спутник, тепло его тела по-прежнему согревало меня. — Надо до неё дойти, сейчас она пуста.

Должно быть, он прошёл немного дальше, прежде чем возвратиться, чтобы спасти мою жизнь. Я не могла не понять, что именно он спас меня от одержимой Лизолетты. Мы легко шли в темноте, как будто он хорошо знал дорогу, много раз проходив по ней.

Тьма смущала меня. Небо было затянуто облаками, а ведь Лизолетта говорила о луне. Однако я никакой луны не видела. Но всё же смогла разглядеть впереди тёмную массу. Полковник на несколько мгновений выпустил меня. Я услышала скрип двери, потом он снова взял меня за руку и ввёл в ещё более густую тьму.

— Стойте на месте. Я закрою дверь, тогда можно будет зажечь свет.

Я послушалась. То, что мы смогли выбраться из Валлен-

штейна, казалось мне таким невероятным, что я испытывала странное ощущение: я была ошелоmlена и поглупела. Услышала шорох движений в темноте, потом загорелась свеча.

— Ну, вот, миледи, — свеча стояла на грубом столе, а полковник тем временем достал откуда-то жёсткий плащ и укутал меня. Впервые мне стало теплей, и я сразу подумала, каким кажусь чучелом. Но полы плаща прикрывали мои лохмотья, и я с некоторым оживлением смогла осмотреться.

Глава восемнадцатая

Чуть отодвинув внутренний ставень, я выглянула в сумрак предрассветного утра. Лес, подходивший к самому основанию утёса, на котором возвышается Валленштейн, грозной стеной стоял передо мной. Не было видно ни одной тропы или поляны.

Я плотнее запахнулась в плащ, чуть ли не единственную свою одежду. Сказывалась усталость от нервного напряжения. Я смутно помнила, как ночью упала на кровать, похожую на полку. Но я чувствовала тепло — тепло не от огня, а от сознания, что рядом человек, которому я могу доверять, который знает, что со мной случилось, и которому я не безразлична. Мы почти не разговаривали. Последние усилия, избавившие нас от опасности, отняли всю энергию. Мы только сознавали, что свободны.

Но теперь во мне снова проснулась тревога. Валленштейн был ещё так близко. И нас с врагами, стремившимися узнать, где мы, разделяла только обезумевшая девушка. Я сжала в руке мешочек с золотом, главную надежду на помощь в будущем для нас обоих.

В тёмной комнате послышался шорох. Я быстро повернулась, закрыв ставень. Мой спутник, едва видимый в полутьме, поднимался с матраца, лежавшего на полу. Я услышала, как он хмыкнул и что-то негромко проворчал. Что-то насчёт своих ссадин и ушибов.

Но двигался он энергично, как человек, привыкший к быстрой реакции солдата в опасности. Подошёл к столу и снова зажёл свечу. Обрывки рубашки исчезли, на плечах и груди темнели синяки. Наверное, ему было больно, и я сожалела, что у меня нет никакого лекарства. Даже воды.

Вода!.. От одной этой мысли мне страшно захотелось пить. И есть тоже.

— Никаких признаков преследования? — полковник нарушил молчание, словно офицер, ждущий доклада солдата.

— Я видела только лес.

Он подошел к настенному шкафу и раскрыл его.

— Пусто, — констатировал он, — никакой еды. Но кое в чём нам повезло... — он достал какой-то свёрток и бросил его на стол. В нём оказалась одежда.

— Смена на случай непогоды, — пояснил он, разглядывая одежду, какую носят крестьяне. Несколько рубашек, кожаный жилет, пара брюк, покрытых тёмными пятнами. До меня донёсся запах плесени. — Да, не очень-то красивая, — он заметил, как я сморщила нос. — Но когда бежишь от дьявола, дорогу не выбираешь. А в нынешнем своём виде мы далеко не уйдём.

Я снова покраснела и поёжилась под своим плащом. Неожиданно проблема одежды приобрела значительную важность. Состояние его одежды было чуть лучше; брюки, хоть и выпачканные, уцелели. Но выглядел он настоящим разбойником, отросшая щетина подчёркивала мрачное выражение лица, растрепанные волосы посерели от пыли и стояли дыбом.

— Куда мы пойдём? — я пыталась говорить так же небрежно, как он.

— Прекрасный вопрос, — он сел на край стола, покачивая ногой в исцарапанном сапоге. — Нас будут искать. Уже ищут. Местность пустынная. Нам лучше избегать встреч. Нас продадут за медяк.

— У меня есть деньги... — я достала мешочек, который так долго хранила в тайне, и показала ему золото.

Он даже присвистнул, когда я отбросила бессмысленный теперь пергамент, который и вовлёк меня в это положение, и подтолкнула к нему золото.

— И ещё это... — я отвела плащ с горла и показала ожерелье, которое казалось мне теперь рабским ошейником и которое я с радостью оставила бы рядом с медальоном Людовики.

— Спрячьте его! — сразу приказал он. — Оно вас может выдать... О его существовании известно тем, кого нам стоит опасаться.

Он взглянул на золото, но словно не видел монет. Размышлял о чём-то своём.

— Нам нужны еда, убежище...

— И возможность выбраться из этой проклятой страны! — я вновь негодовала на целый свет из-за всего случившегося со мной.

— И возможность выбраться, — согласился он. — Вот это-то и будет самым трудным. Мы, конечно, можем добраться до границы и перейти через неё контрабандным путём. Если сможем идти быстро... если вы сможете... Когда они обнаружат моё исчезновение, их главной добычей буду я. Потому что ваше заточение в крепость могло быть произведено в тайне, и они не посмеют открыто искать вас.

И я сделала выбор. Хотя, отвечая, я уже понимала, что выбора в сущности не было.

— Мы пойдём вместе. Я ваша подопечная... — я никогда не собиралась делать это признание. Раньше оно рассердило бы меня, ведь я совсем по-другому воспитана бабушкой. Но это правда. Уходить мы должны были вместе. Это наше общее приключение, до самого конца. А каким он будет, конец? Я лишь бегло подумала об исходе побега и сразу отбросила эту мысль.

— Труда рассказала мне, что её семья владеет гостиницей на границе. Там часто проезжают кареты по дороге к курорту.

Но решимся ли мы отправиться туда? И что случилось с

самой Трудой? Может, она тоже пленница в мрачной крепости, из которой нам удалось уйти? Если так — разве можем мы оставить её?

— Труда, — высказала я вслух свою мысль, — может, её тоже заточили здесь?

— Труда, — полковник опять погрузился в свои мысли. — Да, — он не оставлял мне надежды. — Возможно, её тоже заставили молчать таким образом. Но мы не можем здесь оставаться.

И снова начал разглядывать найденную одежду. Протянул мне брюки и рубашку.

— К счастью, эти земли почти не заселены. Это лучшее, что я могу вам предложить, миледи.

Я неодобрительно взглянула на затхлую одежду, зная, что он прав: мне необходимо было чем-то прикрыть почти нагое тело. В таких обстоятельствах не до застенчивости. Я взяла то, что он выбрал для меня. Вот только ноги так и останутся босые, сбитые от ходьбы по камням, хотя во время бегства я не обращала внимания на такие мелкие неудобства.

Полковник издал короткое восклицание, и прежде чем я поняла, что он собирается делать, или смогла увернуться, он поднял меня и посадил на стол. А потом взял мои ноги в оборванных чулках и подставил под огонь свечи. Я поморщилась от его осторожных прикосновений и увидела, как лицо его приняло знакомое мрачное выражение.

— Туфли... башмаки... — он снова порывлся в шкаф, но больше ничего не нашёл. — Придётся обойтись обмотками, миледи. Вы сможете идти?..

— Смогу, — пообещала я. Он не увидит снова, как я морщусь. А мой спутник уже разрывал одну из рубашек на длинные полосы с ловкостью, которой я от него не ожидала (да есть ли что-нибудь, на что он не способен?), потом принялся обёртывать лентами мои ноги. Я прикусила губу, отказываясь дать ему понять, как мне больно даже от таких лёгких прикосновений.

Обернув мне ноги несколькими слоями ткани и прочно

завязав их у лодыжек, он прошёлся по маленькой комнатке, взял стоявший у пустого очага небольшой ручной топор, быстро расколол полено напополам и принялся срезать кору.

Я порылась под плащом, догадавшись, что он делает, и достала нож с рукоятью, обёрнутой красной нитью, тот самый, что послужил таким страшным оружием в руках Лизолетты.

— Это не лучше?

— Хорошо! — он взял у меня нож и с искусством, которого я не ожидала у такого человека, разрезал кору на два куска, примерил к моим ногам, перевязал их ещё лентами и наконец критично взглянул на свою работу.

— Всё, что мог сделать...

— Получилось лучше, чем можно было ожидать, — я решительно отказалась признаться в боли, которую вызвали его действия. — Сама бы я до этого не додумалась. А теперь — куда мы пойдём?

Он подошёл к тому же окну, из которого выглядывала я, и посмотрел в него.

— Я бы предложил дожждаться ночи, но мы не можем ждать без еды и воды... и мы слишком близко к Валленштейну. Если найдут Лизолетту, она может рассказать им...

Я сбросила одежду в охапку и слезла со стола. А он уже надел грязную рубашку, поверх неё кожаный жилет, туго натянувшийся на плечах, и двинулся к двери. Когда полковник закрыл её за собой, я сбросила плащ и поспешно стащила с себя обрывки белья, не выдержавшего испытаний нашего бегства. Брюки оказались мне велики, от них исходил сильный запах, но я надела их, перевязала шнурком от нижней юбки, а под конец прикрыла рубашкой низкий вырез сорочки. Остатки красного платья и другую сброшенную одежду я связала клубком, потом снова надела плащ. Как могла, причесалась, перехватила локоны лентой и сунула их под воротник плаща.

Едва я закончила, как вернулся полковник. Он принёс большой деревянный ковш с полусгнившей ручкой, однако

достаточно прочный, чтобы вмещать воду. Я жадно напилась, чувствуя в воде привкус старого дерева. Он увидел свёрток из моей рваной одежды и одобрительно кивнул.

— Нужно спрятать это. Не знаю, приведут ли они собак...

Его слова потрясли меня. Нас могут преследовать в этой проклятой пустыне, как животных. Должно быть, он прочитал выражение ужаса на моём лице, потому что улыбнулся и протянул руку.

— На это есть свои хитрости, миледи. Я их хорошо знаю. Пошли!

День стоял в полном разгаре. Но солнца не было видно. Небо покрывали тёмные тучи, облака срывались с гор и тяжело нависали над стенами Валленштейна, которые теперь возвышались над нами. Хижина пряталась у самого основания утёса, на котором построена крепость.

Я увидела её лишь мельком, потому что полковник сразу увёл меня в кусты. Вскоре нам встретилось мёртвое дерево, вверху его обгорелого ствола чернело дупло. Мой спутник подобрал ветку и с её помощью забросил свёрток с тряпками в это отверстие.

— Там есть ручей — сюда, — он вернулся ко мне и снова обнял за плечи, принимая на себя часть моего веса, стараясь облегчить мне ходьбу, хотя я пыталась идти самостоятельно. Мы действительно подошли к ручью, и я вслед за ним побрела вброд по воде, догадавшись, что это должно сбить со следа собак.

Мрачные тучи скоро разразились дождём: мёртвые деревья и молодая поросль по берегам ручья не давали укрытия, так что вода промочила нас не только снизу, но и сверху. Я и в камере чувствовала себя несчастной, но никогда не было так плохо моему телу, как сейчас, когда я скользила по камням на дне ручья и промокший плащ тянул меня в воду. Может, полегчало бы, если пожаловаться вслух, но этого я не собиралась делать, гордость заставляла меня идти молча.

Нам впервые повезло, когда мы наткнулись на останки

фермы, хотя огонь и время вдоволь похозяйничали здесь. Но несколько увешанных ягодами кустов избежали общей участи, и я обеими руками принялась набивать рот сладкими терпкими ягодами. Полковник оставил меня сидеть на полуразвалившейся стене, а сам пошёл осматривать почерневшее место, на котором когда-то стоял большой дом.

Он вернулся, торжествующе размахивая рукой над головой, и я увидела, что он где-то нашёл шпагу, потускневшую, с заржавевшей рукоятью. Топор из хижины лесника он повесил на пояс, по сравнению с его нынешней находкой это было не очень подходящее оружие. И мне показалось, что в походке полковника появилась новая уверенность: теперь он был вооружён.

— Судьба нам благоприятствует, — он сделал несколько выпадов своей находкой. — Не понимаю, как она не стала добычей грабителей...

— Итак, у вас есть шпага... — я опасалась, что прорвётся жалость к самой себе, которую я подавляла всё утро. — Но куда мы пойдём дальше... и что можем сделать?

Фенвик сел на камень рядом со мной.

— Я знаю эту местность, — заговорил он медленно, — не очень хорошо, но достаточно, чтобы пройти на север. Здесь у нас два года назад проходили маневры. Впереди дорога, скорее лесная тропа, но идти можно. За ней несколько отдельных ферм. Мы выберемся из района, где правят фон Црейбрюкены, и поэтому сможем обратиться за помощью. В Гессене сейчас беспокойно. Новый курфюрст ещё не вполне овладел властью. И придворные заняты своими интригами, чтобы оказаться поближе к нему. Не думаю, чтобы комендант Валленштейна стал торопиться с докладом о нашем побеге... хотя сам попытается нас отыскать.

— У вас есть друзья, которые могли бы нам помочь? — прямо спросила я.

Он пожал плечами.

— Лучше считать, что мой круг друзей будет сторониться того, с кем благоразумнее не признавать близости... — в его

голосе не было горечи, только насмешка. — А теперь нам пора идти.

По крайней мере больше не пришлось идти по ручью. Обмотки у меня на ногах промокли, скоро дождь насквозь промочил и всё остальное. Я сомневалась в том, что он попытается облегчить мне дорогу. Но за развалинами фермы действительно оказалась тропа, и мы пошли по ней. Обе её стороны заросли густыми кустами, а между рытвин топорщилась трава.

Я не позволяла себе отставать, хотя ноги у меня болели, а потом и вообще словно онемели. Раз или два я споткнулась, и полковник твёрдой рукой поддержал меня. Я не могла бы сказать, далеко ли мы ушли от Валленштейна и в каком направлении сейчас идём.

Неожиданно мой спутник заставил меня остановиться. Я пошатнулась и откровенно повисла на нём, не доверяя своему чувству равновесия. Осмотрелась, но ничего тревожного не заметила. Полковник высоко поднял голову, и я увидела, как раздуваются его ноздри. Заговорил же он еле слышным шёпотом:

— Чувствуете запах?

Запах? Мне казалось, что чувства мои так притупились, что я почти ничего не вижу и не слышу. Какой запах? Дождя? Тяжёлый запах разрытой земли? Какой-то древней нечисти? Я ждала только злого от этой покинутой людьми местности.

— Древесный дым, — объяснил он. — Пошли... — его сила поддерживала меня. Мы свернули со старой дороги в кусты, где с листьев водопадами срывались капли и ещё больше промочили свою одежду. — Оставайтесь здесь!

Ничего больше не сказав, он втолкнул меня в густую листву и легко ускользнул с повадками скорее лесника, чем придворного офицера. И я оставалась на месте, подняв голову, принюхиваясь, пока тоже не уловила запах, насто-роживший его.

Но кто станет разводить костёр в этом дождливом лесу? Может, мы набрали на другую хижину лесника, только

обитаемую? Я вздохнула и принялась растирать грязными руками ноги, стараясь избавиться от онемения. Конечно, сейчас лето, но сегодня день скорее походил на начало осени. Мне хотелось выпить чего-нибудь горячего, даже тёплого шоколада, который казался мне таким невкусным в Аксельбурге, хотелось лечь в постель, вытянуться и больше не шевелиться.

Я глубже забилась в мокрые кусты и искала оружие, любое оружие... Недалеко от меня из земли торчал поросший мхом камень. Я вырвала его из дёрна и сжала, прислушиваясь к шороху ветвей, явно вызванному не ветром.

Фигура, которая урывками мелькала среди кустов, придвинулась ко мне; на ней был такой же, как у меня, плащ, но с капюшоном, закрывающим голову. Эта голова всё время опускалась и поднималась, и я догадалась, что человек собирает хворост, ветви погибших деревьев.

И тут я уловила голос, негромкий и низкий... поющий?.. Женское пение! Нормальная жизнь за последние дни стала такой далёкой от меня, что я вздрогнула, как будто услышала воинственный клич индейцев с моей родины, когда они нападают на посёлок. Это жена фермера... или дочь? Неужели кто-то решил вернуться, восстановить дом в этой пустыне?

Я благоразумно не отбросила камень. Женщина вряд ли будет бродить здесь одна. Кто знает, кто придёт на её зов, когда она меня увидит? Полковник... несмотря на всю свою осторожность, он мог выдать нас обоих.

Я превратилась в загнанное животное, прижалась к коврику опавших листьев, даже начала зарываться в него. Но женщина приближалась, а я могла только молиться, чтобы она свернула направо или налево.

Но она вместо этого выпрямилась, прижимая к себе собранный хворост левой рукой, а правой отбросила капюшон, который закрывал ей глаза. И я смогла увидеть её лицо.

Увидеть её лицо? Нет, это какой-то каприз сознания,

случайное сходство, в которое я не смела поверить. Это не могла быть Труда... здесь, в лесу, которого она так боялась раньше! Труда, которую я считала заключённой, потому что она служила мне!

Теперь и девушка как будто почувствовала, что за ней наблюдают. Потому что перестала петь и чуть отступила в кусты в поисках укрытия. Я увидела, как она пугливо оглядывается.

Чем больше я смотрела на неё, тем больше вынуждена была признавать очевидное. Мне не снилось, меня не опоили. Это действительно была Труда! Камень выпал у меня из руки. Чувствуя слабость и головокружение, я отвела в сторону ветвь, своё главное укрытие.

Она напряглась, быстро повернулась, словно собралась бежать. Тогда я хрипло позвала:

— Труда!

Хворост рассыпался. Она так же быстро повернулась назад, глаза её широко раскрылись, на лице появилось выражение почти что ужаса. Теперь между нами не было листы, и она видела меня так же ясно, как я её. Она долго смотрела на меня, словно я явилась ей в кошмаре. Потом бросилась ко мне, вытянув руки:

— Миледи, о, миледи!

Не было хозяйки и служанки, мы обнялись, она склонилась ко мне, поддерживая меня руками. И начала укачивать, словно я ребёнок.

— О, миледи, это действительно вы! Не могу поверить, но это так!

А я могла только повторять её имя: «Труда, Труда», и цепляться за неё, словно она скала в быстрой реке, по которой меня несёт течением и я уже потеряла надежду спастись.

— Труда, — наконец я немного пришла в себя и смогла подумать о чём-то другом, кроме чуда нашей встречи. — Как ты здесь оказалась?

Мой вопрос как будто снова насторожил её, потому что она в страхе оглянулась, словно ожидала опасности.

— Пожалуйста, миледи, вы можете идти? Нам нельзя здесь оставаться, идёмте, я вам помогу! — девушка не ответила на мой вопрос. Напротив, как полковник, взяла на себя командование, и я готова была покорно следовать за ней.

Я еле поднялась на онемевшие ноги и с её помощью выбралась из кустов. Мы прошли между двумя огромными камнями, которые возвышались как столбы, обозначавшие вход куда-то, и оказались в небольшой долине с горами камней, несколькими обвалившимися стенами без крыш, но с изящными заострёнными окнами, лишёнными стекол.

Из одного окна тянулась струйка дыма, а из дверного проёма вышел полковник. Он подбежал к нам, молча взял меня на руки и понёс, а Труда семенила рядом с ним.

Решимость, которая заставляла меня двигаться с тех пор, как мы покинули зловещий храм, оставила меня, вытекла, как кровь из глубокой раны. Я, никогда не падавшая в обморок, считавшая это женским капризом, увидела, как стены дрогнули и будто покачнулись к нам, а потом погрузилась в темноту, в которой не было больше необходимости бороться.

Пришла я в себя с большой неохотой. Кто-то приподнял мою голову и прижимал что-то к губам. Запахло удивительно вкусно, я слышала голоса, которые ничего не значили. Жадно принялась пить, так и не открывая глаз. Густой суп, необыкновенно вкусный. Горячая жидкость потекла по горлу и принесла с собой силы.

Я посмотрела вверх. Ко мне склонилась Труда, держа у моего рта чашку. Но поддерживал меня кто-то другой. А дальше двигался третий, хотя я не могла разобрать, кто это.

— Пейте, миледи, это хорошо. Сегодня утром Кристофер поймал в силок зайца. Он придаст вам силы. Попробуйте... — девушка окунула ложку в чашку и достала кусок мяса, который отправила мне в рот. И я принялась жевать с такой же жадностью, с какой пила.

Ко мне на удивление быстро возвращалось сознание. Мне не снилось... это действительно Труда и... я повернула

голову и увидела, что поддерживает меня полковник. Опять шёл дождь, но у нас было сухо, угол дома защищала часть крыши. Горел небольшой костёр. Теперь я разглядела и третьего, который подбросил дров в огонь, молодого человека с приятным лицом. Кристофер, да, я слышала это имя раньше... где-то... когда-то.

Я поела и снова уснула, а когда проснулась, дождь перестал, светило солнце, и мне пришлось отбросить плащ, которым меня укрыли. Тут же появилась Труда и опустилась рядом со мной на колени.

— Миледи, — она коснулась моего лба, проверяя температуру.

— Я себя хорошо чувствую, Труда, — это было правдой. Я чувствовала, что огромная тяжесть упала у меня с плеч, осталась лёгкость, которая словно поднимала меня в воздух. Я могла бы запеть, закричать, как ребёнок от возбуждения и радости. Я села, и Труда поддержала меня, хотя в этом я больше не нуждалась.

— Труда, что случилось? Где мы? И как ты оказалась здесь? — прошлое вернулось, но в воспоминаниях не было страха.

— Позвольте мне покормить вас, миледи, а пока вы будете есть, мы сможем поговорить.

Она усадила меня спиной к каменной стене, и я посмотрела, как мы устроились. Крыша закрывала больше трети дома, не очень большого. Чуть в стороне виднелось нечто вроде каменной площадки, помоста, а на нём большой прямоугольный камень. На стене за ним темнел глубоко вырезанный крест. Я решила, что мы обосновались в часовне, которая действовала, пока эта местность не превратилась в пустыню. Очень простая часовня, никаких украшений, кроме этого креста. Но окна были изящные, и вообще вся постройка благородная, хотя и небогатая.

У стены лежали два дорожных мешка и груда хвороста. Труда повесила на треножник над огнём небольшой котелок. Наполнила чашку, из которой я уже ела, и вернулась ко мне с ложкой. Опять суп, который я охотно выпила.

Боюсь, что даже с жадностью. В этот момент еда казалась мне важнее всего. Потом я вспомнила и перестала есть.

— А где полковник... Кристофер?..

— Они ушли разведать дорогу, — Труда нахмурилась. — Мы не можем оставаться здесь. Нас ищут...

Так не хотелось волноваться, а теперь придётся.

— Но ты, Труда, ты и Кристофер, как вы здесь оказались?

Девушка короткими простыми фразами рассказала свою историю, не упоминая об ужасе и отчаянии, которые наверняка не меньше моего терзали её. Вечером после визита Конрада в мою спальню Труда обнаружила, что её закрыли в комнате прислуги. Она попросила разрешения вернуться ко мне, но ей ничего не ответили. Потом ей заявили, что я уехала со своим «мужем», показали вереницу карет и сообщили, что в них отбыл барон и его супруга. После этого служанке приказали приготовиться к возвращению в Аксельбург. Но здравый смысл предупредил её, что если она покинет Кестерхоф, то отправится не в столицу, а на смерть.

Однако до того, как был организован отъезд, в дом явились солдаты с приказом задержать графиню и её приближённых. С солдатами прибыл и Кристофер. Он уже встревожился из-за отсутствия полковника; в городе ходило множество слухов, и он решил не принимать участия ни в чём дурном.

— Он хороший человек, — говорила Труда. — Слышал многое, и это заставило его опасаться... за полковника, за меня... даже за себя самого. Тех, кого отправили с тайным заданием, легко можно обвинить в совершении зла, которое им приказали причинить. И потом, когда он увидел вторую карету и вас в ней...

— Вторую карету? — меня так заинтересовал её рассказ, что я забыла про еду.

— Да, первую отправили для обмана. В ней уехал барон, да, я его видела. А ночью снарядили вторую карету, и Кристофер в это время стоял на страже. Карету сопровож-

дали не люди графини, но Кристофер их узнал, это были люди принцессы, принцессы Аделаиды. Графиню закрыли в её собственной комнате, а вас увезли. Кристофер сказал мне, что сначала подумал, будто вы умерли, но потом заметил, как вы пошевелились. С вами была женщина, одетая, как монахиня. Она всем распоряжалась. И так вас увезли.

Потом Кристофер узнал, что вас увезли в это злое место, в Валленштейн. Он знал, что вы крови курфюрста и нам всем грозит опасность. И поэтому в ту же ночь, вернее, рано утром, мы убежали. Кристоферу пришлось сразиться с одним из лесников... если его найдут... — девушка так сильно сжала руки, что побелели пальцы. — Сейчас его считают дезертиром, миледи. И повесят, если схватят. Но он узнал, что и полковника заточили в этом злом месте. И мы ждали, надеялись найти какой-нибудь способ... Бродили по лесу... А я молилась, миледи, всё время молилась. И видите — добрый Бог меня услышал. Он помог нам и поможет ещё. Он не забудет о нас...

Я отставила чашку с ложкой и взяла её руки в свои.

— Не забудет, Труда, не забудет!

Глава девятнадцатая

Снаружи стемнело, и мы развели костёр, давший достаточно света, чтобы можно было видеть и читать выражение лиц четверых, собравшихся у костра на военный совет в разрушенной церкви. Мы все признавали, что скрываться здесь слишком рискованно, и наперебой обсуждали проблему, куда и как идти. Полковник не отдавал приказы, он внимательно выслушивал предложения. Кристофер вначале говорил несмело, но потом, увидев, что его мнение ценит человек, которого он считал намного превосходящим себя, стал держаться уверенней.

Нам нужен был какой-нибудь транспорт и маскировка, чтобы пройти по стране.

— В Граце есть рынок. И ярмарка лошадей, хотя не

такая большая, как раньше, — сказал Кристофер медленно, словно думая вслух, соединяя одну мысль с другой, как лоскутья одеяла. — Фермеры на ней покупают рабочих лошадей. Там может стоять небольшой гарнизон. Наверное, ярмарку будет обыскивать полиция. Так что риск есть...

Полковник провёл рукой по небритому подбородку. У него уже отросла борода, такая чёрная, что черты его лица приобрели зловещее выражение. Глядя на него со стороны, я подумала, что не хотела бы в одиночку встретиться с таким человеком на лесной дороге.

Мы все переоделись в одежду, которую Труда и Кристофер сумели унести из Кестерхофа. Мы с Трудой были одеты в платья с длинными юбками, небольшие шали и передники крестьянок. Вся эта одежда покрылась грязью и порвалась после блужданий в колючем кустарнике между часовней и ручьём. Зато мои перевязанные ноги теперь защищали башмаки с толстыми подошвами, а Труда ходила босиком, утверждая, что она привыкла так ходить летом. И действительно, она показала мне свои твёрдые мозолистые подошвы.

Брюки полковника так истрепались, что их можно было принять за солдатские обноски, какие продают из вторых или третьих рук на тряпичных рынках. Побитые ботинки также могли сойти за находку на таком рынке. Рубашка и куртка у него с Кристофером были одинаковыми, а волосы такие взлохмаченные, словно никогда не знали гребня. Переводя взгляд с одного своего спутника на другого, я начинала верить, что мы можем смело идти на ярмарку. Нас сможет узнать только человек, который хорошо знает обоих и специально ищет.

Однако у меня имелся свой вопрос.

— У нас есть золото. Разве нас не спросят, где мы его взяли, когда мы попытаемся открыто им расплатиться?

Кристофер и полковник нахмурились, как будто сразу поняли, что я права. Но Труда чуть наклонилась вперёд.

— Добыча... — тихо прошипела она. — Добыча, погре-

бённая, найденная... Так бывало и раньше. А может, золото досталось нам от заблудившегося путника, который забрёл не в тот дом...

Полковник коротко рассмеялся.

— Труда, девочка моя, в каком обществе ты выросла?

— Я просто слушала, когда прислуживала в гостинице. Помнишь Хирша, Кристофер?

Тот энергично кивнул.

— Да, его хорошо знали. Ганзель Хирш, сэр. Нищий, жил в такой хижине, в которую и кур не поселишь. И вдруг у него завелись деньги в кармане. Говорят, он долго бродил по местам, где сошлись французы с русскими и где обе армии понесли такие большие потери, что даже не собрали брошенное имущество. За них это сделали другие. О, я знаю, война давно закончилась. Но сколько их тут было. Допустим, раненый офицер уполз в лес и умер. И кто-то нашёл его тело. Или припрятал добычу, а потом не сумел её взять.

— Моё золото — английские и американские монеты... — я поняла, что это может принести нам неприятности.

— Золото есть золото, — возразил полковник. — Монеты можно пропустить через огонь, превратить в слитки. Да... — снова он потерев пальцами бороду. — Можно придумать неплохую историю. Откровенно говоря, я другого выхода не вижу, — он критично взглянул на меня. — Эти ваши светлые волосы, миледи, нельзя ли их затемнить?

Труда энергично кивнула.

— Мои тоже, и Кристофера. Я знаю, что можно прокипятить кору и сделать свою кожу темнее. Будем похожи на бродяг, хотя не очень-то хорошо на них походить. Солдаты к ним всегда подозрительно относятся. Но сейчас много таких, кто утратил свою землю из-за налогов или... — она пожала плечами и подняла руки. — Мы, конечно, сможем придумать правдоподобную историю!

Девушка, скромная служанка в доме графини, оказалась совсем другим человеком. Мне понравилась её сообразительность, а также доброта и преданность.

— Хорошо. Итак, отправляемся в Грац, — полковник повернулся ко мне. — Дайте мне несколько мелких монет. Я проверю, можно ли их заставить потерять своё обличье.

Составив план, мы энергично принялись за работу, и даже темнота не помешала нам. Монеты, которые расплющили камнями, так деформировались, что действительно могли сойти за добычу, пострадавшую при передаче из одних воровских рук в другие. Труда, пока ещё было светло, ушла и вскоре вернулась с грудой коры, которую ножом настругала в котелок. Снова разожгла костёр и поставила кору кипятиться, всё время помешивая её, пока не образовалась густая жидкость, похожая на суп. Потом Труда поставила жидкость остывать.

Утро ушло на маскировку. Мы с Трудой вымыли друг другу волосы краской из котла, оставив порцию для Кристофера. У меня не было зеркала, но судя по внешности Труды, и я теперь стала совершенно другая. Волосы я вытерла, просушила на ветру и они приобрели тёмно-каштановый, почти чёрный цвет. Труда отошла в сторону и критично взглянула на меня.

— Мы будем сёстрами, миледи, — сказала она. — Кристофер может быть нашим братом. А вы, сэр... — она обратилась к полковнику.

— Я её муж, конечно, — он опустил руку мне на плечо. И у меня появилось странное ощущение, что это правильно, она и должна лежать там, от его прикосновения мне стало тепло и спокойно. — Но помните, вы оба, — в голосе его зазвучали прежние командирские нотки, — никаких больше «сэров» и «миледи». Она Амелия, а я... У меня слишком иностранное имя... Я буду Францем, Францем Килбером. Хотя нет, вам лучше зваться Лоттой, это больше подходит, — закончил он, глядя на меня. Я согласно кивнула.

На второй день после составления плана мы выступили. Накануне полковник и Кристофер сделали вылазку в сторону Валленштейна, чтобы убедиться, что нас не преследуют. Полковник признавался, что удивляется нашему везению и

отсутствию облавы. Он посчитал, что комендант крепости ради собственной безопасности пытается сохранить наш побег в тайне.

— Несомненно, продолжается какая-то интрига, — заметил полковник на ходу. Шёл он не своей обычной походкой, а сторбившись. Я шагала рядом, неся на бедре связку хвороста, как показала мне Труда.

Случайно я посмотрела на свою левую руку. Палец опоясывала воспалённая красная полоса. Я настояла, чтобы мои спутники разрезали кольцо. Мне хотелось забросить его как можно дальше, но Труда благоразумно заметила, что оно тоже входит в «добычу». Хотя кольцо теперь было изуродовано, оно, несомненно, старое и тем самым подтвердит правдоподобность нашего рассказа. Железное ожерелье с бабочками я завернула в ткань и спрятала на груди, в самом безопасном известном мне месте. Но распухший палец по-прежнему свидетельствовал, что кольцо совсем недавно было на мне.

На самом ли деле я замужем? Мне казалось, что это не так. Я не помнила церемонию, только отдельные отрывки. Я не отвечала на традиционные вопросы. Но всё равно я чувствовала, что пока сохраняется возможность получить наследство бабушки, я не буду в безопасности, не буду свободна от предательства.

Полковник, должно быть, думал о том же, потому что придвинулся ко мне и обнял рукой за талию, помогая идти. Труда и Кристофер ушли вперёд и не могли нас слышать. К тому же он заговорил шёпотом.

— Будьте уверены, больше вам с н и м не придётся иметь дело! Вы будете не одна!

— Ему нужно сокровище. Это жалкое сокровище... Я его не хочу и никогда не хотела! — с гневом выдохнула я, но тоже негромко. — Я не знаю здешних законов. Если он меня найдёт, то может утверждать, что я — его жена, и закон даст ему полную власть надо мной. Он сказал, что мой дед хотел нашего брака.

Проклятие спутника не удивило меня. Если бы я зна-

ла такие слова, то наверняка тоже воспользовалась бы ими.

— Конечно, он солгал. На самом деле... — полковник неожиданно смолк. — Ваш дед действительно пытался обеспечить вашу безопасность. К несчастью, его власть завершилась после смерти. Да, они надеются использовать сокровище как ловушку.

Я невесело рассмеялась.

— Для меня это не ловушка. У меня есть собственное сокровище... мой дом... — в этот момент меня поразила такая тоска по имению, по упорядоченной жизни, которую я там вела, что я расплакалась бы как ребёнок, если бы не держала себя в руках. Но он, должно быть, понял, по чему я тоскую, потому что сказал очень тихо, и вся строгость исчезла из его голоса:

— Он очень красив, ваш дом...

— Но вы его не знаете!

— Я его видел, и вас в нём. Вы были правы, вы и сейчас правы. Вы должны быть на своём месте. А этого, — он обвёл рукой окружающее, — не должно было быть.

Впервые я задала ему прямой личный вопрос:

— А где ваш дом?

Он пожал плечами.

— Дом солдата? Везде и нигде. Солдат перелетает, как птица, куда зовёт его долг. Когда-то у Фенвиков были корни, но их вырвала война, и мы стали бродягами. У меня нет корней, нет земли даже размером с ладонь, — он вытянул руку. — Курфюрст предложил моему отцу титул и земли. Они были боевыми товарищами, до того как курфюрст вернулся в Гессен. Но — это не дом. Не тот дом, который мой отец знал мальчиком. Ему не нужно было положение при дворе, но он был достаточно предусмотрителен и часть щедрого дара курфюрста перевёл в английский банк. И меня отправил учиться туда же. Так что за границей я не буду нуждаться. В сущности... я могу когда-нибудь даже выполнить мечту отца.

— Какую?

— Вернуться в страну, из которой нас изгнали. Сейчас

старая вражда уже умерла. Он часто мечтал снова вернуть себе... может, не «Королевский Дар», но какое-нибудь поместье поменьше на Восточном побережье. Он говорил об этом, умирая...

— «Королевский Дар!» — я удивлённо посмотрела на него. — Но я его знаю! Это поместье Артли.

— Они наши родственники. Которые предали короля. Нет, наверное, мне не следует говорить о старых бедах. Теперь по вашу сторону океана никакого короля нет, и я уверен, что там мир. Я видел слишком много стран и правителей... Ваша страна красивая и, я думаю, в ней можно быть счастливым.

И тут я начала выкладывать все мои воспоминания, надежды, говорить о своей любви к поместью и земле моего рождения. Никогда я этого не делала со времени смерти бабушки. Он внимательно слушал, так что мне казалось, он понимает мои чувства и они находят в нём отзыв. Этот час успокоил меня, заставил забыть мрачное недавнее прошлое, принёс надежду.

Нам потребовалось два дня ходьбы по заселённой местности за пределами пустыни, прежде чем мы достигли Граца. Спали мы в маленьких гостиницах, в тесных комнатах вместе с другими пешеходами. В первый вечер Кристофер после осторожных расспросов узнал имя скупщика краденого. Вместе с полковником он навестил этого человека и договорился о продаже части нашей «добычи». Полковник сказал мне, что нас обманули, но зато мы получили монеты, которые можно тратить открыто. В числе проданного было и кольцо, чему я особенно обрадовалась.

Сам Грац оказался так забит, что мы не смогли найти места в гостинице, но Кристофер подружился с торговцем лошадьми, у которого был фургон, а в нём жена и два маленьких чертёнка — его дети. Этот человек разрешил нам оставаться у его костра в пригороде и поделился едой, которую готовила его жена. Мы добавили свой хлеб, сыр и цыплёнка, чтобы пополнить стол.

У Граца было что предложить и кроме лошадей. Здесь

нам не потребовалось искать скупщиков краденого, чтобы продать своё золото. В городе проживала небольшая еврейская колония: её обитатели пришли сюда во время войн, их здесь приняли и терпели. Один из евреев оказался богатым купцом. Полковник сходил к нему и вернулся, почти забыв, что должен играть роль сутулого бродяги.

Он обнаружил, что этот купец — рассудительный и честный человек, что у него есть связи с другим купцом, с которым был знаком сам Фенвик. Через этого купца можно будет купить лошадей и фургон. И ещё полковник узнал последние новости.

Новый курфюрст совершил неторопливую торжественную поездку по стране и въехал в Аксельбург, который теперь лихорадочно готовился к целой неделе праздника и к похоронам моего деда. Все дворяне съехались в столицу, чтобы всё увидеть и чтобы их увидели, особенно при дворе, где можно, если повезёт, попасть в милость к новому правителю. Приезжают делегации из соседних государств, множество путешественников съезжается из-за границы.

И в такой обстановке нам гораздо легче будет ускользнуть по какой-нибудь контрабандной тропе. Этим вечером, собравшись вместе, мы возбуждённо обсуждали дальнейшие планы. Торговец лошадьми отправился выпить в таверну, его жена уложила детей и легла сама.

— Но ты, Труда, ты и Кристофер, каковы ваши планы на будущее? — я неожиданно вспомнила, что этим двоим тоже есть чего опасаться в пределах Гессена.

Я видела, как они переглянулись. Ответил Кристофер. Он крепко взял Труду за руку и ответил почтительно, используя обращение, которое не должен был использовать.

— Миледи, мы тоже не можем здесь оставаться. Если... если вы примете нас в своё хозяйство, мы будем очень счастливы.

— Но я живу за морем. Если вы отправитесь со мной, вам придётся оставить свои дома, свою страну, может, никогда больше не увидеть свои семьи!

— Леди, так будет лучше. Нас ищут. Наши семьи не должны знать, где мы. Они тоже пострадают, если заподозрят, что они знают, где мы. Здесь у нас нет дома. Мы можем работать, мы хотим работать... и быть вместе.

Я протянула им руки.

— Вы поедете не как слуги, а как мои друзья. В моей стране много земли — на западе. Если вы этого хотите, пусть так будет.

К моему смущению, они взяли мои руки, но не пожали, а поцеловали. Я быстро отдернула пальцы.

— Мы друзья, — повторила я подчёркнуто. — И поедем только как друзья.

Мы покинули Грац в хорошем и уверенном настроении. Две наши старые лошади (мы не решились покупать больше, опасаясь привлечь внимание) неторопливо тянули маленький фургон. Мужчины позволили им это, пока мы находились на главной оживлённой дороге. Мы не останавливались в гостиницах, а спали в фургоне. Стояло лето, и поэтому нам было неплохо. Обсудив маршрут, полковник и Кристофер решили, что лучше будет пересечь ГанOVER и выйти к Гамбургу. Поскольку ГанOVER принадлежит английской короне, у полковника там имелись связи, а когда мы доберёмся до морского порта — ну, тогда у меня тоже найдутся связи, оставленные бабушкой. Я могла по памяти назвать имена четверых известных купцов, у которых достаточно влияния, чтобы обеспечить нам места на американском или английском корабле.

Городов мы избегали и старались пользоваться боковыми дорогами, если они вели в нужном направлении. Не очень лёгкие дни, если думаешь только об удобствах, но хорошие. Такого хорошего настроения у меня не бывало с того времени, как я пустилась за море. Если нас и искали, мы об этом не знали. Однако свою бдительность не ослабляли.

Наша дорога проходила в нескольких милях от гостиницы Труды. Я заметила, что она весь день молчала. Мы пробирались просёлочными дорогами, и нам всё сильнее

хотелось добраться до границы. Я думала о том, что хорошо бы дать возможность Труде повидаться со своей семьёй. Может, потому что у меня самой больше не было семьи. Я дважды предлагала это в течение дня, но Труда решительно и упрямо качала головой.

— Они, наверное, слышали, что Кристофер дезертировал, а я исчезла. Гостиница — первое место, где нас будут искать.

— Но, может, они не подумают, что вы так глупы, чтобы показываться здесь...

Она покачала головой.

— Именно так они и подумают, миледи. Ведь они считают меня глупой крестьянской девушкой, которая не может позаботиться о себе... Что я, оказавшись в беде, побегу к отцу за помощью. Нет, нельзя. Когда мы окажемся в безопасности, я им напишу, очень осторожно, потому что за почтой тоже будут следить. Но есть слова, которыми я могу воспользоваться, и никто не поймёт, от кого письмо. И тогда они не будут горевать обо мне, не подумают, что я мертва... или гнию в таком месте, как Валленштейн, — глаза ее сверкнули, рот искривился. — Они будут знать, даже если не смогут пожелать мне добра, но будут знать... в глубине сердца. И сообщат семейству Кристофера... Но сначала нужно обрести безопасность.

Так я и не увидела гостиницу, которую с такой гордостью описывала Труда. Мы проехали заброшенное, заросшее кустами поле, в углу которого нашли старый навес. Туда мужчины и заташили нашу повозку, забросав её заплесневевшей соломой.

Ночью началась последняя часть нашего пути по Гессену. Я волновалась, прислушивалась к каждому звуку в сгушавшихся сумерках. Как будто какая-то тень нависла над нами, сделав ночь ещё темней, нёрная туча быстро надвигалась на дружелюбные звёзды. Дни путешествия прошли слишком легко. Неужели под самый конец мы попадём в ловушку? Я не понимала, откуда у меня такие мысли, но опасения всё усиливались...

Кристофер шёл впереди. Он проявил завидную уверенность и, очевидно, гораздо лучше знал тропы контрабандистов, чем признавался раньше. Когда мы вошли в небольшой лес, он пошёл медленнее и часто останавливался и прислушивался, потом, тень среди теней, оглядывался, ища знакомые ориентиры.

Мы шли пешком, ведя на поводу двух лошадей, на которых нагрузили своё имущество: одеяла, кастрюли, смену одежды. Ночью мы надели тёмные плащи, несмотря на тепло; они ещё лучше скроют нас, хотя лес не проезжая дорога, и мне казалось, что на мили вокруг никого нет.

Впереди нас ждало одно тяжёлое место, о чём Кристофер заранее нас предупредил. Граница проходит по ручью, который нам предстояло перейти вброд. А брод этот широко известен. Ночь была лунная, хотя под деревьями свет луны не доставал до нас. Зато переправа хорошо видна.

Будь мы на самом деле контрабандистами, какими представлялись, нам не нужно было бы соблюдать осторожность, потому что у них есть свои шпионы и способы предупреждения. Брод был известен и пограничному патрулю, но из разговора Кристофера с полковником я поняла, что существует взаимовыгодное соглашение между солдатами и теми, кто пользуется тайными путями. Беда в том, что для нас это не так. Если появится патруль, у нас с ним взаимопонимания не установится.

Наконец мы вышли на опушку и некоторое время постояли, глядя на воду, посеребрённую луной, и на местность за ней. Преследователи тоже могут перейти границу, никто не станет слушать наши протесты, что нас незаконно захватили за пределами Гессена.

Земля впереди казалась очень мирной. Я слышала крик ночной птицы, тихое монотонное журчание текущей воды. Полковник сделал быстрый жест, и Кристофер двинулся вправо и тут же растаял в ночи. Я догадалась, что его послали на разведку. Труда стояла рядом со мной, держа меня за руку, сжимая её пальцами. Я даже слышала её ускоренное дыхание. Неужели её тоже посетило предчувст-

вие, которое у меня становилось всё сильнее на последних шагах нашего путешествия? Я тогда поверила в это.

Слишком всё легко получалось! Я каким-то образом чувствовала это. Что-то нехорошее и угрожающее ждало нас впереди. Но пока вокруг царили мир и спокойствие. Я услышала слабый шорох и вздрогнула. Но это лишь откуда-то вынырнул Кристофер.

— Всё чисто, — донёсся до нас его шёпот.

Но полковник не торопился. Я видела смутное белое пятно его лица, заросшего бородой. Он по-прежнему смотрел вперёд. Наконец кивнул и дал знак выступать. Я заметила, что у него в руке не только шпага, которую мы нашли в разрушенном доме, но и нож, принесённый из Валленштейна.

Он шагнул в сторону, пропуская нас вперёд. Кристофер шагал первым, мы, женщины, ведя лошадей на поводу, за ним. Теперь мы шли быстро, рысью, лошади фыркали и жаловались, когда мы нетерпеливо дёргали их за повод. В эти моменты я чувствовала себя совершенно открытой и беспомощной.

Кристофер вошёл прямо в воду. Не останавливаясь, чтобы подогнуть юбки или снять обувь, мы заплескались за ним. Дно было твёрдое, несмотря на течение. Как будто кто-то вымостил его под водой, дорога гладкая, обкатанная. Вода поднялась нам по колени, пришлось сражаться с тяжестью промокшего платья, но мы беспрепятственно выбрались на противоположный берег, хотя я на каждом шагу ожидала, что нас окликнут. Казалось, все разделяли мои опасения, потому что мы не остановились, чтобы выжать воду или вылить её из обуви. Напротив, пошли быстрее, таща за собой лошадей.

Недалеко от брода располагалась гостиница, хорошо знакомая Кристоферу, где не задают путникам лишних вопросов по вечерам конечно, если у них есть чем заплатить. Она служила нашей целью. От брода к этому сомнительному убежищу даже шла неровная дорога. Мы потрусили по ней, снова под сенью деревьев.

В ночи мигнул огонь. Кристофер негромко сказал:

— Это Грошавк...

Гостиница! Я так обрадовалась, увидев свет, что чуть не вскрикнула вслух. Мы справились! Может быть, предчувствия будут терзать меня, пока мы не окажемся в безопасности на борту корабля. Но теперь мы в Гановере, и те, кто хотел нас схватить, не могли больше этого сделать.

Гостиница оказалась тёмным приземистым зданием. Лампа, привлекающая ночных путников, была единственным огнём, который мы видели. Стояла тишина, но полковник знаком велел нам остановиться. Впервые Кристофер усомнился в его решении.

— Так здесь всегда, сэр. Только кажется, что закрыто. Обычно те, кто пользуется гостиницей, даже не заходят в главное здание. Мы заночуем в конюшне слева. Там есть человек... чтобы получать плату... но в остальном нас никто не увидит, никто с нами не заговорит.

Но тёмнота в доме вернула мои страхи. Слова Кристофера имели смысл. Однако его аргументы не уменьшили моего беспокойства. И полковник был не очень доволен. Наконец он покачал головой.

— Мне это не нравится. Тут что-то есть... Я бы предложил идти дальше.

— Куда? — спросил Кристофер. Мне показалось, что он недоволен сомнениями полковника в его суждениях.

— Что ты знаешь о соседях? — спросил в ответ полковник. — Кто тут ближайший землевладелец?

— Граф фон Маннихен, сэр. Он много раз приезжал к моему отцу, когда охотился. Для охоты нет границ, — неожиданно ответила Труда.

— Фон Маннихен! — полковник явно удивился. — Тогда вот оно! Наш ответ! Надо только добраться туда... Как далеко до поместья? — энергично спросил он.

— Около полулиги, сэр. Но граф...

— Я знаю его... мы охотились вместе... он был добрым другом моего отца! Он окажет нам любую помощь!

— На лошадей! — полковник повернулся и стянул вьюк

с лошади, которую я вела. — Бросайте это всё. Ты тоже садись верхом, Кристофер, и бери с собой Трудю. Я возьму миледи. Стоит нам проехать поллиги, и мы будем спать в удобных постелях... опять повезло!

Но он слишком поторопился. Как только мы сбросили груз и сели верхом, в гостинице неожиданно появились признаки жизни. Распахнулась большая дверь, и оттуда выбежали люди.

— Вперёд! — выкрикнул полковник, но наша лошадь не очень охотно ответила на его посыл. Я держалась руками за его талию, а позади раздавались звуки погони.

Глава двадцатая

— Сворачивайте на лесную тропу! — я еле услышала приказ полковника сквозь крики и тяжёлый топот копыт. Не понимаю, почему засевшие в гостинице не ждали нас верхом, чтобы легко схватить беглецов. Как будто что-то помешало тщательно подготовленной засаде, и ожидавшие не смогли сразу прийти в себя и сообразить, что делать, когда их первоначальный план рухнул.

Мы снова скрылись в лесу, в густой поросли; тропа повернула, огибая скалы. Позади вопили преследователи, раскатился треск выстрела, хотя не знаю, в кого целились, потому что нас уже не было видно. Но сердце моё подпрыгнуло, и я испугалась. Они вооружены, несомненно, хорошо вооружены, мы же беззащитны от пуль. И мы не могли надеяться уйти от них на неуклюжих деревенских лошадях.

— Сюда! — громко скомандовал полковник. Он повернул лошадь направо, и Кристофер последовал за ним. Теперь мы скакали по гораздо более узкой тропе, с обеих сторон ограниченной каменными столбами с резными фигурами птиц наверху. В ярком свете луны я заметила полураскрытые крылья птиц, они словно собирались взлетать в небо.

Здесь мы не могли ехать рядом. Полковник послал Кристофера вперёд.

— Ищи дом лесника! — приказал он. — Мы успеем, если повезёт! — голос его выражал такую уверенность, что я чуть было не поверила, что у нас ещё есть надежда.

Возможно, наш неожиданный поворот на эту явно частную дорогу смутил преследователей. Тропа была извилистая, со многими петлями и поворотами, по обе стороны вплотную к дороге росли густые кусты и деревья. Я подумала, что мы, в плащах, в темноте (свет луны сюда не пробивался), всё время поворачивая, не представляем собой хорошие цели, хотя не знала, насколько метко стреляют преследователи.

— Впереди... сэр!

Мы не нуждались в этом возгласе Кристофера. Снова блеск лампы, на этот раз из полуоткрытой двери, в светлом проёме обрисовались очертания человека. Он поставил лампу на землю и поднял дробовик. Лошадь Кристофера скакала из последних сил, наша — за ней.

— Оставайтесь на месте! — последовал приказ такой же уверенный, какие отдаёт мой спутник. Полковник чуть повернул лошадь, снял мои руки со своего пояса и опустил меня на земли. Потом спрыгнул сам.

— В дом! — первым делом приказал он мне и так подтолкнул в спину, что я упала на колени. — Каспер! — теперь он обратился к человеку в двери. — Это полковник Фенвик... Помнишь кабана со сломанным клыком?

Должно быть, в его словах заключался какой-то пароль, потому что человек опустил оружие и приставил к ноге.

— Что случилось, сэр?

— За нами гонятся!

— На земле графа? — лесник явно рассердился. — Посмотрим!

Я была так потрясена падением, что полковнику пришлось чуть ли не заносить меня в дом. После долгого пребывания в темноте меня прямо-таки ослепил свет лампы, и прошло некоторое время, прежде чем я смогла оглядеться. Труда сидела рядом на скамье, тяжело дыша и держа меня за руку.

У очага стоял молодой человек, тоже с дробовиком в руках. Почти мальчик, он с удивлённым видом смотрел на дверь. Дверь захлопнулась, возле неё стояли полковник, Кристофер и лесник, сжимавший в руках оружие.

— Граф? — переспросил лесник, закрывая дверь прочным брусом. — Он в Лондоне, сэр. Поехал в составе посольства к королю...

Я вспомнила, что ГанOVER ещё часть Британской империи, пока правит король Вильям. Неудивительно, что у полковника есть связи с этим графом...

Полковник нахмурился, взглянул на закрытую дверь. Но лесник, по-видимому, понял, в каком мы положении, потому что уже повернулся к юноше и приказал:

— Через заднюю дверь, Якоб, подними наших людей и зажги сигнал. Мы не допустим браконьерства на земле хозяина!

— Оставь это, — полковник прошёл через комнату и взял дробовик у юноши. — Он нам может пригодиться...

Каспер выглядел человеком средних лет, в его тёмных волосах уже сквозила седина. Открытое лицо теперь нахмурилось и выглядело таким же строгим, как у полковника.

— Сэр! — голос его прозвучал возмущённо и гневно. — Они не посмеют применять здесь насилие. Ведь это охотничьи угодья графа.

— Они из-за границы, Каспер. Посмеют, — заверил его полковник. — Они надеются захватить нас и уйти, прежде чем придёт помощь. Когда мы будем в их руках, что хорошего принесут протесты твоего хозяина? Они смогут сочинить сотню историй, даже наказать рядовых исполнителей, но нас всё равно не отпустят.

Каспер медленно кивнул.

— Наверное, вы правы, сэр. Сколько их? Давай быстрее, Якоб... — лесник взглянул на юношу, который задержался, поглядывая на дробовик в руках полковника, словно хотел вернуть его.

— Иду, господин Капплеман! — молодой человек прошёл в тёмную часть комнаты, открыл там дверь и скрылся

в ночи. Лесник и эту дверь закрыл на брус. Он не успел ещё отвести руку, как послышался крик:

— Эй, там — в доме!

Капплеман вопросительно взглянул на полковника.

— Якоб придёт, он знает лес, но может не успеть привести вовремя помощь. Что будем делать?

— Поведём переговоры, — ответил полковник. — Спроси, кто они, почему пришли, сердись из-за нарушения границ. Пусть отвечают...

На лице лесника появилось выражение сомнения.

— Я не очень-то хорош в речах, сэр. Но что могу, — он пожал плечами, — сделаю.

Он чуть приоткрыл ставень, выбрав такой, через который нельзя было разглядеть нашу комнату.

— Кто вы? Это земли графа. Никто не имеет права проезжать здесь!

— Именем курфюрста... — начал кто-то.

— Курфюрста? — хрипло прервал его Каспер. — Мы не подчиняемся курфюрсту. Это ГанOVER, у нас есть король. Что вам нужно? Вы нарушаете закон, проезжая землями графа.

— Нам нужны преступники, которые сейчас в доме...

Неожиданно я узнала этот голос. Страх и гнев сорвали меня со скамьи. Я вырвала руку у Труды и подбежала к полковнику. Он резко взглянул на меня, а я скорее изобразила губами, чем произнесла вслух:

— Барон Конрад, — потому что я никогда не забуду этот голос, он навсегда врезался мне в память.

Он быстро кивнул. Потом с другой стороны приблизился к полуоткрытому окну.

— Фон Вертерн! — обратился он. — Ты меня слышишь, фон Вертерн? Теперь ты имеешь дело не с беспомощной женщиной!

Наступила тишина. Она продержалась несколько мгновений. Потом раздался смех:

— Так это ты, Фенвик? Думаешь украсть мою жену? Она с тобой уже... — тут он сделал такое непристойное предпо-

ложение, что мне стало жарко от стыда. Нет, от праведного гнева, охватившего всё моё сознание. Исключительно грязные, намеренно грязные слова, тут же поняла я, должны были вызвать какой-нибудь безрассудный ответ полковника.

— Да, мою жену! Ты слышишь, лесник? Твой хозяин не сможет возразить, если я верну свою жену, отберу у этого соблазнителя грязных шлюх...

— Фон Вертерн! — полковник по-прежнему не показывался у щели. По-видимому, опасался выстрела от одного из тех, кто пришёл с Конрадом.

— Я здесь. И я не уйду, Фенвик. На этот раз в своём высокомерии ты зарвался. Теперь нет курфюрста, который защитил бы тебя. Я заберу свою жену! А ты... ты — сбежавший заключённый, с тобой обойдутся как с бесполезной собакой, которая посмела рычать на хозяина...

Он нарочно оскорблял. Но я была уверена, что он не понимает характер человека, которого пытался заставить сделать что-то неразумное, чтобы получить преимущество.

— Сколько их по-твоему, Каспер? — полковник перестал обращать внимание на оскорбления, словно барон докучал ему не больше ветерка, пытавшегося добраться к нам. Я заметила, что лесник стоит, чуть наклонив голову, и внимательно прислушивается к перекличке врагов.

— Трудно сказать, сэр. Они растянулись. Я думаю, они попробуют напасть на нас со всех сторон одновременно. Но они не лесники, — хозяин дома холодно улыбнулся. — Шумят в кустах, как необученные псы, сорвавшиеся с поводка владельца.

К ним подошёл Кристофер.

— Какое у тебя есть оружие? — спросил он у лесника.

— Мой дробовик — и Якоба, — кивнул тот в сторону полковника. — А вон там в шкафу ружья для дичи.

Кристофер резко повернулся и направился к шкафу, указанному лесником. Чуть позже в руках его появилось третье ружьё. Он осмотрел его.

— Меня они не возьмут, — сквозь зубы пробормотал

Кристофер, и я поняла, какая судьба может ждать его. Смерть дезертира.

— Они никого из нас не возьмут, — спокойно ответил полковник.

Кристофер бросил на него взгляд, в котором мне показалась враждебность.

— Откуда вы знаете? — я заметила, что на этот раз он не добавил «сэр». По-видимому, в представлении Кристофера престиж полковника упал.

Фенвик не ответил, даже не взглянул на гвардейца. Он обратился в ночь, небрежно, так, словно ситуация полностью находилась под его контролем.

— Фон Вертерн, помнишь Аскарбург?

Наступила мёртвая тишина. Словно вопрос из какой-то старинной сказки, после которого все застывают. Но вот послышался ответ, такой же холодный и чёткий, как голос Фенвика, только в нём не было того презрения, которое я слышала у полковника.

— Помню.

— Я слышал, ты с тех пор брал уроки... — полковник будто обменивался замечаниями о ночной темноте. — Думаешь, они улучшили твой стиль?

Снова долгое молчание. Потом из темноты пришёл ответ, и я не могла не услышать в нём гнева.

— Тебе просто повезло!..

— Неужели, фон Вертерн? Повезло? Так ты впоследствии утверждал? О, да, помню... солнце в критический момент светило тебе в глаза, верно?

— Я тебя ранил!

— Да, а потом ползал по земле за оружием. У тебя не хватило сил удержать его. Но ведь ты с тех пор брал уроки. У моего старого учителя. Я знаю, ты провёл много времени, стараясь узнать мои слабости, усовершенствовать своё мастерство. Тебе ведь нужен я, верно, фон Вертерн? Жена тебе тоже нужна, но больше — я. И не для того, чтобы отправить обратно в тюрьму. Нет, ты хочешь сам со мной покончить. Разве я не прав?

В третий раз установилась полная тишина. Тут я заметила, как Каспер сделал жест рукой. И прошептал так тихо, что я едва услышала:

— Они обошли нас, сэр. Пусть лучше ваш человек встанет позади. Окна закрыты ставнями. Пусть он охраняет дверь. Над ней есть старая бойница.

Кристофер тоже услышал и не стал ждать приказа полковника, сам повернулся и отошёл назад. А Фенвик, не обратив внимания на его уход, стоял у окна в ожидании. Похоже, полковник всем своим существом хотел, чтобы случилось то, чего он ждёт.

Я облизала губы. Мне показалось, что я догадываюсь об его цели. Он пытался заставить Конрада фон Вертерна встретиться с ним на дуэли. Но с каким оружием? Со ржавой шпагой, которую нашёл в развалинах? Она не позволит защищаться по-настоящему. Такой поступок был бы величайшей глупостью. Или он просто пытался выиграть время?

Полковник сделал ещё один жест, на этот раз указав направо, в сторону очага. Очаг, в это время года пустой, занимал треть стены. И над ним висела пара скрещенных шпаг в ножнах, нет, сабель! Каспер боком отодвинулся от окна, полковник подобрался ближе и занял его место, а лесник положил дробовик и быстро снял сабли со стены.

— Ну, фон Вертерн, хочешь проверить результат своих уроков? — спросил полковник, когда лесник присоединился к нему с саблями в руке.

Неужели он будет так неосторожен? Я судорожно вдохнула и быстро схватила полковника за руку.

— Вы не можете этого делать! Он прикажет стрелять в вас или сам выстрелит, как только вы покажетесь! — я не пыталась говорить тихо, как остальные, и меня слышали. Потому что из темноты донёсся ответ Конрада. Полковник высвободил руку.

— Прислушайся к своей шлюхе, Фенвик. Она в тебя не верит...

Но не это слово, которым он меня назвал, вызвало мой

гнев. Я ожидала от него такого. И снова возвысила голос, прервав его презрительный ответ:

— Я не верю в вашу честь, барон! Вы не имеете права называться...

Наверное, мой ответ вызвал результат, противоположный тому, что я ожидала. В щель окна я ясно увидела: на освещённое место у порога вышел Конрад фон Вертерн. Он уже отбросил шляпу, если она у него была, и остался в форменном зелёном камзоле. В таком я его не видела.

— Я жду, Фенвик, — барон обнажил саблю, картинно отсалютовал. Суженными глазами смотрел он на дверь нашего убежища, возможно, действительно собираясь какое-то время придерживаться правил чести в такой встрече. Я снова попыталась удержать полковника за руку, но он увернулся и взглянул на лесника, который коротко кивнул.

— Да, сэр, — тихо сообщил он. — Я их слышу. Совы собираются.

До сих пор я так была поглощена обменом репликами между полковником и нашим врагом, что ничего другого не замечала. Но теперь, в наступившей тишине, услышала приглушённый крик, потом второй.

— Они возьмут и его, как остальных, — довольно пояснил Каспер. — Якоб привёл ночной патруль. Нас в последнее время беспокоили браконьеры...

— Нет! — полковник покачал головой. — Это между нами. С его людьми делай, что хочешь, а барон — моя добыча, — он взял сабли, взвесил обе в руке, выбрал одну. По его знаку Каспер снял брус с двери.

Потом лесник взял вторую лампу и, держа дробовик на стиге руки, другой вынес фонарь и поставил его на повозку, так что сцена была теперь освещена с двух сторон. За ним с обнажённой саблей в руке вышел Фенвик.

Как и фон Вертерн, он поднял в приветствии оружие. Я видела, как барон быстро оглянулся на лес. Прижав руки к груди, я ждала звука выстрела, ждала, что Фенвик упадёт, безрассудно отправившись навстречу коварству врага. Но выстрела не последовало. Можно ли было поверить лесни-

ку, что его люди, проскользнув по ночному лесу, схватили всех людей Конрада? Похоже, что фон Вертерн на самом деле потерял поддержку.

Однако он не отступил, как я ожидала. С силой вонзил своё лезвие в землю, расстегнул тугой форменный камзол и отбросил его назад. Фенвик не делал таких приготовлений. Каспер негромко свистнул и получил в ответ свист по крайней мере с шести направлений.

Я не могла понять выражение, появившееся на самоуверенном лице Конрада, когда он услышал этот ответ. Должно быть, он понял, что его ловушка не удалась. Но он поднял своё оружие, и противники встали друг перед другом.

Ноги мои неожиданно подогнулись. Пришлось держать-ся рукой за дверь, впившись ногтями в старое дерево. Теперь я не могла отступить, как и эти двое мужчин.

Я ничего не понимаю в искусстве фехтования, но в их движениях чувствовалось мрачное, жестокое изящество. Они кружили друг вокруг друга, потом сошлись в быстром потоке ударов и уклонений, как участники прекрасного, но смертельно опасного танца. Я увидела, как на предплечье полковника появилась алая полоска, кровь протекла через рукав. Услышала негромкий торжествующий крик Конрада. Но рана, хоть и болезненная, оказалась, наверное, всего лишь царапиной. Она как будто не мешала Фенвику.

Теперь они постоянно нападали и защищались. Я слышала их тяжёлое дыхание, топот ног. Потом...

Конрад испустил странный приглушённый возглас. В его грудь глубоко вонзилась сталь. Он отшатнулся, сделал шаг, другой, так быстро, что увлёк за собой саблю. Рука полковника опустилась, кровь из раны потекла сильнее.

На лице барона, освещённом фонарём, появилось выражение ужаса. Рот его исказился, в глазах горела дьявольская ненависть. Не обращая внимания на рану, на лезвие, так глубоко вонзившееся в его тело, он нашёл в себе достаточно сил, чтобы пойти вперёд. Его цель была совершенно ясна. Он нёс смерть...

Может, я закричала, не знаю. Мой ли крик заставил его

взглянуть на меня? Один шаг... другой... Фенвик не пытался отступать. Зажав одной рукой рану, с бесстрастным лицом он наблюдал за противником.

— Будьте прокляты? — мне он это послал или Фенвику? Этого я никогда не узнаю. Конрад приготовился нанести противнику смертельный удар — и упал на колени.

— Нет! Нет! — он пытался сразиться со своей слабостью, со своим поражением, но продолжал падать лицом вниз.

Мы сидели за столом в доме Каспера Капплемана. Я попыталась перевязать рану Фенвика, разрез, из которого продолжала сочиться кровь, но Труда отодвинула меня и занялась этим делом с большей уверенностью и спокойствием. Лицо полковника побледнело под пыльной щетиной, он вдыхал пары коньяка, который достал Каспер, но и слышать не хотел об отдыхе.

Я пыталась не думать о закутанном в плащ теле, лежавшем на деревенской телеге снаружи. С рассветом телега и разоружённые теперь люди фон Вертерна будут отведены к реке, и лесники Каспера переправят их назад, в Гессен.

Конечно, преследование по-прежнему было возможно, но мы выиграли время, чтобы вырваться вперёд. Поскольку полковник не мог теперь пользоваться правой рукой, которая висела у него на перевязи, мне пришлось самой дрожащими пальцами написать три документа. Сейчас они лежали передо мной на столе. Одно от моего имени. Я не знала, освободит ли оно меня от прошлого, но его мне написать было легче всего. В нём я официально отказывалась от любого наследства, оставленного мне дедом, и передавала его новому курфюрсту.

Остальные два документа составил Фенвик. В одном содержалось прошение об отставке со службы в Гессене. Второе было адресовано графу фон Маннихену, в нём подробно описывалось происшествие и сообщалось, что Каспер и его люди не имеют к нему отношение, они только защищали собственность своего хозяина от незаконного вторжения.

На самом ли деле я побывала замужем? Теперь этот вопрос не имел смысла — я освободилась от всяких притязаний на узы брака. Но на пальце у меня всё ещё розовела полоска, которой больно было касаться. Это несчастное кольцо всё-таки сыграло свою роль в случившемся. Потому что фон Вертерн, разыскивая нас, отобрал его у торговца и догадался, куда мы уходим. Мы узнали об этом, допрашивая его помощника, зловеще выглядевшего типа, в котором Труда узнала кучера, который будто бы повёз нас на медовый месяц.

Я не жалела человека, лежавшего в телеге. С самого начала он вызывал во мне только отвращение. А жестокость, с какой он обошёлся со мной в тот вечер, когда пытался принудить меня передать ему наследство, заставила ненавидеть и одновременно бояться его. Но его гнев был совершенно бесполезен. Я не хотела наследства деда. Барон и графиня могли взять его гораздо легче. Но они никогда не поверили бы в это, и поэтому барон погиб, а о судьбе графини я, вероятно, никогда не узнаю.

Но главное состояло в том, что я освободилась от зловещего прошлого. Огромная усталость охватила меня, когда я сложила документы и запечатала их воском, который осторожно накапала Труда со свечи. К письмам полковника я приложила кольцо, которое он дал мне. А для своего достала железных бабочек. Может быть, никто в Гессене теперь не поймёт их смысла, но я как удостоверение своей личности прижала их к воску. Два письма были отправлены с гонцом в Аксельбург. Я желала новому курфюрсту наслаждаться тем, что находится в башне и что он может теперь назвать своим. Для меня это сокровище было поистине недобрым.

Каспер отвёл нас в замок графа — он действительно оказался настоящим замком. Тут нас приняли слуги. Вызвали хирурга, который занялся раной полковника, а я проспала почти два дня. Во всяком случае я о них почти ничего не помню, хотя раз или два просыпалась, пила то, что мне давали, и снова погружалась в блаженную тьму, где не было снов, только мир.

Хотя Труда и использовала разные средства, мои волосы оставались тёмными, и, проснувшись, я увидела совсем другого человека в зеркале комнаты для гостей.

Экономка порылась в гардеробе хозяйки, несмотря на мои протесты. Она заявила, что я не могу продолжать путешествовать в крестьянском платье, рваном и грязном. И потому посадила портниху за переделку двух платьев. Деньги она принять отказалась, но я поклялась, что графиня фон Маннихен (я оставила для неё письмо с благодарностью и извинениями за то, что позволила себе воспользоваться её туалетами) со временем получит подарок, который ей понравится.

На четвёртый день после нашего тайного и драматичного прибытия в ГанOVER полковник объявил, что он готов к выходу, хотя я не верила, что силы полностью вернулись к нему. Мы должны были как можно быстрее добраться до Гамбурга, а оттуда на корабле отплыть в Англию. Полковник хотел заняться своим состоянием, прежде чем отправляться за море.

В замке мы почти не видели друг друга. Я иногда заходила в его комнату, чтобы узнать, как он себя чувствует, но мы ни разу не оставались наедине. Мы снова очутились в мире, где царствуют приличия, и я думаю, что экономка заподозрила в наших отношениях самое худшее. Пошли разговоры, многие слышали слова Конрада, и я не думала, что об этом осталось неизвестно слугам в замке.

Нам одолжили экипаж, мы в нём должны были добраться до города на севере, а там нанять собственную карету. Моё золото, как я и надеялась, очень нам помогло. Мы быстро проехали через весь ГанOVER. Много часов я провела в карете на одном сидении с полковником. Труда сидела против нас, а Кристофер ехал с кучером. Поэтому разговор шёл на самые общие темы. Мы не говорили о том, что случилось с нами, мне было просто приятно рассказывать о доме, хотя когда я думала о падении Фенвика, его изгнании из страны, которой он так хорошо служил, я не могла избавиться от чувства вины. Я послужила причиной

этой дуэли при свете фонарей, того, что на его теле появился новый шрам, и что ему пришлось убить человека. Я стеснялась и старалась держаться отчуждённо, а он был так же строг и замкнут, как в самом начале нашего знакомства.

Без всяких происшествий мы добрались до Гамбурга. Здесь я смогла достать ещё денег у одного из купцов, с которыми имела дела бабушка, и который, к счастью, бывал в нашем поместье и узнал меня. Мы с Трудой посетили несколько магазинов, хотя она предупредила меня, что предлагаемая тут одежда далеко отстала от дворянской моды. Но именно это мне и нравилось, потому что я не могла отделаться от опасения, что длинная рука Гессена может дотянуться и сюда.

Знакомый моей бабушки подыскал для нас корабль, направлявшийся в Лондон, корабль под английским флагом. Здесь полковник по крайней мере обретёт свободу: у него есть близкие родственники, живущие в Англии. В яркий солнечный день мы поднялись на борт, Труды занялась в каюте нашим багажом, гоня Кристофера с гордостью новобрачной. Они повенчались в Гамбурге, и я подарила ей приданое, от которого она лишилась речи — на некоторое время.

Я повернулась спиной к корме и смотрела вперёд, в будущее. Но не настолько, чтобы не знать, что происходит позади, и потому сразу заметила полковника, когда он подошёл ко мне. Его щетина исчезла, одет он был снова как джентльмен, но не в мундир. Рука его больше не висела на перевязи, хотя он оберегал плечо, как я заметила. Он тоже посмотрел вперёд, как я заметила, бросив на него украдкой взгляд из-под простой, далёкой от моды соломенной шляпки.

— Свежий ветер, прекрасный день... — проговорил он.

Но меня тогда не интересовал ни ветер, ни день. Я набралась храбрости для момента, которого давно ждала. Я должна была узнать.

— Вы поедете... в Мэриленд? — прямой вопрос, кото-

рый почти не имел отношения к тому, что творилось у меня в сердце... ибо я поняла, что у меня есть сердце, хотя что в нём, не могла ещё вполне понять.

Теперь он посмотрел на меня. Как его обычно строгое лицо изменилось в потайных ходах Валленштейна, когда он рассмеялся, так изменилось оно и сейчас, хотя теперь он не смеялся. Я ахнула, хотя он всего лишь взял меня за руку. Но мне показалось, что он привлёк меня к себе, обнял и удержал — и я ощутила спокойствие и пробуждение чувства, в существовании которого в глубине души сомневалась.

— Вы хотите этого?

Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вам не нужно спрашивать.

— Да, — согласился он, — не нужно.

— Пойдёмте, — я потянула его за руку, и мы отошли к поручню у борта.

Тут я достала левую руку из-под шали. Развернула носовой платок, зажатый в ней, выпустила то, что в нём лежало, и оно по дуге полетело в воду, погрузилось и навсегда исчезло. Это была часть другой жизни, жизни двоих, которые сейчас мертвы, а в прошлом оба были несчастны. Мне не хотелось, чтобы это несчастье коснулось того, что я нашла. Не думаю, чтобы я была эгоистична.

Железные бабочки навсегда ушли в прошлое. Фенвик сильнее сжал мою руку, и я обрадовалась этой силе, этой уверенности. Он рассмеялся.

— Всё-таки он своего добился...

— Кто... чего?... — я не понимала.

— Курфюрст. Он ведь на самом деле выбрал вам мужа...

— Конрада! — я даже рассердилась, что он в момент счастья и освобождения тянет меня назад, в прошлое.

— Нет, меня. Поэтому он и послал меня за вами. Он не мог избежать привычек своей касты... хотел организовать брак своей внучки. Я не отказался ехать, но...

— Но решили не иметь со мной ничего общего?

Он посмотрел на меня смущённо, потом улыбнулся.

— А вы сами как отнеслись бы к такому предложению, леди?

Я не хотела отвечать на его вопрос. И задала другой:

— Вас по-прежнему связывает долг, сэр?

— Меня зовут Прайор. И никакого долга в этом нет, — он неожиданно обнял меня, и я познала восторг и ошеломляющую силу поцелуя.

УДАЧА РЭЙЛСТОУНОВ

Д. Б. Н.
*В знак благодарности
за многие мили моих рукописей,
терпеливо прочитанных до конца.*

Глава 1

***Семья Рэйлстоунов
возвращается домой***

— Жили-были два храбрых принца и прекрасная принцесса. Как-то раз пустились они на поиски удачи... — начал было речь темноволосый и темноглазый юноша, стоявший возле автомобиля с откидным верхом.

Рики Рэйлстоун — а именно так звали девушку — безразлично фыркнула:

— Сказки о королевских отпрысках давно не в моде. Придумай что-нибудь поновее,— с этими словами она поправила белую шляпку, которая, как думалось девушке, придавала лицу шикарное выражение. Теперь задиристо сдвинутая шляпка закрывала пол-лица. — Ну сколько ещё Руперт будет выяснять ответ на один-единственный простой вопрос.

Вэл, брат Рики, задумчиво смотрел на стрелку указателя топлива. Служитель автозаправки вынул штуцер из бака, стряхнув в горловину последние капли бензина. Счётчик показывал пять галлонов. Хватит ли у них денег, чтобы расплатиться? Юноша стал шарить по карманам, выгребая кучки мелочи.

— Интересно, куда мы приедем, что-нибудь наподобие этого? — Рики неопределённо махнула рукой в сторону ветхой закусочной и участка дороги, пыльной и выбеленной солнцем.

— Полагаю, дом несколько отличается от того, к чему мы привыкли в городской жизни, — наставническим то-

ном ответил Вэл. — Не зря его назвали Пиратским Логовом. Где, сударыня, ваша собственная гордость? Не каждый удостоивается чести посетить логово Новоиспечённых Бедняков.

Рики живо вздохнула, изображая почтенную вдову-аристократку:

— Ага, дворянство в очереди за бесплатным питанием...

— При чём здесь дворянство?

— При том, что мы никогда не отказывались от титулов, которые достались нам от предков. Ведь Руперт по сей день Маркиз Лорн.

— Боюсь, после двух сотен лет в Америке мы почувствуем себя в Англии настоящими чужаками. Да и родовое поместье, прекрасный Лорн, давно уже рассыпалось в прах.

— И всё-таки Руперт — Маркиз Лорн.

— Ну хорошо, хорошо. А кто тогда ты?

— Конечно же, леди Риканда, глупец. Разве ты не помнишь, что сказано в той старой грамоте? Ты и сам, между прочим, Виконт.

— Ну уж, нет! — запротестовал Вэл. — Я простой лорд, без всяких прав, если мы только в одну прекрасную тёмную ночь не стукнем Руперта по башке и не сбросим его в ров с водой, чтобы захватить титул.

— Лорд Вэлериус, — Рики словно попробовала слова на вкус. — Маркиз, Леди и Лорд Вэл отправились на поиски удачи. Жаль только, что мы не можем искать её так, как принято в нашем роду.

— О чём тут жалеть? — смеясь, запротестовал Вэл. — По-моему, пиратство давно рассматривается как предосудительное занятие, неподобающее приличному члену приличного общества. Хотя мысль о прогулке с завязанными глазами по доске, которая свешивается с борта судна прямо в море, вполне оправдана при визите инспектора с кучей неоплаченных счетов.

— Ага, наконец-то Руперт возвращается, — Рики повысила голос, пока их старший брат открывал дверь у водительского кресла. — Давай скорее, Руперт! Мы надумали стать пиратами. Вэл уже намечает, кому пустить кровь.

— Во всяком случае, не сейчас, — ответил он, усаживаясь за руль. — Сначала найдём крышу над головой. Нам надо будет свернуть направо через милю от автозаправки.

Рики открыла пудреницу и, глядя в зеркальце размером с почтовую марку, сообщила своему отражению:

— Тоска! По-моему, штат Луизиана вряд ли мне понравится.

— А кто сказал, что ты понравишься штату Луизиана? — хмыкнул Вэл. — В конце концов, мы всего-навсего твердолюбые янки, которым взбрело в голову поселиться на крайнем юге.

— Прошу говорить только за себя, Вэл Рэйлстоун! — Рики пудрила кончик своего вздёрнутого носа. — Пока мы владеем этим сараем, мы вольны в нём жить. Жалко только, что ты, Руперт, не смог уговорить художника, который снимал наш дом, пожить в нём ещё сезон.

— Он захотел провести год в Италии, — отозвался Руперт. — Но дом оставлен в отличном состоянии. ЛеФлер сообщил, что если не трогать левое крыло здания и закрыть гостевые спальни, то с оставшимися помещениями мы вполне справимся.

— Гостевые спальни... — Вэл глубоко вздохнул, изображая благоговение, но колёса автомобиля поднимали столько пыли, что вместо выдоха юноша расчихался. — Каково, интересно, чувствовать себя хозяином такого богатства? А, Руперт?

— Не слишком радостное чувство, — ответил тот. — Большой дом, наподобие Пиратского Логова — непосильная ноша, когда нет денег на содержание поместья в полном порядке. Правда, тот художник навёл там кое-какой порядок, но всё-таки!

— Ах, как только подумаю, что скоро смогу пройти по Длинному Залу! — Рики мечтательно закатила глаза.

— А разве тебе что-нибудь известно о Длинном Зале? — удивился Руперт.

— Конечно! Ведь именно там появляется призрак прапрадедушки Рика, разве нет? — невинно спросила она.

— Если, конечно, живший в Логове художник окончательно не распугал призраков. Лично я чувствую себя настоящей аристократкой, когда думаю: вот, рядом со мной ходит настоящий призрак, и он принадлежит к фамильным реликвиям моего рода. Он вообще член семьи!

— Вот-вот! — развеселился Вэл. — Давай обучим его показывать карточные фокусы и будем демонстрировать гостям каждый день с трёх до четырёх. Мы, может, даже установим плату за вход и переломим семейную судьбу.

— Ничего для тебя не существует святого! — покачала головой Рики. — А потом, призраки выходят исключительно по ночам.

— Это мы установим на месте, — прервал её брат. — Значительно хуже, если у привидений имеются профсоюзы. Тогда через несколько дней непосильной работы прапрадедушка Рик выйдет из-за портьеры с призрачным плакатом: «Рэйлстоуны плохо обращаются с призраками!»

Руперт, не обращая внимания на болтовню, сказал:

— Длинный Зал мы можем занять. И летнюю студию тоже. Гостиную и бальный зал придётся оставить закрытыми. Есть будем на кухне, так что те комнаты и по спальне на каждого...

— Полагаю, ванные там есть? — поинтересовался Вэл. — Хотя бы одна? Как-то не хочется бегать купаться на реку всякий раз, как испачкаешься.

— Художник, Харрисон, за свои деньги оборудовал ванную комнату прошлой осенью.

— Благослови Господи, имя Харрисона! Если бы он не уехал в Италию, я подбил бы его заняться оборудованием чего-нибудь ещё по дому. Но приедем ли мы когда-нибудь? Кажется, наша поездка превосходит все мои ожидания.

Недавно появившаяся морщинка между глазами Руперта углубилась. Он глянул на стройную фигурку, сидевшую рядом:

— Устал, Вэл?

— Нет. На этот раз мне действительно интересно, старик, это не каприз. Если мы заберёмся слишком далеко от шоссе...

— Отнюдь. Поместье расположено совсем рядом с дорогой в город. Мы с минуты на минуту увидим ворота.

— О, ясновидящий нашего пути! — воскликнула Рики, наклоняясь к сидящим впереди братьям. — Посмотрите-ка туда!

Яркий полуденный свет чётко обрисовал два серых каменных столба, так же отмеченных печатью времени, как и аллея вековых дубов за ними. С одного из столбов подмигивал и довольно улыбался высеченный в камне череп с острыми клыками-зубами. На макушке черепа красовалась корона, а понизу вился затейливой вязью древний девиз старого и беспутного клана Рэйлстоунов: «Всё, что хочу — беру».

Вэл указал на череп:

— Это же Джо, я узнал его! Старый, добрый, всегда улыбающийся Джо!

— А по-моему, он ужасен, — скорчила гримасу Рики. — Не понимаю, почему наши предки не выбрали в качестве эмблемы что-нибудь приятное. Лебедя, например.

— Потому что сами Рэйлстоуны были не слишком-то приятными людьми, — отозвался Вэл. — Ладно, Руперт, поехали дальше.

Машина промчалась по гравиевой дорожке между высокими кустами, которые давно уже стоило подстричь. Внезапно дорога сделала поворот и они выехали на лужайку в форме полумесяца, ограниченную каменной террасой с тремя ступеньками. А на террасе стоял дом, куда последние пятьдесят лет не ступала нога Рэйлстоунов — Пиратское Логово.

— Боже, — удивилась Рики, — дом точь-в-точь, как на картине у мистера Харрисона.

— Которая объясняет, почему он теперь в Италии, — ответил Вэл. — Но дом он прихватил с собой на холсте.

Рики продолжала восторгаться.

— Серый камень, окна ромбами, приземистая башенка. Он не похож на обычные дома южан. Скорее напоминает старые английские постройки.

— Дом и был построен англичанином, — мягко сказал

Руперт. — Ссылный, который жил в таком же доме в Англии, попав сюда, в Америку, пять лет расчищал участок, чтобы выстроить своё жилище точно таким же, в каком когда-то жил. Эти маленькие ромбовидные окна он укрывал ставнями в дюйм толщиной. Во времена, когда индейцы ещё совершали свои набеги, такой дом был неприступен. И конечно, таких домов не было у южан-американцев. Недаром вся усадьба до сих пор слывет местной достопримечательностью. ЛеФлер спрашивал, согласимся ли мы раз в месяц пускать экскурсии для осмотра усадьбы и дома.

— И что, мы согласимся? — спросила Рики.

— Посмотрим. Но сначала давайте сами посмотрим, каков дом изнутри.

— Правильно. Эй, Вэл! Ты, лентяй, думаешь выходить из машины?

— Разумеется, миледи, — Вэл распахнул дверцу и, прихрамывая, выбрался из автомобиля. У него немного затекли ноги.

Рики осторожно шагнула на ступенчатый подъём к дому, отодвинув ногой плетъ виноградной лозы, забиравшейся на террасу.

— А знаете, что я вспомнила?

— Что? — Руперт возился в багажнике, доставая вещи.

— Мы — первые представители семейства Рэйлстоунов, которые приехали в усадьбу с тех пор, как в 1867 году прадедушка Майлз покинул Пиратское Логово.

Вэл, всё ещё прихрамывая, помогал Руперту разбираться с багажом.

— А к чему вдруг такой глубокий экскурс в историю? — спросил он.

— Сама не пойму, — Рики оглядела массивную дверь, вырубленную из цельной дубовой доски. — Просто я чувствую, что мы наконец прибыли домой. Интересно, догадывались ли те, кто жил здесь когда-то, что сюда однажды вернутся наследники первого Майлза, Рика, первого Руперта и первого Ричарда...

Руперт усмехнулся:

— О да, и леди Риканда. Они, конечно, догадывались. Но давайте пройдем в дом. Да оставь ты багаж, Вэл.

Трое Рэйлстоунов направились через лужайку к двери. На ней всё ещё были различимы царапины от индейских стрел. Впрочем, замок в двери оказался обыкновенным современным замком и вынутый из кармана Руперта ключ к нему был тоже самым обычным. Замок щёлкнул и дверь легко распахнулась перед ними.

— Это же Длинный Зал!

Они вошли в большое помещение с каменным полом. В центре Зала на второй этаж поднималась деревянная лестница. У противоположной входу стены зиял чёрной пастью громадный камин. Перед ним расположились обширный кожаный диван и два больших кожаных кресла. Остальной интерьер составляли две шкуры, брошенные на пол.

Рики робко подошла к камину. За ней последовали братья.

— Вот здесь! — она указала на пустое углубление в каменной кладке камина, где висел старинный орнамент. Оно пустовало, к их сожалению, уже более сотни лет. — Вот здесь висел Меч Удачи!

Руперт, сам не сознавая, что ему пришло на ум, проговорил первую строчку древнего фамильного предания:

— Кто охраняет, Лорн, извечный твой покой?

Вэл ответил, продолжая балладу:

— Дубов столетних лист да ветерок морской.

Ещё могучий меч под твёрдою рукой —

Вот что хранит, Милорд, извечный мой покой.

Теперь настала очередь Рики. Девушка промурлыкала:

— Дубовый лист истлел, стих ветерок морской,

В прах разлетелся меч под мёртвою рукой.

Кто ж охраняет, Лорн, невечный твой покой?

И все трое закончили:

— Одна Удача, Лорн, твой сохранит покой!

— Да, — сказала Рики. — Мы должны вернуть нашу Удачу. Наш Меч Удачи. Он должен снова висеть на своём законном месте над камином.

— И больше нам в жизни не о чём будет беспокоиться,

— закончил Вэл. — Серьёзная цель, миледи. Однако, представить себе не могу, где же мы собираемся искать наш Меч Удачи. Разве что призрак прадедушки Рика выйдет как-нибудь ночью и расскажет нам, куда он запрятал Меч.

— И всё-таки мы должны найти Меч! — настаивала Рики.

Руперт вернул спорящих к действительности:

— Меч поищем потом. А сейчас лучше подумать, как мы разместимся в этой громадине. Кроме того, мне не нравится, что небо так затянуто тучами. Ночью наверняка разразится буря. Так что лучше принести вещи в дом.

— Машину тоже внесём в дом? — Вэл задал вопрос уже в спину выходявшему Руперту.

— Харрисон пользовался вместо гаража старым каретным сараем. Я загоню туда машину. А вы с Рики займитесь обустройством спален и приготовьте ужин, — не останавливаясь, приказал Руперт. — Не знаю как вы, а я после этой поездки так устал, что засну, наверное, на куче камней, не то что на кровати.

— Это потому, что накануне ты переночевал в кемпинге, — сказала Рики. — Я, между прочим, предупреждала тебя...

— Ты предупреждала, что не терпишь мотелей, где стены выкрашены в противный зелёный оттенок, — возразил Вэл. — Так что давай не говорить о ночлеге предыдущей ночью. Лучше подумаем о теперешней. Рэйлстоуны растеряли свои богатства, их наследники ютятся в жалких кемпингах у большой дороги. И в их доме нет ни одной приличной постели.

Он снял плащ и повесил его на крюк возле камина.

— Да, и дом их беден, — согласилась Рики. — Но может быть, наверху отыщутся приличные спальни. Ведь ЛеФлер в письме сообщил, что дом полностью готов к проживанию. Может, ЛеФлер даже набил кухню консервами.

— Божественно, если он набил кухню консервированными бобами. Однако лучше подготовиться не к лучшему, а к худшему, — Вэл двинулся к лестнице наверх. — Допустим, здесь нет электрического освещения.

— Возьми, Вэл, — неожиданно вошедший Руперт про-

тянул брату электрический фонарик. — Найдёшь основной рубильник на стене. А я буду снаружи — справляйтесь одни.

Он вышел, оставив Рики и Вэла в полумраке зала.

— Темновато здесь, — пожаловалась Рики.

— Ничего страшного, — отозвался Вэл. Хотя и ему показалось, будто сгустившийся мрак в углах Зала наполняется длинными движущимися тенями.

— Конечно ничего, — согласилась Рики. — В прошлом году мне было гораздо страшнее. Когда меня заперли в школе, помнишь? Я думала, что умру от страха. А потом пришла домой и услышала как ты...

— Как я совершил свой первый и последний полёт в жизни, в результате чего попал в госпиталь. Но тогда всё могло кончиться гораздо хуже. Разве Рэйлстоунов это выбило из колен? Никогда. Вспомни, мы уцелели даже после того, как купленные нами акции «Мосайл Ойл» и угольных шахт обесценились. Мы могли бы тогда оклеить ими стены вместо обоев — больше акции ни на что не годились. На отделку клозета наших акций тоже вполне хватило бы. Но ведь мы не пали духом, несмотря на неудачи. И вот наконец мы вернулись в дом, который Руперт умудрился кое-как привести в пригодное для жилья состояние. Да и сам Руперт перестал мыкаться по свету, в надежде прославить себя на поприще журналистики. Ты, Рики, после окончания своей суперинтеллектуальной школы понятия не имеешь, куда податься. А я вернулся в родовое имение прямёхонько с мягкой больничной койки. Я думаю, всё как-нибудь устроится. А мы тем временем...

— Что?

— А мы тем временем, — он на миг остановился у перил лестницы, — можем заняться поисками Удачи. Руперт прав: Удача нам сейчас необходима больше всего. Ну, вот мы и наверху. Куда теперь?

— Налево. А те, что перед нами, Руперт называл гостевыми спальнями.

— Да? — Вэл распахнул первую дверь, осмотрел внут-

реннее убранство комнаты и присвистнул. — Неплохо! В этой спальне просторно, как на вокзале, и уютно, как в склепе. Мне не хочется спать здесь.

— Подожди-ка, — остановила его Рики. — Там какая-то надпись на стене.

Бережно закрытая стеклом, на стене висела тёмная доска-табличка.

— Это, наверное, правила проживания в спальне. Или план-карта дома: «Как добраться до столовой кратчайшим путём».

— Нет, Вэл.

Рики подошла поближе и прочла:

«В этой комнате останавливался генерал

ЭНДРЮ ДЖЕКСОН

на десятый день после победы

в битве под Нью-Орлеаном».

— Вот это да! — восхитился Вэл. — Здесь побывал сам старина Хикори!. А я почему-то думал, что во времена битвы под Нью-Орлеаном Рэйлстоунов ещё не было в Америке.

— История...

— В действии. Согласен. А теперь пойдём лучше поищем какие-нибудь комнатки посовременней. А то Руперт будет ворчать, что мы неспособны ни на что, кроме исторических экскурсов.

Они пересекли площадку второго этажа и свернули в короткий коридор, в его дальнем конце сквозь круглое окно еле пробивались тусклые лучи солнца. Буря, которую предсказал Руперт, надвигалась.

— Мы идём правильно, — заметила Рики. — Мистер Харрисон развесил номерки на дверях для удобства своих гостей. Я возьму себе третий номер. На плане мистера Харрисона эта комната отмечена как дамская. Ты, Вэл, можешь занять комнату напротив, а Руперт разместится рядом с тобой.

Они осмотрели комнаты. Они, конечно, были не столь

импозантны, как опочивальня Эндрю Джексона. Мебель, обитая плотным ситцем, обширные кровати из красного дерева и комоды на высоких ножках прозвели на брата и сестру благоприятное впечатление, хотя и не заставили бы оценщика-антиквара ахать и охать от восторга. Вэл с удовольствием отметил на стенах своей комнаты следы крюков для оружия. А в комнате Рики нашлось настоящее сокровище — изящный резной столик.

Как выяснилось, за дверью в конце коридора скрывался стенной шкаф. Поэтому Рики приказала Вэлу спуститься вниз и разобрать вещи. Сама же девушка сбросила короткий белый жакет и шляпу на кресло и принялась стелить постель.

Вэл не спешил. Уже почти год, как он никуда не торопился по причине хромоты. В один ужасный зимний день, год назад, самолёт, в котором летел Вэл, перестал слушаться пилота и упал на скалу в горах. После тогдашней аварии сломанная нога Вэла служила безошибочным барометром. Вот и сейчас нога ныла, предвещая близкую бурю. Боль в ноге пульсировала короткими толчками от лодыжки до колена. Очередной спазм заставил Вэла пошатнуться.

Чтобы сохранить равновесие, он ухватился за портьеру, почти надвое разделявшую площадку второго этажа, — ткань была пыльной и побитой молью — и едва не упал, ввалившись в полукруглую нишу с высоким окном, скрытую занавесом. За окном раскинулся сад, одичавший и полный разросшихся кустов и колючек. Где-то за садом протекала речка Мерсье, впадающая в озеро Борнье. Озеро в свою очередь соединялось вытекающей рекой с далёким морем. Два века назад предки Вэла добирались до родового имени прямо с моря, следуя вверх по реке через озеро.

В желтоватых отблесках уходящего солнца зелень сада казалась подсвеченной. Замшелая дорожка убегала прямо в сплошную стену зарослей, где смешались оливы, бананы и пальмы. Может быть, подумал Вэл, Харрисон и преуспел в переустройстве дома, но до сада руки у него явно не дошли.

— Вэ-э-эл!

— Иду! — откликнулся он, задёргивая штору. Внизу деловито расхаживал Руперт.

— Вовремя я загнал машину под навес, — заговорил Руперт, увидев ковыляющего по лестнице Вэла. — Послушай, что творится снаружи.

С улицы доносилось гулкое гроыхание частого и сильного дождя. Тучи совсем закрыли солнце, и Руперт превратился в тёмную фигуру, снующую по залу.

— У тебя фонарик с собой? Надо спуститься в подвальное помещение, где расположен общий рубильник, чтобы включить электричество.

Они миновали Длинный Зал, прошли ещё одну большую комнату, где вся мебель была спрятана под матерчатыми чехлами, дальше шёл узенький коридор. Здесь стоял абсолютный мрак, и Вэл обнаружил на своём пути стол только в тот момент, когда основательно ударился об угол. Наконец Руперт нащупал дверь в подвал. Им пришлось спускаться вниз по каменной лестнице. Они шли, освещая ступеньки скудным лучиком фонарика. Пахло сыростью и пылью, стены были сырыми на ощупь.

— Фу! — Вэл запротестовал, увидев, как Руперт направил луч фонарика на осклизлую стену. — Здесь не слишком-то комфортно.

Руперт молча шагнул вперёд, открыл дверцы распределительного шкафа и повернул рубильник.

— Вот так-то! А теперь наверх и ужинать, — скомандовал он.

В несколько шагов взлетев на кухню, первым делом они нашли выключатель на стене. При свете кухня оказалась помещением, не уступающим Длинному Залу по масштабам. У одной стены располагался громадный камин, оборудованный треногими подставками под котлы (и самими котлами), шампурами и вертелами для жарки мяса. Кирпичи дымохода были изрядно закопчёнными. У противоположной стены стояли вполне современные плита и мойка. В центре комнаты громоздился обширный стол, у дальней стены приютилась вереница шкафов и буфетов.

Если бы не размеры и камин, помещение сошло бы за обычную кухню с красными тяжёлыми шторами на окнах. Вэл мечтательно осматривал неожиданно уютную комнату, когда ему послышался лёгкий шорох из Длинного Зала. Но ведь там только что никого не было. Или это Рики выходила в сад, а теперь возвращается?

— Вэл, Руперт! — вопль Рики эхом отозвался в пустых помещениях дома. — Где вы?

— Здесь, в кухне, — крикнул в ответ Вэл.

Вбежавшая в кухню Рики раскраснелась, обычно аккуратная причёска её пришла в беспорядок.

— Мерзкие, грязные, эгоисты и свиньи! — заявила она. — Оставили меня одну в темноте! Да ещё какой!

Вэл начал было оправдываться:

— Но мы всего только спустились в подвал и включили общий рубильник.

Но Рики оборвала его:

— Да уж! Один из вас ни за что не справился бы, обязательно надо было отправиться вдвоём. А между тем я приготовила постели, и сделала это в одиночку. Ну, ничего, в следующий раз я вам припомню... — она не досказала, что именно припомнит. — Ужинать, надеюсь, мы сегодня будем?

— Именно для этого мы и собрались, — Руперт уже открывал буфет.

— Что будут джентльмены, бобы или... — Рики умолкла и схватила Вэла за руку, прислушиваясь к какому-то постороннему звуку. — Что это? Слышите?

Сквозь равномерный стук дождя снаружи донеслось то ли царапанье, то ли настойчивые удары в дверь, перекрывающая звяканье ножей и вилок в руках Руперта.

— Это у чёрного входа, — коротко сказал он.

— А он закрыт? — Рики ещё сильнее вцепилась в руку Вэла.

Руперт подошёл к двери чёрного хода и стал отодвигать тяжёлый засов.

— Наверное, это ветка дерева от ветра стучит по двери,

— сказал Вэл, пытаясь оторвать от руки вцепившуюся Рики.

Дверь распахнулась, впуская в кухню дождь, ветер и тёмную тень, молнией метнувшуюся внутрь.

— Ах! — воскликнула Рики.

Посреди комнаты отряхивал воду со взъерошенной шерсти громадный чёрный кот.

Глава 2

Удача лордов Лорна

— Спасибо, что заглянул на огонёк, старина, — Руперт поспешно захлопнул дверь за котом. — Кстати, ты слышал когда-нибудь, что джентльмены обычно вытирают ноги при входе? Особенно в чужой дом, — и он неодобрительно проследил взглядом цепочку мокрых следов на полу.

— Он весь вымок, бедненький! — Рики опустилась перед котом и вытянула руку, попытавшись погладить его по голове. Кот перестал вылизывать лапу и пристально поглядел прямо в глаза Рики своими спокойными круглыми жёлтыми глазами. Вэл рассмеялся:

— По-моему, Рики, этот кот привык общаться с сильным полом. Интересно, откуда он взялся?

— Откуда бы ни взялся, теперь он наш, — Рики вновь попыталась погладить кошачью голову.

Кот наострил уши и недвусмысленно оскалился.

— Оставь его, — сказал Руперт. — Кот явно не приучен к нежностям.

— Я уже поняла это, — Рики обиженно встала с колен. — Посмотрев, как этот кот ведёт себя, можно решить, будто я — самая отталкивающая на вид особь из всего рода человеческого.

— Может быть, мы всё-таки поедим? — Руперт всё ещё изучал содержимое буфета.

Но уже через полчаса, закончив ужин (даже Сатана — так окрестили кота — великодушно соизволил съесть несколько ломтиков ветчины), все трое Рэйлстоунов

расслабленно сидели, уставившись в пустые тарелки. Жаль, что посуда не умеет летать, лениво подумал Вэл. Жаль. Было бы замечательно, если бы вдруг блюда и тарелки взлетели со стола, приземлились в мыльном растворе, сами прополоскались бы там и выскочили наружу, чтобы слегка обтереться о полотенце.

Наверное, Рики мечтала о том же, потому что она промолвила куда-то в потолок:

— Посуда...

— Надо собрать её, — ответил Вэл. — Хотя, конечно, ветчина оставляет после себя совершенно противные пятна.

Руперт усмехнулся:

— В этом доме, очевидно, главным будет вопрос, кому достанется мыть посуду. Предлагаю сейчас же приступить к составлению графика работ по дому. Каждый будет делать по хозяйству то, что ему под силу. Но свои комнаты каждый будет убирать сам.

— И ещё каждый будет сам за собой мыть посуду, стирать и гладить бельё, — дополнила Рики.

— Мы имеем пятьдесят долларов наличного дохода в месяц. К тому же, арендатор фермы с противоположного берега речки будет поставлять нам свежие фрукты и овощи. А из одежды нам пока ничего нового не требуется, у каждого вполне приличный гардероб. Так что мы, пожалуй, сможем кого-то нанять, чтобы нам мыли посуду и стирали. Но уж готовить пищу будем по очереди.

— И кто первым пойдёт в отравители последних Рэйлстоунов? — поинтересовался Вэл. — У нас хоть есть приличная поваренная книга?

— Хорошо, завтрак утром приготовлю сама. Поджарить хлебцы и сварить кофе несложно. Что касается посуды, давайте мыть её сообща. Прямо сейчас и начнём.

Когда посуда была помыта и возвращена на полку буфета, Рики ненадолго поднялась в свою комнату и вернулась переодетая в длинное домашнее платье, волочившееся по лестнице изящным шлейфом. По мнению Рики этот наряд придавал ей окончательное сходство с одной весьма

заносчивой киноактрисой. Всё семейство собралось у камина в Длинном Зале, хотя огонь не горел, и сидеть около него вроде бы не имело смысла. Но они всё равно расселись вокруг. Руперт набил табаком тёмную трубку и стал раскуривать её. Теперь он чем-то походит на владельца табачной плантации с картинки, рекламирующей сигареты, подумал Вэл. Сам Вэл растянулся на диване, придавленный кошачьим весом, — Сатана растянулся на животе Вэла и не желал слезать, несмотря на слабые протесты последнего.

— Бр-р-р! — передёрнула плечами Рики. — Здесь холодно.

— Совсем не холодно, Рики. Наверное, ты замёрзла от того, что прадедушка Рик прошёл мимо тебя и повеяло холодом. Нет, котик, не стоит усаживаться ко мне на живот. Прошу тебя, не делай этого. В моём животе столько же ветчины, что и в твоём, дай ей улечься как следует.

Вэл сбросил Сатану на пол, и кот немедленно принялся тереться об его ногу. На призывное кис-кисанье со стороны Рики Сатана не обращал ни малейшего внимания.

Руперт зажгёт спичку о подошву своего башмака:

— В каменных домах всегда прохладно. Надо сделать новый настил поверх каменного пола, тогда станет теплее. Когда я загонял машину внутрь гаража, я видел сложенные доски и дрова. Завтра утром посмотрим поближе, что там есть и можно ли этим топливом развести огонь в камине.

Рики оглядела покрытые мурашками руки:

— А я-то думала, что на Юге всегда жара. Кстати, того, кто утащил мой лосьон для рук, предупреждаю, чтобы отдал. Не то хуже будет.

— А ты его точно положила в сумку? — уточнил Вэл.

— Ещё бы! — Рики осеклась и прикрыла рот рукой. — Впрочем, не знаю. Тогда придётся поехать и купить новый. Съездим на машине в город, я куплю себе лосьон.

— Тридцать миль туда и тридцать миль обратно ради какой-то бутылочки с зельем? — ехидно спросил Вэл.

Но Руперт, развернувшись спиной к камину, словно там горел жаркий огонь, вдруг согласился:

— А это хорошая мысль — съездить завтра в город. Я

должен передать ЛеФлеру некоторые документы. К тому же надо зайти на почту, забрать корреспонденцию из нашего абонентного ящика.

— Составь список того, что нам нужно в городе, — посоветовал Вэл.

Руперт присел на широкий подлокотник кресла, занятого Рики. Та живо взялась дополнять список разными важными деталями. Вэл смотрел на них чуть отстранённо, хотя и внимательно. И Руперт и Рики — или, называя её полным именем, Риканда Анна — принадлежали к ветви «рыжих» Рэйлстоунов. Лица с острыми подбородками, волосы цвета тёмной меди. Судя по дошедшим описаниям в семейных хрониках, представители ветви «рыжих» Рэйлстоунов выглядели именно так. «Рыжие» Рэйлстоуны были низкорослыми, сильными и подвижными. Мужчины замечательно сражались на мечах, а дамы слыли несказанными красавицами. Но все они, припомнил Вэл, славились так же весьма дурным и вспыльчивым нравом.

Правда, Руперт-то уже давно приучил себя управлять эмоциями. Зато Рики, отметил Вэл, совершенно откровенна в чувствах и ничего не умеет скрыть, ни сейчас, во время разговора с Рупертом, ни в одном из недавних инцидентов, который всё ещё стоял у Вэла перед глазами. Как все «рыжие» Рэйлстоуны Рики вела себя слишком прямолинейно, слишком добродушно и открыто. Все «рыжие» Рэйлстоуны были неисправимыми романтиками и легковерными добряками.

«Тёмные» Рэйлстоуны — ветвь, к которой принадлежал Вэл, имели совершенно иной характер. «Тёмные» Рэйлстоуны были побегом на фамильном древе, который появился уже после переселения Рэйлстоунов-англичан в Америку, после того, как англичане-Рэйлстоуны проявили свой темперамент в колониях. Вэл, как типично «тёмный» Рэйлстоун, был темноволос, и его короткие прямые брови на узком смуглом лице вечно хмурились по тому или иному поводу. Подобно «рыжим», «тёмные» Рэйлстоуны обладали огромной волей. Но свой гнев они умели оформлять не в виде

драки, сводя эмоции к холодной ярости, не выходящей из-под контроля.

Руперт уже исписал столбиками цифр целый лист блокнота, поэтому Вэл предположил:

— Вы что, уже придумали, как потратить все деньги, которые мы получим в течение месяца? Давайте теперь перейдём от центов и долларов к чему-нибудь поприятнее. Обстановка не слишком располагает к занятиям экономикой. Разве пираты когда-либо переживали из-за сбережений на чёрный день? Трудно себе представить старину Родерика, волнующегося по таким пустякам.

— Ты имеешь в виду того самого первого пирата Родерика, который добыл для Рэйлстоунов Меч Удачи? — улыбнулась Рики. — Но ведь кроме Меча, Родерик первый добыл Рэйлстоунам целое состояние золотом. Правда, Руперт?

Руперт снова закурил трубку:

— Многие лорды возвращались из набегов богачами. Сэр Родерик де ла Стоун считал Меч Удачи самым дорогим, что у него есть. Он готов был отдать за Меч всё своё имущество, даже когда Родерика провозгласили Бароном Рэйлстоуном.

— По-моему, наши предки не больно-то симпатичны, — передёрнула плечами Рики.

— Это точно, — поддакнул Вэл. — Если говорить точно, в этом зале должен бродить не один-одинёшенький призрак. Дом, вообще-то, должен прямо-таки кишеть неупокоенными Рэйлстоунами. Скольких наших предков лишили жизни насильственно? Человек семь или восемь.

— Ты ещё скажи, что призраки Рэйлстоунов, умерших в Англии тоже любят посещать американский филиал, — полушутя отмахнулась Рики.

— Ничего удивительного, — не сдавался Вэл. — Вспомни, ведь команды, в которые входили и Рэйлстоуны, добирались до Америки на кораблях, снаряжённых в путь нашим пра-пра-пра-прадедом.

Но Рики уже повернулась к Руперту:

— А ты тоже веришь в Меч Удачи?

Руперт молча смотрел в окно. Затем он ответил:

— Не знаю. Нет, не верю! Я не Родерик-Первый или Ричард. Но вещь, у которой позади семьсот лет преклонения — не может не иметь значения.

«И обнажил он свой меч, сделанный дьявольским искусством Востока. И обнажил он меч, состоящий из двух прекрасных лезвий», — Вэл процитировал фрагмент из хроник Брата Ансельма, монаха, сопровождавшего сэра Родерика в пиратских набегах. — «И обнажил он меч, найденный в старом склепе». Так ты думаешь, Руперт, что здесь Брат Ансельм говорит про Меч Удачи? По-твоему, Меч Удачи состоит из двух лезвий и был когда-то найден Родериком в старом склепе?

— Я не стал бы утверждать, что такое невозможно. Ведь сарацины слыли искусными мастерами-оружейниками. Они делали клинки из дамаской стали.

— И всё равно это очень похоже на арабскую сказку, — вмешалась Рики. — Меч, обладающий волшебной силой, был выкован из двух мечей, найденных в старом склепе. Всей работой руководил арабский мудрец-астролог...

— Но с другой стороны, мы знаем, что сэр Родерик стал необычайно удачливым именно после того, как обрёл Меч Удачи, — возразил Вэл. — Пират Родерик, найдя Меч, вернулся домой богатым. А умер он уже Бароном Рэйлстоуном. Родственники сэра Родерика благополучно пережили войну Алой и Белой Розы — а ведь четыре пятых всех аристократических семей Англии были уничтожены в той войне.

Молчавший Руперт подхватил слова Вэла:

— А счастье всё продолжало улыбаться Рэйлстоунам, их дом процветал до той самой минуты, пока распутник Майлз Рэйлстоун не поставил Меч Удачи в заклад во время партии в картишки. И проиграл!

Рики завозилась в кресле:

— Вот это да! Теперь давайте поговорим о пиратах. Расскажи, Руперт?

— Но ты же знаешь всю эту историю наизусть, — возразил он.

— Ну и что? Здесь, в этом доме, ты ещё не рассказывал. Говори, Руперт, пожалуйста. Ведь всё это здесь и происходило!

— По-моему, ты впадаешь в детство.

— Я из него и не выходила. Ну пожалуйста, Руперт.

Руперт сдался.

— Маркиз Лорн, Майлз Рэйлстоун, скакал вместе с Принцем Рупертом из Райна. Он был отъявленный гуляка, задира и циник. Заядлый картёжник, он не побоялся поставить в заклад фамильную драгоценность во время игры.

— «Меч Удачи покинет того, кто обесчестит славное оружие!» — медленно проговорил Вэл. — Я читал это в одной из твоих бумаг, Руперт.

— Да. Меч Удачи ушёл от Майлза Рэйлстоуна. Майлз пережил Марстона Мура, видел смерть короля Карла Первого, был свидетелем возвращения Стюартов в Англию. Но везение, сопутствующее Рэйлстоунам, ушло вместе с Мечом Удачи. Усадьба Лорнов выгорела дотла. И уже Руперт, сын Майлза, жалким безденежным прихлебателем околичивался при королевском дворе.

А потом Руперт бежал из Англии вместе Джеймсом Стюартом, скрываясь от преследований. И Маркиз Лорн коротал свои дни мойщиком котлов где-то на задворках Парижа.

— А потом?

— А потом произошло чудо. Руперта направили в Лондон с секретной миссией, и ему в руки снова попал Меч Удачи. Но кажется, Руперту меч достался в результате убийства, поэтому не принёс ему счастья. Чтобы не попасться солдатам Вильгельма Оранского, Руперт вынужден был спрятаться в канаве с ледяной водой, простудился и умер в лихорадке.

— Теперь и я процитирую, — перебила Рики. — Записи Ричарда, сына Руперта, первого пирата. «Итак, Меч сомнительной Удачи снова попал в наши руки. Теперь уже я сам упорно трудился, чтобы фортуна вернулась в наш дом».

— Ричард хорошо поработал в этом направлении, —

дополнил Вэл. — За какие-нибудь две недели он успел жениться на дочери одного богатого придворного Короля Франции, одновременно получив назначение отплыть на острова Французской Вест-Индии. Едва отплыв из Франции, он занялся пиратством лично и охотно хранил на корабле не только своё награбленное, но и добычу других пиратов.

— Бьюсь об заклад, что его удача была разделена женой, леди Рикандой, — заявила Рики. — Леди Риканда плавала на одном корабле с мужем, переодевшись в мужское платье. Помните, мы видели её портрет на миниатюре в музее Нью-Йорка? Кстати, все «тёмные» Рэйлстоуны похожи на неё. Ты понял, Вэл?

Руперт продолжил:

— Как бы то ни было, именно леди Риканда уговорила мужа оставить морские скитания и поселиться на берегу. В то время два наместника Франции, Бьенвиль и Ибервиль, собирались строить город в устье Миссисипи, чтобы управлять долиной реки. С каждым из них леди Риканда была лично знакома. Эти правители пожаловали пирату по прозвищу «Чёрный Дик» (это и был Ричард) изрядный надел земли за озером Борнье, на берегу речки. Город в устье Миссисипи начал строиться только в 1724 году. А этот дом — значительно раньше, в 1710 году, рабочими, специально вывезенными из Англии.

Дом изгнанника, — медленно выговорил Руперт. — Ведь Ричард Рэйлстоун покинул Англию, когда ему было девять лет, и позже, в годы пиратства, за его поимку была объявлена награда. Тем не менее Ричард инкогнито добрался до Девона в 1709 году — чтобы в последний раз пройтись по ступеням замка, где он когда-то рос. Лорн уже был разрушен. Частично по памяти, частично по строению развалин, Ричард набросал грубые чертежи. Позднее по ним было выстроено Пиратское Логово.

— Мы видели чертежи в музее, помнишь, Вэл! — встряла Рики.

Вэл кивнул:

— Наверное, постройка дома стоила сумасшедших денег. Правда, у Ричарда были свои собственные сбережения, немалый капитал, составленный за годы пиратства. Так что строительство дома не разорило Ричарда окончательно. Хотя большая часть камня была привезена из Европы, чтобы сложить каменный дом на европейский манер. Позднее власти Нью-Орлеана стали по примеру «Чёрного Дика» привозить из Европы бульжник, чтобы мостить нью-орлеанские улицы. Между тем дом «Чёрного Дика» строился целых пять лет — мешали стычки с индейцами. Когда же дом был выстроен, Ричард зажил оседлой жизнью как заправский феодал. Некоторые его соратники по пиратскому делу устроились к Ричарду охранниками. К тому же он ввозил чёрных рабов для работы на своих плантациях индиго. Усадьба Рэйлстоунов процветала, несмотря на смену правителей. Французский доминион сменил испанский, затем эта земля стала частью Америки. Это лишь укрепило Рэйлстоунов.

— Теперь про дедушку Рика, — попросила Рики. — Он был не менее выдающейся личностью, чем даже сам «Чёрный Дик».

— Хорошо. Так вот, в 1788 году, когда половина Нью-Орлеана была уничтожена чудовищным пожаром, в Пиратском Логове родились два мальчика-близнеца. Они слишком рано стали полноправными хозяевами Пиратского Логова, так как родители малышей вскоре умерли от жёлтой лихорадки. А те времена были беспокойными. В Новом Орлеане собирались беглые со всего мира. Существовали чёрные бунтовщики, бежавшие с Гаити, устраивали дуэли европейские дворяне, приговорённые на родине к виселицам. Неудобные члены королевских семей также находили здесь пристанище. Так в 1798 году в Нью-Орлеан прибыл сам герцог Орлеанский с братом, герцогом де Монпансье. Так что город был весьма далёк от соблюдения законов. Как, впрочем, почти все поселения Новой Англии в 18-м веке. Уважаемые торговцы часто действовали заодно с контрабандистами.

— И пиратами по совместительству, — подсказывал Вэл.

— Да. Королём же контрабандистов был некий Жан Лафит. Он держал кузницу, где рабы ковали чудесные стальные ограды и ворота. Скоро кузница стала местом, где собирались молодые люди, жаждавшие приключений. Их привлекала дерзость Лафита: он открыто расклеивал на городских стенах прейскуранты с ценами на товары, ввезённые контрабандой, а значит, стоившие дешевле.

Младший из близнецов-Рэйлстоунов, Родерик, стал вхож в шайку Лафита. Старший брат, Ричард, предостерегал Родерика. Но тот, не слушая, отплыл в Баратария вместе Домиником Ю и прочими отпетыми пиратами, приговорёнными к виселице в Европе.

В 1814 году старший брат Ричард решил жениться на дочери одного из приятелей губернатора Клэйборна. Однако отец девушки совершенно открыто заявил, что Рэйлстоуны замечены в неладах с законом, что Пиратское Логово имеет дурную репутацию, и что об этом браке не может быть и речи. Обиженный Ричард проверил несколько тайников, выкопанных ещё его дедом, и убедился, что тайники неплохо сохранились и вполне пригодны для хранения награбленного добра. И самое ужасное, что часть тайников была заполнена новыми поступлениями — младший брат, Родерик, использовал дело рук своего деда по прямому назначению.

Ричард дождался возвращения Родерика из очередного похода, и между братьями произошло крупное объяснение. Оба они были молоды, оба были вспыльчивы. И каждый считал себя правым.

— В общем, типичные Рэйлстоуны, — прокомментировал Вэл.

— Несомненно, — согласился Руперт. — С той разницей, что один жил оседло, а другой плавал. Здесь, в Длинном Зале, они подрались. От угроз и брани перешли к рапирам — их Ричард привёз из Франции. Рабыня по имени Фалесс, которая присматривала за близнецами в детстве, оказалась единственной свидетельницей дуэли.

Она рассказала позже, что застала драку, когда сэр Ричард уже лежал распластанным посреди Зала, лицом вниз.

Рики взглянула на предполагаемое место убийства.

— По идее, там должно было остаться кровавое пятно, — заметил Вэл, проследив взгляд Рики. — Но никаких следов нет.

— Так вот, — продолжил Руперт, — Фалесс была наверху, она выбежала на лестницу и, увидев лежащего Ричарда, закричала. В это время Родерик уже стоял в дверях. Он приподнял меч, как бы отдавая последний салют убитому. И исчез. А на полу возле Ричарда остались две рапиры. Ниша же, где висел Меч Удачи, опустела.

Вот так Рик Рэйлстоун исчез в ночи, забрав из дома Меч Удачи и обагрив руки кровью собственного брата. Но Ричард не был убит.

Почти год он оправлялся от раны и в конце концов встал на ноги. Та гордая красавица так и не стала его женой. Но в 1819 году он женился на молодой креолке, овдовевшей после битвы при Нью-Орлеане. От Рика не приходило никаких вестей, хотя Ричард усердно наводил справки о брате в течение тридцати лет.

— Но если Ричард выжил, — усмехнулся Вэл, — откуда взялся призрак, появляющийся в Длинном Зале? Кто здесь ходит по ночам?

— Не знаю. Когда началась Гражданская война, хозяином Пиратского Логова стал Майлз, сын Ричарда. Семейных ценностей к тому времени осталось уже не так много, так как семейный кошелёк был истощён бесчисленными неудачами в торговле, потерями при перевозках грузов морем, неурожаями и тому подобными бедствиями.

— Меч Сомнительной Удачи делал своё дело даже на расстоянии? — предположил Вэл.

— Наверное. Майлз женился, когда ему не исполнилось и двадцати лет. У него вскоре тоже родились двое сыновей-близнецов, которых назвали Майлзом и Ричардом. Во время Гражданской Войны Майлз-отец погиб в Первом сражении при Булл Ран. Его сыновья также вступили в

войска Конфедерации. Майлз был лейтенантом в кавалерийском отряде и вернулся с войны живым и невредимым.

Ричарду повезло меньше. Он был ранен и вернулся на побывку домой, когда войска северян вступили в Нью-Орлеан. Один из рабов, мулат, давно имевший зуб на семью Рэйлстоунов, выдал Ричарда северянам. И юноша был убит бандой мародёров-головорезов, сопровождавших армию северян как стая стервятников. Они нагрянули в Пиратское Логово, чтобы учинить расправу прямо здесь. Но Ричард был предупреждён о налёте и успел спрятать фамильные драгоценности. Он спрятал их, как и положено по традиции, где-то здесь, в этом самом Зале.

Вэл и Рики слушали с безмолвным интересом, но Руперт уже подошёл к концу рассказа:

— Ричарда хладнокровно застрелили после того, как он отказался назвать место, где спрятаны драгоценности. Как раз в это время в Пиратское Логово вернулся Майлз, который с отрядом разведчиков был на передовой на юге. Майлз застал последние минуты расправы. Разумеется, все бандиты были расстреляны на месте. Но найти спрятанные драгоценности не удалось тогда и не удалось никому до сих пор.

Та война повергла Рэйлстоунов в нищету. Майлз в поисках выгодной работы уехал на север. А дом пустовал до 1879 года, когда в нём поселился арендатор — сахарный барон. В 1895 году в доме жили дальние родственники нашей семьи. Они прожили несколько лет, а потом до сегодняшнего дня дом сдавали внаём. Мы первые законные жильцы в этом веке.

— Но пользы от нас мало, — сказала Рики. — Меч Удачи где-то гуляет, а без него Рэйлстоуны не процветают. И вряд ли мы найдём его.

Руперт выбил трубку о решётку камина.

— Всё рассказанное — лишь семейное предание.

Рики внезапно возмутилась:

— А вот и нет! Мы вернулись в родной дом! Уже этим мы начали дело удачно. И дальше нам должно повезти.

— Как же мы вернём наш Меч Удачи? — осторожно вмешался Вэл. — Ведь Рик забрал меч и исчез вместе с ним.

— Меч Удачи появлялся в Пиратском Логове после того, как им завладел Рик, — упорствовала Рики. — И ещё не раз появится. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Суеверья, конечно, чепуха. Но всё-таки было бы здорово, вернись к нам этот Меч, — помечтал Руперт. — На клинке выгравированы имена всех его владельцев. От сэр Родерика первого и дальше, в глубь веков. Семь столетий, запечатлённых на стальном клинке.

Он поднёс к глазам часы и воскликнул:

— Однако уже десять минут девятого! Пора спать, у нас сегодня был трудный день.

— Пора! — Вэл вскочил с дивана, потревожив Сатану. Тот лениво приоткрыл жёлтый глаз.

Рики задумчиво водила пальчиком по резным гирляндам цветов в узоре каминной доски. Вэл подошёл к сестре и взял её руку.

— Рики, вряд ли ты нащупаешь тот цветок, нажав на который, откроешь тайник с сокровищами.

— Как ты догадался, что я делаю? — зарделась она.

— Миледи, ваши мысли, словно райских птичек стая...

— Прекрати, Вэл! Твои стихи просто невыносимы. Иди лучше спать!

Дав отповедь Вэлу, Рики первой направились к лестнице наверх, на первой ступеньке она оглянулась на каминную доску и задумчиво пробормотала:

— И всё-таки! Какой из этих резных цветков?..

Глава 3

Рэйлстоунов посещает странный гость

Вэл лежал связанным в подземной пещере. Кроме пут, он был прикован к скале. По его распростёртому телу ползло какое-то чудовище, неразличимое во тьме. Зловон-

ное дыхание зверя почти касалось щёк Вэла. Мощным рывком Вэл разорвал путы и, высвободив руки, схватил мучителя за глотку.

По его подушке скользил тёплый солнечный луч, заставляя прикрывать глаза. Сидевший на его груди Сатана лапами стаскивал с Вэла простыню. При этом кот нежно мурлыкал. Долетающий из окна ветерок был влажен и свеж после ночного дождя.

Сделав своё чёрное дело и разбудив человека, Сатана покинул пост на груди Вэла и направился к окну с явным намерением раздать хозяйские указания паре-тройке птиц, свивших гнездо неподалёку. Вэл, опёршись на локоть, выглянул в окно.

Стояло чудесное утро. С реки по саду растекался туман, однако солнце уже высушило каменные дорожки. Возле носа Вэла закружилась пчела и он подумал, что следует повесить противомоскитную сетку на окна.

От речки, невидимой за садом, донеслось гудение лодочного мотора. Однако в доме всё было тихо, так что вряд ли это кто-нибудь из Рэйлстоунов спозаранку вышел покататься по реке. Вэл скинул пижаму, швырнув её возле кровати, и поспешно оделся. Ему этот новый мир нравился. Очень много дней он не чувствовал себя так хорошо. В это утро забытое чувство вернулось. Вэл тихонечко сошёл по лестнице в Длинный Зал. Он хотел осмотреть Пиратское Логово в одиночку.

В Длинном Зале было холодно и сумрачно, несмотря на лучи света, рассекающие полумрак. Среди зала белел кусочек ткани. Наверняка Рики обронила носовой платок. Вэл распахнул входную дверь и вышел на террасу. Всей грудью вдохнул он воздух этого утра. По краю террасы вилась дикая роза, в ветвях дальних деревьев пели птицы. Меж зарослей мелькнул Сатана и скрылся снова. Неожиданно Вэл понял, что жить на свете очень приятно. Он потянулся и зашагал по ведущей в глубь сада тропинке, выбрав направление наугад. От круга, образованного возле дома подъезжавшими когда-то экипажами.

В саду всё говорило о том, что ночью свирепствовала буря. Там и тут валялись куски мха, сорванные ветром со старых дубов. На лужайках трава была примята ветром и только-только начинала раправляться.

На дорожку выскочил кролик и затрусил к расщелине в каменной горке неподалёку. Кто-то из прежних владельцев плантации выложил небольшой каменный прудик, куда стекал ручей, давая вполне пригодную для питья воду. На каменных бережках распластались лягушата размером с почтовую марку. Едва тень человека упала на них, лягушата врассыпную кинулись в воду. С пьедестала над бассейнчиком за ними наблюдала статуя мальчика-Пана. Греческий божок танцевал свой каменный танец. Вэл решил, что Рики придёт в восторг от этого уголка, и запустил руку в бассейнчик, срывая тугой стебель цветка кувшинки.

Откуда-то выползла черепаха и тоже плюхнулась в бассейн. Солнце уже вовсю припекало и в душе Вэла была одна только радость. Даже то, при каких обстоятельствах они, Рэйлстоуны попали в родовое имение, сейчас радовало Вэла. Он лениво встал и обернулся.

В нескольких шагах от него на тропинке стояло непонятное существо в линялой фланелевой рубаше и вымазанных грязью штанах.

Тёмные пальцы ног были длинны и цеплялись за камни дорожки так крепко, словно старались удержать хозяина от нечаянного взлёта.

— Привет, — вопросительно сказал Вэл.

Незнакомец молчал, поглядывая на кусты вокруг.

— Я — Вэл Рэйлстоун, — Вэл протянул руку. К его удивлению незнакомец оскалил зубы в угрожающей гримасе и попятился к кустам.

— А ты кто? — требовательно спросил Вэл.

— Тот, у кого столько же прав жить здесь, сколько и у тебя, — сердито прошипел мальчик. С этим он повернулся и побежал прочь по дорожке, ведущей от бассейнчика.

Вэл последовал за ним, но отстал. И когда Вэл выскочил на берег речки, мальчик уже был на её середине. Он плыл

в каноэ, ловко орудуя веслом. Вэл окликнул его, но визитёр даже не оглянулся. На его коленях покоилось ружьё, а по дну каноэ разложены ржавые капканы. Пиратское Логово, вспомнил Вэл, расположено возле речки, вытекающей из большого болота, где водятся ондатры. А местные поселенцы, как и здешние индейцы племени Кайен охотно промышляют добычей ондатровых шкур.

Пока Вэл провожал взглядом непрошенного посетителя, с противоположного берега реки подплыло другое каноэ. Сидевший в нём мужчина причалил к маленькой деревянной пристани и повернул к Вэлу широкое коричневое лицо:

— Вы поселились в том большом доме на холме, не так ли? — он был очень приветлив.

— Если вы имеете в виду Рэйлстоунов, то да. Мы живём в том доме со вчерашнего вечера.

— Так вы — миста Рэйлстоун, сэр? — мужчина стянул с головы соломенную широкополую шляпу и теперь мял её в широких руках.

— Я — Вэлериус Рэйлстоун. А владелец поместья — мой брат Руперт.

— Понятно, миста Рэйлстоун. А я — фермер; живу на том берегу. Миста ЛеФлер говорил, что вы снова приедете сюда жить. Так моя жена и говорит: «Ступай, посмотри, не надо ли чего приехавшим». Люси, моя жена, тоже местная. У неё здесь живут мать с отцом, родители её родителей, и родители их родителей жили здесь ещё в пору, когда исчез старый миста Рэйлстоун. Так что Люси беспокоится, покажется ли господам здесь достаточно удобным жить в таком доме.

— Очень любезно с её стороны, — ответил Вэл. — Кажется, мой брат говорил вчера, что должен встретиться с вами. Не желаете ли пройти в дом?

— Пойдёмте, миста Рэйлстоун, сэр. Меня звать Сэмом.

Они зашагали вверх по тропинке и Вэл счёл уместным полюбопытствовать:

— Между прочим, вы заметили мальчика? Он плыл на

каноз вниз по течению. Я встретил его здесь, в саду, и на мой вопрос, кто он, этот мальчик только и сказал, что у него столько же прав быть здесь, сколько и у меня. Вы не знаете, кто он?

Добродушная улыбка слетела с лица Сэма.

— Миста Рэйлстоун, сэр, я советую вам вызывать полицию всякий раз, когда в ваши владения сунется кто-нибудь из подозрительных. Округ кишмя кишит бедняками и бродягами. Некоторые бедняки живут на болотах и совершают набеги, воруя всё, что попадётся на глаза. Скажите, сэр, этот мальчик такой же смуглый, как вы, и у него такие же тёмные волосы и узкое лицо, да?

— Да.

— Тогда это Джимс. Он сирота, у него нет никого. Живёт как дикарь, охотится и ворует напропалую. К тому же он большой враль. Обожает заливать, что принадлежит к старинному роду, что его место не на болотах. На него можно не обращать внимания.

В утреннем воздухе зазвенел голос Рики:

— Вэл! Вэл Рэйлстоун! Где ты?

— Иду! — откликнулся Вэл.

— Поторапливайся! — продолжала кричать Рики. — Тосты уже два раза пригорели...

Она не договорила. Очевидно на кухне случилась ещё какая-то катастрофа.

— Через чёрный ход гораздо быстрее, миста Рэйлстоун, — предложил Сэм.

Они вошли в кухню в тот момент, когда Рики снимала с плиты кофейник.

— Я уже весь голос сорвала! — напустилась она на Вэла. — А Руперт предложил прочесать дно речки баграми. Где ты ходишь, между прочим?

— Знакомился с нашим соседом. Познакомься и ты, Рики, — Вэл указал на широко улыбающегося гостя. — Это Сэм. Он — фермер в нашем имении. А его жена — потомок всех домочадцев Рэйлстоунов.

— Это так, сэр. Мы всегда работали у Рэйлстоунов, мисс

Риканда. Поэтому Люси сказала, сходи посмотреть, всё ли у вас в полном порядке, как только вы приехали, — Сэм улыбнулся ещё лучезарней. — Сама Люси придёт, только подымет ребятишек. Я-то зашёл, чтобы спросить, что сэр Рэйлстоун прикажет высаживать на поле у речки?

— Ты не знаешь, где Руперт, — спросил растерявшийся Вэл.

— Пошёл взглянуть, что с машиной. Вчерашняя ночная буря сорвала дверь каретного сарая.

— Неужто? — Сэм округлил и без того круглые глаза. — Так я лучше пойду тоже гляну, что там делается. Извините, мисс и миста.

Он удалился, кланяясь. Вэл обернулся к Рики.

— Кажется, мы попали в хорошие руки.

— Как странно звучит — домочадцы Рэйлстоунов, — Рики выключила газ.

— Кажется, о них говорил нам ЛеФлер. Но тогда я всё равно не представлял, что такое бывает где-нибудь кроме книг.

— Я ощущаю себя владелицей феодального поместья. Как будто живёшь не в двадцатом веке, а лет сто назад. Может быть, я и вправду опоздала родиться. В прошлом веке я разъезжала бы по плантациям в коляске, запряжённой двумя рысиками, у меня был бы кучер, лакей, служанка, сидящая где-нибудь на запятках.

— А следом бежали бы два далматинских дога, и первый юноша в округе сопровождал бы процессию, скача на коне поодадь. Увы те времена прошли, так что давай обсудим что-нибудь более актуальное. Чем мы займёмся сегодня?

— Во-первых, надо вымыть посуду. Во-вторых, заправить постели. После обеда Руперт собирался отвести нас в город за покупками.

— Согласно списку, который вы вчера составили? Итак, всё намечено, осталось начать работу. Может, пора позавтракать? Руперт, кажется, уже позавтракал. Или он сел на диету?

— Он сейчас придёт.

— Сказала она с уверенностью. Жаль, что эта уверенность не унимает спазмов у меня в желудке.

— А где, интересно, наш кисуленька?

— И этим гнусным прозвищем ты заклеила Сатану? Он, вероятно, пошёл на охоту. В последний раз я видел его выслеживающим какую-то птичку возле крыльца. А-а, вот и Руперт! Может, мы наконец-то сядем за стол?

— Я хочу тебе кое-что сказать, — начала было Рики, но умолкла, увидев входящего Руперта. Она принялась разливать кофе по чашкам.

Озадаченный Вэл спросил брата:

— Как там каретный сарай?

— Сэм сказал, что сумеет приладить дверь на место. Её вырвало вместе с петлёй, он найдёт другую петлю. Там сложено много всякого хлама, — Руперт потянулся за тостом. — Как вам понравился наш работник?

— Симпатичный человек.

— ЛеФлер говорил, что он лучший работник. Он гордится тем, как ведёт хозяйство, как следит за плантацией. И у него чудесная жена. Она была кухаркой, когда семья Рафаэлей снимала дом. Так тот съедал по два обеда, так было вкусно. Сэм сказал, что она хочет делать домашнюю работу за нас.

— Но нам нечем платить! — вспыхнула Рики.

— Сэм не вёл разговор о деньгах. Он сказал, что его жена сама хочет помогать нам. Так что, Рики, — он улыбнулся, — мы оставим это на ваше усмотрение. И Люси может помочь найти прачку для стирки белья.

— Кстати о стирке! — Рики достала из кармана белый кусочек ткани. — Вот твой платок, Руперт. Его просто необходимо выстирать. Не знаю, в чём ты его выпачкал. Похоже на машинное масло.

Руперт взял платок и расправил его.

— Это не мой. Может быть, мой младший брат признает свою собственность?

Руперт подвинул к Вэлу шёлковый испачканный прямоугольник. На белой ткани расплылись три масляных пятна. В уголке была вышита маленькая монограмма.

— Я думал, это платок Рики, — запротестовал Вэл. — У меня на платках вышиты мои инициалы. К тому же дюжина шелковых платков, подаренных тобой к рождеству, ещё не распакована. Это не мой платок.

Рики забрала находку.

— Странно. У меня таких платков тоже не было. Может быть, вы что-то забыли, и это всё-таки ваш платок?

— А в чём дело?

— Я нашла его в Длинном Зале сегодня утром. Но вчера вечером платка не было. Иначе кто-нибудь из нас увидел бы его и поднял. Так это точно не твой платок, Вэл?

Вэл отрицательно покачал головой.

— Точно.

Руперт снова взял платок в руки:

— Интересно. Ткань высокого качества, платок почти новый, — Руперт понюхал платок. — Это машинное масло. Но как же платок...

— Может быть, этот платок принадлежит тому мальчишке? — начал Вэл.

— Кому-кому?

— Нет, вряд ли мальчишка носит при себе такие платки, а тем более вряд ли он пользуется ими.

— О ком ты говоришь?

Вэл рассказал об утренней встрече в саду с мальчиком, которого Сэм назвал Джимсом.

— Не нравится мне это, — проговорил Руперт. — Значит, ты утверждаешь, Вэл, что мальчик Джимс не может пользоваться платками такого качества. Однако ты встретил этого мальчика в нашем саду, а мы...

— Этот платок принадлежит тому, кто побывал в нашем доме прошедшей ночью! — воскликнула Рики. — Вот что мне не нравится.

— Но дверь была заперта, я это видел утром, — заметил Вэл.

Руперт кивнул:

— Да, я точно помню, что запираю дверь вчера, перед тем как идти спать. Но сегодня утром я увидел, что большое

окно, выходящее на террасу из бальной комнаты, никто не запирает.

— Но кому нужно приходить сюда? Кроме мебели в доме нет ничего ценного. А чтобы вынести мебель, нужно поработать втроем или вчетвером, при этом мебель без грузовика не вывезешь. Совершенно непонятно, что здесь мог искать ночной вор, — Рики фыркнула.

— Опять загадка, — заключил Руперт, поднимаясь из-за стола. — И, дети мои, вам придётся поискать ключ к ней. Если, конечно, вы хотите забавлять своё воображение и дальше. А я должен вернуться в каретный сарай и заняться работой.

Он бросил на стол загадочный платок и вышел.

— Он такой насмешник, — сказала Рики вслед Руперту. — А я всё равно верю, что платок поможет нам разгадать, в чём дело. И вообще, я уже догадалась, что искал в доме ночной гость.

— Что же?

— Сокровище, спрятанное Ричардом, когда был налёт.

— Ну, если наш незнакомец располагает столькими же приметам, как и мы, он весьма долго проищёт своё сокровище.

— Надо остановить самозванца. Ведь где-то в Длинном Зале спрятаны наши драгоценности, а мы не можем узнать, где этот тайник...

— Послушай, — перебил её Вэл, — а что ты хотела мне сказать, когда вошёл Руперт?

— Руперт что-то скрывает от нас.

— Почему ты так думаешь?

— У него два чемодана-«дипломата», которые он не открывает при нас. Помнишь, пока мы ехали сюда, он всё время следил, чтобы с ними ничего не случилось.

Вэл кивнул. Действительно, Руперт приглядывал за чемоданами-«дипломатами» так, будто в них было сосредоточено самое дорогое в его жизни. Он начинал беспокоиться, если хотя бы секунду «дипломаты» исчезали из его поля зрения.

— А когда я сегодня спустилась в Длинный Зал, он как

раз уносил свои «дипломаты» в комнатку рядом со столовой. Там когда-то была контора управляющего плантациями. Он вышел из этой комнатки, увидел меня и запер дверь на ключ.

— Вот это да!

— Я тоже удивилась и спросила, что это он делает. Он сказал какую-то глупость, наподобие того, что здесь будет комната Синей Бороды, и каждая любопытная девушка, которая туда войдёт, будет наказана. А ключ от двери он повесил на свой брелок, потому что не знал, что я наблюдаю за ним.

— Да, весёленькое местечко — наш домик, — заметил Вэл, царапая вилкой узор на дне тарелки. — Сперва кто-то оставляет нам вместо визитной карточки носовой платок. Потом Руперт ведёт себя как разведчик в штабе врага. Какой-то злющий мальчишка прыгает по саду, хотя ему там явно нечего делать.

Рики сложила посуду в мойку и теперь разбрызгивала вокруг хлопья мыльной пены.

— Интересно, как этот мальчик выглядит?

— Худенький, очень загорелый. Если бы он не скалил зубы в такой злой усмешке, я назвал бы его симпатичным. И он почему-то настроен к нам враждебно. Это несомненно. Он примерно такого же роста, что и я, но очень ловкий и подвижный. Крепко сложен. Я не стал его останавливать, дав уйти, куда хочет.

— Так ты описываешь мне юного Кларка Гейбла или бродягу, которого встретил утром в саду?

Вэл на секунду оторвался от протирания дна обширной сковороды:

— В следующий раз ты самаймаешь его и хорошенько рассмотришь.

— Обязательно, — Рики решительно сняла фартук.

Они разошлись по своим комнатам. Вэл принялся застилать постель. Рики пришла ему на помощь, впрочем, больше критикуя, нежели инструктируя. Сделать застеленные углы постели ровными никак не удавалось, покрывало морщилось и не хотело ложиться ровно. Через несколько

минут напряжённых упражнений Вэл понял их бессмысленность и перешёл к распаковыванию привезённых вещей и раскладыванию их вокруг. К одиннадцати часам дня Вэл сошёл в Длинный Зал, чтобы разыскать тряпку и вытереть поднятую в комнате пыль. Он и сам пропылился настолько, что приходилось на ходу вытирать за собой следы собственных ног.

Отодвинув тяжёлую занавеску, он открыл окно. С улицы ворвался свежий воздух, более тёплый, чем атмосфера холодильника, царившая в Длинном Зале. Ещё за окном показался Руперт, идущий по дорожке к дому. Пиджака на Руперте не было, рукава рубашки он закатал почти до плеч. Он выглядел усталым и страдающим от жары, напоминая не столько хозяина обширных плантаций, сколько подневольного работника тех же плантаций. И всё же в его походке появилась гордая уверенность, которой ещё вчера не было.

Вэл решил ускользнуть от неотвязного внимания Рики, чтобы поговорить с Рупертом наедине. Он поспешил вниз, на кухню. Но Рики уже хлопотала там. Она задумчиво изучала набор кухонных ножей разной длины.

— Готовишься убить одного-двух врагов? — спросил Вэл, входя.

Рики вздрогнула и выронила нож.

— Вэл, что ты говоришь! И вообще, когдаходишь на цыпочках, предупреждай. Свистни или звякни чем-нибудь, чтобы люди слышали, как ты подкрался. Я хочу срезать немного цветов в саду, вот и выбираю нож. Потому что никаких ножниц не смогла найти, а свои не хочу портить.

— Возьмите вот этот нож, мисс Канда, — полная тёмная рука протянула Рики садовый нож.

На пороге кухни стояла темнокожая женщина, очень полная, в облегающем платье, аккуратном, но вытертом на животе от постоянного соприкосновения с раковиной при мытье посуды. В ушах пришедшей горделиво болтались огромные золотые серьги-кольца. Чёрные курчавые волосы обрамляли широкое добродушно-доверчивое лицо.

— Меня зовут Люси, — представилась она. Затем выга-

шила из-за спины руку, которой, как выяснилось, держала девочку раз в тридцать тоньше и гораздо более светлокожую.

— А это единственная дочь моей сестры, Летти-Лу. Ну, Летти-Лу, будь воспитанной, поздоровайся. Или ты хочешь показать мисс Риканде, что ты живёшь на болоте и ничего не умеешь?

Летти-Лу по-утиному наклонила голову и что-то беззвучно прошептала.

Женщина перевела:

— Летти-Лу будет делать для вас всё, мисс Риканда. Я научила её, как нужно прислуживать настоящим леди. Она умеет мыть посуду и полы и всё другое. Я сама всему её научила.

Летти-Лу, опустив голову, переминалась с ноги на ногу.

Рики запротестовала:

— Но мы не собирались нанимать кого-либо в услужение.

— Знаю, мисс Канда. Но Летти-Лу всё умеет. Она очень хорошо готовит. Вы же не возьмёте в дом какую-нибудь неумеху.

— Мы не возьмём и Летти-Лу, — поддержал сестру Вэл. — Видите ли, Люси, у нас нет денег, чтобы нанимать прислугу.

Люси возмущённо выдохнула воздух из мощных лёгких:

— Да вы что, миста Рэйлстоун! Никто и не заикается о деньгах. Летти-Лу не возьмёт никаких денег. Она только подкормится на вашей кухне. Ну, и разве что иной раз мисс Канда подарит ей какую-нибудь одежду, тогда Летти-Лу порадует. А так у Летти-Лу папа зарабатывает прилично, девочке деньги ни к чему. К тому же вряд ли мисс Канда сама сможет убирать такой большой дом. Мы — домочадцы Рэйлстоунов. Так что нечего стоять, Летти-Лу. Надевай-ка фартук и за работу.

— Мы не сможем оставить её, — Рики безнадежно пыталась объяснить ситуацию.

— Мисс Канда, мы всегда работали на Рэйлстоунов. Мой дедушка принадлежал масса Майлзу Рэйлстоуну. Он

даже на войну с масса Майлзом ходил. И вдвоём они вернулись домой, когда война кончилась. А потом масса Майлз позвал моего деда и говорит: «Боб, я разорён, ты свободен. Ты и вся твоя семья. Вот тебе пять долларов золотом, это всё, что у меня осталось. Ищи себе нового хозяина». А Боб отвечает: «Капитан Майлз, вы как белый человек можете говорить, что я свободен. Но никто не может сказать, что я не принадлежу Рэйлстоунам. Так что я свободно остаюсь с вами. Что вам подать к завтраку?» А потом, когда масса Майлз решил податься на север искать счастья, он снова позвал дедушку Боба и говорит: «Всё, Боб, я уезжаю из этого мёртвого дома. Ты остаёшься присматривать». И знаете, мисс Канда, мы так и ухаживаем за домом. Все поколения. Сначала дедушка Боб, потом мой папуля, потом я с Сэмом.

Рики протянула руку и пожала мягкую ладонь Люси:

— Прошу, Люси, простите нас. Мы ещё не во всём разобрались, потому что слишком долго не жили здесь.

Глава 4

Пистолеты для двоих, кофе для одного

Вэл откинулся на сиденье автомобиля и изо всех сил старался удержать машину на шоссе. Дорога по своему состоянию мало чем отличалась от гоночного трека для картинга. С момента выезда из Пиратского Логова машина дважды чудом не утонула в плотной грязи, пробившейся сквозь тоненький слой дорожного гравия.

Дальше, к югу, лежали болота, поросшие кипарисами и диким виноградом, где в тёмных промоинах плавали гниющие стволы. Заросли подходили к самой дороге, неся с собой атмосферу враждебного мира, где по легендам первых поселенцев-французов обитали громадные жуткие чудовища. Они охотились за людьми по всем болотам до самого устья Миссисипи. Глядя на лес вокруг дороги, Вэл

подумал, что нетрудно поверить в старые истории. Он ничуть не удивился бы, высунуться из-за поворота шестиметровый бронтозавр. В столь мрачном месте любой уважающий себя бронтозавр счёл бы за честь высунуться из-за поворота.

Но вот джунгли вдоль дороги поределели, странные запахи улетучились. Машина миновала посёлок Чалметт и выехала на основную магистраль. Отсюда добраться до города было просто. По скоростной дороге, называющейся шоссе Сан-Бернар, они мигом домчались до авеню Сан-Клод, которая плавно перетекала в улицу Норт Рампарт, ведущую к французской части города.

— Мы можем ехать медленнее? — заворчала Рики. — Или я должна выворачивать шею в попытке разглядеть что-нибудь на улице? Ведь мы проезжаем улицу Сан-Анна. А вот угол Бьюрегар Сквер, старинная улица Конго Сквер.

— Здесь до войны устраивали воскресные танцы рабов. Как видишь, я прочёл столько же путеводителей по Нью-Орлеану, сколько и ты. Однако это улица со встречным движением. А нам ещё нужно успеть сделать за день миллион дел, так что улицы осмотрим потом. Кстати, обрати внимание: улица Бьенвиля. Нет, Рики, не проси, я не остановлю здесь машину только для того, чтобы ты заглянула в ту антикварную лавочку. Нам ещё ехать шесть кварталов.

Вэл одновременно вёл полемику и машину.

— Вэл, но мы только что проехали мимо Беглого дома!

— Да? Если бы кое-кто из наших дальних родственников так же объезжал этот дом стороной, было бы лучше. Беглый дом когда-то служил штаб-квартирой Лафиту. Ну вот, Иксчейндж-стрит, следующая улица — наша.

Свернув на Шартрез-стрит, они проехали ещё квартал до угла с улицей Ибервиля. Вэл остановил машину возле четырёхэтажного серого здания, украшенного льдинками окон за зелёными жалюзи. На первом этаже располагалась маленькая лавочка, куда и направились Вэл и Рики.

Поблекшая табличка на двери сообщала, что внутри занимаются бизнесом некий Бонфиль и компания. Род

занятий Бонфиля с компанией был скрыт от взгляда любопытствующего прохожего тёмно-синими плотными стёклами. Вэл запер машину и взял у Рики большой, официального вида конверт, который Руперт наказал отвезти ЛеФлеру.

Рики озадаченно разглядывала вход.

— Вэл, ты правильно нашёл адрес? Это та самая контора? Что-то не похоже, что именно здесь обитает ЛеФлер.

Вэл взял её под руку:

— Мы должны обогнуть этот дом и выйти на площадь суда. У него там офис на втором этаже.

Небольшая деревянная дверь, укреплённая узорчатой металлической оковкой, захлопнулась за братом и сестрой, отрезав их от площади, где располагался вход в городской суд и где на каждом шагу торчали пустые флаштоки. Одинокое дерево посреди клумбы бросало густую тень на ступени входа. Вэл и Рики находились в здании, принадлежащем к архитектуре настоящего креольско-французского типа. Пристанище ЛеФлера имело типичный для этой части старого города вид. На первом этаже располагались магазинчики, окнами на улицу. Хозяева этих лавок обычно жили в верхних этажах, сдавая третий и четвёртый этажи плантаторам-аристократам на время зимнего сезона, когда знать считала модным съезжаться в город.

Сбоку к дому примыкал вытянутый флигель, на первом этаже которого когда-то располагалась кухня и помещения для рабов. На втором этаже были спальни для младших членов семьи — чтобы юные отпрыски аристократов не беспокоили всё семейство, входя и выходя по своим делам. Теперь маленькие комнатки второго этажа занимала контора ЛеФлера. Вдоль всего флигеля тянулся балкон. Вэл и Рики сообщили о своём приходе темнוליцеому клерку, и ЛеФлер, вышедший на балкон, помахал рукой, приглашая их войти.

— Как замечательно, что вы приехали! — Рене ЛеФлер лучезарно улыбался. Он оказался маленьким пухленьким человечком лет под сорок, с круглым личиком и мягким акцентом. Бровки дугой придавали его лицу удивлённое

выражение, словно он постоянно пребывал в изумлении от этого мира. Улыбка у него была доброй. Вэл, непривычный к бурным эмоциям юга, почувствовал симпатию к этому человеку ещё до того, как ЛеФлер пожал ему руку.

— Мисс Рэйлстоун, для меня великое, величайшее наслаждение видеть вас! И вас, мистер Вэлериус! Мы так много говорили о вас с вашим братом Рупертом, встречаясь в Нью-Йорке! Надеюсь, после той злосчастной аварии, мистер Вэлериус, вы уже полностью оправились, не так ли? Впрочем, само ваше присутствие здесь уже есть ответ на мой вопрос. Как вам понравилась Луизиана, мисс Рэйлстоун? — глаза ЛеФлера сверкнули из-под очков в золотой оправе и он склонил голову к Рики, словно желая получше расслышать ответ.

— Вполне в моём вкусе, — ответила Рики. — Правда, мы ещё мало видели.

— Увидевший Пиратское Логово успел увидеть лучшую часть Луизианы.

— Кажется, мы забываем, зачем приехали сюда, — прервала поток комплиментов Рики. — А ведь мы прежде всего хотим поблагодарить вас за всю вашу работу, мистер ЛеФлер. Вы так много делаете для нас. Руперт утверждает, что привык сидеть на бобах. Так вот, мистер ЛеФлер, бобы, которые вы доставили нам в числе прочей пищи — мы обнаружили их целый шкаф — замечательны. Мы готовы сидеть на них сколько угодно.

Мистер ЛеФлер засмеялся по-мальчишески задорно:

— Ваш брат большой шутник. А Сэма вы уже видели?

Рики ответила с восторгом в голосе:

— Да, мы видели и Сэма и Люси. Теперь Люси хочет взять нас под свою опеку. Она даже привела нам в услужение девочку Летти-Лу, хотя мы отказывались от её услуг.

— Да, с Люси вы не пропадёте, — кивнул Ле-Флер. — Она такая домовитая хозяйка. А как она готовит, Боже! — и он закатил глаза. — Но где же ваш брат Руперт?

— С ним всё в порядке. Он остался на ферме с Сэмом. А мы приехали, чтобы передать вам документы, которые Руперт обещал представить.

Вэл протянул маленькому человечку конверт. К их удивлению, ЛеФлер тут же вскочил и, подбежав к окну, раскрыл конверт, пробегаая глазами листки бумаги. Просмотрев четыре жёлтых от времени листка, он обернулся и вздохнул.

Рики в это время шепнула Вэлу:

— Кажется, это часть того секрета, который Руперт скрывал от нас в своих чемоданах.

— Вряд ли, — так же шёпотом ответил Вэл. — Это план форта в Патагонии, выкраденный на прошлой неделе из русского посольства красавицей шпионкой, которую никто из охраны не узнал, потому что она для маскировки приклеила зелёную бороду. Именно так было в том детективе, помнишь? А ты — немая репортёрша, бесстрашная и прекрасная. А я...

— Глухонемой офицер, которого по пятам преследует злая шайка колдунов под предводительством Фу Чу-Чау. Во второй главе романа...

Новый взгляд ЛеФлера прервал поток их фантазии. Маленький человечек куда-то спрятал свой восторг от жизни. Его улыбка исчезла. Он был расстроен и подавлен. Возвращая бумаги в конверт, он сказал:

— Там ничего нет.

Он грустно взглянул в сторону Вэла и заговорил убитым тоном:

— Мистер Вэлериус! ЛеФлеры служили Рэйлстоунам сто лет. Мы в большом долгу перед вашей семьёй. Когда юный Деннис ЛеФлер был вынужден скрыться в Нью-Орлеане, как несправедливо обвинённый в преступлении, сэр Ричард Рэйлстоун первый взял его под свою защиту. Он помог юноше вернуть часть состояния, оставленного ЛеФлерами во Франции, так что Деннис получил приличную профессию и стал вхож в уважаемые круги общества. Его сверстники влачили жалкое существование, становясь бездомными бродягами. За это время всего дважды мы, поколение наследных юристов, приносили Рэйлстоунам дурные известия. Увы, сегодня я должен в третий раз сообщить вам плохую новость.

— Какую?

ЛеФлер пригладил темя, собираясь с мыслями:

— Для юриста такой казус — поле деятельности. Но я не рад тому, что нашёл себе работу в дополнение к имеющейся. Я далеко не в восторге от того, чем мне придётся заняться. Уверяю вас, мисс Рэйлстоун, я не в восторге. Хотя любой юрист радовался бы прибыли от работы. Вы, конечно, знаете о том, что один из ваших родственников, Родерик, когда-то пропал без вести?

Рики и Вэл кивнули. Всплеснув руками, словно отгоняя от себя неприятности, ЛеФлер сообщил:

— Вся беда в нём. Насколько нам сегодня известно, владельцами Пиратского Логова были два брата. Исчезнув, младший брат, Родерик, тем не менее остался совладельцем имения. Считалось, что он погиб, однако этому нет никаких достоверных свидетельств и документов. Пиратское Логово просто перешло во владение оставшемуся брату как единственному главе семьи. С вашей стороны.

— С нашей стороны? — удивился Вэл. — Вы хотите сказать, что со стороны Родерика объявились наследники?

— В этом-то всё и дело. Три дня назад ко мне явился посетитель. Он сообщил, что является прямым наследником Родерика Рэйлстоуна и готов предоставить доказательства этого факта.

— И он хочет получить свою долю наследства? — спросил Рики.

— Да.

— Тогда ему долго придётся ждать, — отрезал Вэл. — У нас нечего взять.

— У вас есть Пиратское Логово.

— Но как он может! — возмутилась Рики. Вэл остановил её.

— Мы не отдадим Пиратское Логово. Оно — наше. И вообще, по-моему, это шантаж. Этот тип будет надоедать нам и действовать на нервы пока не получит откупного.

— Возможно, его поведение преследует именно эту цель, — согласился ЛеФлер.

— Тогда, — засмеялся Вэл, — пусть преследует. У нас нет денег для выкупа.

— И денег для того, чтобы выиграть судебный процесс, у вас, к сожалению, тоже нет, мистер Вэлериус, — грустно заметил ЛеФлер.

— Но какой-то выход из ситуации должен найтись, — сказала Рики.

— Вчера я изложил суть дела мистеру Джону Стэнтону — это наш городской специалист по тяжбам такого рода. Он сообщил мне, что есть только один шанс, один крохотный лучик надежды. Видите ли, претендент на ваше поместье показался мне странным типом, но совершенно ясно, что его требования искренни и обоснованны. Он знает, что обладает перед вами преимуществом в наличии доказательств. Но у нас есть одна возможность одержать верх над претендентом, надо только попытаться эту возможность реализовать. Тогда мы избавимся от соперника. В прошлом эта земля была вначале французской, а затем испанской колонией. То есть, земли здесь переходили во владение к старшему сыну семьи. Ваше поместье было как раз таким: в нём наследование происходило по европейским законам. У меня есть документы, подтверждающие это. И значит, любой суд немедленно провозгласит, что действительным владельцем Пиратского Логова является старший из двух родившихся когда-то братьев-близнецов. А сейчас законными наследниками являются его потомки. Разумеется, тогда следует задать вопрос, кто же из братьев-близнецов старший? Вы, конечно, скажете: Ричард! Но ведь ваш соперник с такой же уверенностью говорит: Родерик! И нет никаких доказательств ни вашей, ни его правоты. Потому что через два месяца после рождения малышей все бумаги Рэйлстоунов были уничтожены пожаром, который случился в их городском доме. И нигде не сохранилось записи о рождении братьев. Я связался с вашим братом, попросив доставить мне документы, которые Майлз Рэйлстоун возил с собой во время войны Севера с Югом. Сегодня вы доставили мне эти документы, но там нет ни слова о том, кто из братьев старший. Разумеется, если бы вы предоставили доказательства того, что старший брат — Ричард, то

это означало бы, что вы — законные наследники. Опираясь на солидное доказательство, мы начали бы тяжбу, ничего не боясь.

— Доказательство существует, — загадочно проговорила Рики.

— Да что вы? Где же оно? — всполошился ЛеФлер.

Рики повернулась к Вэлу:

— Помнишь, Руперт рассказывал вчера про Меч Удачи? На его клинке выгравированы имена всех владельцев. Мы должны найти Меч Удачи.

— Но, — возразил Вэл, — Меч Удачи исчез вместе с Родериком. Так что, если Меч Удачи существует по сей день, он находится в руках у нашего противника.

— А-а. Да. Я как-то совсем забыла, — Рики замолчала так внезапно, что Вэл испуганно глянул — не случилось ли с нею что-нибудь из ряда вон выходящее. А Рики в это время продолжала уже другим тоном, отчётливо и очень громко:

— Да. Совершенно ясно, что мы это дело проиграли.

— Да что ты... — заговорил Вэл и увидел, что Рики, прикрыв сумкой руку, показывает ему кулак. На всякий случай Вэл решил подыграть. — Вообще-то, мне тоже кажется, что мы в ауте. Мистер ЛеФлер, очевидно, Руперт свяжется с вами завтра.

Последние слова Вэл сказал уже вполне нормальным тоном. ЛеФлер ответил с горечью в голосе:

— Для него лучше будет ознакомиться с этим делом как можно скорее. И обязательно передайте мистеру Рэйлстону, что я всесторонне проверяю этого вашего соперника. Нам всем следует некоторое время выждать и посмотреть, что будет дальше.

И добавил, почти про себя:

— Время — весомый фактор.

Рики улыбалась, но было видно, что ей не терпится уйти.

— Тогда мы прощаемся с вами, мистер ЛеФлер. С вашего позволения, ещё раз благодарим вас за вашу преданность нашей семье.

Рене ЛеФлер зарделся:

— О, для меня это только счастье, мисс Рэйлстоун, только счастье служить вам. Вы сейчас едете домой, в Пиратское Логово?

— Ну, мы, — неопределённо промямлила Рики, — даже не знаем. Вообще-то, мы собирались кое-куда заглянуть, но эта ужасная весть...

— Уверяю вас, всё закончится благополучно, — замахал руками ЛеФлер. — Ведь где-то наверняка остались документы.

Повторяя вежливые любезности, Рики с Вэлом поспешили прочь. Гостеприимный хозяин довёл их до выхода на улицу.

Оказавшись наедине с Рики, Вэл наконец дал волю любопытству.

— Что с тобой случилось?

— Нас подслушивали.

Вэл чуть не споткнулся:

— Да ты что?

— Я сидела лицом к двери и видела балкон напротив. Там появилась тень, силуэт человека. А когда я стала говорить про Меч Удачи, силуэт исчез, словно кто-то куда-то поторопился убежать. А это значит, что некто знает наш секрет и знает, какое значение для нас имеет Меч Удачи.

— Хорошенькое дельце! — Вэл от расстройства пнул автомобильную крышку и с удивлением разглядывал, как из-под ноги осыпается присохшая грязь в «елочку».

— И ни одной ниточки, за которую можно было бы потянуть. Словно тебе на руки надели большой моток пряжи, которую надо сматать в клубок до наступления темноты, а тебе не за что потянуть и руки заняты, то есть, нечем тянуть. Так начиналась какая-то старая сказка. В саду разгуливает мальчик, заявляющий, что у него все права на Пиратское Логово, в Длинном Зале появляется чужой носовой платок, и вдобавок некий наследник утверждает, что истинный владелец поместья — он, а не мы.

— А напоследок на сцену выходит загадочный шпион и всё путает, — подхватил Вэл. — Так мы едем домой? Или куда-нибудь ещё?

— Нет, — Рики забралась в машину, — едем за покупками. Знаешь что, Вэл?

— Что?

— Мы не отступим, — Рики наклонилась ближе к брату и зашептала, сияя зелёными от задора глазами. — Ведь мы — Рэйлстоуны, из Пиратского Логова. И останемся Рэйлстоунами. И мы обязательно сумеем освободить руки от этого большого мотка пряжи. Мы решим загадку первыми.

Вэл нажал на стартер:

— Назло врагу, на радость нам. Знаешь, лет сто назад нашлось бы замечательное средство разрешить этот конфликт, эту тяжбу с неизвестным наследником.

— Какое средство?

— «Пистолеты для двоих, кофе для одного». Я или Руперт затеяли бы с негодяем дуэль под нашими знаменитыми дубами. И тогда несчастному пришёл бы конец.

— А может, конец пришёл бы тебе. И вообще, дуэли в наших священных местах!

— ...были весьма распространены. Лучшие мастера-фехтовальщики всей Северной Америки занимались дуэльным бизнесом именно здесь. В своё время в Нью-Орлеане жил один из лучших дуэлянтов, Пепе Ллула. Он был очень известен, а закончил свои дни, как ни странно, сторожем на кладбище. Ходили слухи, будто Пепе оставался большим дуэлянтом-забиякой всегда, просто работа кладбищенским сторожем позволяла ему закапывать жертвы сразу, не заботясь, где бы подыскать местечко потише.

С другой стороны, дуэль немножко опасна. Так что мы могли бы напустить на него не Руперта со шпагой, а порчу. Будь это всё в старину, мы разыскали бы чёрную царицу магии. Как там было её имя? Мария, кажется? Нет, не помню. И колдунья легко убрала бы противника с нашего пути.

— Ага, на него наложили бы заклятие, и он превратился бы в нашего раба, — Рики смотрела прямо перед собой. — Не знаю, как ты, а я не собираюсь отдавать Пиратское Логово без боя. Ведь это наш настоящий дом. У нас его никогда не было. Руперт — старший, он исколесил полми-

ра и для него какой-то один дом не столь уж важен — мало ли домов на свете! Но мы-то с тобой, Вэл, знаем, что такое собственный дом. Вспомни эти бесконечные школьные пансионаты, вечные каникулы у очередной тётки или в скаутском лагере. Вечно негде собраться, чтобы вместе скоротать вечерок. Нельзя нам отдавать этот дом, нельзя потерять его! — её голос дрогнул.

Вэл поспешил уверить сестру:

— Мы не потеряем наш дом.

— Ты говоришь так твёрдо, что я почти верю. Но если мы всё-таки проиграем дело, давай жить поблизости друг от друга, а не порознь. Хорошо?

— Хорошо, это я тебе обещаю. В конце концов, брат и сестра вполне могут жить вместе. Знаешь, раньше у меня не было ни малейшего представления, что моя сестра так красива.

Рики засмеялась.

— Нелегко сделать книксен в машине. Однако благодаря за участливые слова, благородный незнакомец. Поезжай до вокзала, там нужно свернуть к особняку Юговосточного агентства новостей. Руперт просил передать туда статьи.

День быстро склонялся к вечеру. На вокзале брат с сестрой поручили доставить оставшиеся от приезда вещи в Пиратское Логово, прошлись по мелким магазинчикам сувениров, получили в Агенстве Новостей увесистый ящик для Руперта и к пяти часам добрались до самой главной достопримечательности Нью-Орлеана — Дома Кофе. Рики что-то деловито искала, перерывая все свои восемь или десять маленьких сумочек.

Они оставили машину у тротуара. Вэл заметил, что становится человеческим прообразом выносливой и терпеливой вьючной лошадки.

— Конечно, тебе тяжело, — ответила Рики, открывая очередную сумочку. — Но я тоже утомлена. Здешние тротуары словно раскалённые утюги. После сегодняшней прогулки, я, пожалуй, смогу прогуливаться по горящим углям точно так, как это делают индийские факиры.

— У меня так болят ноги и спина! Поэтому теперь мы

едем домой, независимо от того, сколько и чего не успели купить сегодня согласно твоему списку. Послушай, Рики, ну что ты ищешь? Ты открыла каждую сумку не меньше двух раз и уронила две или три из них под ноги.

— Куда-то подевались конфеты пралине. Может, они в тех свёртках, которые нёс ты? Мне говорили, что в Нью-Орлеане лучшие в мире пралине. Я их купила попробовать.

— Так вот почему эти пакеты были словно свинцом налитые! Не ищи понапрасну, тот зверски тяжёлый свёрток остался в машине. Хочешь ещё кофе?

— Нет, — Рики повертела в руке пустую чашку. — Я так устала, что не знаю, дойду ли до машины. И я не помню, где мы её бросили.

— В трёх кварталах отсюда на солнечной стороне улицы, — отозвался Вэл, радуясь тому, что в следующий раз его не пригласят за покупками как персону нон грата. — И вообще, Рики, если ты всегда так ходишь по магазинам, то лучше в следующий раз пусть тебя повезёт в город Руперт. Ты полчаса выбирала стаканчик для полоскания рта в какой-то дешёвой лавчонке!

Рики фыркнула, вставая из-за стола:

— Положим, ты слишком торопишься критиковать других. А сам не смог подобрать галстук к носовому платку за целых пятнадцать минут.

Вэл подхватил свёртки и скомандовал:

— Пошли!

Они наконец-то добрались до машины. Рики, усаживаясь, бросила шляпку на сиденье:

— Чудовищно жарко. Но дома будет прохладнее. К тому же мы сегодня не будем ужинать, а значит, не надо мыть посуду. Как ты думаешь, можно будет искупаться в речке?

— А почему бы и нет? — Вэл разворачивал машину. — Карта города у тебя, Рики? Надо посмотреть, как выехать на Норт Рампарт.

— Сейчас посмотрю, — Рики склонилась над картой и потому не заметила шедшую по противоположной стороне улицы пару. А те двое были так увлечены разговорами, что один из идущих едва не наткнулся на фонарный столб.

Интересно, отметил Вэл, что же такое захватывающее рассказывает юный помощник ЛеФлера краснолицему человеку в плотно застёгнутом костюме? К сожалению, невозможно было расслышать ни слова. Но Вэл имел право на подозрения, даже если последние были преувеличены.

— Надо ехать до первого поворота налево, — сообщила Рики.

Вэл завёл машину и тронулся с места.

Глава 5

Рейлстоуны находят жильца

Стоя на крохотном расписном мостике, Вэл бросал в ручеёк под ногами сухие ветки, и от чрезмерных раздумий хмурился. У его ног лежали два острых ножа, позаимствованные у Сэма с целью сотворить что-либо с джунглями, подступавшими к Пиратскому Логову с трёх сторон. Определённо, следовало немедленно приступить к вырубке. Но вот настроение...

— Хотела бы я знать, о чём вы так глубоко задумались?

Вэл, не оборачиваясь, ответил:

— Миледи, мысли мои мимолётны и никчёмны. Наберите себе хоть пуд моих мыслей, они не представляют ценности.

— В этот момент ты очень похож на только что разбуженного кота, — Рики подошла и встала рядом.

— А, всё равно! — Вэл поднял прутик потолще и бросил его в ручей.

Налетевший горячий ветер принёс ароматы цветов и листвы. Рубашка на Вэле липла к разогретому телу. Было жарко даже в тени деревьев.

Руперт уехал в город, чтобы услышать от ЛеФлера худшее. Так что в Пиратском Логове не было никого, если не считать Рики, Вэла и Летти-Лу.

Рики тронула Вэла за рукав:

— Давай отправимся на разведку. Ведь мы живём здесь целых два дня, а до сих пор не имеем представления, что

творится на нашем заднем дворе. Так что, пошли. Руперт говорит, что наши владения уходят прямо в болото.

— Но я собирался обрезать... — Вэл попытался взять ножи.

— Вэл Рэйлстоун, в такую жару никто не работает, и тебе это известно. Поэтому бери свои ножки, оставишь их в каретном сарае, когда будешь идти мимо.

Брат и сестра зашагали по дорожке в глубь сада.

— Знаешь, — заговорила Рики, — нам здесь абсолютно нечем заняться, вот в чём беда. Нужна старая добрая работа, причём в достаточном количестве.

— Но ведь мы собирались стать охотниками за сокровищами, — засмеялся Вэл.

— Это лишь побочный вид деятельности. А я говорю о настоящей работе, за которую нам платили бы. Скажем, каждую субботу у нас получка. Или в другой день.

— Вообще-то, мы с тобой прилично печатаем на машинке и можем подрабатывать как секретари-стенографисты. Впрочем, нас обоих быстро уволят, потому что ты совсем не знаешь грамматики, а я не ставлю знаков препинания. И поскольку нам обоим дали весьма дорогостоящее образование, мы оба ничего не умеем делать на практике. Так как же нам быть?

— Надо сесть и подумать, что же мы по-настоящему умеем делать. И потом, надо же когда-то начать этим заниматься, — тут Рики увидела неподалёку сложенную из кирпича хижину и вскрикнула: — Вэл, смотри! Что это?

Хижину почти сплошь скрывали лозы плюща и винограда. За первой хижинкой тянулся целый ряд таких же построек. Все они были полуразрушены, без крыш и с болтавшимися на одной-двух петлях дверями.

— Я думаю, здесь было старое поселение рабов. Тех, кто работал на плантациях. Впрочем, возможно, это цех по выпечке булочек во время полевых работ. Но лучше бы здесь нашёлся каретный сарай.

— Сарай в другом крыле, по ту сторону дома. Пошли дальше. Только иди впереди и прорубай дорогу. Я не хочу испачкать платье. Возможно, оно дешёво, но мне нравится,

а самое главное, оно мне иногда идёт. Поскольку мы не умеем ползать по-змеиному, дорогу придётся прорубить.

Вэл предпринял бесстрашную атаку на заросли. Настроение у него было неважным. Рики ничего не стоит говорить о работе. Но от разговоров не прибавляется хлеба с маслом. Впрочем, про масло лучше не думать, на него нет денег.

— А ты отлично справляешься с кустами. Просто уничтожаешь их на корню, — вдруг раздалось где-то рядом.

Рики даже подпрыгнула от неожиданности. Если бы она этого не сделала, от удивления подпрыгнул бы Вэл. Возле старого очага одной из хижин стояла женщина. Её волосы прикрывала соломенная шляпка, потёртая в целом и с оборванными полями в частности. Закатанные рукава рубашки открывали загорелые руки. Женщина продолжила речь:

— Сразу видно, что вы не садоводы. Поэтому позвольте узнать, кто вы и что здесь делаете? Ко всему прочему, знаете ли вы, что здесь нет прохода?

— Мы пошли разведать местность, — осторожно ответила Рики. — Видите ли, всё это поместье принадлежит мне и моему брату.

— А кто он?

— Руперт Рэйлстоун из Пиратского Логова.

— О Боже! — воскликнула женщина и прикрыла рот рукой.

Рики довольно рассмеялась. Женщина засмеялась тоже.

— А я-то выступаю за отсутствующего хозяина! Так это ваш брат, с вами, да? Он же брат хозяина, Руперта?

— Хозяина? Разве Руперт — ваш хозяин?

— Я снимаю у вас небольшой домик на возвышенности. Там я оборудовала мастерскую-студию. Между прочим, пора представиться. Меня зовут Чарити Биглоу и, как вы, может быть, догадываетесь, родом я из Бостона.

Нет ничего в Бостоне более бостонского, чем фамилия Биглоу. Разве что консервированные бобы да монумент Банкер Хилл.

— А я — Риканда Рэйлстоун, это мой брат Вэлериус.

Мисс Биглоу приветливо улыбнулась Вэлу:

— Слишком романтическое имя, оно не принесёт вам пользы в наши дни. Я встречала имя Вэлериус только в каком-то прочитанном средневековом романе о рыцарях и прекрасных дамах. Сплошные благородные турниры на мечах, плащи с геральдикой и тому подобное.

— У меня нет ни меча, ни плаща. Друзья зовут меня просто Вэл. Так что, думаю, для наших дней моё имя вполне подходит, — он улыбнулся в ответ.

— И всё-таки! Что вы оба делаете здесь?

— Мы ищем здание, известное как каретный сарай, — ответил Вэл. — И я начинаю подозревать, что такого здания нет, есть один призрак.

— Каретный сарай вон там, в нескольких ярдах от того места, куда вы направлялись. Но, может быть, вместо каретного сарая вы зайдёте ко мне? Должны же вы как арендаторы проверять, в порядке ли сданные в проживание площади!

Она провела Рэйлстоунов по дорожке, выложенной кирпичом, вдоль разваливающихся хижин до небольшой поляны. Там стоял домик, типичная плантаторская постройка. Нижний этаж был каменный и заканчивался балконом вдоль дома, а также лестницей на второй этаж.

Войдя, Чарити сняла шляпу и бросила её на канapé. Старая линиялая солома перестала скрывать свободно рассыпавшиеся по плечам кудри. Мисс Биглоу разом помолодела на целый десяток лет.

— Прошу располагаться как дома. Собственно, это — часть вашего дома.

— Но мистер ЛеФлер ничего не сообщил нам про вас, — наконец заговорила Рики.

— Возможно, он ничего не знает. Мне сдал помещение не он, а Харрисон, — Чарити Биглоу занялась закалыванием волос в один тугой пучок.

— Такой же приятный сюрприз, как ванная комната, — сказав это, Вэл понял, что ляпнул нечто не слишком тактичное. Но было поздно: и Рики и Чарити уже смотрели на него изумлёнными глазами.

Вэл поспешил объясниться:

— Я хотел сказать, что Харрисон украсил наш дом не только новой ванной, но и вашим присутствием.

Мисс Биглоу кивнула:

— Да, это речь настоящего джентльмена-южанина. Хотя я не помню, чтобы когда-нибудь сравнение с ванной расценивалось для дамы как комплимент, — и она вышла.

— Мне нравится эта женщина, — улыбнулась Рики.

— Думаешь, я стану тебе возражать?

Вэл не успел ничего больше добавить, потому что Чарити вкатила большой поднос на колёсиках, уставленный стаканами, прохладно позвякивающими о ведёрко со льдом. За Чарити, гордо задрав хвост, вышагивал чёрный кот.

— Это же наш котик! — воскликнула Рики.

Вэл щёлкнул пальцами:

— Сатана, ко мне!

Высокомерно оглядев присутствующих круглыми глазами, кот вспрыгнул на канapé и запустил когти в обивку.

— Как вам это нравится! — возмутился Вэл. — И с этим зверем я делил свою постель, причём он проник ко мне тайно и я не знал о нём до самого утра.

Мисс Биглоу подкатила поднос поближе:

— Так вы уже повстречались с Угольком?

— Он пришёл в дом в первый вечер нашего приезда, — пояснила Рики.

— Так вот где он пропадал в ту ночь. Обычно он ходил к Харрисону и не возвращался, пока не съедал все его запасы. Дело в том, что когда я поглощена работой, то совершенно забываю про кота. Ну, иди сюда, Уголёк, будь паинькой.

В ответ на приглашение Уголёк — которого Вэл настойчиво продолжал величать Сатаной — махнул хвостом и скрылся на балконе.

Чарити посмотрела ему вслед:

— Как дитя.

— Так вы — художница, — спросила Рики, беря стакан с лимонадом.

Мисс Биглоу скорбно поджала губы:

— Мои критики говорят, что я не художница. Я зараба-

тываю на хлеб, а порой и на кусок торта, созданием иллюстраций. К приключенческим рассказам. От случая к случаю я занимаюсь работой для души и создаю что-нибудь такое, что мои друзья советуют немедленно послать на выставку.

— Можно будет посмотреть ваши работы? — попросила Рики. — Я имею в виду рисунки.

— Если вы сможете заставить себя смотреть на них. На балконе у меня филиал мастерской, там я работаю в такую жару как сегодня. Сейчас я пишу картину, очень амбициозную. Очевидно, из-за жары. Только мой натурщик сегодня почему-то не показывается, и работа идёт медленно.

Она провела их за угол террасы, туда, куда убежал Сатана. Там были развешаны несколько холстов, стоял этюдник и рабочий стол. Один из холстов прятало белое полотно.

— Вот моя мастерская, — объявила Чарити. — Здесь несколько неубрано, впрочем, я и сама человек неупорядоченный. Я люблю потянуть время, поджидая, пока оформится идея, которая пока не пришла.

Рики коснулась занавеса на холсте и спросила:

— Можно взглянуть?

— Да, мне будет приятно, если кто-то ещё оценит мою работу. Когда я начинала её, я точно знала, чего хочу. А теперь всё перепуталось и мне не помешает мнение постороннего, чтобы разобраться.

Рики сняла покрывало и Вэл воскликнул:

— Да это же он!

— Кто — он? — повернулась к юноше Чарити.

— Рики, это мальчик, которого я видел в нашем саду!

— Вот как! — Рики принялась вглядываться в нарисованное тёмное лицо, в растрёпанные волосы, в горькую складочку у рта. Рисунок был выполнен мастерски.

— Так вы встречались с Джимсом, Вэл? — задумчиво проговорила мисс Биглоу. — И что вы о нём думаете?

— Было бы интересно узнать, что он думает обо мне, и почему он думает именно это. Кажется, он сразу возненавидел меня, хотя всё, что я сказал ему — это «Привет!»

— Джимс — сложный человек.

— Сэм говорит, что этот мальчик нечист на руку, — добавила Рики, всё ещё разглядывая рисунок.

Мисс Биглоу покачала головой:

— Жители болот и фермеры враждуют. Они говорят друг о друге нехорошо, но каждый не соответствует сказанному о нём. Ни Джимс, ни другие охотники за ондатрами не относятся к числу негодяев. Когда-то на болотах действительно скрывались беглые каторжники, осуждённые, бежавшие от закона. Они жили рядом с охотниками. Вот почему обо всех жителях болот идёт дурная слава — к ним прилепилась репутация нескольких сорвиголов, когда-то обитавших там. Жители болот непростой народ.

Креолы, осевшие в глуши после Гражданской войны, индейцы племени кайен, потомки ссыльных из евангелистов. На болотах нередко можно встретить оборванных детей, которые носят имена лордов Испании или Франции. Ещё там живут потомки старых американских фронтирьеров, дошедших до Миссисипи с генералом Эндрю Джексонсом от самого штата Теннесси, от индейских поселений. В этом странном смешении людей неудивительно встретить такого мальчика как Джимс. Он прекрасно пишет и читает по-французски и по-английски, но также говорит на непередаваемом жаргоне болотных жителей. Он обучился грамоте у Пьера Армана, здешнего священника. Джимс получил образование не хуже, чем креольские дети из зажиточных фамилий получали пятьдесят лет назад, учась у того же Армана. Это теперь Арман постарел, а когда-то считалось, что он отличный учитель.

А Джимс мечтает стать знаменитым. Он убедительно рассуждает о том, что болота имеют некоторые ресурсы, не позволяющие обитателям обнищать окончательно. Джимс надеется открыть какую-нибудь тайну болота, чтобы не дать болотному народу погибнуть в нищете. Для этого Джимс и учится.

— Так кто же он? — спросил Вэл. — Джимс — это его имя? Или фамилия?

— Фамилия. Имени Джимса я никогда не слышала. Он очень не любит говорить о своём прошлом. Я только знаю, что он сирота. Но среди креолов он считается принадлежащим к высшим кругам, и в нём чувствуется благородное происхождение. К несчастью, он был втравлен в эту историю с мальчиком, жившим в прошлом году у Харрисона. Мальчик заявил, что Джимс взял его ружьё — очень дорогое и точное — без спроса. Но потом обнаружилось, что ружьё просто осталось в каноэ того мальчика, а Джимс ничего не брал. Тем не менее против Джимса успели настроить всех плантаторов. А Джимс достаточно горд, чтобы не оправдываться. Жаль, что ему так не везёт с друзьями. Он заслуживает лучшего обращения, но здесь ему негде найти подходящий круг общения. Поэтому он дружит только с молодёжью из числа живущих на болоте. Мне кажется, Джимс потихонечку начинает доверять мне. Он приходит по утрам и позирует для картины. И знаете, — мисс Биглоу запнулась, — я думаю, он стал бы вам верным другом, найди вы с ним общий язык, доказав, что вас не надо так же ненавидеть, как остальных плантаторов. От такой дружбы все только выиграли бы. А какие истории Джимс умеет рассказывать! Про жизнь на болоте, про старые деньки, когда здесь ещё водились пираты.

Рики вновь посмотрела на рисунок:

— Да, наверное, с ним будет неплохо познакомиться. Но почему он такой худой? Словно умирает от голода.

— Наверное, потому что на болотах содержимое потребительской корзины весьма незначительно, — усмехнулась Чарити Биглоу. — Разумеется, ему нельзя в лоб предложить пополнить эту самую корзину: он обидится. Кстати, я даже не знаю, где он живёт. Но давайте вернёмся от него к вам. Расскажите, что вы собираетесь делать? Жить здесь?

Это был самый обыкновенный дружелюбный интерес. Невозможно было не ответить искренне.

— Видите ли, — грустно поведала Рики, — мы нигде больше не можем жить, кроме как здесь. По-моему, у Руперта осталась ещё десятка-другая долларов...

— Думаю, после утренней поездки, у него и того нет, — вмешался Вэл. — Так что мы на мели, мисс Биглоу, и вынуждены жить здесь, где не нужно платить арендную плату.

— Зовите меня просто Чарити. Значит, вы бедны, — задумалась молодая женщина.

— Не окончательно, — уверила Рики. — Но можем разориться дочиста.

И Рики рассказала о новом претенденте на Пиратское Логово, наследнике со стороны брата-пирата. Чарити слушала, задумчиво покусывая деревянную кисточку для красок.

— В хорошенькое дельце вы попали, — заключила она, когда Рики закончила свой рассказ. — Но думаю, что ваш юрист рассуждает правильно. Нападки на вас и вправду больше всего похожи на шантаж, и как только в ваших руках окажутся фактические доказательства, претендент на Пиратское Логово немедленно исчезнет. Может быть, вы ещё не изучили все семейные документы? Нет ли в доме каких-нибудь тайников?

— Один тайник есть. Но мы не знаем, где он, — вздохнула Рики. — Во время Гражданской войны, когда войска генерала Батлера взяли Нью-Орлеан, семейные ценности были спрятаны где-то в Длинном Зале. Но где именно, мы не знаем. Ричард Рэйлстоун был убит нагрянувшим отрядом янки, а место, где всё спрятано, знал только он.

— А правда, что его призрак ходит в доме по ночам?

— Нет, не правда, — ответил Вэл. — Но вы, кажется, кое-что слышали о нашей семье.

— Только некоторые слухи. Кто-то видел ночью огоньки белого цвета. К тому же не так давно моя служанка Роза рассказывала, как увидела в саду что-то странное.

— Может быть, в саду был Джимс? Он любит гулять по саду? — возразил Вэл.

— А вот и не Джимс. Он сидел как раз вот здесь, на перилах, когда Роза вдруг закричала. Мы с ним вместе слышали её крик.

— Носовой платок! — Рики стала искать в кармане. — Кто-то побывал сегодня ночью в нашем доме и оставил платок! Я всё поняла: кто-то ищет наше сокровище!

Вэл слез со стола:

— Если так, то лучшее, что мы можем предпринять, это пойти и найти сокровище, пока никто нас не опередил. Всё равно до обеда ещё целых два часа и делать абсолютно нечего. А вы, мисс Биглоу, составите нам компанию за обедом?

Чарити указала на рисунок:

— Приятное предложение, но мне нужно закончить работу как можно скорее. К тому же Джимс может показаться в любую минуту, несмотря на поздний час. Так что совесть велит мне отказаться от вашего любезного приглашения. А я, к несчастью, обладаю прямо-таки твердокаменной совестью.

Рики предложила:

— Так как Руперт вернётся к четырём часам, то, может быть, ваша совесть позволит вам хотя бы выпить с нами чашечку кофе? Мы, как видите, уже приноравливаемся к здешним порядкам и пьём кофе в четыре часа.

— Рики мечтает стать настоящей южанкой, этакой романтической красавицей, — пояснил Вэл.

— Что ж, тогда изо всех сил надо постараться создать вокруг неё соответствующую атмосферу, — заметила Чарити.

— Так мы договоримся до необходимости носить викторианское платье-амазонку для верховой езды и следом за лошадью пускать борзых собак, — поддразнил Вэл.

Чарити рассмеялась:

— Пожалуй, так далеко заходить не стоит. Но тем не менее я с удовольствием принимаю ваше предложение. И обязательно буду у вас к четырём, но, разумеется, если отыщу в гардеробе приличествующее случаю платье. А теперь я прошу вас удалиться, и так как до ланча вам вряд ли есть чем заняться, поищите-ка фамильные сокровища или другие тайны веков.

Брат и сестра вняли совету. Но никаких тайников не

обнаружили, а только пришли в негодование. Вэл взялся было выстукивать плиты пола в Длинном Зале, надеясь обнаружить пустоту. Но так как он понятия не имел, чем звук стука по полой плите должен отличаться от звука при стучании по сплошному камню, то скоро бросил это неблагодарное занятие.

Рики в это время сломала два ногтя, нажимая на различные фрагменты резьбы над камином. Наконец она уселась на диван и в изнеможении не могла даже придумать подходящих слов для характеристики собственного предка, позволившего так безалаберно лишить себя жизни и забывшего при этом указать местонахождение спрятанных ценностей. Зато для рухнувшего рядом Вэла в её лексиконе отыскиались несколько нелестных эпитетов, доставшихся ему совершенно поделом: он весьма неосмотрительно предложил Рики никогда больше не отращивать такие ногти, тогда нечего будет обламывать о камин.

Пока Рики читала нотации, Вэл перебрался на лестничную ступеньку и, вытирая руки платком, заметил:

— Я почему-то не злюсь, как некоторые. Хотя поползав по всему залу на четвереньках и проверив каждую щель, имею полное право нервничать. Если бы пришлось разнести этот дом в щепки для того, чтобы отыскать сокровища, я, пожалуй, не пожалел бы. Но пока представить себе не могу, как же мы отыщем этот тайник без подсказки. А после предпринятых поисков у меня нет особого желания возобновлять их.

Рики в отчаянии ударила кулачком по облицовке камина:

— А ведь сокровища где-то здесь, совсем рядом!

— О, это уже почти верное направление поиска! Я вдоволь поползал и попрыгал, обследуя каждую щель. А ты всего лишь уточняешь: это рядом. Нет уж, я больше в поисках не участвую. Можешь обломать последние ногти в одиночку, я тебе в этом деле не помощник.

Рики молчала. Вэл поднялся, намереваясь уйти к себе. Ему было жарко и стыдно. Он устал, он не уставал так со

времени лечения в госпитале после авиакатастрофы. Он был противен самому себе, потому что упрекнул Рики зря. Сокровища и ключ к их местонахождению, конечно же, были где-то рядом, перед глазами.

Рики издала какой-то незнакомый звук. Вэл оглянулся. Слёзы не шли ей. В книгах нежные южанки плачут, роняя жемчужные капельки с бледных щёк. А Рики, плача, немедленно краснела и начинала шмыгать носом. Поэтому Рики плакала весьма редко и только в случае настоящих неприятностей или сильной обиды.

— Ну что ты, Рики, — начал было Вэл.

Она кинула:

— Уйди прочь! Ты просто бесчувственный! Мы же можем всё потерять, если не найдём клад.

Вэл поспешил уверить:

— Мы обязательно всё тут обыщем! Ну прошу, не сердись на меня. Я устал, сегодня так жарко. Ты тоже устала, тебе тоже жарко. Ступай-ка наверх и приведи себя в порядок. Скоро будет готов ланч.

Рыданье перешло в тихое поскуливание:

— Зна-а-а-аю. Но ведь Руперт снова будете смеяться над нами...

— Рики, умоляю, возьми себя в руки!

Рики, не ожидавшая резкого тона, подняла глаза и внезапно рассмеялась. Редкие всхлипы всё ещё пробивались, но в целом это уже был смех:

— Ой, Вэл, ты сейчас похож на сердитого отца семейства. Так забавно! Послушай, а почему ты никогда раньше не ставил меня на место, когда я капризничаю?

— Теперь обязательно буду, — пообещал Вэл, улыбаясь.

Рики деловито утёрла слёзы и, пряча платок, заявила:

— Я не дам тебе повода. В крайнем случае можешь...

— Что я могу сделать в крайнем случае?

— Можешь отшлёпать меня. Однако следует пойти и привести себя в порядок. Знаешь, Вэл, ты тоже не выглядишь красавцем с этими грязными пятнами на щеках. И брюки у тебя серые от пыли. Надо переодеться, иначе Летти-Лу решит, что мы грязнули.

И она повернулась, чтобы уйти. Абсолютно владеющая собой романтическая южанка. Если, конечно, не считать подозрительно влажных ресниц и красного носа.

Глава 6

Сатана выходит на охоту и находит занятие для бездельников

Рики хмуро остановилась у лестницы и скомандовала:

— Вэл, немедленно пойд и поймай кота! Он забрался в мою комнату. Если его не выгнать, он истопчет всю мою постель своими грязными лапами. А нам хватает работы в доме и без него. Кстати, Руперт всё ещё не приехал!?

Вэл неспешно отложил блокнот и потянулся. Вставать с дивана не хотелось. Прошлую ночь он спал плохо, поэтому неуёмная энергия Рики несколько раздражала. Она-то спала крепко. Ей не приходилось, лёжа с открытыми глазами, вслушиваться в каждый скрип и шорох этого дома.

— Руперт в комнате Синей Бороды. Он заперся там и не показывается.

— После вчерашних событий он, наверное, придумывает, что бы такое предпринять, — предположила Рики.

— Что он может предпринять? И что вообще он там всё время делает тайком от нас? Попробуй, постучись к нему. Правда, он вряд ли выйдет и сердечно поблагодарит за беспокойство.

Рики присела на ступеньку, откидывая со лба непослушные локоны. Она вдруг почувствовала себя маленькой и беззащитной в этом большом старом доме.

— Я не понимаю ни тебя, ни его. Кажется, вы даже радуетесь тому обстоятельству, что какой-то наследник расхаживает поблизости и готовится прибрать к рукам наше жильё. Надо ведь что-то делать, а вы оба и не думаете бороться.

— Послушай, Рики, мы даже не знаем, против чего

бороться. ЛеФлер делает всё в наших интересах, мы со своей стороны тоже делаем всё возможное.

— Вэл, ты хочешь остаться здесь или нет?

Вэл оглядел Зал. Хочет он здесь остаться или нет? Он представил себе нового владельца и внезапно понял, что рассердился на нахала. Да, он хочет остаться здесь. Потому что этот дом — часть семьи Рэйлстоунов, ведь руками их предков заложены камни дома. В этих стенах родились родовые легенды, грустные, весёлые, кровавые. И если теперь дом перейдёт в руки какому-то новому владельцу, Вэлу и Рики останется только всю жизнь жалеть об утраченном родовом гнезде. Впрочем, желание бороться за дом выказывала только Рики. Руперту, кажется, было вообще наплевать на притязания загадочного наследника.

— Пойдём ловить кота, — приказала Рики, вставая со ступеньки.

Сатана сидел возле лестницы и, кажется, не замечал подкрадывавшегося к нему Вэла.

Но когда юноша протянул к коту руки, то схватил пустоту. Сатана увернулся и исчез. Только кусочек чёрного хвоста мелькнул из-за двери в комнату Харрисона. Рики кинулась вслед, открывая дверь пошире:

— Боже мой, только бы кот не начал бегать по кроватям! Ах, он залез не на кровать, а под кровать! Где он, Вэл, ты видишь его?

Вэл встал на четвереньки, стараясь заглянуть под кровать. К его изумлению возле изголовья кровати между ней и стеной откуда-то пробивалась полоска света.

— Рики, взгляни, что там в изголовье кровати светится? Прямо возле подушек, у стены!

Рики взобралась на кровать и отодвинула подушки от изголовья.

— Вэл, здесь в стене углубление! Оно было закрыто матрасом. Сатана пробует влезть туда. А до дальней стены тайника не меньше двух футов.

— Надо взять фонарик.

— У Руперта в комнате есть фонарик, я принесу. Только, Вэл, обещай, что не полезешь туда без меня!

— Обещаю, но лучше поторопись.

Луч фонарика высветил деревянную панель, отошедшую от стены, так что над полом образовалась небольшая щель. Старое дерево так искрошилось от времени и покоробилось, что ни за что не желало плотно подходить к полу, как это было когда-то в дни юности здания. Пыхтя и надсаживаясь, Вэл и Рики в конце концов ухитрились приподнять панель над полом примерно на полметра. В образовавшийся ход немедленно скользнул Сатана. Вэл и Рики на четвереньках вползли за ним.

Они оказались в небольшой комнатке, освещённой двумя круглыми окошечками в стене. Слово два глаза снаружи. Почти всю комнату занимали нагромождённые друг на друга ящики и мебель, обёрнутая пыльной мешковиной. В комнате было так пыльно, что Вэл поспешил открыть окошко, впустив утренний ветерок, чтобы проветрить веками не продувавшееся помещение.

Рики уже стягивала с пирамиды какой-то ящик за перевязанную вокруг него бечёвку. Вэл огляделся вокруг:

— Где-то неподалёку должна быть ещё одна дверь наружу. Все эти вещи невозможно было втащить внутрь через такую маленькую щель, через какую мы проникли внутрь.

— А вот и она, эта дверь, — Рики указала на продолговатое углубление в стене. Там действительно была металлическая дверь с засовами, запертыми изнутри. То есть, со стороны Вэла и Рики.

Вэл попробовал было сдвинуть проржавевший засов, но тот не поддался. Пришлось взять в руки старую кочергу, стоявшую в углу возле давно потухшей жаровни. Засов благополучно отодвинулся под действием простейшего рычага. Зато теперь не поддалась дверь. Вэл нажал всем своим весом и та распахнулась, так что юноша вывалился в небольшой коридорчик, выходящий в нежилое крыло дома, простиравшееся прямо в сад. Эта часть здания была разрушена во время налёта англичан в 1815 году. Единственная целиком деревянная часть дома была сожжена и никогда больше не восстанавливалась.

— Пойдём посмотрим, где мы, — Рики потянула Вэла за рукав.

Он оглядел пыльные ладони:

— Надо принести ведро с водой, тряпку и швабру и одеться похуже. Лучше осматривать найденное, совмещая приятное с мытьём полов.

Но едва они вышли из кухни, держа в руках необходимое для мытья полов снаряжение, как услышали изумлённый возглас Чарити Биглоу, показавшейся в дверях Большого Зала:

— Боже мой, куда это я попала?

Больше всего Чарити поразил вид одежды брата и сестры Рэйлстоунов, поскольку их костюмы явно не предназначались для ланча с гостями. Рики надела старые брюки Вэла и поношенную рубашку Руперта. Вэл также надел старенькую, но по его мнению достаточно респектабельную одежду. В руках у них торчали несколько швабр, щётки калибром поменьше и целое полотнище материи, предназначенной для разрывания на тряпки.

— Мы нашли потайную комнату, — весело сообщила Рики.

— Нет, секретной эту комнату назвать нельзя, потому что дверь из неё ведёт прямо в коридор, — возразил Вэл.

— Но мы не знали об этой комнате ничего, пока Сатана не указал нам ход. Мы собираемся немного почистить там. На мебели и ящиках осело очень много пыли.

— Ну уж нет! — возмутилась Чарити. — Если вы этим займётесь, я вынуждена буду взяться помогать. И вся перепачкаюсь. Впрочем, всё равно! Ведь другого помощника у вас нет. И это мой кот указал вам путь. Так что, если у вас найдётся комплект старой одежды и для меня, я с удовольствием присоединю свою швабру к вашим.

— Втроём гораздо веселее, — засмеялась Рики. — Помоему, у Вэла где-то завалялись ещё одни старые брюки.

— Мой гардероб к вашим услугам, — поддакнул Вэл, балансируя поклажей, которую он втаскивал по лестнице наверх. — Об одном прошу: не троньте белые шерстяные

брюки. Я их берегу на случай, когда нужно будет изображать отдыхающего джентльмена, одетого по последней деревенской моде.

Он открыл дверь потайной кладовой настежь. Распахнутые окошки впускали достаточно воздуха, чтобы внутри проветривалось. Однако света явно не хватало. Сообща было решено перетащить все ящики вниз в Длинный Зал и там хорошенько рассмотреть содержимое. С горячностью охотников за сокровищами компания принялась за работу.

Вэл уже вытаскивал в зал второй ящик, когда суматоха на время приостановилась из-за появления Руперта.

— Что это вы тут делаете?

— Ах! — язвительно улыбнулась Рики. — Мы, кажется, потревожили тебя, Руперт?

— Я просто решил, что наверху прогуливается стадо слонов, решившее устроить танцы. Но что я решил, не имеет значения. А вот что всё-таки вы делаете?

Рики взмахнула в сторону Руперта пыльной тряпкой:

— Решили немного убраться.

От тряпки поднялось большое серое облако.

Руперт чихнул:

— Похвально. Но почему?.. Мисс Биглоу!

Невероятно чумазая Чарити появилась в дверях кладовой. Она, видимо, несколько раз вытирала ладонями щёки, и теперь всё её лицо было серым от пыльных полос. Завидя Руперта, она покраснела и попыталась теми же грязными руками поправить причёску.

— Я, я... — начала она, но Рики прервала её:

— В отличие от тебя, Руперт, Чарити помогает нам. Так что можешь вернуться в свою берлогу и продолжить спячку. Но уж тогда не суй свой любопытный нос в те документы, которые мы найдём, и которые помогут нам в старости избежать дома для престарелых.

— Достойная речь, — Вэл обмахивал себя пыльной тряпкой наподобие веера. — Но лучше всё-таки объяснить ему, в чём дело. Видишь ли, Руперт, кот Сатана отправился на охоту и нашёл занятие для бездельников.

И Вэл рассказал, как они обнаружили сдвижную панель. Выслушав, Руперт рассмеялся:

— Так вы по-прежнему охотитесь за сокровищами? Ну, если вас это хоть немного развлекает, продолжайте.

— Не будь таким несносным, Руперт! — возмутилась Рики. — Если в тебе течёт хоть капля нашей горячей крови, ты должен быть так же заинтересован, как и мы все. Нечего относиться к нам как к забавляющимся детям только потому, что ты два-три раза объехал весь земной шар. Неужели тебя совсем не волнует, потеряем мы Пиратское Логово или не потеряем?

Руперт выпрямился, на его щеках заиграл румянец возмущения. Он хотел было что-то возразить, но лишь сильнее сжал губы. А Рики между тем продолжала:

— И нечего так смотреть на меня! Хватит с нас такого отношения! Скажи, наконец, что ты сам намерен делать?

— Рики! — Вэл прикрыл своей загорелой ладонью рот Рики и повернулся к Чарити. — Прошу извинить нас за столь бурное выражение чувств. Это весьма необычно, уверяю вас.

— Пусти меня! — Рики вывернулась из его объятий. — Я не переживаю, что Чарити услышала. Она должна узнать, что мы из себя по-настоящему представляем.

Краска ушла с лица Руперта. И голос его был почти спокоен:

— Прошу тебя, отвечай только за свой характер, моя девочка. Ты ведь привыкла говорить то, что думаешь, не правда ли? Впрочем, в данном случае ты почти во всём права. Я действительно уделяю мало внимания нашим общим домашним проблемам. Пожалуй, больше я их игнорировать не буду. Так что разреши и мне взглянуть на содержимое этого тайника, Вэл. К тому же, друзья мои, раз уж вы взялись выносить найденное в тайнике, так давайте рассматривать добычу внизу, в Зале. Там можно всё аккуратно разложить.

Рики и Чарити как по команде исчезли в кладовой. А Вэл только обрадовался внезапному интересу Руперта. Они принялись носить ящики вдвоём.

В Зале уже стояли, дожидаясь вскрытия, три ящика.

— Давайте расстелим вон то покрывало, — предложил Руперт, — и разложим на нём содержимое ящиков. Покрывало нам всё равно не нужно.

— Да это же гобелен работы Сеньорэ! — изумилась Чарити.

— А кто такой этот Сеньорэ?

— Франсуа Сеньорэ был лучшим декоратором во всём Нью-Орлеане. Он отделывал жилища аристократов. Теперь каждое его произведение считается коллекционным. Вот, видите инициалы «С» в углу покрывала?

— Оно наверняка стоит больших денег. Может, мы пытаемся вытереть пыль сокровищем? — спросила Рики.

— Мы не можем его продать, — ответил Руперт. — Мы вообще ничего не можем продать из дома до тех пор, пока не будет решён вопрос, кто же законный владелец поместья.

Вэл обошёл ящики, чтобы поближе рассмотреть угол расстеленного на полу покрывала. На ходу он споткнулся о принесённую девушками тёмную коробку, нагнулся и поднял её. По виду это была большая шкатулка, отполированная бесчисленными касаниями рук.

— Интересно, что это? — он подошёл к двери, где было больше света.

— Осторожней, Вэл! — крикнул Руперт. — Там может быть ловушка! Чарити, не дотрагивайтесь, прошу вас!

Руперт впервые заговорил как обычный человек. Его чопорность — а в присутствии Чарити он явно вёл себя как холодный корректный джентльмен — куда-то улетучилась.

Но Чарити уже вытаскивала из шкатулки старинную книгу.

— Это же библия. Очень старая.

— А почему в шкатулке? — непонимающе спросил Вэл.

— В них когда-то хранили семейные библии. К тому же большая крышка шкатулки служила подставкой для письма. Такая небольшая парта, уместающаяся на коленях. Я впервые вижу такую не в музее, а в жилом доме. Давайте посмотрим, что ещё там, на обратной стороне крышки.

Вэл откинул верхнюю крышку шкатулки до конца, взглянул и обомлел:

— Это же Джо! Тот же улыбающийся череп, что и на гербе Рэйлстоунов! Значит, это наша библия, наша письменная шкатулка.

Рики округлила глаза:

— Тогда, может быть, это библия самого пирата Дика!

— Вполне возможно, — согласился Вэл.

— А внутри больше ничего нет? — нетерпеливо поинтересовалась Рики.

— Увы. Ни золота, ни бриллиантов. По-моему, их отсутствие делает находку менее ценной, тебе не кажется?

— Дайте-ка мне вашу шкатулку, — попросил Руперт.

Он положил тёмный ящичек на пол и вставил в щель между двумя склеенными пластинами крышки лезвие перочинного ножичка.

— Я справлюсь с работой гораздо быстрее, если вы все перестанете дышать мне в затылок, — пробормотал он, полуобернувшись. Компания позади него чуть-чуть отодвинулась. А две дощечки крышки раздвинулись, открывая пустую полость.

— Ничего нет! — разочарованно простонала Рики.

Вэл тоже рассердился:

— Да, только старая разорванная шёлковая обивка.

— Думаю, надо почистить эту вещь и заменить обивку внутри. Как тайник эта замечательная доска может ещё нам пригодиться, — Руперт отложил находку в сторону.

Дальнейшее рассмотрение содержимого ящиков дало в основном неутешительные результаты: залежи пыли, высохшая крыса, от которой с отвращением отвернулся даже Сатана, большая коллекция образцов паутины по углам ящиков. Каждый ящик приходилось открывать, обтерев пол вокруг и вымыв руки. Почти все ящики, укутанные мешковиной, оказались изящными сундуками, окованными железом.

— Это сундук невесты, — определяла находки Чарити. — Вон тот — мужской, а тот — принадлежал моряку. Я бы сказала, что все они относятся к семнадцатому веку.

— Тысяча шестьсот девяносто третий год, — прочитал Руперт. — Здесь на металлическом узоре в виде листа дуба выгравирована надпись, очевидно, дата изготовления. Наверное, этот сундук невесты принадлежал французенке-аристократке, которая вышла замуж за нашего предка-пирата.

— Той самой леди Риканде? — Рики бережно погладила крышку сундука. — Тогда он — мой! Ты не против, Руперт?

— Пожалуйста. Но сундук заперт, а ключей у нас нет. Поэтому тебе придётся подождать, пока мы не найдём приличного специалиста по замкам.

— Меня это не волнует, главное, что сундук мой. То есть, меня, конечно, волнует, когда его откроют. Но я потерплю, — Рики снова погладила резной узор.

— А что здесь? — Вэл перешёл к другому сундуку. Этот был не столь изящно украшен резьбой и железные оковы на нём заметно изъела ржавчина.

— Это морской сундук, — Руперт осторожно коснулся крышки. — Он тоже заперт и лучше не пытаться сокрушить замок без ключа. Те, кто делал эти замки, предусмотрели множество хитростей для незванных гостей. Не зная секрета замка, можно получить удар лезвием, на которое нанесён яд, или попасть рукой в капкан. Без специалиста этот сундук лучше не открывать.

— Тогда давайте посмотрим, что в третьем.

— Боюсь, что в нём нет ничего достойного, — усмехнулась Чарити. — Ключ от сундука привязан к ручке сбоку. Поэтому внутри, по-моему, нет ничего ценного. Иначе ключ спрятали бы.

Третий сундук был обит чьей-то шкурой, вытертой от времени.

— И всё-таки его следует открыть, хотя бы из чистого любопытства, — приказала Рики. — Руперт, Вэл, беритесь за работу.

Они открыли сундук. В нём не оказалось ничего, кроме книг.

Рики снова разочарованно вздохнула и Вэл укоризненно спросил:

— А что ты ожидала? Увидеть скелет? Мне кажется, дух дедушки Рика, или кто там бродит по дому ночами, был большим шутником. Он, может быть, сейчас глядит на нас из угла и посмеивается. Ещё бы! Мы нашли тайник, полный вещей, и думали, будто предел наших мечтаний уже близок. А выясняется, что наша находка — пустой обман, все надежды развеялись в дым. Судя по всему, в доске для письма было указано местонахождение клада. Вот только, знать бы, есть ли в указанном месте что-нибудь ценное. А то опять найдём какую-нибудь рваную подкладку. И ещё хорошо, что мы не можем открыть остальные сундуки. Там наверняка с внутренней стороны крышек стоит: «С первым апреля, дорогие родственнички!» Пожалуй, на такие фантастические штучки наш дядюшка Дик был вполне способен.

Чарити открыла какую-то папку, вытащенную из сундука и ахнула:

— Боже мой!

— Только не говорите, будто нашли то, что мы ищем, — не унимался Вэл. Но Чарити, не слушая его, глядела как зачарованная на вытащенный из папки рисунок:

— Это же Одюбон, подлинник.

— А по-моему, всего лишь рисунок птички, — пожалала плечами Рики.

Но Руперт уже взял рисунок и папку в свои руки:

— Не может быть! Вы уверены?

— Разумеется. Хотя, конечно, лучше взять этот рисунок в музей для квалифицированной экспертизы. По-моему, он прекрасен!

Руперт уже пересчитывал листки в папке:

— Один, два, три... их здесь всего шесть.

— Но как мог Одюбон попасть в Пиратское Логово? — раздумывала Чарити.

— Довольно просто, — ответил Руперт. — Ведь он жил в Нью-Орлеане. Хотя у нас нет документов, свидетельствующих о том, что он гостил в Пиратском Логове, такое вполне могло произойти. К тому же присутствие в доме

рисунков подтверждает, что художник побывал здесь. Завтра я покажу их ЛеФлеру. Не следует оставлять ценности лежать без пользы.

Чарити грустно проводила взглядом папку с рисунками, которую Руперт уже спешил убрать:

— Да, полагаю, не надо им лежать без пользы. Только подумать, что кто-то владеет такими вещами...

— За них не получишь достаточно денег, — заметила практичная Рики. — Даже свои счета не сможешь оплатить.

Рики не могла допустить, что сокровищем может быть назван листочек бумаги с карандашным наброском. Для Рики сокровище всегда должно было выглядеть однозначно: как принадлежащие лично ей большие бриллианты. Вот почему содержимое папки её несколько не взволновало. И Вэл вдруг понял, что его находка ценных рисунков тоже разочаровала. В конце концов сокровище должно быть сокровищем.

Но Руперт уже отнёс папку к себе в спальню, где она была заперта в один из загадочных чемоданов-дипломатов.

Нераскрытые сундуки отнесли подальше к стене и оставили до прибытия специалиста. В это время на пороге Зала появилась Летти-Лу и объявила, адресуясь к Руперту:

— Миста Рэйлстоун, ланч на столе, вас дожидается. Если вы не пойдёте есть, всё простынет.

— Сейчас идём, — откликнулся Руперт.

— Поставь ещё один прибор, Летти-Лу, — скомандовала Рики. — Для мисс Биглоу.

— Уже поставила, мисс Канда. Так вы идёте?

— Видите, как нами командуют? — пожаловалась девушка Чарити. — Поэтому оставайтесь на ланч, прошу вас.

Чарити попыталась возразить, но Рики остановила её:

— Кого же угощать, как не друзей? Оставайтесь, выпьем кофе. А ты, Вэл, ступай мыть руки. Что значит, уже мыл? Пойди вымой ещё раз, они у тебя как у землекопа!

— Рики любит строить из себя строгую мамочку, — пояснил Вэл удивлённой Чарити. — Как только перестаёшь замечать её наставнический тон, он проходит. Но в том, что руки следует ещё раз помыть, Рики, увы, права.

И он отправился в ванную, сопровождаемый ворчанием Рики:

— Не вздумай выгираться гостевым полотенцем. Ты знаешь: они висят только для того, чтобы все видели, что они есть.

Когда Вэл вышел из ванной, в Длинном Зале никого не оставалось. Семья, не дождавшись его, уселась за ланч. У лестницы лежала небрежно отброшенная шкатулка с крышкой для письма. Вэл подобрал её, полагая, что имеет полное право взять себе эту старинную вещь.

Глава 7

За удачу!

Однако, подумав, что шкатулка никуда не денется за время ланча, Вэл пристроил её на кресло и направился в столовую. Люси настаивала на необходимости принимать пищу в этом тёмном и мрачном помещении, хотя все Рэйлстоуны испытывали настоящее отвращение к нему. Столовая казалась наиболее неудобной комнатой из всех в доме. Деревянные панели стен, мозаичный пол, хрустальные канделябры и мраморный камин придавали ей зловещий вид. К тому же стены были украшены отвратительными натюрмортами с изображениями убитой дичи, потакавшими дикому вкусу средневековых обитателей и не вызывавшими у современных людей никаких положительных гастрономических эмоций. Только Рики нечестиво веселилась, поглядывая на них.

Впрочем, длинный массивный стол и кресла с высокими спинками в комплекте с большими буфетами и посудой китайского фарфора были вполне симпатичны, если конечно, не принимать во внимание их громоздкий вид. Стол был застелен полотняной фиолетовой скатертью из личных запасов Рики. Расцветка скатерти не гармонировала с посудой, выставленной Летти-Лу. Когда Вэл вошёл, Чарити как раз рассуждала на тему соответствия салфеток, китайского фарфора и стаканов.

— По-моему, эти красно-зелёные блюда выглядят несколько светлее, чем необходимо, — уголки рта Чарити сложились в предательскую улыбку.

— А по-моему, нисколько, — отозвалась Рики. — Скатерть по тону вполне подходит к расцветке убитых уток на картинах.

— Уток? — Чарити подняла взгляд на картины. — Да, пожалуй. Но тогда получается, что утки — это деталь, которую специально подчеркнули цветом скатерти.

Рики пристально разглядывала картину на стене:

— Конечно. Полагаю, картины в нашей столовой уникальны. В наши дни больше никто не позволяет себе украшать столовые портретами мёртвых уток.

— Думаю, те, кто не украсил столовые подобным образом, должны только поблагодарить Бога, — заметил Руперт. — Утки довольно гадкие.

Рики стояла на своём:

— Нет уж, уточки премилые. Например, выражение остекленелых глаз — вот на этой картине. Так и просится надпись: «Убитая, но не забытая».

— Передайте, пожалуйста, хлеб, — вмешался Вэл, пытаясь прервать обсуждение художественных достоинств картин.

Рики невозмутимо подвинула к нему блюдо с золотистыми ломтиками кукурузного хлеба и продолжила:

— Полагаю, утки выполнены в несколько сюрреалистической манере. Они отдалённо напоминают общепринятые ночные кошмары.

Стараясь не смотреть на уток, Чарити спросила:

— Но, может быть, в доме есть и действительно хорошие картины?

— Три действительно хорошие картины из нашего дома отданы в музей, — пояснил Руперт. — Это полотна не слишком известных мастеров. Но картины интересны с исторической точки зрения. Одна из них — портрет леди Риканды, ещё на одной изображён Рик, тот самый пират, который потом пропал без вести. ЛеФлер говорит, что эти картины — самое ценное, что у нас есть. Кстати, я видел репродукции этих картин. Так вот, Вэл очень похож на

Рика. Если бы не разница во времени, можно было бы сказать, что Вэл позировал художнику, писавшему этот портрет.

Все обернулись к Вэлу. Весьма польщённый, он приветствовал и поклонился:

— Я всегда смущаюсь, слыша комплименты в свой адрес.

— Почему ты решил, что это комплимент? — усмехнулся Руперт.

— А что же ещё? — скромно потупился Вэл. Усаживаясь, он случайно задел кусочек хлеба, который только что намазал маслом, и уронил ломтик на скатерть. Маслом вниз. Рики натянуто улыбнулась, раздумывая, как загладить неловкость ситуации, но Вэл и сам нашёл, что сказать в оправдание:

— Если бы ты, Рики, была хорошей хозяйкой, то в знак солидарности уже бросила бы на скатерть свой бутерброд рядом с моим. Тогда все решили бы, что у нас такая застольная традиция, а вовсе не дурные манеры.

Рики поспешила сменить тему, предложив Чарити ответить бобов.

Чарити так же попыталась направить разговор в другое русло:

— Значит, Вэл похож на того, чьё привидение бродит в доме по ночам, — задумчиво начала она. — Как-нибудь я обязательно съезжу в город, зайду в музей и взгляну на этот портрет. Надо только рассказать мне, где именно его искать.

— Я не знаю, — покачал головой Руперт. — Всё, что мне известно, это тот факт, что портрет числится в каталоге под пунктом «Портрет Родерика Рэйлстоуна в возрасте восемнадцати лет».

— Сейчас Вэлу тоже восемнадцать, — Рики гоняла ложкой по тарелке кусочки дыни. — Но дядюшка Рик пропал без вести уже в более зрелом возрасте.

— Давайте посчитаем. Родерику, родившемуся в 1788 году в феврале, было четырнадцать лет, когда умерли его

родители. Он исчез в 1814 году. Значит, в момент исчезновения ему было двадцать шесть лет.

— На год меньше, чем тебе сейчас, — сказала Рики.

— Или ты на девять лет старше, чем он в момент написания портрета, — добавил Вэл. — Но к чему эти упрежнения в математике?

— Не знаю, — ответила Рики. — Просто мне казалось, что Рик был моложе, когда ушёл из дома. Я всегда жалею его. Что с ним потом случилось, ума не приложу.

Руперт успел выхватить недопитую чашку кофе прямо из-под рук проворной Летти-Лу, собирающей посуду со стола:

— Исходя из того, что у нас объявился соперник-наследник, дедушка Рик благополучно женился, честно жил и произвёл сына, который в свою очередь произвел на свет отпрысков, доживших до сегодняшнего дня. Вполне мирная история, позволяющая нашему сопернику-наследнику заявлять о своих правах.

— Держу пари, что это неверная трактовка образа жизни дедушки Рика, — запротестовала Рики. — Он просто не мог прожить жизнь так тихо и мирно, как ты описываешь. Такой человек не стал бы ждать пока смерть найдёт его в собственной постели. Я могу представить его, берущим на бордаж корабль, но представить Рика обыкновенным скучным бизнесменом невозможно.

— Он состоял в шайке Лафита, не так ли? — спросила Чарити и, увидев ответные кивки, продолжила. — А Лафит был бизнесменом. Я не имею в виду заведения, которыми Лафит владел в Нью-Орлеане. Кроме них он владел большим поместьем на материке. По сравнению с пиратами, которыми он руководил, Лафит был намного хитрее. Поэтому он прожил столь долгую жизнь и с ним общались даже уважаемые торговцы. Через них Лафит присылал своим городским помощникам целые караваны вещей и рабов, которых он просил выставить на его личный аукцион в Баратарии. Он продавал с аукциона тайно вывезенных из Африки чернокожих рабов и точно так же тайно вывезенные из Европы драгоценности. Лафит не был пиратом или

грабителем, он просто наживался, пользуясь сложностями военного времени.

— Мы тоже не гордимся пиратским прошлым, — засмеялась Рики. — Хотя дом выстроен на деньги, добытые пиратством. Жаль, что мы теперь...

Из Длинного Зала донёсся звук чего-то падающего. Рики выронила салфетку — та упала прямо в чашку с кофе. Руперт замер, вслушиваясь, отложив в сторону ложку. Вэл почувствовал внезапную дрожь. Летти-Лу находилась в кухне и в Длинном Зале некому было шуметь.

Оба брата, поднявшись, направились к двери. За ними на цыпочках последовала Рики.

Послышался новый звук, словно кто-то раздирал материю. Они осторожно заглянули в Зал и увидели на расстеленной возле дивана шкуре брошенную шкатулку для письма. Крышка была раскрыта и сидевший на ней Сатана деловито выдирает когтями остатки внутренней обивки. Завидев процессию, кот прекратил своё занятие и враждебно зашипел.

— Уголёк! Что ты себе позволяешь! — воскликнула последовавшая за Рэйлстоунами Чарити. Она склонилась, чтобы поймать кота, но тот улизнул под диван.

— Ничего страшного он себе не позволил, — Руперт поднял доску, отряхивая клочки разлохмаченной обивки. — Я и сам хотел сменить эту старую ткань, только кот порвал её раньше, чем я успел добраться.

— А что это такое? — Рики вытащила из лохмотьев подкладки небольшой кусочек бумаги. — Смотрите-ка! Это, наверное, записка! Сатана разорвал обивку, за которой была спрятана эта бумага!

— Позвольте, я взгляну, — Руперт взял у Рики тоненький листок и, развернув его, быстро пробежал глазами содержимое.

— Вы только послушайте! — воскликнул Руперт и прочёл вслух:

«С Гатти из города прислали плохие вести. Сюда скачут налётчики, именующие себя «Дружками». Гатти утвержда-

ет, что их навёл на нас Александр, сбежавший неделю назад с плантации. Он давно ненавидит нас и теперь, очевидно, решил претворить свою ненависть в действие. Поэтому я готовлюсь к самому худшему. Драгоценности спрятаны в доме, там же, где и в прошлый раз. «Красная птица» спрятана мною в тайник, который я обнаружил ещё в детстве. Я говорил о нём. Вспомни пароль, который мы как-то обсуждали: «За удачу!» Я пишу эти строки в спешке и вручаю письмо Гатти, чтобы...

— Больше ничего в письме нет, — сказал Руперт, вертя листок в руках. Там и впрямь больше ничего не было.

— Это писал Ричард, — заключила Рики. — Но почему после того как письмо было отдано Гатти, оно не попало к Майлзу, когда тот подоспел на выручку?

— По-видимому, Гатти — это имя раба, опередившего налётчиков и успевшего предупредить хозяина. Впрочем, возможно, это был и не раб, а рабыня. Теперь мы не сможем узнать, что же там произошло.

— Зато у нас есть ключ! — обрадованно воскликнула Рики. — В записке сказано, что тайник находится в Зале и он спрятан «За удачу».

— Вряд ли нам чем-то поможет подсказка «За удачу!» — покачал головой Руперт.

— Да как же, Руперт! Ведь в Длинном Зале есть единственное во всём доме место, где висел Меч Удачи! Ниша, где был меч! — Рики указала на углубление над камином.

Руперт сорвался с места:

— Я принесу лестницу из кухни!

Вэл, Чарити и Рики словно зачарованные смотрели на нишу над камином.

— Только бы подсказка сработала! — проговорила Рики.

— Тогда — мы богаты, тогда...

— Не говори «гоп», — оборвал её Вэл, но Рики не слушала его...

Руперт внёс лестницу и под дружные подсказки остальных поднялся к нише.

— Здесь ничего нет, — заявил он, адресуясь к аудитории

внизу. — Только два камня в стене, между которыми вешался Меч Удачи.

— Попробуйте нажать на них, — посоветовала Чарити.

— Нажал, ничего не случилось, — доложил Руперт. — Но теперь, раз уж я здесь, понажимаю, пожалуй, на всё, что попадётся под руку.

— Ничего не случилось, — разочарованно подытожила Рики. А Вэл повернулся к камину и застыл в изумлении. С боков камин был отделан дубовыми панелями, по пять с каждой стороны. Средняя панель слева отодвинулась, обнажив тёмное углубление.

— Сработало! — и Рики кинулась к тайнику.

За панелью был спрятан объёмистый шкаф. Некоторые его полки прямо-таки ломились от свёртков, кошельков, сундучков и шкатулок. Впрочем, большая часть полок оставалась пустой. Заниматься тщательным осмотром не было времени, поэтому Рэйлстоуны извлекли самые примечательные на их взгляд вещи: две маленькие деревянные шкатулки, одну резную, явно для драгоценностей, другую попроще с виду, но запёртую, потом два плотно набитых мешка, один из них парусиновый, и некий свёрток, упакованный в скатерть. Видимо, последний укладывали в страшной спешке. Руперт разложил добычу на полу и спросил:

— С чего начнём?

— Я предлагаю выслушать, что скажет Чарити, — предложил Вэл. — Ведь это она подсказала тебе, Руперт, куда нажимать. И её кот нашёл для нас записку.

— Отлично. Так с чего начнём, миледи?

Чарити указала на резную шкатулку:

— Ах, какая женщина устоит против бриллиантов!

— Прошу вас, — Руперт открыл шкатулку. Все три её отделения были пусты.

— Всё продано до нас, — грустно констатировал Вэл.

Но тут Руперт потянул за колечко сбоку и в шкатулке открылась дверца. Внутри полости оказались три небольших кожаных мешочка. Из одного выпали потускневшие,

но явно золотые серьги, украшенные тёмно-красными камнями. Рики немедленно закричала, что серёжки удивительно гармонируют с её глазами. Чарити компетентно назвала серьги подвесками, но тоже одобрительно вздохнула, глядя на них.

В следующем мешочке обнаружилась большая печать на длинной позолоченной цепочке. На цепочке был выгравирован орнамент в стиле эпохи Регентства. Какой-нибудь денди двести лет назад не постеснялся бы достать такую цепочку из жилетного кармана. В третьем мешке хранился потемневший от времени серебряный крест, украшенный аметистами. Крест висел на цепочке из такого же сплава, что и цепочка для печати.

Тем временем Руперт сумел найти в шкатулке ещё одно потайное отделение. В нём также было несколько кожаных мешочков. В них оказались ещё один крест, из чёрного янтаря, с позолотой, подвешенный к ожерелью из такого же чёрного янтаря. Затем на свет появился широкий браслет из кораллов и яхонтов — изготовленный, впрочем, довольно грубо. Вполне возможно, это была работа каких-нибудь местных умельцев-индейцев. Потом достали флакончик, оплетённый металлической сетью и украшенный камнями. Рики понюхала — флакон всё ещё хранил аромат старинных духов. Что до Чарити, то её больше всего изумил веер, вырезанный из слоновой кости. Нежный узор был так тонок, что казалось, это не кость, а кружева. На слоях шёлка между перегородками веера были изображены сцены сельской жизни у реки: столетние дубы, лодки с лодочниками, болота и дичь. Только очень искусный и терпеливый художник мог выполнить столь сложную работу на безделушке, заявила Чарити. Она бережно сложила веер и убрала его в футляр. В это время Руперт осматривал другие мешочки. Они были пусты, лишь из одного выкатилось кольцо — незатейливое, всего лишь широкая полоса золота редкого красного оттенка.

— Вам известно, что это за кольцо? — Руперт показал его девушкам.

— Нет, — Рики всё прикидывала, идут ли серьги к её глазам.

— Это свадебное кольцо, которое должна была носить Невеста Удачи.

— Что-что? — наклонился к кольцу Вэл.

Рики тоже оторвалась от серёжек. Но Руперт почему-то обратился к Чарити, а не к ним:

— Вам известна история Рэйлстоунов?

Чарити кивнула.

— Когда из Палестины в дом Рэйлстоунов попал Меч Удачи, — продекламировал Руперт, — было решено, что хранить Меч должен член семьи, который обязывался на всю жизнь заботиться о Мече. Так как мужчины в доме вечно отсутствовали — то на войне, то на тропе разбоя, — забота о Мече перекладывалась на плечи старшей дочери при условии, что она невинна. Она удостоивалась величественного обряда посвящения в Невесты Удачи. Девушка и Меч венчались в часовне Лорна. Она оставалась Невестой Удачи до самой смерти. Или совет семьи мог по каким-либо причинам освободить девушку от этой почётной обязанности. Но пока девушка носила это кольцо — кольцо Невесты Удачи — она не имела права прикасаться ни к одному из смертных мужчин.

Руперт погладил красноватый металл и добавил:

— Видно, что кольцо очень старое. Это красное золото, которое добывалось в Ирландии и Англии ещё до нашествия римлян. Возможно, его нашли в одном из древних могильников неподалёку от Лорна. Впрочем, без Меча Удачи кольцо ничего не значит.

Протянув кольцо Рики, Руперт объявил:

— По праву старшей девушки в семье кольцо — твоё.

Рики лишь покачала головой в ответ:

— Нет, я не могу взять его. Оно такое старое. И такое страшное. Понимаешь, Руперт, серьги — совсем другое дело. Их носят девушки, такие же как я, современные. Потому что серьги украшают. А кольцо — это серьёзный поступок. Это обязывает. Помнишь, ты мне сам рассказы-

вал про Леди Изельту. Когда родители отказали ей в просьбе освободить её от ношения кольца Невесты, она покончила с собой! Так вот, я не хочу носить это кольцо. По крайней мере, сейчас.

Руперт спрятал кольцо в мешочек:

— Хорошо. Я отдам его на хранение ЛеФлеру. Может быть, из найденных вещей стоит передать ЛеФлеру что-нибудь ещё, столь же неудобное, как кольцо?

— Нет, — ответила за всех Рики. — Здесь больше нет ничего столь ценного.

Сообща они перешли к новой шкатулке. Когда её открыли, даже хладнокровный Руперт остолбенел, а Чарити громко воскликнула:

— Деньги!

Шкатулка была доверху набита толстыми пачками банкнот, аккуратно перевязанных верёвочками. Никто из присутствующих не видел такого количества денег вне банка. Руперт внимательно взгляделся в верхнюю пачку и горько усмехнулся:

— Если нам повезёт, в базарный день за эту гору можно выручить центов десять. И то, если попадётся чудак-коллекционер.

— Руперт, но ведь это настоящие деньги? — голос Рики дрожал от страшного подозрения.

— Да, — Вэл уже поднёс купюру к глазам. — Но это деньги, выпущенные во время правления Конфедерации. Они так же бесценны, как наши нефтяные акции. А наши акции, если помнишь, не стоят ни гроша. Вот! Я же говорил вам, что в этом доме удача сомнительна! Мы постоянно находим сокровища, от которых пользы никакой. И сколько же будет продолжаться такое безобразие!

Руперт прочитал вслух надпись на обёртке-бандерольке верхней пачки денег: «Получено и опечатано в уплату за прорыв блокады северян — тридцать пять тысяч».

— Тридцать пять тысяч! — грустно повторила Рики. — Так много! Ну почему наши предки не могли взять эту сумму настоящими деньгами?

— Ваши предки сражались на стороне южан, — объяснила Чарити. — И для них настоящими деньгами были эти деньги, а не деньги северян. Кто же знал, что победят деньги северян?

— Всё равно приятно знать, что когда-то Рэйлстоуны были богаты, — отозвался Вэл. — Что будем делать с этими старинными обоями, а, Руперт?

— Пока что я сложу их у себя в столе. Может быть, найдём коллекционера, который заинтересуется старинными банкнотами. А сейчас давайте взглянем, какой сюрприз спрятан в этом узле.

После длительного разворачивания и распаковывания на свет были извлечены серебряный поднос, а также серебряный кофейник, молочник, сахарница и кувшинчик для шоколада. Всё это добро, тускло поблескивающее орнаментом, было сложено горкой на полу.

Рики потёрла пальцем шоколадный кувшинчик:

— Интересно, можно ли будет всю эту посуду отчистить до блеска?

— Нужно будет слишком долго тереть и приложить невероятные усилия воли, — ответил Вэл.

— Тогда приведём её в порядок вместе, — предложила Рики. — Я буду прикладывать усилия воли, а ты — тереть.

В остальных свёртках хранились предметы столь же неопределённой ценности. Двенадцать серебристых бокалов — один с отбитым краешком. Широкий ковш-блюдо в виде корабля необычной формы, не похожего на привычные тяжёлые весельные лодки. Чарити, рассматривая блюдо, заметила:

— По-моему, это пиратская добыча, такие сосуды встречаются в церквях, — она щёлкнула ногтем по дну блюда и металл отозвался мелодичным звоном. — Да, я права, это церковная утварь. Вот, видите среди листьев узора на дне — крест?

Рики довольно согласилась:

— Да, это добыча Чёрного Дика. Но не будем же мы возвращать это блюдо хозяину теперь, через триста лет! К тому же мы не знаем, из какой церкви оно взято.

— Ни в музей, ни к ЛеФлеру всего этого не увезти, — вмешался Вэл. — Нужен грузовик, чтобы всё это вывезти отсюда. По-моему, весь этот дом полон полезных ископаемых. Надо только знать, где копать.

— Ничего не полон, — возразила Рики. — Меч Удачи мы до сих пор не нашли.

Вэл привстал с корточек и подал руку Чарити, которая также сидела на полу возле разложенных находок, как и все Рэйлстоуны. Руперт нахмурился, увидев, что его помощь поднимавшейся даме уже не понадобится.

— Стоит ли искать вещь, в существовании которой мы не уверены? — спросил Вэл.

Рики тоже поднялась с пола и, одёргивая юбку, усмехнулась той усмешкой, какая всегда появлялась на её лице в моменты несогласия с собеседником при невозможности высказать это несогласие.

— Когда-нибудь я тебе припомню эти слова, — пообещала она.

Руперт, указывая на находки, предложил:

— Думаю, всё это лучше отвезти в город. И сделать это необходимо как можно скорее. Дом слишком мал, чтобы вмещать и это серебро и нас. Не правда ли?

Он опять задал этот вопрос почему-то не Рики и не Вэлу.

— Да, правда, — ответила она. — Хотя немного жаль отдавать в спешке вещи, которые мы могли бы отмыть, чтобы увидеть, как они когда-то выглядели.

— Нет уж, — вмешался Вэл. — Пусть свозит всю посуду в город. А потом, когда она там надоеет, мы её вернём и вымоем.

— Не бойся, Вэл, без работы не останешься, — пообещал Руперт. — Рики не зря хочет приобщить тебя к процессу отмыwania серебра. Я отвезу посуду в город завтра после обеда. Вы успеете помыть её всю.

Рики радостно засмеялась и Вэл подозрительно взглянул на неё:

— Что ещё за повод веселиться?

— Я представляю, как расстроится наш ночной визитёр. Ну, тот, кто забыл носовой платок ночью в Длинном Зале.

Придёт он на следующую ночь, доберётся до тайника, а там уже пусто.

— Да? Я как-то забыл об этом, — Руперт задумчиво потёр подбородок. — Ночному гостю можно будет посочувствовать.

— Если только он ищет в нашем доме то, что мы сумели отыскать, — ни с того ни с сего выпалил Вэл, помогая Руперту сложить находки покучнее и связать скатерть в узел.

Глава 8

Прадедушка Рик разгуливает по залу

Сэм оседлал лошадь. Когда-то на ярмарке эта лошадка взяла какой-то маленький приз, поэтому Сэм в глубине души гордился тем, что владеет столь ценным животным. Лошадь отныне использовалась только для хождения под седлом, да и то нечасто. Сэм осмотрел изящные стремяна и остался доволен. Сам он не ездил на этой лошади, он вообще не ездил на лошадях, предпочитая как средство передвижения старого доброго мула по кличке «Сахарок». Лошадь под седлом предназначалась для тех, кого Сэм любил и уважал.

Поэтому вскоре после того как Рэйлстоуны обосновались в Пиратском Логове, Сэм предоставил в их распоряжение свою гордость — лошадь под седлом. Никаких денег за эксплуатацию животного он брать не стал, уверяя, что со своих плату не взимает. И вообще, заявил Сэм, если Рэйлстоуны хоть один день не прокатятся на этой замечательной лошади, он, Сэм, обидится. Поскольку Рики целыми днями возилась в саду под присмотром старшего сына Сэма (тоже названного Сэмом и окрещённого Рэйлстоунами как Сэм-два), и поскольку Руперт большую часть времени проводил в таинственной «комнате Синей Бороды», то не дать Сэму повод для обиды мог

только Вэл. Вот ему и приходилось ежедневно совершать конные прогулки.

Признаться, Вэл уже порядком соскучился в Луизиане. По крайней мере, в той Луизиане, которая окружала Рэйлстоунов ежедневно. Пойти было некуда, поговорить не с кем. Мисс Чарити почти всё время проводила в работе над картинами, к чему её обязывали нерегулярные и непредсказуемые появления в поле зрения Джимса, который уходил так же внезапно, как и появлялся.

ЛеФлер слал из города уверения, что напал на след родословной соперника-наследника, и что результаты обнадеживают: скоро досадная помеха будет убрана с пути Рэйлстоунов. Никаких тайников в доме больше не находилось, никакие носовые платки не оказывались забытыми в Длинном Зале по утрам. Жизнь текла весьма однообразно.

В то утро Вэл как раз подумал, что как правило затишье бывает перед бурей, так что не стоит обольщаться относительно скучности жизни.

Он как всегда катался верхом на «гордости Сэма». Лошадка трусила по краю болота. Вэл давно хотел узнать, что же скрывается там, в тёмных зарослях. Когда-нибудь, решил он, я всё-таки попаду туда и всё разведу.

Над рекой взлетела цапля, уносясь в небо белой полоской. Другая цапля переступала голенастыми ногами по жиже у берега, охотясь на лягушек. За всадником и лошадью бежала рыжая собака, так же принадлежащая Сэму. Собачий лай спугнул вторую цаплю. Птица поднялась в воздух и перелетела подальше.

Вэл снял липкую от пота рубашу. Неужели ему когда-то бывало холодно? Сейчас в это невозможно было поверить. Жара испаряла из души все на свете амбиции. Даже Рики, вспомнил Вэл, гордая Рики, не могла думать ни о чём, кроме распускающихся роз и о необходимости подстричь розовые кусты.

Рыжая собака снова залаяла, на этот раз враждебно. Вэл огляделся, но никаких цапель поблизости не виднелось. Зато по реке двигалось нечто чудовищно неуклюжее. Изда-

ли тёмная махина напоминала плавучую цистерну, шлёпающую по реке.

Лошадь под Вэлом захрапела и встала на дыбы. Вэл попытался осадить её. От плавучей цистерны по реке разбегались высокие волны, но посудина шла довольно быстро.

— Эй, ковбой, придержи коня, — услышал Вэл. Кричали с реки, с самой «цистерны». Лошадь вся тряслась и прядала ушами, но всё-таки Вэл совладал с нею.

— Как называется ваша лодка? — крикнул он.

— Перспективное средство передвижения по болотам, — ответил водитель. — Но до вас, болотные неучи, любые новости доходят как до жирафов.

Плавучая «цистерна» лихо развернулась вниз по течению и вскоре исчезла из вида.

Вэл выехал на шоссе, раздумывая, действительно ли сюда, на болото, новости доходят столь медленно. Собака бежала следом, отмахиваясь от назойливых мух. Утро по-прежнему проходило вполне безмятежно.

Но недолго. Из-за поворота появилась облепленная грязью машина. Она ехала очень быстро, поднимая волны воды и грязи из луж. Поравнявшись с Вэлом, скакавшим по самой середине шоссе, машина притормозила. Водитель высунулся в окно и закричал:

— Эй ты, пошёл вон с дороги! Или хочешь, чтобы тебе переломали кости?

Вэл оглянулся. Кричавший был примерно одного возраста с Рупертом. Худой черноволосый парень с извилистым, застарелого вида шрамом над левой бровью.

— Но вы едете по частной дороге, — ответил Вэл.

— Да ну! — осклабился водитель. — Я и есть владелец этой дороги, ясно? Так что давай проваливай с пути!

Вэл от неожиданности чуть не свалился с седла, что не помешало ему посмотреть на нахала сверху вниз.

— В таком случае, как ваше имя? — поинтересовался он. Водитель захохотал:

— А как по-твоему? Адольф Гитлер, что ли? Нет, сопляк,

меня зовут Рэйлстоун, и я владею этой землёй. Ладно, парень, вали прочь с дороги!

— В таком случае, доброе утро, кузен, — язвительно пропел Вэл.

— Что значит — кузен? — удивился сидевший за рулём.

— Я — тоже Рэйлстоун.

— Вот как? Так ты считаешь себя владельцем этих земель?

— В настоящее время эти земли принадлежат моему брату Руперту. Он владеет Пиратским Логовом.

— Он только думает, что всё это принадлежит ему, — зло ответил приезжий. — Но это не так. Пусть сначала отдаст мне причитающуюся долю наследства. А если будет упрямыться, я возьму сам, и возьму всё.

Он спрятался в машину, словно ящерица в щель меж камней. Машина умчалась в направлении усадьбы, оставив Вэла на обочине. Однако он успел разглядеть пассажира на заднем сиденье. Это был тот самый краснолицый тип, с которым говорил клерк ЛеФлера. Вэл решительно поскакал к дому. Следовало предупредить своих о появлении наследника-соперника.

Он проехал короткой дорогой, свернув с шоссе прямо в чащу. Рики возилась с вьющимися розами, растущими возле крыльца. Рядом с нею Сэм-два придиричиво протирал кухонным наждаком проржавевшую вилку.

Заслышав урчание подъехавшей машины, Рики выпрямилась и стряхнула с передника налипшие комья земли, одновременно улыбаясь приехавшему. Тот, выходя из машины, осклабился в ответ:

— Привет, сестрёнка.

Рики перестала улыбаться и озабоченно спросила:

— Вам угодно видеть мистера Рэйлстоуна?

— Точно, сестрёнка. Но можно и попозже. А тебе советую быть поласковее. В конце концов, здесь я хозяин.

Вэл как раз выехал на дорожку к дому и соскочил с лошади, направляясь к непрошенному гостю. Тот был ниже Вэла на добрых два дюйма. И это при том, что Вэл

происходил из ветви «невысоких», «тёмных» Рэйлстоунов. Своё превосходство в росте Вэл отметил с явным удовольствием. Он приказал Рики:

— Пошли Сэма за Рупертом. И уйди в дом.

Рики исчезла, а приехавший обернулся к Вэлу:

— Опять ты?

— Опять я. И попрошу вас держать себя в рамках приличия. Рэйлстоун вы или не Рэйлстоун, но я заставляю вас...

— Подожди горячиться, Вэл, — раздался за его спиной голос Руперта. — Что здесь происходит?

Приехавший не замедлил с ответом:

— А, это и есть тот парень, который игнорирует мои права на наследство?

Руперт подошёл ближе и вежливо спросил:

— Так вы, я полагаю, мистер Рэйлстоун?

— Ещё бы я не Рэйлстоун! — вспыхнул приехавший. — И я имею право на владение частью поместья.

— Это пока не доказано. Но может быть вы объясните, с какой целью вы оказали мне честь и навестили мой дом?

Из машины выбрался пассажир. Вытирая намокшей панамой потную лысину, он заговорил:

— Полегче, полегче, мистер Рэйлстоун. Зачем втягивать друг друга в неприятности? Мы, сэр, прибыли сюда, чтобы выяснить, нельзя ли решить наш спор полюбовно, не прибегая к услугам суда. Ваш дорогой ЛеФлер не сказал нам по этому поводу ничего вразумительного. А я, сэр, человек простой и хотел бы уладить дело между вами. Тем более, что мой клиент, мистер Рэйлстоун, вполне достойный и разумный гражданин. Он весьма скромен в своих притязаниях. Так что не лучше ли вам выслушать их? В конце концов, отрицать его права вы тоже не можете.

— Именно этим я и намерен заняться, — усмехнулся Руперт, если только криво сложенные губы можно назвать усмешкой. — Вы же наверняка знакомы с законом о праве владения. До тех пор, пока я, Рэйлстоун, живу в своём доме, и до тех пор, пока ваш клиент не доказал, что он так

же имеет право жить здесь, я его права отрицаю. А сейчас, джентльмены, я вынужден попрощаться с вами, у меня слишком много дел по дому в столь славное утро.

Претендент на владение Пиратским Логовом напрягся и прошипел:

— Ах, вот ты как! Хорошо. Делай как знаешь. Но через месяц ты вылетишь отсюда. И твой любезный братец тоже. Хозяином этой земли ты не будешь. Зато я...

Он почему-то не стал заканчивать тираду. Вместо продолжения разговора самозванный Рэйлстоун уселся в машину, за ним последовал краснолицый. Развернувшись и въехав в куст роз у дорожки, гости укатили, скрипя шинами по гравию и оставляя на лужайке глубокие следы от колёс.

— Скатертью дорога! — прокричал им вслед Вэл. — Смею заметить, отпрыски пирата Рика довольно противны на вид.

Появившаяся из-за двери Рики возразила:

— Вэл, жизнь южанина сделала тебя снобом.

— Я — сноб? Но ведь ты сама говорила, что я — идеальный джентльмен. Прямо-таки драгоценность без оправы.

Рики засмеялась:

— Ты слишком легко поддаёшься на провокации, Вэл. Конечно, этот соперник корчит из себя большую шишку. Но Руперт быстро научит его хорошим манерам. Правда, Руперт.

Тот с насмешливым поклоном ответил:

— Если уж вы, сударыня, оказываете мне столь высокое доверие, придётся оправдывать его. Не спорю, наш кузен отнюдь не похож на тех, кого стоит записать в лучшие друзья. Но его появление доказывает, что наши дела идут.

— Куда?

— Его появление указывает на следующее обстоятельство. ЛеФлер очевидно достал нечто такое, что заставило нашего кузена действовать немедленно. Полагаю, в скором будущем нас потревожат ещё не раз. Поэтому, Рики, я хочу

отправить тебя в город. Миссис ЛеФлер любезно предложила тебе пожить у неё, она просто мечтает показать тебе город.

Рики вспыхнула:

— Руперт Рэйлстоун! Я запрещаю обращаться со мной подобным образом. Я ни за что не уеду, пока здесь творятся такие дела. В конце концов наш противный кузен вряд ли решит выкурить нас из Пиратского Логова с автоматами. Впрочем, даже если начнётся стрельба, это всего лишь повод посмотреть, годится ли наш дом на роль крепости. Я не сделаю ни шагу из нашего дома. Надеюсь, вы, мои братья, останетесь со мной?

Руперт пожал плечами:

— Останемся. Тем более, что тебя придётся оставить с нами. Не могу же я отправить сестру в город связанную. Но я сделаю другое: я пришлю в дом Люси.

Произнеся эту страшную угрозу, Руперт удалился.

Люси появилась в доме после полудня. С ней пришли трое ребятишек. Четвёртый, Сэм-два, безо всякого указания со стороны Руперта постоянно сопровождал Рики.

Люси торжественно прошествовала на кухню, на ходу делясь впечатлениями с Рики:

— Ну и нахал этот тип, который приезжал. Ещё смеет говорить, мол, он Рэйлстоун. Надо было отправить его в участок. Если ещё к вам явится, скажите мне, уж я ему рёбра посчитаю.

Отодвинув Летти-Лу, вертевшую на противне печенье с патокой, Люси проворчала:

— Это печенье для детей. А чем мы собираемся кормить мужчин? Посмотри, какой мистер Вэл тощий! Ему нужна хорошая жирная пища, а не детские штучки. А вы, дети, — она обернулась к своим малышам, — выметайтесь отсюда и не нервнируйте меня.

— Я могу взять их с собой в сад, — предложила Рики. — Я как раз хотела поискать в саду старую беседку, которая отмечена на старинном плане усадьбы.

— Вы, мисс Канда, лучше не отлучайтесь из дому в

одиночку. Миста Руперт мне приказал не спускать с вас глаз. Сходите-ка лучше к мисс Чарити.

Рики взглянула на часы.

— Хорошо, так я и сделаю. Мисс Чарити, должно быть, уже закончила свою работу на сегодня. Дети пойдут со мной, ладно, Люси?

Вэл удивился внезапной покорности Рики. Один из малышей не пошёл следом за ней к домику Чарити, а предложил Вэлу:

— Если хотите, миста Вэл, я отведу лошадь на конюшню к отцу.

Вэл посадил мальчика в седло. Малыш сидел с истинно жокейской выправкой. Люси тоже не возражала против того, чтобы мальчик прокатился до конюшни. Но когда Вэл двинулся следом за маленьким всадником, его догнал бдительный оклик Люси:

— А вы-то куда направились, миста Вэл?

При этом Люси не переставала нарезать кружочки теста, раскатанного по кухонному столу.

— Я прогуляюсь по берегу. Вернусь к ланчу.

И Вэл поспешил скрыться, пока Люси не отдала нового распоряжения, которому пришлось бы подчиниться.

Он шёл без дороги, прямо через кусты, пока не выбрался на тропинку, бежавшую к берегу. По пути он миновал бассейнчик со статуей. Здесь когда-то он впервые встретил Джимса. Погружённый в воспоминания о той волнующей встрече, Вэл не удивился, увидев Джимса, сидевшего на берегу.

— Привет! — мальчик смотрел искоса, но уходить, кажется, не собирался.

— Привет, — ответил Вэл.

Он стоял, не зная, что сказать. Джимс внимательно разглядывал его. Видимо, почувствовав смущение Вэла, Джимс поддразнивающе усмехнулся:

— Ты что, едешь на лошади в этих дурацких штанах? — Джимс указал на бриджи, которые Вэл не успел переодеть.

— Эти брюки специально предназначены для верховой езды.

- А лошадь куда ты дел?
- Её увели на конюшню к Сэму.

Вэл вдруг почувствовал новый прилив симпатии к Джимсу. Кажется, мальчик не такой уж грубиян, как о нём говорят.

— Уж этот мне Сэм! — Джимс плюнул в воду. — Воображает!

Вэл так и не узнал, что же воображает Сэм, потому что в этот момент сквозь кусты прорвалась запыхавшаяся Рики. Она с трудом выдохнула:

— Наконец-то мне удалось сбежать от моих маленьких надсмотрщиков. Как ты думаешь, Вэл, сколько Люси будет командовать нами?

Джимс вскочил и уставился на Рики:

— Кто она?

— Рики, — поспешил внести ясность Вэл, — это мистер Джимс. Мистер Джимс, это моя сестра Риканда.

— Ты тоже живёшь в том большом доме? — Джимс указал в направлении Пиратского Логова.

— Да, а что?

— Вы, приезжие, зря задираете нос, — ответил Джимс. — Нечего смотреть на нас свысока.

— Но мы и не задираем нос, — протестующе возразила Рики. — Ведь вы, мистер Джимс, гораздо больше любого из нас знаете здесь всё. И про наш дом тоже.

— С чего вы взяли, что я знаю про ваш дом?

— Ну... — замялась Рики, — нам говорила об этом Чарити, что вы живёте здесь, и всё знаете.

— Так вы знакомы с мисс Чарити? — Джимс явно подобрел при упоминании имени мисс Биглоу.

— Да. Она показывала нам картину, для которой вы позировали.

— Мисс Чарити — достойная леди, — убеждённо заключил Джимс. Почесав головой подошвой о землю, он добавил:

— Мне пора.

Не добавив ни одного слова на прощанье, он скользнул в каноэ и уплыл, ни разу не оглянувшись.

На вечер Люси ушла домой. Ей нужно было уложить детей спать. К сожалению, она собиралась вернуться на

следующий день и разместиться поосновательнее в нежилом крыле дома. Руперт отбыл вместе с Люси, потому что намеревался поговорить с Сэмом о видах на урожай индиго. Он мечтал возродить плантации индиго, поскольку это растение перестали выращивать с самого начала девятнадцатого века, когда по всей Луизиане урожай сгубила саранча. С тех пор вместо индиго здесь разводили сахарный тростник.

— Пойдём погуляем по саду? — предложила Рики.

— И доставим комарам бесплатный ужин? — отмахнулся Вэл. — Нет уж. Я лучше останусь дома.

— Как ты ленив!

— Можешь называть это ленью. Но я-то знаю, что это — гордость.

— А я всё-таки пойду прогуляюсь, — решительно заявила Рики, заставляя Вэла тоже подняться. Он не мог отпустить Рики одну.

Они обогнули дом и подошли к чёрному ходу в кухню. Рики остановилась возле двери и приказала:

— Послушай!

Из кухни доносилось надсадное мяуканье.

— Там Сатана! Его надо выпустить!

— Подожди меня здесь, — приказал сестре Вэл, а сам отправился на кухню.

— Я не понимаю, почему вы так боитесь за меня, — бросила Рики вслед уходящему Вэлу. — Словно меня выслеживает шайка восточных головорезов, засевших под каждым кустом в саду. Поторопись, пока он не изодрал обивку мебели. Я имею в виду Сатану, а не какого-нибудь китайца.

Однако возле кухонной двери Сатаны не оказалось. Наверное, не дождавшись ответа на мяуканье, кот удалился в глубь дома в поисках запасного выхода. Бормоча про себя ругательства, Вэл пробирался по тёмной кухне и вдруг остановился, налетев на край мраморного стола. Но остановился он не потому, что ушибся. Рука его нащупала впереди привычное тепло плиты. Он был на кухне один.

Но в доме кроме него находился кто-то ещё! Вэл вслу-

шался в доносившиеся издали звуки. Может быть, это бродит Сатана? Нет, Вэл знал, что шаги, которые он услышал, не кошачьи.

Кто-то расхаживал по Длинному Залу! Или — что-то.

Он обогнул стол, стараясь не наткнуться на что-нибудь ещё. Нашупав кнопку автоматического открывания двери в Зал, Вэл нажал её. Летти-Лу, вынося подносы с едой, часто не могла сама открыть дверь кухни, поэтому в доме была оборудована такая нехитрая механика. Дверь кухни послушно распахнулась. Если Вэл сумеет бесшумно добраться до лестницы, можно будет спрятаться под ней и выследить пришельца.

Он крался, наверное, полчаса. По крайней мере, так ему показалось. Хотя на самом деле путь под лестницу не занял у него и двух минут. И вновь до него донеслось лёгкое шарканье. Как будто кто-то шлёпал босыми ногами по полу. Вэл затаил дыхание в своём укрытии.

Из-за лестничных перил видно было не слишком хорошо, но главное Вэл вполне сумел разглядеть. Возле камина возвышался голубовато-белый силуэт. Вот он переместился в глубь Зала. Движения силуэта напоминали что-то призрачное. Внезапно силуэт приобрёл совершенно чёткие очертания. Это был человек, одетый в старые светлые брюки и поношенную рубашку. Казалось, ног ниже колен у него не было, так как нижняя часть туловища пришельца таяла в темноте Зала. В контуре головы незнакомца тоже чувствовалось что-то странное.

Пришелец снова зашлёпал по полу, уверенно направляясь куда-то. И Вэл понял следующее: во-первых, это живое существо. Во-вторых, оно ходит здесь со вполне определённой целью.

Вэл высунулся из укрытия и спросил:

— Что это вы тут делаете?

Но последнее слово застряло у Вэла в горле. Фигура обернулась и Вэл увидел...

У пришельца не было лица!

Вэл взвизгнул и ринулся вперёд, пытаясь на скорости

схватить незнакомца или хотя бы напутать его внезапностью действия. Но тот уже растаял во тьме Зала. Последний отблеск неясной фигуры мелькнул на лестнице, когда Вэл только подбегал к ней. И всё исчезло.

Когда через несколько минут в Большой Зал вбежали Руперт и Рики, включив свет, они увидели брата, бессмысленно глядящего в пустую стену. У его ног тёрся и мурлыкал Сатана.

Глава 9

Портрет леди и джентльмена

Руперт воспринял рассказ Вэла весьма недоверчиво. Он выслушал уверения, будто в Зале кто-то был, и посоветовал Вэлу больше не перегреваться на солнце. К тому же на полу не осталось никаких чужих следов.

Рики охотно приняла участие в расследовании и проявила больше доверия. Но она тоже пришла к выводу, что при воображении, которое у Вэла слишком развито, может оказаться, что Вэлу и впрямь почудилось.

Раздражённый семейным скепсисом, Вэл отправился спать. На следующее утро он всё ещё дулся. Впрочем, разглядывая себя в зеркало, он отметил, что, может быть, его грызёт не старая обида, а появилась новая забота. Вэл был абсолютно уверен в том, что видел в Длинном Зале нечто ужасное, не имеющее право разгуливать по дому.

Вэл припомнил слова, сказанные кузеном-соперником на прощанье. «Делай как знаешь. Но через месяц ты вылетишь отсюда. И твой любезный братец тоже». Вэл одевался и рассуждал, что могут значить эти угрозы. Возможно, видение в Зале каким-то образом было связано с тем, что в течение месяца Рэйлстоуны должны, по выражению кузена-соперника, вылететь из Пиратского Логова. Если привидение погуляет здесь ещё ночь-другую, это подорвёт самые крепкие нервы и самое стойкое здоровье. Тогда уж точно Рэйлстоуны вылетят из Пиратского Логова.

Во вчерашних событиях был ещё один эпизод, не дававший Вэлу покоя. Мысленно он вернулся во вчерашний день. Вот он провожает взглядом плавучую «цистерну». Вот появился кузен-соперник. Вот пришла Люси. Вот Рики отправилась к Чарити, а он, Вэл, пошёл к реке и встретил Джимса.

Да, всё дело было в том, что вчера говорил Джимс!

Когда Рики сказала, что Джимс больше Рэйлстоунов знает об их доме и о жизни в этих местах, тот уклонился от темы и свернул к обсуждению знакомства с мисс Чарити. Кажется, он действительно знает о Пиратском Логове больше, чем сами Рэйлстоуны.

А существо, которое Вэл видел вечером в Длинном Зале, наверняка знало какой-то потайной вход в дом. Оно исчезло где-то возле лестницы, значит, там вполне может быть какой-нибудь лаз наружу. Правда, не так давно Вэл самостоятельно выстукал все плиты в полу. Но тогдашнее выстукивание не привело ни к чему, кроме ссадин на пальцах.

Он застегнул ремень на брюках и выглянул в окно. Сэм-младший начищал ботинки в соответствии с приказом Люси. Ботинки блестели как зеркальные. Только на одном возле каблука была грязь.

Донёсся новый крик Люси:

— Миста Вэл, вы идёте завтракать или нет?

Вэл почувствовал себя виновным в невыполнении команды и кротко ответил:

— Иду.

Люси стояла в дверях столовой, уперев кулаки в пышные бока, и критически оглядывала детей и взрослых на предмет непорядка. У неё был такой же придирчивый взгляд, как у шотландской няньки, мучившей Рики, когда та была маленькой, подумал Вэл. Никто из Рэйлстоунов не осмеливался перечить няне-Анне, под её взглядом и Руперт и Вэл и Рики становились маленькими и покорными. У Люси взгляд имел такую же силу, решил Вэл, и безропотно проследовал в столовую, словно ему было не девятнадцать лет, а всего шесть.

Руперт и Рики уже сидели за столом и молча ели. Точнее, Рики ела, а Руперт просматривал утреннюю почту.

Обращаясь персонально к Вэлу, Люси указала:

— Садись. И чтобы съел всё до дна. Тоший, как цыплёнок.

С этими словами Люси ушла на кухню и Вэл смог заговорить:

— Не понимаю, почему она всё время сравнивает меня то с цыплёнком, то со скелетом.

— Ну нет, — пробурчала Рики с набитым ртом. — Вчера она говорила Летти-Лу, что ты тоший как жердь.

— Почему бы не покритиковать Руперта? Ему тоже не помешают лишние десять фунтов жира. Да и бледноват он для сельского джентльмена, — Вэл оглядел Руперта как профессионал-доктор и заключил: — Маловато бываете на воздухе, любезный.

Рики грустно поддакнула:

— Ещё бы! У него столько секретов, он так занят ими!

Руперт, поглощённый очередным письмом, только хмыкнул в ответ.

— Вот если бы мы были бандой китайцев или пиратами-малайцами, или контрабандистами-арабами, он бы обратил на нас своё драгоценное внимание, — Вэл пристально глядел на Руперта. Но тот, не поднимая взгляда от бумаг, проговорил:

— Передайте, пожалуйста, сахар.

Рики приняла от Руперта чашку с кофе и хихикнула:

— Точно! Мы для него никто. Сколько вам сахара положить, мистер Руперт? Мистер Руперт из Пиратского Логова! — Рики почти закричала. — Вы слышите меня?

Руперт отложил письмо и удивлённо огляделся:

— Что вам нужно от меня?

— Чутьочку внимания, сэр, — ответила Рики. — Мы нормальные члены вашей семьи, а не какие-то чужие малайцы, арабы или китайцы. С нами вполне можно водиться, правда же, Вэл? И если бы вы, сэр, как-нибудь вынырнули из глубин своего внутреннего мира, то легко убедились бы в этом. Без напоминаний с моей стороны.

Руперт засмеялся и отложил письма:

— Простите. У меня глупая привычка читать во время еды. Я подхватил её в годы, когда ваше присутствие не скрашивало моего застольного одиночества своим светом, — он перестал улыбаться и добавил серьёзным тоном. — Я знаю, что вы — моя семья. Но есть причины, по которым...

— Ты ведёшь себя так, как ведёшь, и не можешь объяснить нам, почему ты так поступаешь, — подсказала Рики.

Руперт смущённо потерял сначала узел галстука, затем салфетку:

— Пока я ничего не могу сказать вам. Сначала я должен сам узнать, что из этого получится.

Рики, широко раскрыв глаза, наклонилась к Руперту через весь стол и мечтательно произнесла:

— Руперт, ради Бога, признайся! Ты изобретаешь что-то невиданное?

— Тогда мы точно кончим наши дни в доме для бродяг, — сообщил Вэл.

Руперт туманно пояснил:

— Я — это я, какой есть.

— Ну и оставайся какой есть, — отмахнулась Рики. — В конце концов мы заведём собственные секреты.

— Не сомневаюсь, — Руперт взглянул на Вэла и добавил. — Ваша беда в том, что вы каждый раз выдаёте свои секреты. Больше ничего подозрительного из жизни привидений тебе пока не удалось узнать, Вэл? Никакое чёрное чудовище не хватало тебя лапами во сне?

Вэл не позволил себе разозлиться:

— Нет, пока ничего такого не было. Но если я увижу привидение, обязательно натравлю его на тебя. По-моему, тебе пора побывать в лапах у какого-нибудь чёрного ужасного чудовища.

— Я не помешала? — на пороге столовой стояла Чарити.

Руперт вскочил и отодвинул кресло рядом с собой:

— О, мадам, составьте нам компанию, позавтракайте с нами!

— Вы ещё не завтракали? — удивилась Чарити.

— А я-то думала, что вас сегодня не отыскать, потому что вы работаете, — заметила Рики, звоня Летти-Лу, чтобы та подала новый прибор для кофе.

— Я собиралась работать, — ответила Чарити. — Но сегодня никто не позирует мне. А герои должны умереть, согласно сюжету. Я полагала, что придёт Джимс, но он не подходит к типу главного героя.

Руперт наконец-то оживился, впервые за всё утро:

— Так вы делаете иллюстрации к романам?

— Да. Сейчас я рисую иллюстрации к исторической повести, которая будет опубликована в толстом журнале. Большая, на целый лист картина к первой главе и несколько мелких рисунков к дальнейшим главам. Меня беспокоят два больших рисунка, к которым я не могу найти натурщиков. Мелочь я сделаю потом, сейчас главное — закончить большую работу.

— А о чём этот роман? — спросила Рики.

— Действие происходит на Таити времён французской экспансии. Тогда на остров приплыл сводный брат Наполеона, позднее женившийся на прекрасной Полине. Главный герой, молодой образованный аристократ, любит героиню, прекрасную девушку из знатной семьи. Но её преследует офицер армии негров-бунтовщиков, — Чарити умолкла и почти со слезами продолжила. — У меня подобраны костюмы той эпохи, все атрибуты. Я позвонила утром в регистрационное бюро моделей Джонсона, но там ничего не обещали.

Чарити безучастно надкусила булочку и горестно отпила кофе.

— Подождите-ка, — воспрянула она. — Вэл мне подошёл бы.

Вэл почтительно привстал и поклонился.

Чарити, наблюдая за его движением, уже давала указания:

— Поверни, пожалуйста, голову направо. Замечательно! А теперь гляди прямо перед собой, так, будто из угла на тебя хочет прыгнуть нечто кошмарное.

Вэл подумал было, что Чарити известно, как он сражал-

ся с привидениями накануне, и что она тоже поддразнивает его. Но Чарити была серьёзна и Вэл изобразил требуемое выражение лица, что вызвало немедленный смех Рики:

— Да не смотри ты так, будто объелся кислых яблок. Сделай такое лицо, какое у тебя бывает, когда я при тебе надеваю новую шляпку. Нет, это слишком брезгливо. Чутьточку доброжелательней, и не морща, не морща носа.

Руперт от души засмехался:

— Оставь его в покое, Рики. В конце концов, он сам хозяин своему лицу.

— Спасибо, что хоть напомнили, кому я принадлежу, — обрадовался Вэл.

— Тише, тише, — вмешалась Чарити. Наклоняясь поближе, чтобы взглянуть в лицо Вэла, она кивнула:

— Да, он подходит.

Вэл заподозрил худшее:

— А для чего я подхожу?

— Для позирования в качестве героя моего романа. Правда, волосы коротковаты и для героя ты немного молод, но эти мелочи легко замаскировать, — Чарити оценивающе посмотрела на Рики. — А Рики будет изображать миледи в крайней печали. Тогда я придумала вот что. Нельзя ли нам поработать у вас на террасе? И ещё нам понадобятся большое кресло и одно с высокой спинкой.

Руперт радостно поклонился:

— В этом доме, миледи, вы можете брать всё, что вам нравится, и распоряжаться по своему усмотрению.

— А что мне делать? — спросил Вэл, вставая из-за стола.

— Сначала я рисую сцену из первой главы, — объявила мисс Чарити. — Это самое трудное место: Рики, нельзя ли послать детей Люси, чтобы они принесли костюмы?

— Лучше, если мы с Вэлом сами сходим за ними. Заодно примерим.

Двадцатью минутами позже Вэл поднялся к себе в комнату, чтобы согласно инструкции Чарити сблачиться в костюм, какой носили сто лет назад аристократы-джентльмены. Вэл сомневался, что костюм подойдёт, ещё больше Вэл сомневался, что костюм украсит его. Однако результат

оказался не столь ужасен. Зауженный в талии сюртук с накладными плечами сидел внатяг. Зато ботинки, блестящие, как речь адвоката, были по крайней мере на размер больше. Пришлёпывая пустыми мысками, Вэл спустился вниз и попался на глаза Рики.

— Вэл, да ты словно сошёл со страниц романа об эпохе Регентства. Ты только посмотри на Вэла, Руперт! Он очарователен.

Окончательно смутив брата, Рики повернулась к зеркалу, чтобы внести последние штрихи в собственный костюм. Платье в стиле ампир, с высокой талией и зелёным шлейфом, делало Рики зрительно выше. При ходьбе Рики тоже шмыгала по полу обувью, что давало повод полагать, что выданные туфельки и ей не впору. Чарити завила волосы Рики в локоны, собрала их в затейливый узор на макушке и перевязала зелёной лентой. Закончив причёску, она обернулась к Вэлу. По-видимому, осмотр Вэла как модели для рисунка дал положительный результат.

— Я так и думала, — подвела итог Чарити. — Ты то, что мне нужно. Вот только ты слишком благополучен. А по сюжету ты только что отбился от нападения знахаря из взбунтовавшегося племени, ранен в стычке, и к тому же семь часов продирался сквозь джунгли только для того, чтобы увидеться с возлюбленной. А теперь ты смотришь в глаза смерти, готовясь умереть под пытками, но ничего не сказать. А наяву ты выглядишь так, будто только что вышел от модного портного.

— Как же я вообще выжил после всего этого? — задумался Вэл, вживаясь в образ.

— Раз автор говорит, что остался жив, — ответила Чарити, — значит, остался жив. Давай-ка мы взъерошим твою причёску. И расстегни, пожалуйста, сюртук. Или совсемними его.

Вэл снял сюртук и остался в мятой и криво застёгнутой старинной сорочке.

Чарити, весьма довольная осмотром, разорвала правый рукав сорочки на Вэле.

— А левый рукав закатай до локтя, — распорядилась она.

— Теперь ты, Рики, взбей волосы вверх и оставь одну прядь на лбу. Так, так! А теперь — последний штрих.

Она поднесла к лицу Вэла кисточку с краской.

— Карминовый цвет, царапины. Не бойся, Вэл, это акварель, она мгновенно смывается.

Через минуту щеку Вэла украсил зловещий кровавый шрам.

— Ну как! — Чарити обернулась, ища поддержки у Руперта.

— Словно он только что явился с войны, — заверил тот.

— Но не зря ли вы испортили костюм?

— О, — это пустяки! Каждый костюм мне прислали в двух экземплярах, зная, что в процессе работы я могу их испортить. Так, Рики, теперь давай займёмся твоим платьем. Опустим, пожалуйста, рукав так, чтобы обнажилось плечо. А юбку сбоку надо разорвать до самого колена. Вот так, отлично. Теперь и ты готова.

Все вышли на террасу. Руперт услужливо нёс шпагу и дуэльный пистолет с длинным стволом. Чарити приказала установить большое кресло прямо на солнцепёке.

— Вам, пожалуй, будет нелегко позировать, — сказала она Рики и Вэлу, — поэтому я буду объявлять перерыв через каждые десять минут. Если устанете, немедленно скажете мне. Вэл, сядь в кресло и обопрись на ручку так, будто вот-вот потеряешь равновесие или совсем умрёшь. Нет, ещё сильнее наклонись. И смотри прямо перед собой. Ты находишься на террасе дома в Бювалле. Рядом с тобой девушка, которую ты любишь. Кроме тебя некому защитить её от чернокожих бунтовщиков. Так что возьми в правую руку шпагу, а в левую пистолет. Наклонись немного. Вот так, теперь замри. А ты, Рики, обойди кресло и склонись над Вэлом сбоку так, будто ловишь его бессильную руку. Ты в ужасе, ты видишь страшную смерть любимого юноши.

Вэл чувствовал, как рука Рики дрожит от напряжения. Чарити убедила их настолько, что брат и сестра живо представили себя не на террасе Пиратского Логова под ласковым утренним солнцем, а на сумрачном острове Гаити

сто лет назад. Они словно перенеслись в тропические джунгли, где на каждом шагу подстерегала смерть. Вэл судорожно сжимал эфес шпаги, в другой руке ощущая холодную тяжесть пистолета.

Руперт установил мольберт и разложил краски. Чарити углём накладывала на холст быстрые штрихи.

Вэл и Рики не привыкли позировать и неподвижность давалась им с трудом. Каждый раз, когда Чарити объявляла перерыв, брат и сестра со стоном разминали затёкшие мышцы. Рики шёпотом пожаловалась, что долго не выдержит. Руперт ушёл, но Чарити даже не заметила его отсутствия. Солнце припекало открытую шею Вэла, по спине у него катился пот. Но Чарити видела лишь то, что выходило из-под её кисти.

К полудню подоспело неожиданное спасение.

— Здравствуйте, мисс Биглоу! — произнёс кто-то совсем рядом.

На садовой дорожке стояли двое. Один из незнакомцев помахал шляпой в знак приветствия. Чуть поодаль за ними появился Джимс.

Чарити в ответ только отмахнулась:

— Подите прочь, мистер Джадсон Холмс! У меня нет ни минуты для вас. Я занята работой.

— Но помилуйте, Чарити! — возразил тот с упреком. — Я прибыл из самого Нью-Йорка, чтобы только повидать вас.

Таких рыжих волос, как у этого человека, Вэл в жизни не видел. На добродушном лице сияла приветливая улыбка.

— Убирайтесь!

— Нетушки! — возразил посетитель, решительно замотав головой. — Я буду стоять здесь до тех пор, пока вы не уделите мне хотя бы минуту внимания, бросив это ваше занятие.

Чарити со вздохом отложила кисть:

— Видимо, придётся смириться с вашим присутствием.

Джимс, до этого момента молча глядевший на работу Чарити, спросил:

— Мисс Чарити, а почему эти двое так долго не шевелятся? Ни мисс Риканда, ни мистер Вэл.

— Они разыгрывают иллюстрацию к роману, — ответила Чарити. — Действие происходит сто лет назад на Гаити.

— А, ясно, — Джимс кивнул и внезапно улыбнулся. — Это когда чёрные воевали с французами. Я читал книжку про те события. Она написана от руки, не буквами. Пьер Арман научил меня читать по ней.

Теперь заговорил дотоле молчавший спутник Джадсона Холмса:

— Мыслимо ли это? Книга, написанная от руки! Может быть, вы, молодой человек, читали чей-то дневник?

Вытирая руки холщовой салфеткой, Чарити ответила:

— Вполне возможно. Нью-Орлеан служил пристанищем очень многих беглых преступников, каторжников, пиратов, бунтовщиков. Здесь жили и французы, уехавшие с Гаити во время восстания чернокожих рабов. Так что всё возможно.

— Я должен взглянуть на эту книгу, — ещё более оживился спутник Холмса. — Вы, молодой человек, не сможете сегодня доставить её мне? Кстати, как вас зовут?

— Книги вам не видать, — насупился Джимс. — Она моя и нечего вам пялить глаза на чужие вещи. Я не принесу мою книгу.

С этим заявлением он повернулся и исчез в зарослях.

— Но подождите же, — попытался крикнуть ему вдогонку спутник Холмса. — Куда же вы! Ведь этот документ не имеет цены!

Джадсон Холмс рассмеялся:

— Крейтон, поберегите свои охотничьи повадки до другого раза. При работе с жителями болот разговоры о ценности литературного документа бесполезны. Лучше давайте посмотрим, что за картину творит Чарити.

— Я не просила вас о такой чести, — рассердилась Чарити.

— Да, но ведь это я заказал вам работу! — возразил Холмс. — А Крейтон не просто человек приятной наружности. Он, если хотите знать, представляет редкий вид. Он

— издательский агент. А издатели, если помните, порой нуждаются в хороших художниках-иллюстраторах. Так что постарайтесь произвести на Крейтона неизгладимое впечатление. И чем скорее, тем лучше.

Заглянув через плечо Чарити, Холмс воскликнул:

— Да, эта сцена вам удалась.

Крейтон, всё ещё горестно смотревший вслед исчезнувшему Джимсу, тоже обратил взгляд на незаконченное произведение и внезапно деловито и осведомлённо выпалил:

— Это сцена из романа «Барабаны судьбы», не так ли?

— Да, так.

— Рисунок вполне годится для того, чтоб поместить его на обложку. Надо будет сказать об этом мистеру Ричардсу, — Крейтон помотал головой в сторону Рики и Вэла. — А где вы взяли таких замечательных натурщиков? Прекрасные типажи!

— О, простите! Я забыла познакомить вас. Мисс Рэйлстоун, позвольте представить вам мистера Крейтона и мистера Холмса. Они оба из Нью-Йорка. А это, — Чарити улыбнулась Вэлу, — мистер Вэлериус Рэйлстоун, брат владельца плантации. Насколько я помню, семья Рэйлстоунов живёт в этом доме двести пятьдесят лет.

Манеры Крейтона лишь немного приобрели почтительную окраску, когда он пожал руку, поданную Рики.

— Я знал, что у профессионалов-натурщиков не бывает такого взгляда, — зачем-то сообщил он.

Холмс раскланялся и разочарованно спросил у Чарити:

— Так это не ваш дом?

— Помилуйте! — засмеялась она. — Я только снимаю здесь помещение для работы. Пиратское Логово является собственностью Рэйлстоунов.

— Пиратское Логово? Какое выразительное название! — не менее выразительно улыбнулся Холмс.

— Самый первый хозяин поместья собирался назвать усадьбу «Королевским наделом», — пояснил Вэл. — Потому что эта земля была пожалована ему королём в награду за

услуги. Но выстроив дом, наш предок стал пиратом и злые языки окрестили усадьбу Пиратским Логовом. А хозяин усадьбы не возражал. И наверное, правильно делал, потому что многие его потомки тоже были пиратами.

Рики внесла свою лепту в изложение семейной хроники:

— У нас даже есть привидение предка-пирата.

Холмс принялся обмахивать лицо шляпой:

— Так-так. Я вижу, романтика неистребима. Да, Чарити, мы остаёмся. Я имею в виду, мы остаёмся в городе.

Чарити недовольно округлила глаза, словно пребывание двух литературных специалистов в Нью-Орлеане как-то нарушало её планы:

— Зачем вам это?

— Дело в том, что Крейтон разыскивает автора одной уникальной повести. Он надеется найти писателя, который создаст новых «Унесённых ветром», а то и что-нибудь получше. Ну а я... Я просто отдохну в благоприятном для моего здоровья климате.

— Посмотрим, — сказала Чарити невпопад.

Глава 10

В болото!

Несмотря на горячее желание Чарити удалить Холмса и Крейтона с глаз долой, они оба остались в Нью-Орлеане и вновь объявились в Пиратском Логове уже на следующий день. Мистер Крейтон мотивировал своё появление необходимостью связаться с Джимсом, чтобы убедить последнего не прятать литературные сокровища. К тому же одно утро Крейтон провёл у Рэйлстоунов, разбирая многочисленные бумаги, которые Вэл и Рики нашли вместе с вещами в потайной кладовой. У Рики сложилось мнение, что профессия литературного агента весьма похожа на профессию скупщика-антиквара.

Холмс, по крайней мере с виду, занимался тем, что мешал коллеге работать. Он то слонялся по галерее, устроенной Чарити на балконе, то сидел на берегу речки, бросая

камешки в воду. На недоумённые взгляды он прямо говорил, что сейчас у него каникулы и он проводит их наилучшим образом за последние пять лет. Именно поэтому, говорил Холмс, он и старается выжать из этих дней максимум удовольствия.

Он и Крейтон украшали семейные посиделки Рэйлстоунов у камина по вечерам. Крейтон умел рассказывать истории про самые потаённые уголки земли с таким же мастерством, как и Руперт. Через несколько дней слушатели крейтоновских романтических баллад уверились, что даже горный Тибет — вполне благоустроенное и уютное местечко.

Чарити закончила одну иллюстрацию и принялась за новую. На этот раз Рики и Вэл изображали главных героев, только что выбежавших из бального зала в доме губернатора. Сцена происходила в благополучное для персонажей время, поэтому Рики с Вэлом были умыты, причёсаны, подкрашены и в целых костюмах.

Однако на второй день работы над бальной иллюстрацией Чарити раздражённо отшвырнула кисть.

— Не могу! — устало выдохнула она. — Всё, что я вижу из этой главы, так это эпизод, когда сводный брат, мулат, подсматривает за героем, пока тот танцует на балу. Придётся мне сначала закончить тот эпизод, который я вижу.

— Так и займитесь им, — Рики расправила затёкшие мышцы.

— Но Джимс не появляется, а позировать в качестве брата-мулата должен он. Его загар как раз такой, чтобы передать смуглость кожи мулата. И он похож на Вэла. Вот только Джимс не покажется здесь, пока не уедет мистер Крейтон. Свернуть, что ли, шею этому литературному зануде?

— Но ведь Крейтона сегодня нет, — удивился Вэл. — Руперт сказал ему, что в Миленбурге живёт собиратель колдовских заклятий, и Крейтон рано утром умчался туда. Руперт пообещал, что в Миленбурге 24-го июня будут праздновать Иванов день. Такого Крейтон не может пропустить.

Чарити вздохнула:

— Но Джимсу-то неизвестно, что Крейтон уехал. Если бы я могла передать ему весточку, тогда другое дело.

— Мисс Канда! — раздалось где-то рядом. Это был Сэм-два, сынишка Сэма-старшего. Стоя у входа на террасу, он протягивал Рики небольшую корзиночку с крышкой.

— Что, Сэм?

— Летти-Лу сказала передать вам это, мисс Канда.

— Мне? — удивилась Рики. — Неси это сюда, Сэм. Что бы там могло быть?

— Вот, мэм, — Сэм подал корзиночку Рики.

Внутри на грубой ткани лежали две вещи. Браслет из тёмного отполированного дерева, покрытый тонкой резьбой, живо напомнивший Вэлу заросли папоротника. И небольшой кошелёк из чешуйчатой кожи.

— Браслет из болотного дуба, кошелёк из шкуры детёныша крокодила, — оценила Чарити. — По-моему, и то и другое — прелесть.

«Для мисс Риканды Рэйлстоун», — Вэл извлёк из корзинки листочек бумаги, на котором тоненько была выведена эта надпись. Он отдал записку Рики:

— Это твои вещи, всё в порядке.

— Ах, да! — Рики взяла записку, вместе с вещами. — Это Джимс, я вспомнила.

— Джимс? — изумился Вэл. — Когда это ты виделась с ним?

— Вчера. Я гуляла по берегу, а он направлялся к Чарити. Я сказала ему, что Крейтон ещё не уехал. Тогда Джимс прокатил меня на лодке по реке. И я наконец-то нарвала себе кувшинок. Мы довольно долго разговаривали. Вэл, представляешь, Джимсу известно столько интересного о жизни на болотах, — Рики зарделась. — Порой на болотах как в старину проводят колдовские шабашы — вон в той стороне, к югу отсюда. А трапперы и охотники живут в плавучих хижинах, покупая охотничьи лицензии на сезон-другой. Но у Джимса есть там свой клочок земли. Кое-кто из северян говорит, что под болотом расположены нефтя-

ные пласты. Ещё у жителей болота есть приспособление, позволяющее передвигаться и по болоту и по суше. А у Пьера Армана сохранились документы середины восемнадцатого века. И ещё...

— Так вот где ты вчера пропадала с четырёх до шести! Не знаю, понравятся ли мне такие идиллические вылазки, но, может быть, в следующий раз Джимс пригласит за лилиями меня? — засмеялся Вэл.

— Вполне возможно, — не смутилась Рики. — Он всё время спрашивает, почему ты так осторожно двигаешься. Я ему рассказала, как ты попал в авиакатастрофу. А он на это сказал очень странные слова. Он сказал, что авиация для того и придумана, чтобы случались катастрофы, что он тебе завидует.

— Ну и глупец! — рассердился Вэл. И умолк. Пять месяцев назад он дал самому себе слово не завидовать никому и никого не осуждать.

А Рики безмятежно продолжала:

— Но знаешь, Чарити, если в Джимсе есть настоящая необходимость, то ведь его можно позвать сюда. Я могу съездить за ним на лодке. Вчера Джимс рассказал мне, как найти его жилище.

— Но почему он сказал именно тебе? — удивилась Чарити.

Ведь Джимс так тщательно скрывал местонахождение своего жилища от Чарити, так резко обрывал разговор с посторонним, когда речь заходила о нём самом. И вдруг он рассказал о себе девушке, с которой едва был знаком.

— Не знаю, — просто ответила Рики. — Он не объяснил, почему разоткровенничался. Только сказал, что мне может понадобиться помощь.

— Должен сказать тебе, Чарити, — добавил Вэл, — что от Рики невозможно что-либо утаить. Каждый, кто знаком с Рики, рано или поздно выбалтывает ей все свои тайны.

— Кроме Руперта, — грустно добавила Рики.

— Да, пожалуй, к чарам Рики устойчив только Руперт.

— Как бы то ни было, — подытожила Рики, — я знаю, где живёт Джимс, и если нужно, могу к нему съездить.

— Ни в коем случае, моя милая Рики! Неужели ты думаешь, что твой брат отпустит тебя одну в болото? — возмутилась Чарити. — Даже мужчины дважды подумают, прежде чем пускаться в путь в одиночку. А ведь они умеют обращаться с лодками. Но даже они считают рискованным появляться на болотах без проводников. Впрочем, у меня что-то разболелась голова, так что я, пожалуй, пойду к себе и прилягу. Но ты, Рики, тем более не должна отправляться на болото: мой рабочий день на сегодня закончен.

Чарити для убедительности поднесла ко лбу перепачканную краской ладонь и вздохнула.

— Могу я чем-нибудь помочь? — участливо спросила Рики.

Чарити печально покачала головой:

— Лучший лекарь — это время. Для меня в том числе. Увидимся позже.

Глядя ей вслед, Рики сказала:

— Всё равно! Я не прочь прямо сейчас взглянуть, что там делается, на болотах.

— Зачем это тебе?

— Затем... — Рики задумалась. — Да просто хочется! Вчера Джимс вёл себя так странно. Он говорил, будто нам и ему грозит некая опасность. Я так и не узнала, что он имел в виду.

— Да ничего страшного нам не грозит! — отмахнулся Вэл. — Просто Джимс напускает таинственности на свой болотный образ жизни.

— А вдруг что-то и в самом деле случится? Мы должны всё предусмотреть..

— Глупости! Для этого тебе совершенно незачем отправляться в болото. И нечего беспокоиться понапрасну. Лучше давай займёмся чем-нибудь полезным. Я хочу тебе кое-что показать.

— Что именно?

— Потом увидишь.

Кажется, увещевания Вэла возымели должный эффект: Рики перестала смотреть в сторону болот с прежним воодушевлением.

— Что ж, пойдём, займёмся чем-нибудь полезным, — согласилась Рики. — Надо только переодеться.

Вэл вздохнул. Если бы он интересовался садоводством так же, как Рики, проблема занятости не удручала бы его столь сильно. Рики обожала возиться в саду. А Вэл с ужасом видел перед собой лишь череду однообразных дней. Катание на лошади, чтение — но без усердия. Что ещё? Южная жизнь с её монотонностью начала доставать его, северянина. Тропики действовали ему на нервы.

Если бы не авиакатастрофа, он был бы здоров и с ним были бы его грандиозные жизненные планы. Увы, калеки не нужны нигде. Рисовать, как Чарити, Вэл не умел. Писать статьи, как Руперт, — тоже. Таланта к наукам у него не было, и усидчивостью он не отличался. Что до занятий бизнесом, то ~~квалификации~~ Вэла хватило бы разве что для заполнения вакансии подметальщика улицы перед офисом.

Что же ещё оставалось? Развлекать Рики обещанным сюрпризом. Вэл уже открыл свой блокнот, когда в дверь его комнаты постучали.

— Миста Вэл! Мисс Канда не у вас? Она мне нужна.

Это была Люси. Цветастое платье, выгоревший зелёный передник, на ногах вместо привычных шлёпанцев бесформенные башмаки для выхода на улицу. Люси выглядела утомлённой: ведение двух домашних хозяйств вместо одного сказывалось даже на ней.

— Рики, наверное, у себя в комнате. Мы вместе шли переодеваться после позирования. У мисс Чарити разболелась голова, так что мы закончили работу пораньше. А что вам нужно от Рики?

Люси блеснула белыми зубами:

— Миста Вэл! Я должна повесить занавески в её комнате. Но я не знаю, хочет ли мисс Канда именно эти занавески.

— Лучше отложить их, пока Рики не даст согласия. Попробую уговорить её.

Вэл открыл дверь в комнату Рики. Там не было никого, лишь гулял сквозняк. Костюм для позирования был бро-

шен на кровать неаккуратной стопкой, туфли валялись рядом на полу.

Войдя, Люси положила стопку занавесей на кресло:

— Непостижимо, как это дитя ухитряется устроить вокруг себя сущий бардак. Вот вы, миста Вэл, к примеру, всё складываете по порядку. А Рики бросает как попало.

Люси открыла шкаф и оттуда посыпалась одежда, просто заброшенная внутрь, без развешивания на плечики. Видно, Рики торопилась, потому что такая степень беспорядка была чрезвычайной даже для этой взбалмошной девицы.

Охваченный внезапным подозрением, Вэл кинулся осматривать одежду в шкафу. Гардероб Рики был не настолько обширен, чтобы её брат не сумел установить, что в нём отсутствует, будучи надетым на хозяйку.

— Здесь нет её костюма для верховой езды, — сообщил он Люси. — Рики не собиралась покататься на лошади?

— Нет, она не просила Сэма перевезти её через речку на конюшню. Сэм сказал бы мне, если бы отлучился.

Вэл слишком хорошо знал Рики. Она никогда не отступала от выполнения задуманного. Её знаменитое упрямство толкало поступать наперекор запретам. А Вэл и Чарити только что запретили ей отправляться на болото в одиночку. Он вспомнил множество примеров прошлых лет, подтверждавших, что Рики вполне способна на это. Но в чём же она решила отправиться на болото? Разве что в лодке Сэма...

Не трата времени на объяснения, Вэл выбежал из дома. Прихрамывая, он помчался к реке. Может быть, ему удастся догнать Рики, пока она ещё не отплыла от берега.

Но у реки никого не было. Лодка Сэма также отсутствовала. Правда, Сэм и сам мог уплыть в ней на тот берег. Увы, не мог, потому что Сэм-два вышел из-за кустов через минуту после того как Вэл прибежал на берег. Вэл прямо-таки впился в Сэма:

— Ты видел мисс Риканду, Сэм?

— Да, сэр.

— Когда?

— Недавно, сэр.

— Куда она направлялась?

Мальчик указал на реку.

— В лодке?

— Да, сэр. Она проплыла в сторону болот.

Впервые за всё время, что Вэл знал мальчика, Сэм-два выдал на-гора какую-то информацию. Говорить с Сэмом всегда было ничуть не проще, чем долбить киркой алмазную копь. Сэм-два имел отвращение к беседам.

Вэл опёрся на ствол ивы у воды и задумался. Если бы он знал, куда плыть, можно было бы взять и последовать за Рики, пока она ещё недалеко. А Сэм-два за это время сбегал бы за Рупертом на подмогу.

— Если бы я знал, куда она поплыла!

— К тому болотному парню, к Джимсу, — Сэм-два хихикнул. — Он думает, что умней его никого нет на всём болоте. Спрятался в своей хижине, как будто его там никто не найдёт.

— Сэм! — взвился Вэл. — Ты знаешь, где живёт Джимс?

— Да, сэр, — Сэм подтянул штаны и потупился, будто проговорился о чём-то постыдном.

— Отвези меня туда!

Сэм покачал головой:

— Не, я не поеду.

— Но как же, Сэм! Ведь там мисс Риканда! Она может потеряться среди болот. Мы должны её выручить!

Сэм отступил на шаг подальше, словно Вэл мог поймать его и заставить плыть на болото.

— Не поеду и точка. Если вам так нужно, миста Вэл, я скажу дорогу. Но сам не поеду. Берите папину лодку, вон она привязана и держите по реке за те деревья. За ними будет проток, маленькая речка, грязная такая, бурая. Надо плыть по ней до ондатровых угодий, там капканы видны. Оттуда Джимс сделал зарубки на деревьях до своего жилища.

С этими словами Сэм-два пустился наутёк, словно ва ним гнались все болотные кошмары. Вэл приступил к поискам в указанном направлении. Медлить было нельзя,

ведь Рики в одиночку уплывала всё дальше, пока он, Вэл, сидел на берегу.

Он отвязал каноэ Сэма и столкнул его на воду. Хорошо бы Сэм как можно скорее рассказал Люси в чём дело. Тогда Люси немедленно пошлёт следом Руперта и Сэма-старшего.

За вторым поворотом, поросшим плакучими ивами, действительно открылся приток. Небольшая речушка с тенистыми берегами, заваленными кучами веток, водорослей и коряг. Вэл повернул каноэ и поплыл вверх по речке. Рядом с носом лодки, высоко подняв голову над водой, скользнула змея. Он плыл по взкому протоку, почти задевая головой низко нависавшие лианы. Густую растительность над протокой следовало бы прорубить, подумал Вэл. Слишком хлещет по лицу. Воздух кишмя кишел мошками и комарами, что не добавляло комфорта путешествию. Скоро Вэл был искусан с головы до ног. А лодка двигалась мучительно медленно. Вэл вспотел и устал.

При звуках приближающейся лодки с берега в воду срывались крупные лягушки. На отмелях у берега мелькали спины рыб, потревоженных появлением чужака. Дважды речка расширялась, образуя небольшие озерца. На этих пятачках воды росло невероятное множество лилий и прочих водяных культур.

Вот сбоку в кустах мелькнула ондатра. Вот на берегу появилась пришедшая на водопой лесная кошка. Услышав всплеск вёсел, кошка исчезла в зарослях.

В тростниках гнездились птицы, они то и дело взлетали и опускались, наполняя воздух криками и свистом. Возле ондатровой норы виднелся капкан. Ещё одна змея, пригревшись на коряге, пошевелила раздвоенным язычком в сторону пловца.

Пахло гнилью и водорослями. Было жутко, и Вэлу на каждом шагу чудились подкарауливавшие его ужасы. Юноша стёр струившийся со лба пот и стряхнул с руки кусачего рыжего муравья.

Теперь с течением не надо было бороться, лодку саму

влекло дальше, в гниющую кашу растений, называемую речкой. Течение вынесло каноэ в новый разлив воды, протянувшийся примерно на полкилометра. Из топи тут и там торчали обломанные стволы гибнущих дубов. Дополняя отвратительную панораму, на обломках деревьев сидели стервятники, они, потряхивая красноватыми голыми шеями, поддразнивающе клекотали.

Но вот разлив остался позади, Вэл снова плыл меж узких берегов. Он достиг ондатровой тропы. Вскоре, чуть поодаль, у берега, Вэл заметил лодку, оставленную, видимо, недавно. Вэл причалил рядом с нею и, привязав каноэ, выбрался на берег. Торф пружинил под ногами, но не проваливался. Впереди на тропинке виднелись чьи-то следы. Очевидно, здесь недавно прошла — а перед тем проплыла на лодке — Рики.

С отчаянием прихлопнув впившегося в шею комара, Вэл двинулся по тропинке, стараясь ступать след в след с прошедшим до него. Да, здесь явно прошла Рики: на пересекающей тропинку ветке висели несколько золотистых волосков. Это девушка продиралась сквозь заросли в своей обычной спешке.

Идти стало гораздо легче. Почва под ногами постепенно твердела. Вэл вышел на небольшую просеку, где на крохотном пятнышке возделанной почвы произрастали три хлопковых куста и дынное дерево, усыпанное цветами и плодами. За дынным деревом укрывалась хижина Джимса. На грубом сколоченном из брёвен помосте стоял бревенчатый домик. Столбы, державшие помост, были вкопаны в почву, сооружение возвышалось над землёй фута на три. Брёвна, из которых была сложена хижина, потемнели от времени и сырости. И всё-таки жилище Джимса, не претендуя на дворцовую роскошь, выглядело достаточно опрятным. За помостом с хижинкой виднелся загончик для птиц. Там копошились несколько кур и петух с выщипанным хвостом.

Дверь хижины была заперта на замок и никого живого поблизости не было. Если, конечно, не считать кур в

загончике и Рики, которая выглядывала из-за хижины и, увидев Вэла, изумлённо открыла рот.

— Привет, — наконец смогла выговорить она.

— Привет, — Вэл присел на краешек помоста, морщась от боли в сломанной ноге. — Хорошая погода, не правда ли?

Глава 11

Рэйлстоуны приходят на помощь

Рики уже пришла в себя и к ней вернулся требовательный тон.

— Что ты здесь делаешь, Вэл? — осведомилась она.

— Преследую тебя, моя милая. Рики, неужели ты настолько отчаянна, что пускаешься на поиски приключений, не предупредив никого?

Рики вызывающе сощурилась. Ей дали повод проявить упрямство:

— Здесь абсолютно безопасно. И вообще, я знаю, что делаю.

— Вот как? Замечательно. Посмотрим, что по этому поводу предпримет Руперт. Он скоро появится здесь.

При всей своей кажущейся независимости, Рики побаивалась старшего брата. И сейчас упоминание о нём привело девушку в бешенство:

— Как ты смеешь, Вэл! Ты хочешь сказать, что он тоже знает, куда надо плыть, чтобы попасть сюда?

— Да, он извещён об этом, — Вэл осторожно разогнул ноющую ногу. Мышцы были сведены судорогой, которая потихоньку уходила. — Сэм-два видел, как ты уплыла. Я шёл следом и послал его предупредить Руперта. И я был прав, Рики. Ты слишком неразумно пустилась в путь. Ведь Чарити не зря сказала, что даже мужчины не рискуют отправляться на болота. И я, проплыв за тобой, понял, что она права.

— Ничего такого здесь нет, — упрямо повторила Рики.

— Джимс рассказал мне, как безопасно проплыть. И я всё сделала, как он сказал.

Вэл был настолько утомлён, что не мог больше спорить с Рики, что-либо доказывая ей. Он только оглянулся вокруг, будто ожидая, что хозяин дома вот-вот материлизуется из ничего:

— А где Джимс?

Рики присела на краешек помоста и беспечно болтала ногами:

— Не знаю. Но когда-нибудь наверняка придёт. Я пока не хочу возвращаться, нужно подождать. Эти болотные мухи просто звери. А ты заметил стервятников на погибших деревьях, Вэл? Жуткое место! Зато на болоте прекрасные цветы. И ещё я видела живого аллигатора. Только очень маленького, — она вытерла вспотевший лоб шарфиком. — Уф, как жарко! Дома гораздо прохладней.

— Но ведь это была твоя идея — выйти прогуляться. Знаешь, я бы лучше отправился домой, пока Руперт не вызвал для прочёсывания болот морскую пехоту или федеральные войска.

Рики возразила:

— Я ещё не настолько отдохнула, чтобы двигаться в путь. Ты же не собираешься тащить меня отсюда за ноги?

— В столь нечестный вид борьбы вы меня не вовлечёте, — весело заявил Вэл. — Но и нет моей вины в том, что вы заставляете меня проводить свои дни в этой глуши. К тому же я проголодался. Как ты думаешь, Рики, в этой хижине существует кладовка для продуктов?

— Наверное. Если есть, мы, по-моему, имеем право заглянуть в неё, — быстро ответила Рики. — Только дверь в хижину заперта, а замок не поддаётся. Я уже пробовала открыть его шпилькой.

Некоторое время они молчали. Только ветерок шелестел над прогалиной, гоняя ароматы цветов. Куриная семья искала червячков с непостижимым для такой жары рвением. На венчик подсолнуха села пчела, тяжело гружёная медом, и принялась потирать лапки. Вэл прикрыл глаза и поймал себя на видении подвешенного к деревьям гамака с подуш-

кой. Вот где замечательно было бы провести хотя бы полдня. В то же время частью сознания Вэл помнил, что им следует поскорее подняться и добраться до настоящего человеческого мира. И доставить туда Рики. Однако сил двигаться не было.

Он оглядел прогалину с гораздо большей симпатией, нежели десять минут назад и пробормотал:

— Райский уголок.

— Вот именно! — подхватила Рики. — По-моему, здесь так чудесно жить.

Вэл уже собрался констатировать отсутствие в райском уголке ванной, как вдруг до них донёсся посторонний звук. По тропинке к хижине кто-то шёл. Рики схватила Вэла за руку:

— Спрячемся за хужиной! Живее!

Вэл, сам не зная почему, повиновался. Он взобрался на помост и вместе с Рики забежал за угол хижины. Зачем нужно прятаться от Джимса, который лично рассказал Рики, где живёт, и пригласил в гости, Вэл не понимал. Но признавал, что прячется правильно, потому что не мог отделаться от чувства, будто идущий к дому застанет их за чем-то незаконным.

Среди жужжания и прочих болотных звуков отчётливо раздалось слово:

— Так это его дом, а, Рэд?

— Ну да. Жильё как у бродяги, правда? Но местные жители все безмозглые. Они обожают жить как скоты.

Ответивший говорил хрипло и визгливо.

— А что мальчишка? — вновь спросил первый голос.

— Сопляк пока ещё не знает, кто ему друг, кто враг, — с сопением и скрипом говоривший опустил на край помоста, где ещё недавно сидела Рики.

— Так что, его сейчас нет здесь? — снова заговорил первый.

— Дверь заперта. Хотя цента за два я этот замочек вскрыл бы в мгновение ока. Впрочем, вряд ли мальчишка запирает внутри сокровища королевской короны. Чего я не

могу понять, так это как чертёнку посчастливилось выскользнуть прямо из-под носа у Питтса нынче утром.

До Вэла и Рика донёлся запах сигаретного дымка.

— Замок можно и не ломать, — лениво ответил первый.

— Лишние неприятности нам ни к чему. У здешних пушных охотников денег водится в обрез до конца сезона. Они вечно одалживают их в продуктовых лавках.

— Тогда зачем мы пришли сюда?

— Я иногда думаю, Рэд, почему ты до сих пор не уволен. Зачем я тебя держу, такого идиота? Разве ты не понимаешь, что добычи в этой хижине быть не может? Мне не нужны вещи Джимса, мне нужно то, что он знает.

Второй собеседник молчал и первый задумчиво продолжил:

— Если Симпсон проведёт все дела в городе как надо, мы быстро обтяпаем это дельце. Лишь бы только мальчишка всё рассказал нам.

Стало тихо, только брёвна помоста поскрипывали под сидящими непрощенными гостями, выдавая их нетерпеливое ворочанье.

Видимо, кто-то из гостей был слишком горяч: слышались шаги по помосту и бряканье цепочки на двери, которую пытались сдвинуть с места. Вэл вжался в стену. Что, если пришельцы вздумают обойти хижину кругом?

— Мы что, весь день тут будем париться? — сердито проворчал Рэд.

— Если нужно, я прожду весь день. Лишь бы он всё рассказал, — ответил его собеседник. — Впрочем, если бы Питтс не оказался таким тупым, нам не пришлось бы столько времени тратить впустую. И сейчас не следует принуждать мальчишку расколоться как можно скорее. Силой мы ничего не добьёмся. Наоборот, если наши действия вызовут подозрения нашего болотного друга, мы пропали.

— Нет уж! Справимся, не пропадём! А с чего ты взял, будто парень знает?

— С того, что верю увиденному собственными глазами. В ночь, когда была буря, я видел его на берегу и он

наверняка выбрался из дома. Больше неоткуда. Причём он выходил не через двери, а каким-то другим путём. И я хочу знать, каким.

— Хорошо, босс. Но зачем нам лезть в этот дом? Что мы там будем искать?

— То, что раскопали эти удалыцы, живущие в доме. Вчера клерк донёс, что в доме нашли какую-то вещь, может, именно ту, о которой тогда болтала девчонка. Нам надо заполучить найденное, прежде чем Симпсон дойдёт до суда со своим обвинением. Я не собираюсь терять лакомый кусочек в пятьдесят тысяч, — говоривший внезапно замолчал, словно спохватившись, что выболтал лишнего.

— Интересно, зачем Джимс лазил в дом? — спросил Рэд.

— Кто его знает. Может, тоже ищет что-то. Не наше дело, что. Если понадобится, мы и сами можем прикинуться привидениями. С привидения никакого спроса, никто не арестует его за вторжение в чужую частную собственность. Так что мы, пожалуй, используем опыт Джимса. Пусть только укажет нам потайной ход в дом.

Вэл встрепенулся. Не надо быть детективом, чтобы понять, о каком доме шла речь. «Ночь бури», «привидение», всё указывало на интерес к Пиратскому Логову. Значит, это Джимс изображал привидение! И ему известен потайной ход в дом!

Вэл зашевелился, и Рики шепнула ему на ухо:

— Тише! Кто-то ещё идёт сюда!

Рэд в это время говорил:

— Не очень-то мне нравятся наши дела в городе. Креол задаёт Симпсону слишком много вопросов и лезет в прошлое. Если Симпсон не выучит наизусть эту чёртову семейную хронику, он того и гляди окажется за решёткой.

— Да уж, — сухо отозвался первый. — Если дело дойдёт до суда, Симпсону вообще надо знать историю семьи назубок. В нашем деле не должно быть огрехов.

— И мне не слишком нравится тот парень, Уэйверли. Паскудная у него физиономия.

— Да? Так прикажи ему сделать пластическую опера-

цию! Ты бы лучше не совался в дела, которые планируют люди поумнее тебя. Ты порой слишком любопытен, Рэд.

Ответа не последовало. Зато теперь и Вэл расслышал звуки, которые Рики различила минутой раньше. Кто-то шлёпал по воде веслом. Рики беззвучно шевельнула губами. Но Вэл понял:

— За хижиной речушка поворачивает, делая крюк. Оттуда кто-то плывёт.

— Джимс?

— Наверное.

— Надо предупредить... — рванулся Вэл. Но Рики остановила его:

— Пусть он встретится с гостями без нашего вмешательства. Не надо обнаруживать себя раньше времени.

Вновь заговорил Рэд:

— Этот болотный парень может заупрямиться.

— И не такие орешки щёлкали, — отозвался собеседник.

Слышно было как Рэд пошевелился, потягиваясь.

— Не стоит играть бицепсами, — заметил босс. — К нам идёт голодный шуплый мальчишка, ты его побьёшь и без разминки.

Лучше бы Рики оказалась подальше отсюда, подумал Вэл. Упрямство упрямством, но если здесь начнётся драка, Рики надо прогнать прочь. Мысль о том, что и самому неплохо бы убраться от заварухи подальше, Вэлу в голову как-то не пришла. Наверное, потому, что все Рэйлстоуны обожали опасность и никогда от неё не бегали. Кем бы ни был Джимс, и что бы он ни затевал в отношении Рэйлстоунов, сейчас ему явно грозила опасность. И Вэл чувствовал себя обязанным встать на его сторону, на его защиту. Ведь Джимс один. Тем не менее Рики следовало отсюда увести.

Вэл сердитым шёпотом попытался изложить Рики свои соображения. Она лишь усмехнулась и жестами показала, что никуда не уйдёт. Вэл понял, что уговаривать и грозить бесполезно. Рики Рэйлстоун от опасности по своей воле не уйдёт, решил Вэл. Разве что придётся сбросить её с помоста, тогда она вынуждена будет спрятаться где-нибудь ещё.

— Джимс в беде, — шепнула Рики. — И моя помощь может понадобиться.

— Но хотя бы обещай не встревать, если дело зайдёт слишком далеко, ладно? Лучше беги к реке и готовь лодку. Вот что может пригодиться.

Она кивнула:

— Обещаю. Но если наша помощь будет нужна Джимсу, я останусь.

— Если понадобится, тогда оставайся. Но он вполне может обойтись без нас. Вдруг он согласится на предложение этих двоих?

Рики покачала головой:

— Джимс не такой.

Теперь шаги послышались уже совсем рядом, на тропинке, поросшей кустарником. Судя по шелесту листьев, тот приблизился к самой хижине.

Вэл лёг на платформу ничком и достал увесистую палку, валявшуюся под помостом. Ему не хотелось выходить на люди с пустыми руками.

— Привет! — это заговорил Рэд. Само радушие. Брат и сестра представили его деланную улыбку.

Джимс ответил раздражённо, как и положено хозяину при виде незваных гостей:

— Что вам здесь нужно?

— Ну-ну, малыш, зачем так сердиться! — Рэд всё ещё сохранял приветливый тон. — Сегодня утром наш дружок несколько погорячился с тобой. Но ты же понимаешь, что мы шутили. Вот мы и решили зайти потолковать. А ты на нас кричишь, не разобравшись. Вот и босс не поленился приехать. Так что давай поговорим по-дружески, у нас к тебе дело.

— Заткнись, Рэд, — прорычал босс. И обратился к Джимсу почти нежно:

— Да, малыш, мои парни допустили ошибку и будут наказаны за грубость. Забудем о них. Давай займёмся нашим делом. Что ты знаешь о большой плантации вверх по реке, которая называется Пиратским Логовом?

— Ничего, — враждебность улетучилась. Теперь Джимс говорил монотонно и безучастно.

— Неужели ты думаешь, что мы так и поверим. Как-то ночью я следил за тобой. Конечно, ты можешь отрицать. Но я кое-что увидел и хочу сделать тебе предложение, стоящее больших денег.

— И что ты видел? — Джимс опять разозлился.

— Ага! Теперь ты понял, что я что-то знаю о тебе. Да-да! Знаю то, чего пока не знает даже владелец дома. Например, он не знает, откуда в Зале появилось привидение.

Было слышно, как Джимс вздохнул.

— Что вы от меня хотите?

В голосе Джимса прозвучало отчаяние. Зато босс говорил почти ласково:

— Ну вот, ты наконец понял, что лучше послушаться. Мы хотим узнать, как ты проникаешь в дом. Только и всего.

— Я никогда не скажу вам этого!

— Нет? Я на твоём месте дважды подумал бы, прежде чем отпираться. Одно наше словечко Рэйлстоунам и...

— Вы всё равно ничего не добьётесь.

— Давай подойдём к делу с другой стороны, — предложил босс. — Ты ведь вынужден зарабатывать на жизнь и наверняка знаешь цену деньгам. Скажи, сколько тебе нужно за эту информацию.

— Нисколько!

— Ты не хочешь денег?

— Я ничего не хочу от вас. И ничего не скажу. Лучше убирайтесь вон отсюда! Иначе я вам покажу!

— Вот как, болотная крыса? — вмешался Рэд.

— Не надо пугать меня пистолетом, — отрезал Джимс. — Вы всё равно не отважитесь выстрелить.

— Это почему же! Свидетелей среди болот нет. И закон здесь на стороне сильного. Так что лучше быстренько выкладывай боссу всё, что знаешь. А то ведь я очень люблю заставлять детишек визжать под ремнём.

Вэл сжал в руках палку и на цыпочках подобрался к углу

хижины. Рики сдавленно всхлипнула. Мелодрама явно приобретала трагедийный уклон.

— А ну, давай, говори, — грозил Рэд.

Ответа не последовало. Рики, тронув Вэла за руку, кивнула в направлении тропинки к реке. Она решила, что настало время скрыться. Вэл удовлетворённо кивнул в ответ. Рики спрыгнула с помоста и, никем незамеченная, прокралась к тропинке:

— Мы ждём ровно три минуты, слышишь, болотная крыса?

Рики исчезла в зарослях. Слава Богу, подумал Вэл. Что бы ни произошло, пусть она будет подальше отсюда. Он высунулся из-за угла хижины. Двоих пришедших он со своей точки видеть не мог, зато ему был виден Джимс. У того всё лицо покрывали царапины и кровоподтёки, словно он уже успел подраться. Казалось, его занимали только те двое, кто сейчас ему угрожал. На первый взгляд Джимс не собирался принимать бой — он стоял, бессильно уронив руки. Но вот он заметил движение в кустах и в его глазах мелькнула надежда. Наверное, он расслышал, как уходит Рики. Вэл прокрался ещё на несколько шагов, чтобы увидеть, что же затевают босс и Рэд. Он крепче сжал палку.

Джимс заметил Вэла, потому что стоял лицом к нему. Но ни единым движением не показал своей радости. Вэла это удивило: на месте Джимса он непременно выдал бы себя возгласом удивления.

Наконец-то и Вэлу стали видны те двое. Они стояли спиной к Джимсу и не могли увидеть младшего Рэйлстоуна. Босс был высок и тощ, но в его движениях сквозила уверенная сила. Рэд, рыжий и приземистый, поражал шириной плеч, сладить с таким нелегко даже здоровяку-мужчине. Впрочем, из этих двоих в схватке опаснее всё-таки босс, потому что он разумнее. Рэд наверняка горячится и потому может проиграть. Поэтому Вэл решил заняться боссом. Он поднялся с колен. Джимс по-прежнему ничем не выдавал себя, словно не замечая Вэла, но было ясно, что он тоже готов к атаке.

— Так что, болотная крыса? Скажешь ты нам что-нибудь или нет?

Три минуты истекли.

— А что вы хотите знать, — Джимс явно тянул время.

— Тебе уже сказано, — босс начал нервничать. — Как попасть в тот дом?

Джимс почесал за ухом и медленно произнёс:

— Ну-у... Надо взять влево...

Вэл понял. Джимс хочет, чтобы он напал на босса, стоявшего слева от парня. И приготовился к броску, который, как он надеялся, собьёт босса с ног.

— Ну, дальше!

Вэл прыгнул.

Но нога подвернулась и вместо того, чтобы с силой свалиться прямо на врага, он всего лишь повис у него на плечах, словно низкорослый бульдог на медведе. Неожиданно прогремел выстрел. Босс развернулся и ударил Вэла локтем в лицо.

Следующие три минуты Вэлу некогда было размышлять о прекрасном. Его противник оказался необычайно силен и увёртлив. Вэл просто не в силах был совладать с ним. Увесистая палка только хрустнула в руках врага. Всё, что удалось Вэлу, — это несколько минут удерживать пальцы босса подальше от собственных глаз. Они катались по земле, и Вэл не мог даже стряхнуть с себя противника, не то что нанести удар.

Вэл ощутил во рту вкус собственной крови — это босс нанёс ему несколько сильных ударов по голове. Он пробовал уворачиваться и, пожалуй, был ещё жив лишь потому, что удары противника не достигали цели. Но вот наконец босс уселся на Вэла верхом, схватив юношу мёртвой хваткой. Вэл понял, что теперь ему не на что надеяться: босс прикончит его в одну минуту.

— Руперт, Сэм! Сюда, вот дорога!

Даже Вэл, оглохший от побоев, расслышал этот звонкий зов. Босс замер. Вэл увидел лицо противника, залитое кровью, и понял, что тоже потрудился не зря. Вскочив, босс напоследок пнул ногой под рёбра обессиленно лежав-

шего Вэла и бросился прочь по прогалине. Рэд уже сделал то же самое на несколько секунд раньше, так что боссу предстояло догнать напарника. Они побежали к реке, только в другую сторону, туда, откуда пришёл Джимс.

Вэл привстал и осмотрел поле боя. Среди истоптанного торфа валялись сломанная палка и брошенный пистолет. Поодаль силился подняться истерзанный Джимс.

Глава 12

Рэйлстоуны приводят домой застенчивого гостя

Он приподнял голову и снова уронил её, не открывая глаз. Со лба Джимса стекала струйка крови. От прикосновения Вэла юноша тихо застонал.

— Вэл! Ты ранен? — это Рики выбежала на тропинку.

— Я-то в порядке, а вот Джимсу досталось.

— Что с ним? — Рики наклонилась к лежавшему на земле юноше.

— Полагаю, несколько дней он проваляется с сильной головной болью. Но вряд ли у него что-нибудь более серьёзное.

Рики достала крохотный платочек и материнским жестом стала утирать кровь со лба Джимса. Тот со стоном отвернул голову прочь от так вовремя подоспевшей заботы.

Вэл огляделся вокруг и подозрительно спросил Рики:

— Где же Руперт и Сэм? Они ведь шли за тобой следом!

— Нет, — покачала головой Рики. — Я только сказала, что они идут следом. Это была попытка диверсии. На самом деле Сэм и Руперт, наверное, ещё заняты на плантации.

Вэл оживился:

— Тогда нам стоит убраться отсюда как можно скорее. Те два бандита могут вернуться, едва поймут, что за ними никто не гонится и нас здесь по-прежнему мало, чтобы дать им бой.

— Но как быть с Джимсом?

— Возьмём его с собой, конечно же. На каноэ мы втроём не сможем доплыть, но ты приплыла на большой лодке, в ней мы и отправимся домой. А каноэ привяжем к лодке. Только надо перевязать рану Джимсу.

Рики пошарила по карманам парня и нашла ключ. Вэл взял его и попробовал открыть дверь хижины. Ключ подошёл. Замок щёлкнул и Вэл вошёл внутрь.

Внутри было чисто, каждая вещь занимала своё место. Под окном у стены стоял небольшой сундук из тёмного полированного дерева, довольно похожий на сундуки, найденные Рэйлстоунами в кладовке, разве что чуть меньше по размеру. Напротив окна располагалась аккуратно застеленная кровать. Остальная меблировка состояла из стула, закопчёной плиты, керосиновой лампы и грубо сколоченного стола. По стенам были развешены силки и капканы вперемежку с деревянными распялками для шкур. Возле сундука валялась недоплетённая корзинка из жёсткой травы.

Вэл заглянул в кувшин в поисках воды. Поход за водой отнял бы много времени, а медлить было нельзя. Немного воды нашлось, и Вэл, разворошив постель, достал простынь из голубой ткани. К счастью, простыня оказалась чистой.

Разорвав её, Рики промыла рану на голове Джимса и перевязала её. Остатки воды Джимс жадно допил, однако выглядел он так, словно делал это, не узнавая никого вокруг. На вопрос Рики, как он себя чувствует, юноша пробормотал что-то на смеси французского языка и кайенского наречия. А когда Вэл вложил ему в ладонь ключ от запертой хижины, Джимс потерял сознание.

— Как же мы доведём его до лодки? — задумчиво спросила Рики.

— Придётся нести.

— Но, Вэл! Ты тоже ранен! — Рики смотрела на Вэла так, словно впервые видела.

— Мои раны совершенно пустяковые. Та парочка плохо

старалась. А понесём мы его вдвоём. Я возьму за плечи, а ты за — ноги.

Они, пошатываясь, шли по тропинке. Два раза Вэл оступался и почти терял равновесие. Рики несла свою часть Джимса несколько увереннее. Она даже положила Джимсу на ноги захваченную в хижине подушку. Девушка заявила, что подушка в лодке будет необходима. Вэл вдруг почувствовал, что боль и слабость куда-то отступили и идёт он довольно резво. Наверное, открылось второе дыхание, решил он. Правда, и со вторым дыханием всё равно приходилось уговаривать себя пройти ещё десять шагов, дотянуть до того дерева, дошагать до следующей кочки. Но продвигаться всё-таки было легче.

Наконец они выбрались на берег и погрузили Джимса в лодку. Конечно, любой охотник сделал бы то же самое в десять раз быстрее. Но Вэл в тот момент удивлялся даже тому, что он и Рики сумели дотащить Джимса и погрузиться в лодку. Напряжение отпустило их, только когда Рики разместила Джимса на дне лодки с максимальным по её разумению комфортом. Что заключалось в необходимости держать голову Джимса у себя на коленях.

— Заводи мотор, Вэл, — скомандовала она.

Он добрался до мотора, включил зажигание и вспомнил, что оставил каноэ на берегу, не привязав его к моторке. Но было уже поздно, мотор зафыркал и лодка отчалила от берега.

— Как ты думаешь, Вэл, насколько серьёзные раны получил Джимс?

Вэл старался не отвлекаться от ведения лодки. На это и без того уходили все силы.

— Не знаю. Позовём доктора. Тогда он не заставит ждать... я имею в виду, Джимс не заставит себя ждать с выздоровлением.

Однако про себя Вэл подумал, что всё может обернуться гораздо серьёзнее. Травмы головы порой бывают незначительными только с виду.

Только когда они выплыли из притока в большую реку, Джимс пришёл в себя. Он оглядел Вэла и Рики:

— Что мы...

Вэл рискнул улыбнуться разбитыми губами. Было больно:

— Мы выиграли войну благодаря храбрости Рики. Теперь мы возвращаемся домой.

Джимс рванулся, пытаясь сесть и выкрикнул:

— Нет!

— Да! — мягко ответил Вэл, в то время как Рики уложила Джимса обратно. — Ты едешь с нами, потому что тебе нужна помощь.

— Я не поеду в больницу! — его глаза впились в глаза Вэла.

— Конечно, не поедешь, — заверила его Рики. — Ты побудешь у нас, мы отведём тебе комнату для гостей. И прошу тебя, не волнуйся. Мы скоро доберёмся домой.

— Я не поеду!

— Но ты уже едешь, — увещевала его Рики. — Или Вэл должен бросить управление и держать тебя, чтобы ты не сопротивлялся?

Глаза Джимса перебегали с Вэла на Рики и обратно. Он снова выдохнул:

— Нет, не хочу к вам в дом!

— Да почему же?

— Это неприлично.

— Глупости! — засмеялась Рики. Но Вэл уже понял причину упрямства Джимса.

— Это из-за того, что ты воспользовался потайным ходом к нам в дом?

Джимс побледнел и еле слышно прошептал, закрыв глаза:

— Да.

— Потом объяснишь, — поспешил успокоить его Вэл.

— Я искал одну вещь...

— Значит, я тебя принял за привидение без лица?

Пытаясь кивнуть, Джимс сморщился от боли.

— А зачем тебе понадобилось пугать Вэла? — спросила Рики. — Или ты почему-то не хочешь, чтобы мы жили в этом доме?

— Нет, я искал...

— Что именно?

— Не знаю, — прошептал Джимс, не открывая глаз.

Вэл сделал Рики знак, чтобы та замолчала.

— Эге-гей! — на берегу показались Руперт и Сэм. Вэл уже выруливал к пристани возле усадьбы.

Руперт раздражённо напустился на прибывших:

— Что случилось, Вэл? Вы что, попали в очередную катастрофу?

— Нет, на нас напали, — ответил Вэл. — Есть пострадавший. Вот он, в лодке.

Сэм подбежал к пришвартованной лодке и помог вынести на берег Джимса. Тот снова потерял сознание.

— Надо пригласить доктора, — сказал Вэл, — У него может быть сотрясение мозга от удара в голову.

Но Руперт не побегал за врачом, а принялся вместе с Сэмом переносить Джимса по берегу повыше. Вэл был благодарен брату за участие, потому что самого Вэла тоже уже можно было класть на носилки и нести, так он устал. Он опустился на сиденье в лодке и безучастно смотрел, как другие суетятся. Джимса уже вынесли на берег и Сэм, взяв юношу на руки, понёс его к дому, словно у него на руках был маленький ребёнок. Рики торопливо убежала вперёд, чтобы предупредить Люси. Руперт в это время давал Сэму-два чёткие инструкции как добраться до доктора ЛеФрода. Сэм-два рвался поскорее выполнять указания и Руперту приходилось держать его за ворот рубахи, чтобы заставить выслушать до конца. Скорее всего у доктора ЛеФрода дневной обход и найти его можно на сахарной мельнице, где один из рабочих повредил руку. Сестричка Сэма-два, отвечал тот, видела доктора на пути к мельнице минут десять, а то и полчаса назад.

Вэл наблюдал происходящее как сквозь сон. Впрочем, беспокоиться было не о чём: Руперт взял бразды правления в свои надёжные руки. Значит, можно и расслабиться.

Руперт повернулся к брату:

— Что ты застрял там, Вэл? Тебе плохо?

— Нет, просто устал.

Руперт прыгнул в лодку и помог ему встать. Вэла шатало.

— Сможешь дойти до дому? — участливо спросил Руперт.

— Смогу. Только подай мне руку, чтобы я выбрался из лодки.

Садовая дорожка показалась Вэлу длиной в несколько миль. Если бы не поддерживающие руки брата, Вэл улёгся бы прямо на берегу и ни за что не стал бы ковылять до дома.

Но он всё-таки добрался до дивана в Длинном Зале и повалился на мягкие подушки. А немного спустя Вэл уже пришёл в себя настолько, что смог рассказать Руперту о случившемся. Но в эту минуту прибыл доктор ЛеФрод, влетевший в дом с твёрдой уверенностью — это Сэм-два так напугал доктора своим рассказом — что половина семьи убита неизвестно кем. Толстый коротышка ЛеФрод первым делом бросился к Вэлу и успокоился только тогда, когда юноша сел на диван и даже встал перед доктором. Решив, что Вэл будет жить, ЛеФрод поспешил наверх по лестнице, где его поджидала Рики, готовая провести доктора до комнаты пациента.

Вэла оставили в прописанном доктором покое. Даже Сэм-два удалился наверх, чтобы послушать, что с Джимсом. Откинувшись на подушки, Вэл раздумывал, где сейчас давешние враги и что ещё они могут замыслить. А главное, зачем им понадобилось узнавать у Джимса ход в дом. Рики не так давно верно сказала, что Рэйлстоуны — загадка для многих, и что усадьба — это клубок тайн без единой ниточки. И распутать этот клубок пытаются всякие прохожимцы.

По каменным плитам Зала застучали чьи-то подошвы. Вэл повернулся. Руперт нёс к нему тазик с тёплой водой и полотенце. В другой руке он умудрился прихватить аптечку первой помощи.

— Не мешает заняться твоим внешним видом, — предложил он. — Давай-ка для начала умоемся. Так куда это вас с Джимсом занесло? Под газонокосилку?

Он легонько отёр царапины и ушибы на голове Вэла.

— В один прекрасный момент я и сам подумал, что попал под газонокосилку, — отозвался Вэл. — На самом деле мы всего только поболтали с двумя джентльменами, которые проявляют нездоровый интерес к нашему дому.

Вэл зашипел от боли, когда Руперт провёл по ссадинам тампоном с йодом.

— Эти молодчики разузнали, что Джимсу известно нечто о нашем доме, и они пытались заставить его выдать этот секрет. Но ничего не добились.

— Благодаря тебе, разумеется? — Руперт оглядел лицо брата и покачал головой. Вэлу было трудно говорить, каждое движение причиняло боль.

— Отчасти благодаря мне, но в основном помогла Рики. Она... Она устроила небольшую диверсию, и мы с Джимсом оказались вне интересов тех двух молодчиков. А я, увы, плохо разбираюсь в хуках, клинчах и ударах ниже пояса.

— Так вам пришлось драться?

— Ну, не слишком долго. Больше валялись в грязи. Но если я не сломал боссу руку, то я уж не знаю, кто в этом виноват. Что успел Джимс сотворить с Рэдом, тоже судить не берусь. Но тот убегал явно не в лучшей форме. Послушай, Руперт, тебе очень надо меня шупать? — возмутился Вэл, когда Руперт пробежался, чуткими пальцами по бокам и груди брата на предмет сломанных рёбер и костей.

— Я только смотрю, нет ли переломов.

— Ты не увидишь больше того, что я сам чувствую! — Вэл оттолкнул его руку.

Руперт поднялся.

— Пойдём.

— Куда ещё?

— В ванную, а затем в постель. До завтра ты никуда не должен вставать. И я попросил ЛеФрода осмотреть тебя повнимательнее.

Вэл запротестовал:

— Ни за что! Я не ребёнок!

— Я и не собирался нести тебя на руках, — усмехнулся Руперт.

Вэл медленно поднялся. Спорить с Рупертом всё равно бесполезно. Можно только выполнять намеченную старшим братом программу. И уже через полчаса Вэл, завернутый в белоснежные простыни постели, разглядывал потолок. Вот две большие трещины слились в одну и стали неразличимы. Вэл уснул.

— Он всё ещё спит, — донеслось откуда-то сбоку.

— Это лучшее, что ему может понадобиться.

— У него нет серьёзных повреждений?

— Нет, слишком много ушибов, но это скоро пройдёт.

Вэл открыл глаза. Смеркалось. Последние лучи солнца ложились на кровать красными полосами. Возле окна стоял Руперт. А Рики несла к постели поднос с блюдами. От расставленных на подносе тарелок замечательно пахло.

— Всем привет! — Вэл попытался сесть и сморщился от боли. — А какой сегодня день?

— Пока что по-прежнему вторник.

— Какой долгий день. А как себя чувствует Джимс?

— Он ведёт себя хорошо. Руперт напугал его тем, что надо лежать, и Джимс теперь останется в постели на несколько дней. Доктор говорит, что по крайней мере пару дней парню надо побыть в покое. Но Джимс всё время рвётся на болото. Туда же рвётся Руперт. И я целый день провела, разрываясь между этими двумя: одного надо удерживать в постели, а другого от похода на болото.

Руперт присел на краешек кровати.

— Вэл, ты сможешь узнать Рэда и босса, если снова встретишь их?

— Конечно.

— Тогда, возможно, ты сможешь узнать их по фотографиям. Рики пересказала мне всё, что вы слышали возле хижины Джимса. Я не знаю, зачем этим жуликам нужен тайный ход в дом, но этого вполне достаточно, чтобы связаться с ЛеФлером. Завтра он прибудет сюда. Нам предстоит небольшая работа.

— Да? Мне становится жаль этих жуликов, — ответил Вэл. — Теперь-то уж им точно не поздоровится.

— Им не поздоровится, — согласился Руперт. — Ну, а ты как, достаточно выздоровел, чтобы поужинать?

— Едва ты мне напомнил об ужине, и я понял, что голоден как волк. Так где ужин?

— Уже полчаса как поджидает тебя. Вот, на подносе, — ответила Рики.

Вэл вылез из постели со словами:

— Нет, Рики, не тащи поднос в постель. Я ещё не до такой степени инвалид.

Вопросительно взглянув на Руперта, Рики покинула комнату, захватив с собой поднос. Трясущимися руками Вэл взялся за рубашку и принялся натягивать её. Руперт молчал. Вэл обнаружил, что общая боль прошла и теперь он может двигаться без ощущения, будто каждый мускул завязан узлом.

— Позволено ли мне навестить Джимса? — спросил Вэл, когда братья шли по коридору. Руперт кивнул и указал подбородком на дверь в другом конце прохода.

— Он там. Но упрямый парень, честное слово. Порой напоминает поведением тебя, Вэл. Если его почистить от синяков и царапин, вы станете похожи и внешне. К Рики он вполне благожелателен, зато когда появляюсь я, он ведёт себя так, будто к нему явился китайский палач и сейчас его начнут резать на куски, — Руперта это сравнение явно раздражало.

— Может быть, он просто боится тебя?

— За что? — изумился старший Рэйлстоун.

— Ну, ты иногда любишь покомандовать, — предположил Вэл. Если Рики ничего не рассказала Руперту о том, что знает Джимс, и о том, что он бывал в Пиратском Логове, то ему, Вэлу, следует и подавно молчать.

Руперт между тем возмутился:

— За кого вы меня держите, в конце концов! Я люблю покомандовать! Попробуй сам договориться с этой дикой болотной кошкой! Впрочем, я начинаю думать, что вы — два сапога — пара, — он резко повернулся и вышел в Длинный Зал.

Вэл открыл дверь спальни. Солнце уже почти ушло и по углам комнаты поднималась темнота. Но кровать ещё была освещена льющимся из окон сумеречным светом. Вэл доковылял до кровати.

— Привет!

Смуглое лицо, утопленное в подушки, не изменило своего дремотного выражения. Вэл продолжил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Получше. В общем, я в порядке, но они не хотят отпускать меня отсюда.

— Я слышал, что доктор рекомендовал постельный режим ещё дня на два.

Наверное, потому, что кровать была просто громадной, Джимс казался маленьким и измождённым. А может быть, он выглядел таким потому, что его вечная заносчивость куда-то исчезла, отчего он стал менее независимым. Как будто Джимса несколько сократили в объёме и амбициях.

— Что он об этом думает? — прозвучало в тишине.

— Кто?

— Твой брат.

— Руперт? Он только рад тому, что ты у нас погостишь.

— Разве ему не сказали про меня?

— Нет.

— Скажи! — приказал Джимс. — Иначе я не должен оставаться здесь. Это неприлично.

Вэлу ничего не оставалось как согласиться с такой формулировкой правил приличия и гостеприимства.

— Хорошо, я скажу ему. Но скажи прежде мне, что ты искал здесь, Джимс? Сокровища времён Гражданской войны? Скажи, мне всё равно придётся пересказывать это Руперту.

— Нет, — покачал головой Джимс. Он вновь нахмурился. — Нет, зачем мне сокровище! Я не знаю, что искал здесь. Но мой дедушка говорил...

— Вэл, ужин разогрет! — это Руперт кричал из Большого Зала. Вэл повернулся, чтобы уйти.

— Я скоро вернусь.

Джимс указал в сторону двери:

- Ты скажешь ему?
- Скажу после ужина, обещаю.

Джимс расслабленно вздохнул и зарылся поглубже в подушки:

- Я буду ждать.

Глава 13

В такую ночь как эта...

День выдался серым и промозглым. С неба сыпалась мелкая влажная пыль дождя и в Длинном Зале казалось, будто сами стены излучают холод. Руперт разжёл камин, однако никто из членов семьи не стал бы утверждать, что потеплело. Огонь в камине завораживающе плясал и отбрасывал причудливые тени вокруг. Но тепла не давал.

- Вэл?

Он поспешно спрятал под подушку свой блокнот. Почему-то в этот миг Вэл почувствовал себя уличённым в недозволенном. Вошедшая Чарити была мокра как мышь. Из-под промокнутого капюшона выбивались золотые колечки волос, по которым, как по весенним сосулькам, стекали вниз крупные капли.

— Да, Чарити! Не думайте, что сможете согреться у этого огня. Мы все очень хотим, чтобы он грел, но он всего лишь замечательно выглядит, — Вэл пнул ногой решётку камина. — Кажется, единственная польза от него — возможность любоваться.

Чарити сняла капюшон.

— Что это за история, в которую впутались вы с Джимсом?

— А! Обычная история. К Джимсу зашли гости, которые забыли правила приличия. Тогда неожиданно вмешались я и Рики, в результате вся вечеринка закончилась не так, как предполагалось.

— Ты имеешь в виду синяк под глазом? Он для тебя — неожиданность? Ну хорошо, а за что Джимс заработал свой синяк?

Вэл тщательно занялся стряхиванием капель с принятого у Чарити плаща.

— Не лучше ли спросить у самого Джимса?

— Но я уже спрашиваю тебя. Вчера вечером ко мне заходил Руперт и весьма туманно интересовался, что за человек Джимс. А когда я поинтересовалась насчёт вашего совместного сражения на болотах, Руперт отделался ничего не значащими фразами.

— Руперт бывает ужасающе некоммуникабельным, — поспешил успокоить гостью Вэл. — А история действительно проста. Джимсу известен потайной ход в наш дом. Вдобавок дедушка Джимса как-то завещал ему, давным-давно, найти счастье, которое, по мнению бабушки, спрятано где-то в нашем доме. Что это за счастье и как оно выглядит, дедушка, к сожалению, не удосужился растолковать. Но зато внучек ночами прилежно бродил по нашим коридорам, ища то, сам не знает, что.

По-моему, в том, что говорит Джимс, концы с концами не сходятся, но почему-то я верю ему. Джимс знает только тайный вход, через который можно проникнуть в дом. А потайных ходов внутри дома он не знает. Он сейчас лежит. Рики с Люси чётко выполняют инструкции доктора по удержанию Джимса в постели. Они носят с ним так, будто охраняют сокровища короны.

Чарити присела на диван.

— Понятно. А между прочим, известно ли тебе, что с таким лицом ты не сможешь мне больше позировать?

Вэл коснулся царапин на щеках:

— Но ведь они — лишь на время.

— Надеюсь. Однако, судя по виду, вы устроили хорошенькую катавасию.

— Да, это были показательные выступления, — Вэл насмешливо хмыкнул. — Но мы наверняка пропали бы, если бы не ложная тревога, поднятая Рики. Руперт рассказывал об этом?

— В те редкие секунды, когда удаётся заставить его заговорить. Он всегда такой молчаливый?

— Только в последнее время. А раньше, — Вэл посерь-

ёзнел, — мы все были другими. Знаешь, Чарити, величайшая несправедливость — заставлять членов семьи жить врозь. Один там, другая — здесь, третий — вообще неизвестно где. Когда умер наш отец, мне было одиннадцать лет, Рики — девять. Её отослали к тётушке Роджерс, потому что взявший меня на воспитание дядюшка Флеминг не любил девочек.

— А Руперт?

— Он уже считался взрослым. Решено было, что он сам сумеет устроить собственную жизнь. Мы изредка получали от него то письмо, то открытку. Наших денег хватало для того, чтобы мы учились в престижных школах и прилично одевались. После раздела мы с Рики воссоединились только спустя два года. Нельзя же считать семейными сборами короткие встречи по выходным дням.

Это произошло, когда умер дядюшка Флеминг и я тоже отправился к тётушке Роджерс. Она, в свою очередь, не любила мальчиков, — горькая складочка пролегла возле рта Вэла, но он продолжил. — Тогда, в сентябре того же года я поступил в военную академию. Почему-то тётушка считала, что дисциплина выбьет из меня дурь. А Рики отдала учиться в школу некоей Мисс-из-Гудзона. В то время Руперт был в Китае, я получил от него открытку. Он писал, что собирается пройти с какой-то экспедицией по Гоби.

На рождественские каникулы Рики заезжала ко мне в Академию. Потом тётка взяла её в Европу, и Рики год проучилась в Швейцарии. На летние каникулы меня посылали на сборы в военный лагерь, затем я возвращался в Академию. К очередному Рождеству Рики прислала мне в подарок несколько резных безделушек. Их доставили несколькими днями позже Рождества. Порой дети чувствуют и понимают гораздо больше, чем кажется. Когда тётушка Роджерс решила оставить Рики в Швейцарии ещё на год, чтобы та проучилась подольше, я получил письмо со следами слёз. В том году ко мне в академии приклеили ярлык «трудного парня».

Вэл невидящим взглядом уставился в камин. Помолчав, он снова заговорил:

— Потом Рики прислала телеграмму, где говорила, что возвращается домой. В то утро я сбежал из Академии. Никого не предупреждая, куда направляюсь, я решил вылететь к ней. Денег у меня было достаточно, я отправился в аэропорт и взял билет на самолёт. И на этом, дорогая леди Чарити, моя история заканчивается.

— В этом полёте самолёт...

— Потерпел аварию, да. К этим печальным событиям и Руперт приурочил своё возвращение домой. Я был в больнице и нуждался, как говорила тогда тётушка Роджерс, в исправительном заведении. К Рики тётушка тоже охладела, потому что девочка обожает к месту и не к месту высказывать собственные суждения. Ты, наверное, уже отметила эту её черту характера, не правда ли, Чарити? В дополнение ко всему наш опекун решил приобрести акции нефтяной компании на все наши деньги. К сожалению, в тех скважинах, которые достались нам, нефти не оказалось. Разумеется, Руперт не мог обрадоваться тому, как шли дела семейства Рэйлстоунов. Он забрал нас сюда, и теперь мы находимся под его опекой и наблюдением.

— Вам здесь не по душе?

— Не по душе? Это слишком невыразительно слово, миледи. Как бы ты почувствовала себя, если бы вдруг получила то, о чём мечтала всю жизнь, завернутое в розовые кружева и доставленное прямо под дверь?

Чарити задумчиво смотрела в огонь:

— Значит, вот как всё обстоит.

— Да. Здесь было бы совсем прекрасно, если бы... — Вэл подбросил полено в камин. Огонь вот-вот грозил угаснуть.

— Если бы — что? — участливо спросила Чарити.

— Руперт. Он изменился. Раньше он был такой же, как и мы. А теперь — чужой. Он воспринимает нас как забавных постояльцев, но большую часть времени мы для него просто не существуем, — в голосе Вэла зазвенела обида, которую в последнее время вызывало присутствие старшего брата, — или, например, его занятия в комнате Синей бороды. Он скрывает от нас, чем там занимается. Раньше он не поступил бы с нами так.

— А может, он просто стесняется? — предположила Чарити. — Он оставил когда-то детей, а теперь вы стали взрослыми, которые живут в его доме и которые требуют доверия. Вдруг он поступает так от робости?

— Чарити! — раздался возглас с лестницы. Это вышла в Зал Рики. — Вэл не сказал мне, что ты здесь!

— Вообще-то я забежала, чтобы навестить вашего гостя.

— У него значительно более спокойный характер, чем у Вэла, — заявила Рики, полагая себя компетентной в этом вопросе. — Но, Чарити, может быть, ты останешься пообедать с нами? Люси готовит какое-то блюдо с крабами и утверждает, что это её лучшее кулинарное творение. К тому же скоро вернётся Руперт, он куда-то вышел с Сэмом. Помоему, кто-то заблудился на болоте и они пытаются помочь. Боже мой, хоть бы этот дождь когда-нибудь кончился!

Словно в ответ на слова Рики в наружную дверь что-то бухнуло так, что крепкие дубовые доски задрожали. Затем кто-то постучал дверным молотком, до блеска начищенным старательной Летти-Лу.

Вэл открыл и на пороге появились мистер Крейтон и мистер Холмс. Немного поспешнее, чем двое джентльменов, в Зал влетел мокрый Сатана. Он яростно заурчал при виде хозяйки, но прошёл мимо неё прямо к пламени, лишь дёрнул в сторону Чарити хвостом. Следом за пришедшими возник Сэм-два, взявшийся заботливо снимать с неожиданных гостей шляпы и плащи. На них Чарити и обратила своё негодование:

— Опять? Здесь? Вы?

В ответ мистер Крейтон обратился к Сатане, полагая, что лишь кот может рассудить справедливо:

— Подумать только, как долго в этой стране может идти дождь! Речка вышла из берегов и теперь вода стоит почти у самой дороги.

— Это не речка, а река, — ядовито поправила Чарити. В последнее время она явно отдавала предпочтение отсутствию Холмса, нежели его компании.

— Беру свои слова назад, — ответил он. — Речка, выпадающая в вашу реку.

Чарити покраснела и уже начала фразу, готовую стать достойной отповедью, но осеклась, понимая, что говорит слишком грубо:

— Если вам так здесь не нравится, то зачем вы...

— Зачем мы явились, не так ли? — поддразниваяще подхватил Холмс. — Ах, моя милая Чарити, что за нелюбезный приём!

Холмс укоризненно покачал головой, и Чарити помимо своей воли рассмеялась. И поспешила исправить бестактность:

— Простите мою грубость. Этот дождь навевает ужасную депрессию. И кроме того, вам же известно, как я зверею во время работы.

— Вы правы, мисс Биглоу, — заговорил Крейтон. Улыбаясь, что с ним бывало нечасто, он сейчас выглядел неловким. Чего никогда не случалось, едва он начинал говорить на профессиональные темы. Вёл часто, глядя на него, удивлялся, насколько человек живёт, дышит и думает только о книгах. Лишённый книг, Крейтон вёл себя как рудокоп, оказавшийся среди богемы. Литературный агент постучал пальцами по краям папки, которую судорожно сжимал:

— Мы постараемся объяснить причину своего визита.

— Вот именно, перейдём к делу, — Холмс уселся в кресло поближе к огню. — Начнём, пожалуй.

Крейтон снова улыбнулся и, разложив папку на коленях, взглянул на Рики. Он обращался к ней, как будто все остальные члены семьи не так сильно нуждались в его доводах и беспрекословно верили в важность его миссии.

— Очень странная история, мисс Рэйлстоун, очень странная.

— Как говорил моряк на свадьбе, — пробормотал про себя Холмс. Он помнил Сатану, однако кот проигнорировал приглашение.

Крейтон бросил хмурый взгляд в сторону Холмса:

— Но лучше начать сначала.

— Не стоит драматизировать, старина, — отозвался тот.

— Всё очень просто. Крейтон потерял автора некоего

произведения. И он, мисс Рики, надеется, что вы поможете ему отыскать этого писателя.

Рики настолько ошарашенно молчала, что Вэл не мог удержаться от смеха.

— Боюсь, что вряд ли помогу в ваших поисках, — робко промолвила девушка.

Крейтон поспешил успокоить её:

— Холмс говорит правду. Я действительно не могу найти автора, но надеюсь, что вы поможете разыскать этого джентльмена. Или — леди. Видите ли, два месяца назад я получил рукопись, её доставили в нашу контору. Произведение не было закончено, однако я счёл его достойным особого внимания.

Рукопись содержала пять проработанных глав, остальное действие было лишь кратко изложено с несколькими подробными эпизодами. Но и этого нам хватило, чтобы понять, что нам в руки попало грандиозное произведение. Наш старший компаньон, мистер Брюстер, не так давно вернулся из Европы. Мы не принимали решений по этой рукописи до тех пор, пока он не высказал своего мнения. Окончательное решение принял мистер Брюстер. Ему, как и нам, рукопись очень понравилась. Откровенно говоря, мы планируем по выходу этого произведения такой же успех, какой выпадал на долю немногих исторических романов, появившихся в последние годы.

Но так как рукопись была доставлена посылным, и так как в ней нет имени автора, мы не можем с ним связаться. Агенту, доставившему рукопись, было поставлено на вид, что работа с анонимами не может считаться серьёзной в издательстве нашего уровня. Мистер Левер, наш агент, уверял, что документ с координатами и именем автора находился среди прочих бумаг в пакете с рукописью. Однако мы не нашли никаких следов этого имени и адреса в пакете. Всё исчезло совершенно непонятным образом. Вполне возможно, это произошло в результате обычной халатности работников.

— Значит, у вас на руках интересная книга неизвестного автора?

— И я скромности этого автора не понимаю, — добавил Холмс. — На его месте каждый уже написал бы Леве́ру.

— И это самая грустная часть истории, — покачал головой Крейтон. — В письме к Леве́ру автор сообщил, что если тому покажется, будто рукопись не имеет ценности, её можно смело уничтожить. Ещё там было сказано, что постоянного адреса у автора нет, он проводит жизнь в разъездах. Автор также сообщил, что если к определённом сроку не получит сообщение от Леве́ра, то для него это будет знаком, что рукопись непригодна к печати. Левер отправил по указанному для уведомления адресу письмо с просьбой прислать остальную часть рукописи, но ответа не поступило.

— Мистика какая-то, — Вэл вдруг заинтересовался, сам не зная почему.

— Вот именно. Судя по тону письма, Левер заключил, что автор весьма не уверен в своих литературных способностях. Поэтому он и постеснялся подписать рукопись своим именем. Тем не менее рукопись являет замечательный образец мастерства и сомнительно, чтобы её создал новичок и дилетант. Очевидно, автор занимался писательским делом до создания этого произведения.

А речь в книге идёт о следующих событиях. Действие происходит около ста лет назад в окрестностях Нью-Орлеана. Здешний быт и нравы выписаны столь детально, что сделать это мог только местный житель. Или человек, часто бывавший в этих местах. Мистер Брюстер, узнав, что я собираюсь приехать сюда, попросил поискать нашего незадачливого гения по приметам, которые можно извлечь из книги. Увы, в городе никто не знаком с таким человеком. В здешнем писательском клубе он не состоит, а о сюжете такого романа никто из опрошенных мною писателей не слышал.

В книге изложена история Нью-Орлеана до наших дней сквозь призму событий, происходящих в живущей неподалёку от города семье. Доктор Хенли Ричардсон из Туланского Университета заверил меня, что сюжет вполне

мог быть выстроен на основе фактического материала, настолько исторически точна каждая деталь романа. Именно доктор Ричардсон сообщил, что несколько эпизодов романа могли иметь место в действительности, а поступки некоторых героев с течением времени дали начало семейным аристократическим традициям.

Действие романа начинается в то время, когда штат Луизиана переходит от одной формы правления к другой. Сначала здесь правят испанцы, затем их прогоняют французы и наконец Луизиана переходит к Соединённым Штатам. То есть в романе охвачена череда лет, предшествовавших битве под Нью-Орлеаном. То были годы смуты и беспорядка. И события, изложенные в романе, относились к одной семье, а значит, в городских сплетнях и новостях эта семейная хроника терялась рядом с сообщениями о правительственных событиях. Но точное изложение событий наверняка осталось в хрониках той семьи. Если бы я отыскал эту семью, то получил бы ключ к разгадке авторства.

Глаза Рики сияли в свете камина:

— Так доктор Ричардсон считает, что в книге описаны события, происходившие в действительности?

— Да. Например, относительно дуэли, случившейся между братьями-близнецами, героями романа, доктор Ричардсон говорит, что это было подлинное событие, — Крейтон умолк, потому что полено, которое Вэл собирался подложить в камин, выпало из рук юноши и со стуком покатилося по полу. — Да что с вами, мистер Рэйлстоун?

Рики, которую Крейтон не мог видеть в этот момент, сделала в сторону Вэла выразительный жест. Вэл поднял глаза и прямодушно извинился:

— О, всё в порядке. Простите мою неуклюжесть.

Теребя верхнюю пуговицу на блузке, Рики вступила в беседу:

— Надо же! Дуэль между братьями-близнецами! Как увлекательно!

— Они дрались в полночь, и в результате дуэли один из

братьев был ранен и остался умирать. Вся эта сцена в романе выписана так, словно автор сам был её свидетелем. Хотя, разумеется, если бы такое событие имело место в действительности, о нём неизбежно поползли бы слухи.

— Новость подхватили бы рабы, — поддакнула Чарити.
— И человек, пришедший на помощь раненому близнецу.

Вэл не сводил взгляда с пятна перед камином. На серых, отполированных временем камнях было совершенно нетрудно представить следы крови. Так же как и холодную ночь, рабыню, обнаружившую раненого хозяина и меч, которым его проткнули. Кто-то взял историю Рэйлстоунов и написал по ней книгу. Но кто, кроме Рэйлстоунов мог знать эту историю? Чарити, ЛеФлер и кое-кто из чернокожих жителей усадьбы.

— И вы полагаете, что упоминание об этих событиях наверняка содержится в семейных хрониках? — спросила Рики, почти вываливаясь из кресла от любопытства.

— Да. В хрониках той самой семьи, либо в хрониках какой-нибудь соседней, — ответил Крейтон. — И прошу простить меня за нескромность, но я должен задать вам этот вопрос. В вашей семье, в её хрониках, нет упоминания о таких событиях? Ведь насколько мне известно, ваша семья была весьма прославленная, и в городе её широко знали.

Рики, вставая, заявила:

— Не надо извинений, мистер Крейтон. Мы с удовольствием поможем вам. Правда, Руперт сейчас занят по хозяйству, но я и Вэл просмотрим имеющиеся у нас документы.

Вэл хотел было возразить, но слова застряли у него в горле. По тем или иным причинам Рики старалась не разгласить семейную тайну. Надо подыграть ей, решил Вэл. По крайней мере до той поры, пока не выяснится, почему она скрывает.

— Очень любезно с вашей стороны, — Крейтон расплылся в улыбке. — Я весьма благодарен вам за такое сотрудничество.

— Не за что, — Рики говорила эти слова тем безразличным тоном, за которым обычно скрывала растущее раздражение. — Это мы должны быть вам признательны за то, что вы посвятили нас в такую тайну.

И опять Вэл подумал, что Рики говорит не то, что думает, благодаря Крейтону не за упоминание их семейной тайны, а за какую-то другую тайну, которую Крейтон раскрыл, сам не зная того.

Рики поднялась и позвонила Летти-Лу, чтобы та подала кофе. Что-то в её походке насторожило Вэла. Она шла как англичанин-завоеватель из поэмы Киплинга. Рики бывала особенно опасна именно в моменты, когда становилась вежливой. Вэл проследил, как она заговорщицки подмигивает Чарити.

В это время вошёл Руперт, промокший и озабоченный тем, что на границах владений Рэйлстоунов остановились привалом какие-то незнакомые туристы. Он уговорил Крейтона и Холмса остаться к ужину, и те радостно согласились, предвкушая, как расспросят самого хозяина дома о деле, столь их интересующем. У Вэла не было возможности остаться наедине с Рики и спросить, что она затевает. Кажется, она избегала его общества намеренно. Наконец Вэл почти загнал Рики в дальний угол коридора, чтобы заставить объясниться. Но тут откуда-то возникла Летти-Лу и потянула его за рукав:

— Миста Вэл! Вас всех зовёт Джимс.

— Только брата Джимса мне сейчас не хватало! — раздосадованно буркнул Вэл, глядя на удаляющуюся Рики. Затем послушно пошёл к Джимсу, который всё ещё находился под надзором Люси, то есть, почти прикованный к постели.

Джимс, полулёжа на подушках, тоскливо смотрел в окно. Заслышав шаги Вэла, он обернулся:

— Ты можешь выпустить меня отсюда?

— Зачем?

— Вода прибывает, вот зачем! — глаза у Джимса выражали тревогу.

— Но ничего же страшного пока не случилось, — уверил

его Вэл. — Сэм говорит, что река не сильно выйдет из берегов. Разве что затопит часть сада.

Джимс глянул на него исподлобья и молча попытался встать. Но не смог и снова упал в подушки, весь бледный и в испарине.

— Полегче, полегче, — Вэл поспешил уложить его поудобнее.

Джимс покачал головой.

— На болоте всё будет затоплено.

Теперь Вэл понял, почему Джимс так беспокоится. Обитатели болот живут в хижинах, установленных прямо на лодки или плоты. Такому жилью не страшен никакой потоп. Но хижина Джимса стоит на твёрдой земле и не плавает, как другие. То есть, подвергается опасности затопления даже не в самую дождливую погоду.

— В моём жилье сейчас небезопасно, — проговорил Джимс. — Две опоры уже сгнили.

— Это столбы, на которых держится помост?

— Да.

Вэл снова почувствовал ужасное одиночество этого мальчика, столь тщательно скрываемое под маской независимости.

— Но как можно спасти твою хижину?

— Её не надо спасать. Нужно забрать оттуда сундук.

— Тот, что у тебя в хижине?

Джимс неподвижным взглядом сверлил стену перед собой.

— Надо забрать сундук, — повторил он.

Вэл понял, что Джимс, в каком бы состоянии он ни находился, сделает задуманное. Он встанет с постели и попытается добраться до хижины, чтобы спасти своё сокровище. Вэлу оставалось лишь одно.

— Я поеду и привезу сундук, Джимс, — пообещал он. — Дай мне ключ от хижины. Я возьму моторку и вернусь, прежде чем меня хватятся домашние.

— Ты плохо знаешь болото.

— Ничего, справлюсь. Где ключ? До хижины я точно доберусь.

— Вот он.

Вэл коснулся тёплого металла.

— Миста, — прошептал Джимс, — я не забуду вашей доброты.

— Я тоже не забуду твоей, — ответил Вэл как можно спокойнее.

Внутри он почти расплакался.

В такую ночь как эта, любой порядочный Рэйлстоун считает своим долгом покинуть дом и уйти в никуда. Правда, напомнил себе Вэл, надо будет ещё и вернуться. Он с отвращением натянул плащ и вышел во тьму, не замеченный никем.

Глава 14

Пиратские тропы — тайные тропы

Моросил мелкий и колючий дождь. Повсюду в саду стояли огромные лужи, а в одном месте даже возник новый ручеёк. Старый ручей вздулся и бурлил пенистой грязью.

У реки было ещё оживлённей. Вода неслась в море в диким рёвом. Мимо Вэла проплыл снесённый курятник, зацепился за корягу и вместе с нею стал погружаться в воду. Вэл отвязал лодку и завёл мотор. Приключение становилось гораздо более серьёзным, чем он предполагал. Будет непросто доплыть до хижины, однако ещё труднее будет совладать с постоянно прибывающим потоком на обратном пути, когда придётся плыть не вниз по течению, а вверх.

Но Вэл не повернул назад, не вернулся в дом. Потом он часто спрашивал себя, что случилось бы, вернись он тогда домой? Что было бы, не выйди Рики в сад искать его? Неизвестно.

Плавание вниз по течению прошло спокойно. Зато войдя в приток, Вэл сразу почувствовал сопротивление несущегося навстречу потока. Лодку едва не сносило. Один раз лодка налетела на ствол дерева, вырванного с корнем. Вэл попытался оттолкнуть ствол от лодки и ему чуть не разmozжило пальцы руки.

Всё-таки он добрался до болотного разлива и направился дальше, к хижине Джимса, включив прожектор на носу лодки. На гниющих дубах не сидело ни одного стервятника — наверное, улетели в поисках лёгкой добычи. Мутная вода под килем вскипала грязевыми пузырями. Тропу к хижине удалось разглядеть лишь случайно: всё кругом заливала вода. Вэл привязал лодку к иве и спрыгнул на берег, ставший топким и грязным. В луче фонарика мелькнула змея.

На прогалине никого не было. Дверь курятника была распахнута, куры куда-то подевались. Под помостом блестя вода. Наводнение пока не залило хижину, но это могло случиться очень скоро.

Вэл взобрался на помост и понял, что кто-то недавно пытался сломать его. Дверь тоже была располосована в нескольких местах, петли почти выдернуты из гнезд. Однако ключ всё-таки провернулся в замке и Вэл вошёл в хижину. Медлить было незачем: он схватил сундук, запер дверь и поспешил назад к лодке.

За недолгое время его отсутствия вода прибыла ещё на несколько дюймов и теперь возле лодки курчавились водяные бурунчики.

Погрузить сундук в лодку удалось, лишь до колена вымочив брюки. Мимо Вэла проплыло нечто в броне с жёлтыми глазами, безумными и бесстрашными. Молодой крокодил спешил по своим делам в залив.

Обратный путь по притоку не принёс неприятностей, потому что лодку снова подхватило течение. Но когда Вэла вынесло в русло основной реки, там вода словно сбесилась. От угрожающего рёва стыла кровь в жилах. Мимо проплыла крыша снесённого строения. Затем встретилось бревно с хорьком, жалким и скулящим. Бревно проплыло совсем рядом с бортом лодки. К изумлению Вэла, хорёк перепрыгнул в лодку, мгновенно поняв, где ему будет безопаснее, и спрятался на носу, следя безумными от страха глазами за каждым движением юноши.

Затем что-то объёмистое и тяжёлое ударило снизу в

днище лодки как раз в том месте, где стоял сундук. Вэл приготовился заделывать пробоину, однако всё дело ограничилось стуком. Затем встретила с коряга, на которой спасалась от воды дикая кошка — к сожалению, Вэл не смог подплыть, чтобы спасти её. Дальше он проскочил островок, где трясся и безнадёжно скулил мокрый шакал. И всё время лупил тот же частый дождь, усиливая разлив реки.

Вэл до боли в пальцах сжимал рулевое колесо. Он пытался преодолеть поток, пересекая реку по диагонали — чуть-чуть вверх и одновременно поперёк. Только так можно было справиться с потоком, да и то ненадолго.

Переплыть взбесившуюся реку оказалось ничуть не проще, чем победить какого-нибудь монстра из фильмов ужасов. Как ни старался Вэл удержать направление, течение неумолимо сносило лодку вниз, грозя утащить лодку в залив и дальше, в открытое море. Там в такой шторм ничего не стоило погибнуть или по крайней мере затеряться без ориентира. Лодку захлёстывало мутной водой, на дне уже образовалась приличная лужа. Два или три раза Вэла почти закрутило в водоворот.

Чтобы скоротать время борьбы, Вэл стал представлять себя не водителем моторной лодки, а пловцом, которому нужно преодолеть ещё более бурный поток вплавь. Интересно, сколько бы он продержался в этих волнах? Он уже миновал середину реки и теперь начал осторожно поворачивать лодку, чтобы подняться вверх по реке, держась вдоль берега, где течение чуть-чуть снизило напор. Впрочем, плыть всё равно было невероятно тяжело, и весь предыдущий отрезок путешествия теперь выглядел как лёгкая разминка перед настоящим боем.

Дважды мотор начинал подозрительно чихать, и Вэл подумывал, не пристать ли к берегу прямо здесь. Но пока хватало сил, он упрямо двигался вперёд. Постепенно у Вэла сложилось мнение, что если какой-нибудь корабль претендует на почётное звание флагмана любого флота, начиная с галеонов Колумба, то он может считаться достойным

кандидатом только после того, как устоит перед бешеным напором вышедшей из берегов луизианской реки. Не раньше.

И всё же моторка дюйм за дюймом продвигалась вверх по реке. Наверное, счастливая звезда встала в тот день над Вэлом. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, решил он.

Между лодкой и полоской берега мелькнул какой-то огонёк. Узкое вытянутое судно не принадлежало к числу тех, какие водились в Пиратском Логове. Кому ещё понадобилось в такую ночь, в такую погоду отправляться на реку, Вэл не мог и представить. Однако незнакомая лодка была привязана канатом к колышкам пристани возле усадьбы. Вэл, несказанно удивлённый, причалил.

Из темноты на берегу вынырнуло бледное испуганное лицо. Вэл узнал Рики, промокшую и продрогшую несмотря на капюшон дождевика. Она с тревогой высматривала в речной тьме его, Вэла. Девушка молча, словно пантера перед броском, ждала, пока Вэл втащит лодку поглубже на песок, пока он привяжет её и поднимется на откос. Вэл подхватил сундук и стал взбираться к сестре. Хорёк, почуяв сушу, сбежал.

— Что ты здесь делаешь? — крикнул он.

Она только прижала палец к его губам и потащила прочь от пристани. Так они добрались до садовой беседки. Вэл поставил сундук в угол потемнее. Рики сняла капюшон. Теперь они могли говорить, хотя для того, чтобы расслышать друг друга за шумом дождя, приходилось кричать.

— Джимс мне всё рассказал! Вэл, как ты мог пуститься в такую авантюру? Ты что, с ума сошёл?

— Возможно. Однако я выполнил то, что обещал Джимсу, — Вэл пнул сундук мыском башмака. — Что ещё я мог сделать, после того как мы почти похитили Джимса из его жилища? Оставить его пожитки спокойненько уплывать в море? Но почему ты, Рики, ждала меня на берегу? И кому принадлежит та лодку?

Рики зябко повела плечами:

— После того как Джимс рассказал, куда ты отправился, я пришла сюда. Специально надела самый старый дождевик, — Рики указала на свой потрёпанный плащ. — А Руперта я не позвала, потому что он обязательно стал бы задавать свои нудные вопросы. Вот я и сказала, что у меня болит голова и мне следует пораньше улечься в постель. А когда я подошла к пристани, туда как раз причаливала та лодка. В ней сидели четверо мужчин, они вышли и направились туда, — Рики указала на заросли кустарника. — В доме сейчас только Чарити, Люси с Летти-Лу и Джимс. Руперт ушёл посмотреть как обстоят дела в другой конец сада, там особенно высоко поднялась вода. Крейтон и Холмс вызвались помочь Руперту. И что нам делать, Вэл, я не представляю.

— Прежде всего я погляжу на этих непрошенных гостей, — бодрым голосом сказал Вэл, хотя на душе никакой лёгкости не ощущал.

— Я с тобой, — быстро добавила Рики. Вэл не стал возражать.

Они двинулись по тропинке, где недавно прошли незнакомцы.

— Вэл, смотри! — Рики схватила брата за руку. И вовремя, так как перед ними открылся провал широкой ямы, уходящей в глубь земли. Днём этот лаз скрывал покров лиан и ветвей. Теперь маскировку убрали. Очевидно, прибывшие в лодке незнакомцы отправились по подземному ходу, значит, босс и его команда всё-таки нашли тайный ход, местоположение которого пытались узнать у Джимса.

Разумней всего было бы вернуться в дом и послать Сэма-два позвонить в полицию. Однако разум всегда был последним советчиком в делах Рэйлстоунов. Обычно они предпочитали принимать бой, а уж потом руководствоваться доводами разума. Вэл включил карманный фонарик и спустился в лаз. Рики скользнула следом.

Они оказались в нешироком проходе с деревянными стенами и потолком. Пахло гнилью, но по сравнению с

чуланом в доме, воздух здесь был довольно свеж. Вэл прикрыл фонарик ладонью, освещая пространство впереди лишь на несколько шагов. Короткий проход закончился довольно обширной комнатой с кирпичными стенами. Там было пусто, если не считать полусгнившего каната в углу да пары больших жуков.

— Знаешь, где мы, Вэл? — прошептала Рики. — Это кладовая пиратов!

При всей изящности предположения, помещение вряд ли подходило для хранения чего-либо в течение длительного срока: слишком тут было сыро. По стенам стекали вниз капли влаги, серебристо отсвечивающие в луче фонарика. Выходивший из комнаты коридор вёл дальше. Брат с сестрой только заглянули в тёмный провал и обратились к дубовой двери в другой стене комнаты. Если за ней тоже окажется коридор, определил Вэл, то именно этот ход ведёт в сторону дома и только туда могли направиться незнакомцы. По очередному коридору, открывшемуся за дверью, они дошли до новой комнаты-кладовой. Это комната была поменьше предыдущей. У одной из стен стояли три бочонка, изъеденные гнилью и покрытые наростами грибов. Наверное, в них когда-то хранилось вино, впрочем, длительная выдержка в сочетании с сыростью вряд ли сделало содержимое бочонков пригодным к питью. По следующему коридору брат с сестрой добрались до третьей кладовой, напомнимшей о бурном прошлом Рэйлстоунов старинными атрибутами. Что-то звякнуло под ногой Рики. Девушка нагнулась, и в луче фонарика стала видна тяжёлая цепь с кольцом на конце. Другой конец цепи был замурован в стену.

— Неужели здесь держали людей, Вэл?

— Наверное. Рабов.

Всего в комнате оказалось три таких вмурованных в стену куски цепи. Вэл попытался представить себе ужасы, которые поджидали тех, кого оставляли здесь прикованными, и решил, что лучше не думать о прошлом. Рэйлстоуны тех лет, при всей своей отваге, благородстве и гордости,

были всего-навсего пиратами. Они не церемонились с врагами и побеждёнными.

Справа открылся сводчатый ход, заканчивающийся истёртыми каменными ступенями. Рики коснулась стены и с отвращением отдернула ладонь. Стена была осклизлой от плесени. Рики вытерла руку о плащ.

Здесь даже воздух зловещий, подумал Вэл. В нём такой аромат тлена и разложения, что современный человек должен был бы запечатать этот подвал навеки, оставив его ночным обитателям. Преодолев ряд ступенек, на этот раз с деревянными выкрошившимися перилами вдоль стены, брат с сестрой вовремя заметили, как впереди блеснул свет и послышались голоса. Вэл остановился. Он вдруг понял, как глупо было пускаться з погоню столь малыми силами.

Четвёрка мужчин впереди готовилась войти в дом. А Вэл вдруг задумался, что же делать с Рики. Оставить её здесь, а самому последовать за врагом? Глупо. Пока он раздумывал, те, наверху, приняли решение. Свет впереди неожиданно начал спускаться. Вэл схватил Рики за руку и потащил в темноту сводчатого хода.

Свет приближался. Кто-то из незваных гостей возвращался. Рики шумно дышала в плечо Вэла, плащ на ней шуршал, как стадо крыс. По крайней мере так показалось Вэлу.

От лестницы донёсся раздражённый возглас:

— И что теперь, долбить стену, что ли? Нет ни ручки двери, ни замка, чтобы попасть внутрь. Парни прежних дней держали в этом подвале тех, кому не полагалось ходить в дом.

— Но мальчишка попадал в дом этой дорогой! — возразил голос, в котором Вэл признал босса. — И если он смог найти способ, то и мы должны суметь.

— Но мы-то не знаем, как это сделать, босс. А раз мы не знаем, как попасть внутрь, надо сначала узнать, а потом лезть на рожон. А вы, болотные крысы, не путайтесь у меня под ногами. Я не посмотрю, что вы состоите на службе у Фланнагана. Меня вообще не волнует, откуда вы взялись.

Это обращение, очевидно, адресовалось к тем, кто ос-

тался на лестнице перед дверью в дом. Послышался звук шлепков. То ли разогнанные помощники столкнулись друг с другом в спешке, то ли их выпроваживали ударами. Тот же требовательный голос с лестницы произнёс на диалекте, состоящем из болотного слэнга и французских словечек:

— Так что делать будем, босс?

Обладатель источника света отозвался:

— Туда есть ход? Значит, стена должна где-то открываться.

— А мы должны найти, где именно. Замечательно, босс. Но может быть, ты заодно скажешь, как долго нам придёт-ся искать эту дверь.

— Не знаю, нужно ли её вообще открывать с этой стороны.

— Что ты имеешь в виду, босс? — это точно был Рэд.

— Пошевели извилинами, Рэд. В дверь можно войти, а можно и выйти.

— Точно! — хриплый бас Рэда приобрёл повизгивающие нотки, очевидно, от восторга. — Мы выйдем этим путём. А войти должны другой дорогой, так, босс?

— Наконец-то ты додумался, Рэд. Неужели сам дошёл? Да, мы пойдём другим путём, — босс начал решительно отдавать приказы. — Мы уже почти дошли. Пошли одного из этих болотных идиотов к реке. Пусть посмотрят, где мужчины из усадьбы. Если вода до сих пор прибывает, значит, мужчины заняты и нам можно войти в дом без опаски. В дом пойдём втроём. Нас, возможно, обнаружат, но мы сюда пришли не в прятки играть. Возьмём, что ищем, и даже если нас обнаружат, уйдём этим лазом к реке. А там сядем в лодку и поминай как звали.

— Отлично придумано, босс, — льстиво начал Рэд. Остальные молча задвигались назад. Это заставило Вэла и Рики перебежать в комнату с вмурованными цепями. И тут Рики отказала её удача. Девушка споткнулась о цепь на полу и растянулась, оцарапав колени и ладони. А цепь предательски громыхнула, так, что эхо разнеслось по всему подземелью.

Сзади к ним метнулся луч света и раздался окрик:

— А ну, стойте!

Вэл хотел только одного — убрать этот луч. Он развернулся и с силой швырнул свой фонарик прямо в яркое пятно. Кто-то за пятном вскрикнул и свет погас, сопровождаемый звоном разбитого стекла.

Дикая паника охватила Вэла. Крепко схватив Рики за руку, он потащил её к выходу, подальше от зловещей темноты, наполненной злыми людьми. Царапая пальцы о камни стен, они на ощупь отыскивали противоположный коридор. Не отцепляясь от руки Вэла, Рики прошептала:

— У меня с собой карандаш-фонарик. Тот самый, с которым я читала под одеялом, когда надо было прятаться от нянек. Сейчас я достану его. Без света мы отсюда не выберемся.

Позади раздавались беспорядочные шаги, враги тоже пытались выбраться наружу в темноте.

Со временем, ощупав стены, прищельцы наверняка отыщут выход, подумал Вэл. Он подтолкнул Рики дальше. И взяв направление от бочонка, о который споткнулся, повёл её в тёмный коридор. Рики никак не могла найти в кармане фонарик, поэтому в очередную комнату они добрались по-прежнему в темноте.

Наконец фонарик был найден. Пятно света от него было крошечным. Однако даже в этом бледном и неверном отблеске можно было разглядеть тёмный провал выхода. Брат и сестра кинулись в очередной коридор как раз в тот момент, когда первый из преследователей ввалился в помещение, где они только что были. Раздались ругательства и топот. Вэл приказал Рики выключить свет и они двинулись вдоль стены на ощупь. Обратный путь показался им гораздо длиннее, чем тот, по которому они пришли сюда. Уже давно пора было бы выбраться в сад, но под ногами всё так же похрустывали твёрдые камни, да и пол был ровным, а не поднимался вверх, указывая на близость лаза. Рики первая поняла, в чём дело, и сдавленно всхлипнула:

— Мы не туда повернули! Это тупик!

Увы, она оказалась права. Свет на миг включённого

фонарика скользнул по сплошной стене, перегораживающей коридор. Вэл вздохнул. Теперь и он вспомнил, что в той кладовке с бочонками было два выхода. Он и Рики выбрали тупиковый. Значит, рассудил юноша, теперь им придётся вернуться назад и попробовать пробраться к выходу, не натолкнувшись в темноте на ту подземную команду головорезов.

— Может, они подумали, что мы бежим впереди, и уже выбрались наружу? — подумал он вслух.

— Как бы то ни было, нам всё равно надо идти назад, — сказала Рики.

Они пустились в обратный путь, до той первой кладовки, откуда начинался проход наружу. Зачем первым хозяевам Пиратского Логова понадобилось возводить в дополнение к основному ходу в этот мощный тупик, ни Вэл ни Рики понять не могли. Наконец фонарик высветил выход в кладовую. Вэл остановил Рики, приказав снова выключить фонарик.

— Подожди. Прежде чем высунемся туда, стоит осмотреться, нет ли чего подозрительного.

Они замерли, вслушиваясь. Не было слышно никаких шорохов, только где-то поблизости капала вода, стуча о камень.

— Кажется, никого нет, — прошептал Вэл.

— Интересно, откуда течёт вода? — невпопад спросила Рики.

— Сверху. В саду наводнение. Ну, пошли дальше.

Рики включила фонарик и его свет упал на балку, поддерживающую свод у выхода из коридора в каморку. Собственно, балок было две — толстые гнилые брёвна, скрещенные наверху для большей прочности.

— Как тут сыро, — начала Рики, но не договорила. Вэл расслышал шорох и рывком отбросил девушку назад, заслоня её собой.

Это не был шорохдвигающегося человеческого тела. Вокруг них шуршала, осыпаясь, земля. От толчка Вэла Рики отлетела в темноту коридора. А Вэл вдруг почувство-

вал, что на него наваливается невероятная тяжесть, давя на ноги, сминая плечи. Где-то вскрикнула Рики. А может быть, не вскрикнула, а только прошептала что-то. В последний миг Вэл понял, что его засыпало.

Глава 15

Если уж Рэйлстоунам повезёт, то за десятилетия

В ушах стоял отдалённый гул. Вэл прислушался и сквозь пелену этого монотонного ватного гула донеслось:

— Вэл! Где ты, Вэл!

Он молча уставился во тьму.

— Вэ-эл!

— Я здесь, Рики.

Вместо голоса вырвался сдавленный шёпот. Он снова попытался позвать Рики, но выдавил из горла только хрип. Над ним что-то шевельнулось, как бы в ответ на его зов.

— Вэл, я боюсь пошевелиться! — раздался голос Рики.

— Вокруг всё осыпается. Где ты?

Вэл попытался пошевелиться. Он чувствовал себя так, будто его крепко накрепко привязали к земле. Боль в спине говорила о том, что придавлен он основательно. Впрочем, к боли Вэл привык со времени авиакатастрофы. Он был засыпан обвалившейся землёй почти до половины грудной клетки.

Наконец он смог заговорить:

— Ты жива, Рики? — говорить было трудно. Каждый вдох отзывался резью в груди. Наверное, сломаны рёбра, решил Вэл.

— Я в порядке, Вэл. Но где ты? Иди сюда!

— Не могу, Рики. Меня засыпало. И пожалуйста, не пытайся подойти ближе, потому что свод может осыпаться ещё раз.

— Вэл, но ты жив? — казалось, по ответу брата Рики не могла этого узнать наверняка.

— Меня чуть-чуть побило камнями, — он расслышал движение в темноте и тихо запротестовал. — Нет, Рики, не смей сюда подходить. Прошу, Рики, оставайся там.

— Вэл! — теперь в её голосе сквозил ужас. Рики наконец-то поняла, что же произошло.

— Рики, не кричи. Всё в порядке, просто я не могу выбраться из-под насыпи. Пока я не пробую вылезти наружу, со мной ничего худшего уже не произойдёт.

— Не лги, Вэл, ты наверняка что-нибудь сломал себе.

— Рики, успокойся, всё нормально.

Где-то совсем рядом с Вэлом раздался тихий всхлип и шорох. На голову Вэлу легла рука.

— Я здесь, — прошептала Рики. — Давай я подложу тебе под голову куртку. Тебе станет легче.

— Не станет, даже не пытайся. Любое движение может вызвать новый обвал. Лучше не тормози меня, дай перевести дыхание, — каждый вдох отзывался в груди, словно в лёгкие воткнули нож.

— Я попробую откопать тебя, — сказала Рики.

— Нет! Слишком опасно.

— Что же, оставаться здесь? — Рики умолкла, представив, что будет, если они останутся.

— Бокс, что нам придётся остаться здесь, — тихо ответил Вэл.

— Значит, нас... нас могут не найти?!

— Могут не найти. Однако будем надеяться, что найдут. Руперт наверняка заметит обвал и предпримет раскопки.

— Руперту неизвестно, куда мы делись, — Рики пришла в отчаянье. — Нас могут никогда не найти!

— Да, я свалил дурака, — резюмировал Вэл.

— Так нельзя говорить, — отозвалась Рики. — Если бы ты не пошёл за этими негодяями, я отправилась бы одна.

Это было самое благородное из всех высказываний Рики. Вокруг стояла полная тишина, только рядом, как и прежде, капала вода. Вэл вдруг понял, что хочет пить. Он отдал бы полжизни за стакан холодной воды.

— Если бы фонарик уцелел, — тоскливо произнесла Рики.

— Наверное, он тоже засыпан.

На Рики вдруг накатило нервное веселье. Она заговорила со смехом:

— Знаешь, Вэл, а ведь это забавно — стать привидением! Представляешь, мы умрём, придём в Большой Зал и будем разгуливать вместе с дедушкой Риком!

— Замолчи, Рики.

Она истерично хихикнула:

— Сейчас ты заявишь, что моё чувство юмора прорезалось в неподходящий момент...

— Да, миледи, — натянуто ответил Вэл, — сейчас не лучшее время для шуток.

Она коснулась его лба, откидывая назад пропитанную потом прядь волос. Нет, Рики не назовёшь золотом, подумал Вэл. Золото вообще грязная штука. А его сестра сделана из стали лучшей марки. Словно чистое лезвие благородного меча, только что выкованное мастером-кузнецом.

Вэл осторожно попробовал пошевелиться и обнаружил, что может подвинуть правую руку на дюйм-другой. Он пошевелил ею, поднатужился и вытащил руку из под завала. Но левое плечо оставалось под насыпью, и внутри грудной клетки слева запульсировала боль.

— Вытащил руку! — провозгласил Вэл довольным тоном. И пошарил вокруг, пытаясь найти Рики. Вместо неё он нащупал какую-то ткань, потянул на себя и понял, что рядом с ним лежит незнакомый свёрток.

— Что это такое?

Рики пошарила руками, тоже нашла загадочный свёрток и подтянула его поближе.

— Здесь что-то завёрнутое в тряпку, не могу понять, откуда взялась эта штука.

— Наверное, осталась от пиратских деньков.

— Здесь ещё какой-то предмет. Кажется, большая сумка. Фу! Пахнет отвратительно. В ней дырка, я нашла её на ошупь. О, по-моему, я вытащила оттуда монету. Во всяком случае это похоже на монету. А в сумке таких ещё целая

куча, — Рики прижала к ладони Вэла круглый диск размером с полдоллара.

— Пиратская добыча, — пробормотал он. Следовало говорить как можно больше и о чём угодно. Лишь бы не думать, куда они попали и сколько шансов выбраться отсюда.

Рики зашевелилась:

— Вэл, помнишь старую поговорку? Если Рэйлстоунам повезёт, то за десятерых.

— Каждую порядочную семью найдётся за что поддразнить, — ответил он.

— И в каждой порядочной семье происходят несчастия.

Вэл промолчал, потому что ответить было нечего. Кроме того, у него теперь заболела нога. Она уже давно онемела под слоем почвы, но теперь он ощутил в ней ноющее покалывание. Вэла била дрожь, но не от холода, а от ужаса перед мыслью, насколько серьёзны могут быть его повреждения. А вдруг...

Вода всё ещё капала где-то рядом, но теперь частота капель, ударяющих о камень, изменилась. Рики звякала монетами в сумке, пытаясь сосчитать их. Когда она на мгновение прервала своё занятие, Вэлу послышалось, будто металл звякнул о камень.

— Не теряй свое счастье, — сказал он.

— Я ничего не теряю, — удивилась Рики.

— Как же? Тебе повезло за десятерых, ты нашла сумку с деньгами, а теперь соришь, роняя их на пол.

— Но я не уронила ни одной монетки. Вэл, тебе что, становится хуже, да?

Но он уже не слушал тревожных вопросов Рики. Если не она уронила монетку, тогда что же звякнуло? Вэл приложил ухо к осыпавшейся почве.

— Тук-тук-звук-тук-тук!

Это не было звуком капающей воды. И монеты больше не падали. Это звенела лопата, натываясь на каменистую почву.

— Рики! Нас откапывают! Я слышу их!

— Где? — она впиалась ногтями в незасыпанную ладонь брата.

— Не знаю точно. Прислушайся!

Звук приближался. Он исходил не от той части прохода, которая обрушилась, а от противоположной, уцелевшей стены.

— Копают за стеной, — сообщила Рики. — Но зачем им понадобилось копать с той стороны?

— Какая разница, зачем!

— Вэл, как ты думаешь, они расслышат, если я крикну? Или лучше постучать по стене?

— Здесь нет ничего тяжёлого, чтобы постучать.

— Тот свёрток, что ты нашёл, довольно увесистый. Сейчас я подниму его и как следует врежу по стене. Тогда они догадаются, что мы здесь.

Рики отползла куда-то в сторону, затем Вэл почувствовал, как она ещё раз проползла мимо него, обратно. Стук по ту сторону стены продолжался. И вот наконец раздался ответный удар в стену. Это Рики дотащила до стены свёрток и, размахнувшись, стукнула. После третьего удара ритм копавших с той стороны изменился. После долгой паузы раздалось три частых удара в стену снаружи. Пленников услышали!

Рики устроила целый барабанный концерт по стене. Снаружи ей ответила серия почти таких же ударов. Теперь звуки копающей лопаты участились.

— Нас нашли! — вскричала Рики. — Вэл, нас откопают!

Потолок так непрочен, думал Вэл. Каждое лишнее движение может вызвать новый обвал.

— Тише, Рики, — попросил он. — Земля всё ещё осыпается.

А из-за стены уже доносилось царапанье лопаты по каменной кладке.

— Они прокопали до самой стены, Вэл! — не унималась Рики. Хотя Вэл и сам уже всё понял.

— Отойди подальше от стены, Рики. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя тоже засыпало?

Рики отодвинулась от стены и нащупала руку Вэла.

Теперь с каждым приближающимся ударом лопаты по каменной стене из потолка над нами сыпались струйки почвы. Невозможно было предугадать, что произойдёт раньше — спасение погребённых заживо или второй обвал.

Прогрохотали отвалившиеся камни и через дыру в стене к пленникам проник свет.

— Рики! Вэл!

Вэл только беспомощно помаргивал. Рики нашла силы ответить:

— Мы здесь!

— Будьте осторожнее! — крикнул Вэл. — Потолок может снова обвалиться.

— Мы идём! — донеслось из-за стены. — Сейчас расширим ход и доберёмся до вас.

Внутри стало светло настолько, что Вэл смог оценить всю опасность положения. Прямо над пленниками нависала балка, столь же изъеденная, что и та, которая обломилась. На эту необвалившуюся балку насыпалось порядочно земли от оползня. В любой момент она могла не выдержать и разломиться.

Рики тоже посмотрела вверх и побледнела.

— Вэл, — шепнула она тоненьким голоском, — эта балка тоже может...

— Нет, она, конечно, крепче той, — заверил Вэл. — Обычно под землёй делают такие прочные крепления, как... Я даже не знаю, как что.

— Вэл! — повторила девушка и принялась раскапывать землю, чтобы освободить брата. Рики помогала себе в раскопках, орудуя увесистым свёртком, который забыла выпустить из рук. Песок и глина так и улетали от её мощных гребков.

— Рики! Вэл! — вместе с лучом фонаря в разлом проник человек.

— Осторожнее, — взмолился Вэл. — Сейчас опять обвалится!

Но сильная рука уже схватила Рики и повлекла её к отверстию в стене, словно Рики была лёгкой игрушкой.

— Сэм, уведи мисс Риканду наверх, — приказал кто-то.

Луч фонаря плясал на злополучной балке над Вэлом. С неё сыпались струйки песка попеременно со струйками зеленоватой воды. На каменной стене перед Вэлом вились какие-то синие и зелёные изгибы, чем-то похожие на крути боли, вспыхивающие под его черепом. Синий полукруг перешёл в оранжевый, а тот стал пурпурным...

— Осторожно, Холмс! Он здесь!

Вместо мокрой земли над ним белел обычный потолок с холодной лампой. Было тепло и сухо.

— Рики! — позвал он.

— Я здесь, — лицо сестры склонилось над ним.

— С тобой всё в порядке?

— Да, Вэл, — она заплакала. — Только ты не разговаривай, не надо. Тебе прописан полный покой.

Кто-то подошёл к постели, но Вэл не мог повернуть голову, чтобы рассмотреть подошедшего.

— Значит, нас откопали.

— Да, Вэл. Откопали.

— Не надо говорить, Вэл, — рядом с лицом Вэла возникло лицо Руперта. Горькая складочка протянулась возле его рта, щёки были вымазаны глиной. Однако тон голоса старшего брата был столь бесстрастным, что Вэл поневоле умолк. Только попытался объяснить:

— Это я виноват.

— Никто не виноват, — отрезал Руперт. — И пожалуй-ста, Вэл, помолчи до прихода доктора и лежи тихо.

Вэл с трудом огляделся.

Рядом с камином мирно беседовали мистер Холмс и Чарити. Возле самого пламени лежал свёрток, найденный Рики в подzemелье и вытащенный на свет вместе с ней. Отблески пламени плясали на старой ткани. Если в свёртке окажется какая-нибудь полезная старинная вещь, то в глазах Руперта такая находка послужит оправданием их самонадеянной вылазки.

Вэл заставил себя громко прошептать:

— Рики! Рики! Разверни это!

— Зачем? — удивилась она. Однако послушно взялась за

свёрток, прикидывая, как бы справиться с верёвкой, которой была перевязана ткань. На верёвке тут и там красовались тугие морские узлы. Очевидно, для надёжности. Мистер Холмс любезно предложил Рики складной нож, которым и была разрезана верёвка. Вместе с Холмсом Рики развернула старую маслянистую шкуру и вытащила предмет, засиявший в свете багровых отблесков камина и золотых лучей ламп.

Вэл облегчённо вздохнул: теперь у него и Рики есть что предъявить Руперту в знак доказательства бесполезности их самонадеянной вылазки.

Рики держала в руках большой боевой меч. Удача Рэйлстоунов вернулась в дом! Наконец Рики нашла в себе силы выдохнуть:

— Мы нашли Меч Удачи!

— Его нужно вернуть на законное место, — приказал Вэл.

Руперт безмолвно подставил кресло к нише над камином, влез на него и водрузил меч туда, откуда когда-то сорвал его предок-пират.

Годы заточения в подземелье никак не отразились на мече. Клинок сиял чистотой и ничуть не затупился за восемь веков истории. Меч Удачи не состарился.

Вэл закрыл глаза и с облегчением провалился в темноту, где не было ничего, кроме тёплой ладони сестры на его руке.

Глава 16

Рэйлстоуны крепят ряды

Сидевший возле окна Холмс лениво заметил:

— А мне по душе Луизиана. Здесь происходят невероятные вещи. Находят подземелья, старинные мечи, ведущие род от средневековых турниров. Призраки ходят по ночам. Здесь стоит пожить подольше.

— Вам — не стоит, — отрезала Чарити. — Вы, мой друг, слишком любите огни большого города.

— Именно поэтому я не собираюсь возвращать ещё одну фамильную драгоценность туда, откуда недавно взял её, — Холмс показал Чарити блокнот в тёмном переплёте. — Я достал этот блокнот из-под подушки дивана в Длинном Зале. И не верну обратно, чтобы вы знали.

Вэл узнал блокнот и шмыгнул носом. Руперт немедленно обратил свой взор на брата:

— Ты не утомился, Вэл?

Вэл покачал головой в знак отрицания, и Руперт удовольствовался в проявлении братской заботы лишь тем, что поправил подушку. Гипс раздражал Вэла, он сравнивал сам себя с перебинтованной мумией. Но в конце концов сломанные ключица и два ребра — не столь уж много.

— Иногда, мистер Джадсон Холмс, вы мне кажетесь чересчур умным, — говорила Чарити. — С моей собственностью вы не посмеете поступить вот так же!

— Нет, не посмею, — Холмс раскрыл блокнот и показал Чарити одну из страничек. — Надеюсь, здесь нет ничего вашего?

Чарити удивлённо разглядывала в блокноте карандашные наброски.

— Нет, это не моя работа! Но кто же рисовал это?

Рики соскочила с дивана и подошла взглянуть на предмет дискуссии. Разглядев рисунки, она обернулась:

— Вэл, ты опять начал рисовать! А говорил, что больше никогда не возьмёшься за карандаш.

— Отдайте мой блокнот, — мрачно отозвался Вэл.

Но Руперт уже завладел блокнотом и жадно листал страницу за страницей. Вэл сделал страшное лицо, обернувшись к Рики. Следовало ждать нового удара.

— И давно ты занимаешься рисованием? — спросил Руперт, закрывая блокнот.

— Со школы, — безмятежно ответила Рики. — Он сочинял мне целые письма в картинках. У него были одни картинки для удачных дней и совсем другие для неудачных.

— А теперь, пожалуйста, верните блокнот и оставьте меня в покое, — попросил Вэл.

— Не позволяй ему изображать тайную страсть, Руперт,

— продолжала Рики, хладнокровная и насмешливая как демон. — Хватит с нас одной тайной страсти на всю семью.

— Чью страсть вы имеете в виду, мисс Рики? — спросил Холмс. — Вашу?

Рики улыбнулась как солдат-победитель:

— Нет. Не мою. Как ты думаешь, Руперт, не заинтересует ли мистера Крейтона, чем ты занимаешься, проводя долгие часы в «комнате Синей Бороды»?

Вэл вдруг понял, куда клонит Рики. Он вспомнил разговор, который происходил на этом самом месте в ночь, когда разыгралась буря.

— Таинственный автор, которого ищет мистер Крейтон, здесь. Это Руперт! — довольно сообщил он. — Вот так-то!

Чарити внезапно побледнела, а Холмс вскочил. Руперт одарил Вэла задумчивым взглядом. Лицо старшего брата ничего не выражало, но Вэл знал, что Руперт раздумывает, играть ли дальше роль ничего не понимающего хозяина, которому надоели выходки младших, или признать себя замешанным в таинственном времяпровождении за неизвестным занятием в запертом кабинете.

— Ты, полагаю, вообразил себя Чарли Ханом, который поймал шпиона? — сказал Руперт Вэлу.

Тот лишь вздохнул, а Рики проговорила:

— Спасибо за комплимент.

Ибо Руперт назвал Вэла именем его любимого героя романов, гениального сыщика-детектива.

Но сама Рики не отпускала жертву:

— Так мы правильно догадались? — спросила она.

Теперь вздохнул Руперт:

— Судя по твоему тону, сомнений в правоте у вас нет.

— Вообще-то я не всё время была уверена на сто процентов, — кротко согласилась Рики. — С тобой ведь никогда ничего не знаешь наверняка.

— Но почему?.. — растерянно начала Чарити.

— Почему я не сознавался, что написал величайший роман? — спросил Руперт. — Не знаю. Наверное, я действительно лелеял тайную страсть. Может быть, я также не

люблю говорить о том, чего не знаю наверняка. Подождав отзвывая от Лёвера и не получив его, я решил, что оправдываются мои худшие опасения и роман не годится к печати. Впрочем, доложу вам, процесс писания сродни приёму наркотиков. Я всю жизнь писал статьи. Поэтому я буквально прикован к пишущей машинке, хотя в свободное время проклинаю это занятие. И всё равно пишу, несмотря на отсутствие одобрения со стороны других. Зачем же я стал бы рассказывать об этрй тайной страсти? Не стал же Вэл афишировать свои занятия.

Руперт потряс в воздухе отобранным у Вэла блокнотом.

— Не стал, и впредь не собираюсь! — огрызнулся Вэл. — Ты вообще не узнал бы о блокноте, убери я его вовремя с глаз долой. Рисование — это моё личное дело.

— Два гения в одной семье! — поддразнивающе воскликнула Рики. — Это, пожалуй, слишком!

— Джимс, — взмолился Вэл, — ты ближе всех к этим извергам. Сделай что-нибудь, чтобы они заткнулись хоть на минуту.

— Пусть только попробует! — мило улыбнулась Рики. Сидевший у огня Джимс натянуто улыбнулся в ответ, явно не желая предпринимать ничего угрожающего.

Обитатель болот за эти дни стал полноправным членом семьи Рэйлстоунов. Почти как Меч Удачи, сияющий в нише над камином. За дни болезни Джимса загар сошёл. К тому же юноша выглядел не таким грустным и скованным. От Джимса ушло скорбное выражение состарившегося ребёнка. Сейчас он был одет в брюки и рубашку из гардероба Вэла. И казался такой же естественной частью дома как Руперт или даже мистер Холмс.

Именно Джимс в ту страшную ночь спас Рики и Вэла из подземелья. Сэм-два проследил за Рики, когда та выбежала в сад в поисках Вэла. Он видел как Вэл вернулся с реки, как он и Рики полезли в тайный ход. Сам он побоялся следовать за ними, потому что терпеть не мог темноту и неизвестность. Но прождав достаточно долго и не увидев выходящих из подземелья Рики и Вэла, Сэм-два забеспокоился. Вместо обитателей Пиратского Логова из-под земли

показались четверо незнакомцев, направившихся к реке. Подслушав их разговоры о перипетиях подземных поисков, Сэм-два помчался к Руперту и рассказал ему обо всём. О подземном ходе Руперт не знал, хотя он исследовал сад более тщательно, чем остальные домочадцы.

Руперт позвал Сэма-два и они отправились в сад на поиски. Однако, спустившись в подземный ход, мужчины с ужасом обнаружили, что тот наполовину засыпан. Руперт и Сэм принялись за раскопки, когда подоспел Джимс. Ему всё рассказала Летти-Лу. Джимс вырвался из постели и побежал к Руперту. Он знал подземный ход, кто же ещё мог помочь в этой беде? Джимс посоветовал Руперту не отрывать весь длинный обвалившийся коридор, а попробовать достичь подземелья, докопавшись до тупиковой кладовой.

Джимс указал место в саду, где до неё быстрее можно докопаться. Как выяснилось позднее, он дал совершенно правильный совет.

С тех пор прошло несколько недель. Джимса все полюбили и он стал полноправным членом семьи. А Вэл всё ещё был прикован к постели. К его переломам добавилась жестокая лихорадка и домашние молились, чтобы он выжил. А Джимс оставался стойким и мужественным помощником, на которого можно было положиться в любую минуту. Даже неумолимая Люси однажды спросила у него разрешения разжечь огонь в камине. То есть авторитет Джимса стал непререкаем.

Дважды в Пиратское Логово заглядывала полиция. Опросив свидетелей на предмет проникновения в дом злоумышленников, полицейские составили протоколы и уехали. Как-то они рискнули поплавать по болоту в поисках следов, но ничего не нашли. Что до самих злоумышленников, то больше о них ничего не было слышно, тем более, что свидетельствовать против них было некому: Вэл и Рики, будучи в подземелье, слышали только голоса, да видели луч от фонарика. В суде такие показания свидетельством не являются. Так что единственным светлым итогом той ночи был Меч Удачи, горделиво водружённый на законное место в Длинном Зале.

Голос Холмса вернул Вэла от воспоминаний к действительности.

— Между прочим, Вэл, эти рисунки могут кое-чего стоить. Если не возражаешь, я покажу их моему приятелю, которого подобные вещи могут заинтересовать.

Руперт, не заботясь о мнении Вэла, кивнул в знак согласия, и Чарити торжественно вручила блокнот Холмсу. Вэл слишком устал, чтобы возражать.

— Ну, а ты Руперт? — спросила Чарити. — Ты поговоришь с мистером Крейтоном о своей книге?

— Поскольку вы меня разоблачили, — пожал плечами Руперт, — ничего другого не остаётся, как пойти сдаваться издателям.

— Тогда лучше всего съездить к нему прямо сейчас, — предложила Чарити. — Потому что вечером он уезжает в Нью-Йорк.

Руперт оживился. Его разоблачение, пожалуй, сослужило хорошую службу, открыв того Руперта, которого Вэл когда-то знал. Долгими днями болезни Вэл наблюдал за Рупертом и видел, как тот оттаивает. Теперь Руперт окончательно стал добрым и внимательным братом, у которого не было тайн от младших.

— Но мы же сейчас без автомобиля. Я попросил Сэма съездить на нём в город, чтобы провести техническое обслуживание. Там барахлит зажигание. Когда Сэм вернётся из города, неизвестно.

— Послушайте, Руперт, — заговорил Холмс. — У меня есть машина. Я взял в прокате автомобиль и на нем разъезжаю по вашим прекрасным долинам. Позвольте я доставлю вас в город. С нами может поехать и Чарити. Ей наверняка будет полезно показать наброски иллюстраций в издательстве.

— Тогда я тоже поеду! — объявила Рики. — Мне нужно кое-что купить в городе.

— Так-так! — обрадовался Вэл. — Уезжайте-ка все отсюда.

— Нельзя, — отказал Руперт, — оставлять тебя одного.

— Здесь останется Джимс, — успокоил брата Вэл.

— И всё-таки, не знаю, стоит ли нам всем уезжать, — колебался Руперт.

— Катитесь, катитесь, — отмахнулся Вэл. — Чтобы присмотреть за мной вполне хватит кого-нибудь одного. Но помните, что я жду вас назад, потому что не подарил вам свой блокнот, а только дал прокатиться с ним до города.

— Хорошо, дружище, — поклонился Холмс. — А теперь, леди и джентльмены, карета подана.

Вэл довольно смотрел как вся семья уезжает. Он спроводил их умышленно. У него были свои планы на вечер.

Ему всегда казалось, что парочка сломанных рёбер и сраставшаяся ключица — отнюдь не повод лежать в постели. Сразу после того, как перестала ныть ушибленная во время обвала спина, Вэл начал пробовать вставать. Разумеется, когда оставался один. Под неусыпным присмотром Сэма-два он даже ходил по комнате, держась за стены. Теперь он собирался предпринять целое путешествие на террасу, чтобы посидеть там в одиночестве.

Нежданно-негаданно осуществлению его планов поспособствовала Люси. Едва затихло урчание мотора автомобиля, увозившего весёлую коипанию в город, как дородная негритянка появилась в дверях.

— Миста Вэл! Опять пробки перегорели. Весь дом без света остался.

— Да? Вот безобразие! Второй раз за неделю! Но ты не расстраивайся, Люси. Лучше расскажи, как дети ведут себя.

Люси извлекла из складок обширной юбки своего второго сына. Его называли скромным именем Густавус Адольфус, но за молодостью лет и для краткости, ребёнка звали просто Дольф. Малыш захныкал и усталился на Вэла так, словно его доставили для наказания к главному палачу подземного царства. Люси шлёпнула сына и приказала:

— Ну! Расскажи-ка миста Вэлу, что ты натворил!

— Ничего я не творил, — хныкал Дольф. — Это Сэм! Сэм дал мне никель, маленький такой. «На, играй», говорит. Я спрятал никель в щель, а мама заругалась.

— Кажется, Дольф не виноват, — рассудил Вэл. — Отпусти его, Люси. А где же Сэм?

— Не знаю. И видит Бог, этому мальчишке не поздоровится, когда я узнаю, где он. Как, я вас спрашиваю, мне погладить бельё, если некуда включить утюг?

— Кажется, в кухне где-то были запасные пробки. Джимс может их поставить.

Люси фыркнула и удалилась в кухню, таща непослушного сына за шиворот. Таким образом Джимсу пришлось тоже пойти в кухню. Проходя мимо лежавшего Вэла, он взглянул на него заинтересованным взглядом. Вэла не волновало, догадался Джимс об его планах или нет. Пока всё шло так, как он задумал.

Путешествие на террасу Вэл разбил на несколько кратких переходов от одного места отдыха до другого. Кресло, облюбованное Рупертом, — кушеточка возле окна — лавка со стороны террасы возле двери — и вот наконец он добрался до расставленных на террасе кресел. Когда Джимс вышел из кухни, ему ничего не оставалось, как осознать тот факт, что Вэл улетучился с постели.

Джимс вышел вслед за Вэлом и хмуро пробурчал:

— Мисс Рики будет ругаться. И мистер Руперт тоже. Будь они здесь, тебе не разрешили бы встать.

— Не волнуйся. Если бы ты пролежал столько, сколько я, то рвался бы встать ещё сильнее.

Было тепло. Вэл, избегая солнца, уселся на кресло, находившееся в тени, отбрасываемой раскидистым дубом. Неподальёку в пятне солнечного света растянулся Сатана. Кот лежал столь безжизненно, словно все десять кошачьих жизней уже покинули его. Ну в крайнем случае, восемь с половиной.

Сад ещё никогда не был столь зелен, отметил Вэл. Рики возделала вокруг дома ровные клумбы, выложила дорожки, посадила множество цветов. В знак благодарности они теперь пышно цвели повсюду. Лёгкий ветерок пробежал по зарослям мха и играл в ветвях деревьев. По террасе запрыгал кузнечик, почти влетел в ухо Сатане, но не был убит, потому что кот ленился пошевелиться.

Вэл вздохнул и устроился в кресле поудобнее. Жизнь была прекрасна.

— Хорошо здесь! — повторил мысли Вэла Джимс. Он уселся, скрестив ноги, прямо перед креслом, где расположился Вэл.

Не открывая глаз, Сатана потянулся и зевнул, обнажив острые и влажные клыки, не хуже чем у змеи. Перекатившись на другой бок, кот положил передние лапы под голову и снова замер. Над ухом Вэла прожужжала пчела, держа путь на розовый куст. Юноша вдруг понял, что глазам невероятно тяжело оставаться открытыми: веки слипались сами собой.

— Кто-то едет сюда, — сказал Джимс. — Я слышу шум машины.

— Наши только что уехали, они не могут обернуться так быстро.

Это была чужая машина. Серый автомобильчик со столь эбтекаемыми формами, что издали был похож на бочку, почти бесшумно подкатил к дому. Он остановился возле ступенек крыльца и наружу вышли четверо.

Джимс вскочил, а Вэлу оставалось только наблюдать.

По ступенькам в дом поднимались те, кого и Джимс и Вэл встречали раньше, и кого запомнили на всю оставшуюся жизнь.

Впереди шёл претендент на владение. Он улыбался, отчего его лицо становилось ещё менее привлекательным. За ним шествовал краснолицый адвокат, который сопровождал наследника в его первый визит. Чуть позади шагали босс и Рэд.

— Чудесный денёк, — заговорил наследник. — Будьте как дома, ребята. Здесь всё наше.

Вэл вцепился в ручку кресла. Ни Сэма, ни Руперта, ни Холмса не было дома. На помощь никто не придёт. Но Джимс оставался рядом.

Рэд затушил сигарету о перила и спросил:

— Что прикажешь сделать с тем, что мы найдём в доме, Брик?

— Не знаю, — наследник уже открывал входную дверь.

— Когда узнаешь, скажи нам, — приветливо начал Вэл. Наследник оглянулся и заметил юношей на террасе.

— А, так это снова ты, малыш!

— Да, я, — спокойно ответил Вэл. — И, может быть, ты наконец познакомишь меня со своими друзьями. Должен же я знать, кого приводят к нам в дом.

Рэд с боссом переглянулись, не пряча ухмылок. Краснолицый юрист потоптался на месте, умоляюще поглядывая то на одного телохранителя, то на другого. Наследник снова усмехнулся в тонкие усы:

— Где же твой взрослый сильный брат, малыш?

— Мистер Рэйлстоун, несомненно, будет рад вашему визиту, — Вэл не хотел говорить, сколь слаба на этот раз их защита. — Джимс, пойдй, пожалуйста, сообщи, что у нас гости. Ступай через Длинный Зал, так ближе.

В ожидании ответа Вэл впился пальцами в подлокотники кресла. Поймёт ли Джимс, что он имеет в виду? Надо спрятать Меч, пока непрощенные гости не увидели его.

— Уже иду, — Джимс повернулся, чтобы ускользнуть в дверь веранды.

— Нет, стой! — прорычал наследник, загораживая дверь. — Когда мы захотим поговорить с твоим братом, мы сами разыщем его. Но не раньше того момента, когда будем готовы к этому разговору.

— Но если вам не хочется поговорить с моим братом, зачем вы приехали? — Вэл понимал, что чем дольше он протянет время, тем больше у него будет времени придумать какой-нибудь ответный ход.

— Мы идём в дом, — сообщил всей компании Рэд.

— Как здорово! Полагаю, полиция с интересом выслушает это сообщение.

— Всё законно, — проблеял краснолицый юрист. Он достал из верхнего кармана листок бумаги и помахал им в сторону Вэла. — Вот предписание суда, где говорится о нашем праве осмотреть усадьбу с целью определения её продажной стоимости.

— Чепуха! Я не слишком хорошо разбираюсь в юриспру-

денции, но точно знаю: никакого законного предписания у вас не может быть до тех пор, пока об этом не уведомлены мы. Так кто из вас собрался производить незаконную оценку для продажи?

— Он! — Рэд указал пальцем в сторону босса.

— Вот как! — возмутился Джимс. — Не можете украсть ночью, так пришли взять днём!

— И я никак не пойму, что вы так усердно ищете в этом доме? — продолжал Вэл. — Что вам нужно? Плантация сахарного тростника, убыточная с самой Гражданской войны? Нет, вы не такие глупцы, чтобы стать плантаторами. Рассчитывать на выкуп с нашей стороны вы не можете, потому что знаете, как мы бедны. Может быть, дом стоит на скважине с нефтью? Тогда укажите, где бурить, потом поделим доходы.

— Заткнись по-хорошему, — заворчал Рэд.

— На вашем месте я уже сел бы в машину и убрался прочь поскорее. Вы ничего не добьётесь, — лицо Вэла онемело в напряжённой улыбке.

— Мы никуда не собираемся уезжать, малыш. Ты, кажется, так и не понял, в чём дело. Я обладаю полным правом на владение, подтверждённым законом. Я здесь хозяин, — почти ласково объяснял наследник.

— Вот именно, — подхватил Рэд. — Так что ты не умничай. Мы никуда не уедем.

Вэл замер. Рядом с ним Джимс тоже вытянулся как струна. Однако их привели в состояние ожидания схватки не слова Рэда. По дорожке к дому приближался ещё один автомобиль. Наследник и компания не видели вновь прибывших, потому что стояли спиной к аллее. Враги уже здесь, решил Вэл, значит, приехать могут только друзья или, по крайней мере, нейтралы.

Автомобиль остановился и оттуда вышли два пассажира. Мистер ЛеФлер и мистер Крейтон удивлённо остановились, увидев толпу, прикатившую в первом автомобиле, и решительно двинулись к ним.

Вэл приветливо помахал рукой:

— Спасибо за компанию! Как это вы ухитрились приехать столь вовремя?

— Мы обнаружили очень важную вещь, — ответил ЛеФлер, поднимаясь по ступенькам. — Но что здесь делают эти люди?

— У нас разрешение суда на осмотр дома с целью установления цены для продажи, — ответил наследник. — Всё абсолютно законно, со мной адвокат.

Наследник указал на краснолицего юриста.

— Может быть, вам лучше сначала представиться, — холодно заговорил Крейтон. Его тон разительно изменился. Куда-то делось нервное бормотание, исчезла робость обращения. С наследником говорил деловитый корректный бизнесмен, умеющий постоять за себя.

Вэл усмехнулся:

— Перед вами, мистер Крейтон, живое ископаемое, которое думает, что имеет отношение к нашей семье. Позвольте я представлю вам мистера Рэйлстоуна. Вернее, он считает себя мистером Рэйлстоуном из Пиратского Логова. А три других... позволю себе выразиться, джентльмена, знакомы со мной без официального представления, не так ли. Это ведь вам, мистер босс, я как-то подвесил хорошенький синячок?

— Значит, вы утверждаете, что являетесь наследником Родерика Рэйлстоуна? — обратился к наследнику ЛеФлер.

— Я и есть наследник. И у меня все права. И у меня есть доказательства.

— Этот человек лжёт, — спокойно заявил Крейтон.

Команда наследника немо уставилась на него, а ЛеФлер кивнул в знак согласия. Губы Рэда презрительно скривились.

— Да? Откуда ты это взял, умник? — проворчал он.

— Потому что существует только один настоящий наследник Родерика Рэйлстоуна. И этот человек находится здесь. Разрешите, господа, представить вам Родерика Сент-Жан Рэйлстоуна.

И Крейтон указал на Джимса!

Возвращение Родерика Рэйлстоуна

Вэл первый нарушил всеобщее ошеломлённое молчание.

— Но... каким образом?!

— Вот именно, каким образом ты узнал это, умник? — наследник быстро собрался с мыслями и принялся допрашивать ЛеФлера.

Тот, однако, отвечал уверенно и весомо:

— Вот каким образом. Сегодня утром я получил из судебной экспертизы анализ подлинности документов, удостоверяющих личность этого молодого человека. И теперь, без тени сомнения, у нас есть подтверждение тому, что Джимс является единственным наследником сэра Родерика Рэйлстоуна и его жены, Валерии Сент-Жан де Роше. Следовательно, ваши претензии на наследство являются незаконными.

Босс, протягивая руку к Джимсу, хохотнул:

— Так это наш младшенький!

— В ближайшее время при моём участии мистер Руперт Рэйлстоун, как старший из родственников Родерика, оформит опеку. С этим не будет затруднений.

Наследник бросил перчатки на пол террасы и напустился на босса:

— Ну, что, олух? Мы ничего не добились, хоть ты и обещал, что всё пройдёт как по маслу! Ну, скажи, попробуй теперь, что мы должны забрать из дому всё ценное и смыться! Кто говорил, что нам не о чём беспокоиться? Что дело в шляпе? Что всё законно и чисто? Да ты выставил нас бандой грабителей, только и всего! Что же ты молчишь? Или ты уже не мозговой центр? Давай же, придумывай, как теперь выкрутиться! Забрать с собой землю, как ценную вещь? Или стеречь её, став лагерем? Советуй, советуй, ты же мастер давать советы!

— Заткнись, Симпсон! — взвизгнул босс. И более спокойным тоном обратился к ЛеФлеру и Крейтону. — Видите ли, джентльмены, ещё никому не удавалось победить, если

удача поворачивалась против него. Сейчас удача улыбнулась вам. Жаль, что моя симпатичная задумка не сработала. Вместо меня судьба сдала все тузы юному Джимсу. Ничего не поделаешь. Когда король в отъезде, за короля денщик. Так и получилось.

— И всё-таки, — не оставлял своего любопытства Вэл, — что вы здесь искали?

Босс криво усмехнулся:

— Это, мой раненый король, я оставлю при себе, чтобы тебе не скучно было жить. Надо же тебе чем-то занимать свой ум. Впрочем, вряд ли моя тайна будет выяснена кем-нибудь из вас в ближайшее время.

Босс помолчал и обернулся к ЛеФлеру:

— Нет смысла развлекать вас, давая повод вызвать полицию. Хотя у нас и есть ордер на осмотр, он, к сожалению, бесполезен. Мы вернёмся, когда удача начнёт улыбаться нам. И когда у нас будет больше доказательств своей правоты. Ничего противозаконного мы не совершили, не правда ли? Есть, конечно, показания этих двух мальчишек. Но хороший адвокат разнесёт эти показания в пух и прах. Можно, конечно, наказать Симпсона за лжесвидетельство. Но вряд ли вы сыщете его в ближайшее время в этом Штате.

Босс тоскливо оглядел сад и вздохнул:

— Да, хорошая была идея. Жаль, что не удалось. Впрочем, надо убираться, пока я не начал корить собственную удачу за невнимательность ко мне. Когда ругаешь удачу, она начинает изменять. Но ваша, кажется, верна вам.

— Верна, верна, — ответил Вэл.

Но босс уже не слушал. Он повернулся и тяжело зашагал вниз по ступенькам террасы. Следом нерешительно двинулись его спутники. Они уселись в автомобиль и укатили, оставив Рэйлстоунов победителями на поле боя.

— А теперь, — устало попросил Вэл, — расскажите мне, пожалуйста, кто-нибудь, что всё это значит. И кто такой на самом деле Джимс.

— Тот, кем я его назвал, — ответил Крейтон. — Един-

ственный наследник вашего предка-пирата. Родерик Сент-Жан Рэйлстоун.

— А вы не шутите, миста Крейтон? — сказал Джимс. — Может, расскажете всё как есть, а?

Крейтон покачал головой:

— Не шучу. И в подтверждение моей серьёзности мы прихватили заключение судьи Генри Лэйна, который сегодня утром заверил меня в подлинности найденного мною документа. В документе содержатся сведения, являющиеся доказательством происхождения Джимса.

— Что вы считаете доказательствами? — спросил Вэл.

Крейтон подсел поближе:

— Доказательства были в сундуке, который ты, Вэл, привёз из хижины Джимса, — он укоризненно посмотрел на Джимса и добавил. — Если бы вы, молодой человек, показали мне эту рукописную книгу месяц назад, а не на прошлой неделе, всё решилось бы гораздо быстрее.

— Тогда мы не нашли бы Меч Удачи, — возразил Вэл.

— Кусок железа, даже представляющий историческую ценность, не имеет ценности в сравнении с вашими жизнями, — строго выговорил ему Крейтон.

— Вот как? Не согласен. Этот человек, босс, и то понял, что мы нашли удачу и она верна нам. Кстати, с тех пор как мы нашли меч, нашу семью действительно охраняет удача. Нам везёт. Впрочем, извините меня, я заговорился. Продолжайте, пожалуйста. Что же было в том сундуке?

Джимс удивлённо ответил:

— Ничего там не было такого. Несколько книг, только они были написаны, а не напечатаны. И какие-то заграничные вещи. Французская библия, кажется. Я показал всё это мистеру Крейтону в тот понедельник.

— Там нашлось достаточно доказательств тому факту, что вы, молодой человек, обладаете титулом и правами на одну четвёртую часть наследства, — вмешался ЛеФлер.

Вэл отметил, что ЛеФлер обошёл молчанием факт, что не он, ЛеФлер, обнаружил доказательства, а литературный агент Крейтон.

А Крейтон говорил:

— Две из найденных рукописных тетрадей оказались судовыми дневниками. Они были частично заполнены на латинском языке. Судно, капитан которого вёл эти дневники в 1814 и в 1815 году, называлось «Аннет-Мари». Им владел капитан Родерик Рэйлстоун. Правда, он скрывал своё подлинное имя за анаграммами. После ссоры с братом Родерик, вероятно, присоединился к шайке Лафита, а затем купил корабль. На нём он и плавал, доставляя контрабандные товары. Потом Родерик оставил Лафита и отбыл в Джорджтаун, чтобы стать вольным торговцем, перевоза грузы из Залива. Потом из Джорджтауна, являвшегося тогда территорией Британской Гвианы, Родерик перебрался в голландский Кюрасао. А оттуда — на Гаити, в Порт-о-Пренс. Там он познакомился с единственной дочерью графа де Роше мисс Валерией Сент-Жан де Роше. Отец девушки во времена Французской Революции бежал на Гаити. Однако, спасшись от французского бунта, он стал жертвой восстания чёрных рабов на Гаити.

В результате восстания рабов граф де Роше сильно пострадал. От смерти его спасло лишь мужество собственной дочери, которой помогала нянька, креолка, отпущенная из рабства на свободу. Эти две женщины не только спасли жизнь графу. Они и сами выжили в тяжёлые годы гаитянской смуты, и помогли выжить графу. Они всячески поддерживали в нём надежду на лучшее. Мужество этой девушки-француженки — достойно восхищения. Но к моменту появления Родерика Рэйлстоуна мисс де Роше почти выбилась из сил и потеряла всякую надежду на будущее.

В то время на Гаити воцарился французский диктат, и Родерику Рэйлстоуну пришлось увезти мисс де Роше и её отца против воли губернатора острова. Но нянька-креолка решила остаться на Гаити, со своим народом. В дневниках Рэйлстоуна есть упоминания, будто нянька умела колдовать, и тех, кого она любила, хранили от бед вызванные колдовством тёмные силы.

Рэйлстоун доставил беженцев на Кюрасао. Но граф де Роше не протянул долго, хотя и дождался свадьбы дочери со спасителем-пиратом. И убедил Родерика взять имя

Сент-Жан де Роше, чтобы древний род не был забыт. Граф передал имя семьи зятю потому, что его собственный сын был убит.

Родерик для краткости оставил себе лишь часть имени — Сент-Жан. Под этим именем он и вернулся в эти края в 1830 году. К тому времени его жена тоже умерла. Ей нелегко пришлось в жизни, особенно в юности. Но с Родериком остался мальчик десяти лет, его сын. Наследник графа де Роше и пирата Рэйлстоуна имел право на оба эти имени.

К зрелости сэр Родерик очень изменился. Годы свободной торговли в Заливе и в Южных морях сделали его больше моряком, нежели пиратом. Лицо его было обезображено страшным шрамом, тянувшимся от самого рта через всю щёку. Так что знавшие Родерика Рэйлстоуна не обратили внимания на какого-то искателя приключений, торговца и моряка-бродягу, капитана Сент-Жана. В дневнике Родерик подробно описывает, как специально старался скрывать своё настоящее имя.

Год или два он жил инкогнито. Открыл небольшую лавочку, в которой торговал привезёнными с юга безделушками. Затем тяга к приключениям снова повлекла Родерика из дому. Он оставил сына на попечение священника одного из приходов, уважаемого человека. А сам отправился на юг и там примкнул в отряде революционеров-повстанцев где-то в Центральной, а может быть, и в Южной Америке. Там он был убит в кровавой схватке, о чём есть запись его сына, продолжавшего за отца вести дневник. Только теперь дневник из вахтенного журнала стал семейной хроникой.

— Как-то Рики сказала, что Родерик Рэйлстоун был не из тех, кто умирает в своей постели, — заметил Вэл. — А что стало с его сыном?

— Отец Юстиниан желал, чтобы мальчик стал монахом. Но несмотря на усиленное духовное обучение, юный Рэйлстоун так и не принял духовного сана. У священника было немного денег, оставленных сыну покойным пиратом. Их оказалось достаточно, чтобы открыть торговое предприятие на побережье. Позднее Сент-Жан организовал

регулярные рейсы до Нэшвилла на парусном речном судне.

— И он никогда не пытался возобновить родственные связи с Рэйлстоунами?

— Никогда. Покидая Нью-Орлеан, Родерик Рэйлстоун поклялся, что навсегда уходит их семьи. Он даже в судовых дневниках скрывал фамилию Рэйлстоун под анаграммой, чтобы никто из случайных читателей не узнал об его принадлежности к этой семье. Сын Родерика, Лоран Сент-Жан, к Гражданской Войне входил в десятку самых богатых людей города.

Но война уничтожила сбережения Лорана, потому что исчезла возможность курсирования судов из порта. Кстати, я наткнулся на любопытную деталь, перечитывая дневники Лорана. В 1861 году он построил специальный бронированный корабль для осуществления на нём постоянных прорывов через кольцо блокады на воде. Корабль называли «Красная птица». При строительстве корабля партнёром Лорана был мистер Рэйлстоун из Пиратского Логова. Так однажды Рэйлстоун встретил Рэйлстоуна, даже не подозревая об этом.

Когда Нью-Орлеан пал перед североамериканскими войсками, генерал Батлер по прозвищу «Зверь» посадил в тюрьму многих видных горожан. Заключение подорвало здоровье Лорана и в 1867 году он умер. Его сын, Рене Сент-Жан, вернулся с войны и нашёл свой дом разрушенным. Отец занимался кораблестроением, но после войны у предприятия не было денег, то есть оно существовало только на бумаге. Но и Рене обладал дедовскими хваткой и упрямством, поэтому он десять лет боролся за то, чтобы подняться из руин. Жаль, что десять лет его борьбы совпали с десятью годами разрухи для страны. Поднять семейный бизнес Рене Сент-Жану не удалось.

И в 1876 году он бросает попытки разбогатеть в городе. Вместе с креолкой-женой и двумя детьми он переехал жить в болота Луизианы. Он работал то лесником, то охотником на птиц, то траппером. Умудрялся зарабатывать на жизнь для семьи. Старший сын Рене тоже стал охотником. В 1890 году Родерик Сент-Жан умирает от жёлтой лихорадки. А

младший сын Рене Сент-Жана стал моряком. Он усыновил мальчика, оставшегося после смерти брата, Родерика. Мальчик привязался к моряку, опекавшему его во время кратких возвращений с моря. Настоящая степень родства между дядей и племянником постепенно забылась.

Рене Сент-Жан младший был любознателен. Он повидал мир и любил узнавать его тайны. Он много читал, особенно исторические книги, описывающие историю Нью-Орлеана и Луизианы. И вот однажды ему в руки попал семейный сундук, передаваемый от отцов к сыновьям долгие годы. Видимо, Рене-младший установил, что является родственником Рэйлстоунов. Возможно, он правильно прочитал зашифрованную фамилию автора дневника.

Он не искал титулов. Но ему хотелось, чтобы его приёмный сын был лучше устроен в жизни. Он предъявил права на часть наследства. К сожалению, Сент-Жану попался пройдоха-адвокат, который даже не довёл дело до разбирательства в суде. Этот мошенник вытягивал из Рене выплату за выплатой, но так ничего и не сделал в интересах клиента.

— Дедушка рассказывал, что боролся за свои права, — вставил Джимс. — Но он никогда не говорил, что это за права. И про то, что мы родственники с Рэйлстоунами, дед молчал. Он никому не давал смотреть в свой потайной сундук. А потом папа умер от лихорадки, за ним умерла мама. Дедушка тоже подхватил лихорадку. Доктор сказал, что у дедушки на почве лихорадки стало плохо с памятью. Он забывал многие вещи. Он говорил, что боролся за права, но не говорил, за какие. В город он больше не ездил. А мне он говорил, что наше счастье здесь. Поэтому вы не должны осуждать меня, когда я ходил искать это счастье в Пиратском Логове. Понимаете, если дедушка говорит, значит, надо слушаться. Поэтому после его смерти я стал ходить в Пиратское Логово. А потом я открыл сундук и нашёл это.

Джимс вытащил из нагрудного кармана небольшой кожаный кошелёк и протянул Вэлу золотую цепочку с печаткой.

— Это печать Рэйлстоунов. Я показывал её в музее в

городе. Видишь, Вэл, вот здесь герб Рэйлстоунов. И вот эта вещь тоже принадлежит семье Рэйлстоунов, — Джимс поднёс к глазам Вэла медальон-портрет, вделанный в облатку из пожелтевшей слоновой кости. На Вэла смотрело лицо бунтаря-Рэйлстоуна, почти такое же, какое изобразила на своём акварельном наброске Чарити, когда Вэл позировал ей.

Крейтон взял медальон из рук Джимса, покрутил его и промывчал:

— Гм! Вот и последнее доказательство. Каждый из вас мог послужить моделью для художника, создавшего этот портрет. Тот же цвет волос, те же черты лица. Если бы не разные выражения лиц, вы, двое, могли бы считаться братьями-близнецами. В любом случае невозможно не признать тот факт, что вы оба — Рэйлстоуны.

Вэл засмеялся:

— Вряд ли мы будем отрицать. Но знаешь, Джимс, то есть, знаешь, Родерик, ты был прав тогда. Помнишь, в нашу первую встречу ты сказал, что имеешь столько же прав находиться здесь, сколько все мы?

Джимс покраснел:

— Прости меня за те слова. Я всегда думал, что вы слишком большие аристократы и зазнайки, чтобы я посмел набиваться к вам в родственники. И я до сих пор жалею, что ходил через потайной ход. Но я не знал, что ты меня заметишь. Меня видели только чёрные слуги, но кого волнует, что они подумают! К тому же я всегда приходил, когда никого из вас не было, или когда вы все спали.

— Твой интерес к дому понятен, — сказал Вэл. — Но что здесь было нужно лже-наследнику? Зачем ему понадобилось Пиратское Логово?

ЛеФлер поспешил объяснить:

— Начинал он с обыкновенного шантажа. Когда-то ваша семья была богата, вы знаете. Но когда болотами заинтересовались разработчики нефтяных скважин, интерес к здешним плантациям резко возрос. На сегодняшний день семь собственников поместий, подобных вашим, расположенных близ болот, предложили свои земли в аренду

Американской Нефтяной Компании. Я не удивлюсь, если завтра к вам придут покупатели, которые предложат за ваш кусок болота кругленькую сумму. Слухи о нефтяных пластах, вот что привлекло к вам этого шантажиста. Поэтому он так активизировался в последнее время: чтобы самому продать усадьбу нефтяной компании. В противном случае ваше дело тянулось бы долго, лже-наследник лениво угрожал бы вам издали, не предпринимая резких действий.

— Вот что получается, когда Меч Удачи делает своё дело! — развеселился Вэл. — Недостоящий наследник отыскался, нефтяной фонтан чуть ли не у порога булькает...

ЛеФлер насупился:

— Так нельзя говорить, мистер Вэлериус.

— Нельзя? — на Вэла нашёл сарказм. — Хорошо, потом скажу, когда забулькает. Дамасская сталь меча при помешивании в жидкости образует множество булькающих пузырьков. А тут ещё Руперт оказался пропавшим писателем-гением.

— Что-что? — вскинулся Крейтон.

— Руперт и есть тот автор, которого вы ищете. Мы его разоблачили. Но, мистер Крейтон, когда вы узнали о пропавшем Рэйлстоуне, неужели вы не заметили совпадения с действием романа? Кстати, все наши уехали в город, чтобы там поведать вам эту трогательную историю. Вот почему мы с Джимсом остались одни, когда приехали те негодяи.

— Значит, мистер Рэйлстоун и есть автор, которого я искал! А ведь я должен был догадаться! Но я слишком увлёкся романом и не обращал внимания на окружающих. Какой же я глупец! — Крейтон, всё ещё державший старинный дневник, отдал его Джимсу. — Здесь под обложкой хранилось свидетельство о рождении Лорана Сент-Жана, где указано его полное имя. Храните этот документ, молодой человек, он очень важен.

Крейтон отёр пот со лба и снова вздохнул:

— Надо же! Мистер Рэйлстоун — мой автор! Как я не догадался!

— Он думал, что его рукопись никуда не годится, —

сообщил Вэл, чтобы сгладить горе Крейтона. — Когда он не дождался ответа от вашего литературного агенства, то решил забыть всё это как несущественный пустяк.

— Мне необходимо немедленно повидаться с мистером Рэйлстоуном! — пробормотал Крейтон так убеждённо, будто от его заклинания Руперт мог тут же материализоваться прямо на террасе.

— Оставайтесь до ужина, — предложил Вэл. — Руперт вот-вот вернётся из города. Между прочим, именно я и Рики помогли вам разыскать этого автора. Как вы и просили, говоря, что рассчитываете на нашу помощь. А взамен вы вернули нам Рода.

Вэл обернулся к Джимсу и пояснил:

— Несмотря на семейную традицию, не проси меня звать тебя Риком. Семейная хроника и без того переполнена Риками. Я буду называть тебя Родом.

— Как угодно, — улыбнулся Джимс-Род.

В третий раз за день до слуха Вэла донёсся шум подъезжающей к дому машины. Он объявил:

— Если сейчас к нам явится Великий Хан татар или Перуанский Лама, я ничуть не удивлюсь. После всего, увиденного сегодня, я уже ничему не удивлюсь. А, это всего лишь вернулась домой семья, какое разочарование!

С хладнокровием террориста, считающего секунды перед взрывом подложенной бомбы, Вэл наблюдал, как приехавшие выгружаются из автомобиля. Холмс и Чарити тоже были в числе приехавших, но над всей группой витала атмосфера разочарованности поездкой. Только Рики, увидев сидящих на террасе, радостно взвизгнула и взлетела вверх по ступенькам.

— Ах, мистер Крейтон! — начала она.

Вэл поднял руку, останавливая её порыв.

— Подожди, дай мне сказать.

Рики умолкла, полагая, что Вэл лично хочет объявить имя таинственного автора. Только Джимс и ЛеФлер поняли, что именно хочет сообщить Вэл.

Руперт хмуро спросил:

— Вэл, почему ты не в постели?

— Караулю дом, пока ты совершаешь увеселительные прогулки. У нас было множество визитёров, пока ты отсутствовал.

— Что за визитёры? — ещё сильнее нахмурился Руперт.

— Да ну их, потом расскажу, — отмахнулся Вэл. — Произошло кое-что поважнее. Пока вы разъезжали, у нас случилось прибавление в семействе.

— Прибавление в семействе? — повторила Рики. — Что ты имеешь в виду, Вэл?

— Рик Рэйлстоун вернулся, — торжественно объявил Вэл.

— Вэл, наверное, тебе и впрямь лучше пойти в постель, — заметила Рики.

Он только хмыкнул:

— Не сейчас. Я ещё не потерял сознания и не начал бредить.

Потом откашлялся и, подражая значительному тону Крейтона, объявил:

— Леди и джентльмены! Позвольте представить вам нашего пропавшего наследника, Родерика Сент-Жан де Роше Рэйлстоуна!

Такой счастливой улыбки Вэл никогда и ни у кого не видел. Джимс лихо щёлкнул каблуками и поклонился почтенной публике.

Глава 18

Руперт приводит в дом маркизу

— Что за премилая домашняя сцена, — заметил Вэл.

Рики оторвалась от вылущивания гороха из стручков в кувшин и, обернувшись, подозрительно взглянула на Вэла:

— О чём это ты?

— Ни о чём, ни о чём. Кажется, я скоро не смогу сказать ни слова с тем, чтобы ты не заподозрила меня в наёмке или издевке.

Вэл отодвинул подальше доску для рисования, которую

установил у его кресла Род. Рука Вэла уже хорошо двигалась, но рисовать было ещё трудновато.

— С того дня, как ты предъявил нам недостающего родственника, словно фокусник достал кролика из цилиндра, от тебя можно ожидать чего угодно.

— Ты слышишь, Род! — позвал Вэл. — Она тебя называет кроликом!

Род возился, натягивая сетку для бадминтона.

— Угу, — сосредоточенно отозвался он. — Этот котяра, которого пригрела мисс Чарити, только что утащил куда-то волан для бадминтона.

— Не волнуйся, он когда-нибудь вернётся, — заверил Вэл. — Во всяком случае не советую бегать за котом и отнимать волан. Ты весь день пролазаешь по деревьям и проползаешь под кроватями, пытаясь поймать Сатану. Кроме того, Рики не остановится перед таким пустяком. Если она прикажет играть в бадминтон, мы сыграем и без волана.

— Мог бы и сам отыскать Сатану, — укорила брата Рики. Она собирала раскиданные вокруг стручки. Подошедший Род наклонился, чтобы поднять те, что высыпались на пол.

— Не мог бы! — возразил Вэл. — Ты же знаешь, Рики, как Люси следит за нашими отлучками из дома. К тому же Род подготовил площадку для бадминтона, чем же ещё заниматься, как не играть? Кстати, Сэм не починил мой крокетный молоток? Тот, у которого сломалось основание?

— Которым ты ударил по камню вместо мяча? — поинтересовалась Рики. — Да, я видела твой молоток починенным сегодня утром.

— Значит, больше не о чем беспокоиться. Начнём же наш вечер, — Вэл достал коробку с карандашами.

В этот день в пятнадцать тридцать Рэйлстоуны впервые за всё время проживания в Пиратском Логове решили устроить званый обед. Все последние недели семья жила подготовкой к этому событию. Но сегодня Руперт не выдержал военного положения и сбежал, прихватив с собой Чарити. Он сказал, что не может больше находиться в доме, где живут одни маньяки (и маньячки), помешанные

на устройстве званых обедов. Вэл втайне был солидарен с этим заявлением. Но прежде чем Руперт успел тайно погрузиться в готовый к отъезду автомобиль, Рики выследила его и вернула бы домой, не пообещай старший Рэйлстоун привезти из города солёных орешков и мороженого, которого, сколько ни захвати, всё равно оказывается мало.

— Я думаю надеть костюм шафранового цвета, — сообщил Вэл. — Меня сегодня что-то тянет на шафран. А ты в чём будешь, Род?

Стройный загорелый юноша, или, если называть его полным именем, Родерик Сент-Жан де Роше Рэйлстоун, лениво потянулся и бросил в улыбчивый рот горсть вылущенных горошин.

— Я надену что-нибудь жёлтое. А на уши повешу белые лилии. Чем ещё я могу привлечь к себе внимание важных персон?

— Отлично, граф, — одобрил кузена Вэл. — Вообще-то ты, как и я, обыкновенный лорд, но мне приятно звать тебя графом. Тебе сегодня предстоит оттенять Руперта и Меч Удачи. Поэтому надень лучше мои фланелевые брюки, правда, они ещё не пожелтели, но может быть, потерпишь?

Род покачал головой:

— У меня свои штаны есть. Вчера купил, когда ездил в город. Так что теперь моя очередь делиться одеждой. Люси сказала, что у тебя износились рубашки. Я купил несколько штук. Она сложила их в верхний ящик шкафа у тебя в комнате.

Вэла эта новость удивила:

— Ты что же, хочешь сказать, будто мы можем позволить себе тратить на новую одежду?

Род кивнул. Рики подняла голову от стручков и сказала:

— Не прикидывайся глупеньким, Вэл. Ты же знаешь, что наши дела пошли неплохо. А когда Руперт напишет новую книгу и мы продадим нефтяной кусок болота, нам вообще не о чем станет беспокоиться. Осенью Род пойдет в колледж, а я поступлю на курсы моделирования, так что...

Она не договорила, потому что на террасу зашёл Холмс.

— Рад видеть вас, — поприветствовал его Вэл, — но вы приехали на четыре часа раньше назначенного срока. Мы ещё не успели переодеться в вечерние костюмы.

— Я вижу. Но я не в гости, а по делу. Между прочим, не знаете, где сегодня Чарити?

— Она исчезла вместе с Рупертом ещё утром, — ответила Рики. — С их стороны просто свинство исчезать в такое время. Столько нужно сделать для обеда, а они сбежали.

Вэлу почудилось раздражение, промелькнувшее сквозь добродушную улыбку Холмса:

— Дамочки в наши дни становятся такими экстравагантными, — почему-то сказал он, усаживаясь рядом с Вэлом.

— Однако, перейдём к делу.

— Какому делу? Опять нефтяные скважины? — Рики изобразила всплеск руками.

— Нет, на этот раз никаких нефтяных скважин. Я по поводу этого, — Холмс достал из кармана блокнот с рисунками Вэла. — Я показал эти работы своему знакомому издателю. Он хочет заказать десять тысяч таких рисунков. Платить он будет по пять долларов за каждый, то есть ваш гонорар составит пятьдесят тысяч долларов. Кроме того я показал блокнот режиссёру, это тот друг, о котором я говорил вам. Он пока не слишком известен, но со временем наверняка прославится. Его зовут Фенли Мосс, он делает мультфильмы. Увидев рисунки, он загорелся несколькими идеями, которые для меня слишком грандиозны.

Фен хочет знать, пробовали ли вы рисовать что-нибудь специально, ориентируясь на персонажей мультипликации.

— Нет, никогда, — Вэл отрицательно покачал головой.

— Так вот, Фен сейчас в городе. Завтра он заедет в Пиратское Логово. И я советую, Рэйлстоун, если он предложит заняться серией рисунков для его мультфильмов, немедленно принять предложение. Вам придётся взяться за каторжную работу, которой никогда не будет мало. Но — это хорошее будущее.

— Не знаю даже, как отблагодарить вас.

Но Холмс нахмурился и перебил:

— Пока не за что. И потом, это я сделал Фену одолжение, рассказав о перспективном художнике. Только не надо этого говорить ему. Вы не знаете, сколько ещё будут отсутствовать ваш брат и Чарити?

— Не знаем. Они обещали вернуться к обеду, — ответила Рики. — Если, конечно, они вспомнят про обед. На прошлой неделе Вэл вышел позвать их к ужину, так они шли в столовую из сада целых пять минут.

— Не пять! — поправил Вэл. — А все десять.

Холмс поднялся:

— Тогда позвольте откланяться. Когда у вас начинается приём гостей?

— В три тридцать. На самом деле это означает четыре часа.

— К сожалению, в это время я буду занят в другом месте, — покачал головой Холмс. — Но всё равно спасибо за приглашение. И желаю приятно провести время.

Он сел в машину и уехал. Вэл помахал вслед Холмсу блокнотом.

— Интересно, почему он вдруг сорвался и укатил? — размышлял Вэл. — Словно его кто-то прогнал отсюда.

— Он разозлился, потому что мисс Чарити уехала с Рупертом, — ответил Род. — Но ты уже давно рисуешь, Вэл. Пора передохнуть. Дай-ка мне свою рисовальную доску.

— Так точно, дедушка! — поддразнила Вэла сестра.

Рики прихлопнула севшую на плечо муху.

— Всё жарче и жарче, — пожаловалась девушка. Она достала платочек и отёрла лицо. И вдруг изумлённо уставилась на платочек, словно увидела его впервые или вытерла не пот, а нефть.

— Что с тобой? На платке отпечатки не твоего лица? — поинтересовался Вэл.

— Нет, но я вспомнила, что в этом платке — начало наших загадок.

— Да ну? Так что это за платок?

— Тот самый, что мы нашли тогда в Длинном Зале. Знаешь, кому он принадлежит, Вэл?

Род засопел и протянул руку за платком:

— Это мой платок. Чарити подарила мне дюжину платков с монограммами на прошлое Рождество.

— А ты обронил платок в Длинном Зале, — засмеялась Рики. — Вот с этого и начались загадки.

Вэл завидел подъезжающий автомобиль и провозгласил:

— Ну вот, все в сборе.

Рики немедленно напустилась на прибывших:

— Вернулись? Наконец-то! Руперт, Чарити, неужели вам так нужно было пропадать весь день? Хотела бы я знать, чем это вы там занимались вдвоём?

— Тебе и вправду хочется это узнать? — спросил Руперт.

Рики уставилась на него, затем перевела непонимающий взгляд на Чарити. Какие у неё пунцовые щеки, подумала Рики, наверное, от жары. Чарити Биглоу из Бостона была красна как маков цвет.

И вдруг Рики всё поняла.

— Род, Вэл! — вскричала она. — Где ваши правила хорошего тона? Разве вы не видите, что Руперт привёл в дом свою маркизу?

И Рики изобразила изящный книксен в сторону Чарити, которая покраснела ещё сильнее.

Вэл склонился к руке Чарити и, поглядев в глаза новой хозяйке Пиратского Логова, объявил:

— Это и есть самая большая Удача Рэйлстоунов.

Содержание

ЖЕЛЕЗНЫЕ БАБОЧКИ 3

Перевод Д. Арсеньева

УДАЧА РЭЙЛСТОУНОВ 253

Перевод В. Щербаковой

Андрэ Нортон
Железные бабочки

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов Ильгар

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипко К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

ЛР № 061867 от 03.12.92
Сдано в набор 01.07.94 г. Подписано в печать 16.12.94 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская.
Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 24,7.
Физ. п. л. 14. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2725.

Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

